1ф
П38

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
IX

1945 РФ 87,3 П-38

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
под общей редакцией Д. РЯЗАНОВА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ЧИТ. ЗАЛ

ТОМ IX

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА
ИЗДАНИЕ 2-е
(11—25 тыс.)

Центр Гор Библиотека им Н. А. Островского г. Комсомольск

ЕРЕНО-69

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Перепечатывая в этом томе большую работу Плеханова-Волгина, направленную специально против В. В. (В. П. Воронцова), одного из главных теоретиков правоверного народничества, я присоединил к ней ряд статей, написанных в середине девяностых годов и тоже посвященных главным образом *критике народничества*, как легального, так и революционного.

«Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)» вышло в свет через год после книги Бельтова, направленной против Михайловского. Но если последняя давала нечто совершенно новое в сравнении даже с нелегальными произведениями Плеханова, то первая представляла повторение мыслей, высказанных в «Наших разногласиях» по вопросу о «судьбах капитализма в России». Разница заключается только в том, что Плеханов теперь окончательно отказывается от своего старого взгляда на историческое развитие русской общины. Кроме того, фактический материал был в значительной степени освежен новыми данными.

Как мне сообщил А. Потресов, книга против В. В. написана была по его предложению, которое он сделал Плеханову летом 1895 г., в течение второй половины того же года. Материалы для работы А. Потресов присылал ему из Петербурга. Отсюда—слухи, циркулировавшие в партийных кругах, что А. Потресов принимал непосредственное участие в этой работе Плеханова. Книга была отпечатана и вышла в свет в начале февраля 1898 года. Первые экземпляры ее распространялись на студенческой вечеринке 8 февраля, на которой впервые в Петербурге произошла—перед лицом студенчества—дискуссия между марксистами и народниками (В. Г. Яроцким и Л. Е. Оболенским) *).

Совместно с А. Потресовым составлен был Плехановым помещенный нами в приложении доклад русских социал-демократов на международный социалистический конгресс в Лондоне (июль—август 1896 г.). Сводка провинциальных материалов и небольшое предисловие написаны Плехановым, отчет о петербургском рабочем движении

*) Сообщение А. Потресова.

и описание майской забастовки ткачей принадлежат А. Потресову. Напечатанный в докладе, как приложение, меморандум об аграрном вопросе написан был Петром Струве.

Статья «О социальной демократии в России» представляет собой письмо к польским издателям «Истории революционных движений в России» А. Туна. Писанное в мае 1893 г., оно на русском языке появилось впервые в 1903 г., как приложение к изданному «Лигой Русской Революционной Социал-демократии» переводу Туна. С этой статьей тесно связаны по содержанию предисловие Плеханова к русскому переводу статей Энгельса о Ткачеве (Женева, 1894) и вступительная статья к непериодическому сборнику «Работник» (Женева, 1896 г.).

Статья «Россия перед сменой режима» написана для «Neue Zeit» (Band XIII, 1894—1895) и в русском переводе печатается впервые.

Брошюра «Новый поход против русской социал-демократии» вышла в Женеве в 1897 г. Она вызвана была статьей «Старого Народовольца», которая была напечатана в «Материалах для истории русского социально-революционного движения», издании, являвшемся тогда главным органом остатков старых народовольческих групп. Под псевдонимом «Старый Народоволец» скрывался один из лучших представителей «Народной Воли» на юге России в середине 80-х годов, Ефим Григорьевич Левит, проведший много лет в тюрьме и ссылке. В конце девяностых годов он принял деятельнейшее участие в организации новой партии социалистов-революционеров, но уже ко времени революции 1905 г. пришел к заключению, что заветы «Народной Воли» могут быть выполнены только партией пролетариата, и перешел в ряды большевиков. Надорвав свое здоровье во время нового заключения в Петропавловской крепости, он, в последние годы своей жизни, мог заниматься только литературным трудом. Умер сорока пяти лет в Гейдельберге в 1911 г.

В приложении мы даем также написанный Плехановым доклад на Брюссельский Международный конгресс 1891 г. (Rapport, presenté par la rédaction de la revue «Le Democrate Socialiste» au Congrès international ouvrier socialiste à Bruxelles, au moisdaoût 1891). Он нашелся в библиотеке Л. Каменева, и мы можем теперь восполнить пробел, допущенный в четвертом томе.

Д. Рязанов.

Июль 1923 г.

ПРОТИВ НАРОДНИЧЕСТВА

О социальной демократии в России

(Письмо к польским издателям «Истории революционных движений в России» А. Туна)

Товарищи!

Вы сделали мне лестное предложение изложить в особой дополнительной главе к книге Туна взгляды и стремления русских социал-демократов. Я очень рад сделать это, так как считаю, что нам давно уже пора объясниться с нашими братьями, польскими социалистами.

Но мы не представляем собою революционной секты с программой, выросшей из какого-нибудь особого утопического принципа. Наши нынешние взгляды и стремления представляют собою органический продукт истории русского революционного движения. Вот почему я должен в своем очерке отвести значительное место оценке этой истории.

Впрочем не пугайтесь: мои исторические воспоминания не пойдут дальше семидесятых годов, к которым приурочивается массовое революционное движение так называемой у нас интеллигенции.

В начале этого замечательного десятилетия в нашей революционной среде преобладали два направления: одно из них связывается с именем *П. Л. Лаврова*, другое с именем покойного *М. А. Бакунина*. Судьба этих двух направлений была далеко не одинакова.

П. Л. Лавров несомненно достоин всякого уважения, как человек, связавший с революционным делом все свои симпатии и антипатии, посвятивший ему все свои обширные, разносторонние знания. Но он был и навсегда останется *эклектиком*. В его миросозерцании всегда уживались самые разнородные, даже прямо противоречивые элементы. Это замечала и не раз указывала еще редакция «*Современника*». Чернышевский зло подсмеивался над философскими произведениями Петра Лавровича; Антонович подвергал их резкой кри-

тике. До конца шестидесятых годов никому и в голову не приходило видеть в энциклопедически образованном полковнике действительного или хотя бы только возможного вождя «молодого поколения». Появление «*Исторических Писем*» значительно изменило дело. Они имели почти такой же успех, как самые значительные сочинения автора «*Что делать?*». П. Л. Лавров приобрел огромную популярность. Наша передовая молодежь с удовольствием, не чуждым удивления, увидела в нем *революционера*. И когда, по прошествии нескольких лет, он, бежав из ссылки за границу, приступил к изданию периодического издания «*Вперед!*», у него между молодыми революционерами было не мало верных друзей и горячих последователей.

В литературном отношении «*Исторические Письма*» совершенно чужды крупных достоинств. Даже более; очень заметные в них усилия автора отделаться от свойственной ему сухости, тяжеловесности и неуклюжести изложения производят тяжелое впечатление чего-то совершенно неестественного: точно слон старается протанцовать на канате. Что же касается *содержания*, то я уже сказал, что П. Л. Лавров—эклектик. В его исторических взглядах, как в земной коре при вертикальном ее разрезе, замечается целый ряд постепенно образовавшихся наслоений. На них оставила свой неизгладимый след каждая из сколько-нибудь значительных философских школ, сменявших одна другую в процессе умственного развития западной Европы. Наиболее сильное влияние имели на них, *comte de raison*, немецкие философы до *Бруно Бауера* и *Макса Штирнера* включительно. В качестве добросовестного читателя П. Л. Лавров ознакомился со всеми сколько-нибудь выдающимися мыслителями Германии; в качестве эклектика он не согласился вполне ни с одним из них, но зато ни одного из них целиком не отвергнул. У каждого он нашел частицу истины и заботливо перенес ее в пестрое здание своих собственных взглядов. Но странное дело! В приготовленной таким образом механической смеси частиц различных систем каждая отдельная частица занимает тем *больше места*, чем *меньше ценности* имеет философия истории того мыслителя, у которого она взята. Этот закон *обратной пропорциональности* господствует в «*Исторических Письмах*» с неумолимостью закона природы. Так, например, Шеллинг и Гегель совсем стушевываются, между тем как Кант не перестает смущать автора своим учением о вещи в себе (Ding an sich), а Бруно Бауер совершенно явственным шопотом подсказывает ему свою, как любят выражаться у нас, *формулу* истории. Эта формула очень проста. У

П. Л. Лаврова она принимает такой вид: сущность исторического процесса заключается в переработке культуры критически-мыслящими личностями. У Бруно Бауера «*культура*» носила название «*Wirklichkeit*» или «*das Positive*», а «критическая мысль» называлась «*Kritischer Geist*» или «*Selbstbewusstsein*». Но это ничтожное различие в терминологии нисколько не изменяет дела.

Взгляды братьев Бауеров были реакцией против гегелевского идеализма. Как ни законна была эта реакция, она осталась крайне поверхностной и легковесной. Развитие «*самосознания*» служило братьям Бауерам ключом к объяснению всей истории. Совершенно упуская из виду, что это развитие само было неизбежным следствием причин, не зависевших от воли людей и лежавших вне области «самосознания», Бауеры становились в философии истории на точку зрения несравненно более идеалистическую, чем была точка зрения абсолютного идеалиста Гегеля, который уже прекрасно понимал и очень хорошо выяснил, что развитие человеческого самосознания имеет свои глубокие причины, от самосознания не зависящие.

Нам нет надобности рассматривать здесь, почему радикальная реакция против Гегеля явилась в Германии на первых порах в виде крайне поверхностного идеализма. Достаточно сказать, что там дело очень скоро приняло другой оборот. Уже в своей книге «Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik» Маркс и Энгельс показали полную несостоятельность Бауеровских взглядов. К концу сороковых годов основные положения нового *диалектического* материализма были в главных чертах уже выработаны и легли в «*Манифесте Коммунистической Партии*» в основу практической программы революционного пролетариата. С тех пор передовая мысль западной Европы навсегда распростилась со всеми видами и разновидностями идеализма. Этот период возникновения, разработки и пропаганды нового материалистического миросозерцания является едва ли не самой интересной в теоретическом отношении и уж несомненно самой важной по своим практическим последствиям эпохой в истории философии. Но именно этот-то период и был совершенно неизвестен П. Л. Лаврову в то время, когда он писал свои «*Исторические Письма*». Он знал все, что было до *Маркса*, но не имел никакого понятия о *Марксе*. Он усвоил, насколько это возможно для эклектического ума, «последнее слово» до-марксовской радикальной философии со всей теоретической бедностью, со всей научной бессодержательностью этого «слова», и стал строить на фундаменте, который к концу шестиде-

сятых годов представлял собою, благодаря работам Маркса и Энгельса, уже одну развалину. При этом он внес и собственную мысль в план возводимой им постройки. Так, он изобрел, не без позаимствований у Огюста Конта, быстро прославившийся у нас *субъективный метод в социологии*, который не имеет уже ровно ничего общего с научным мышлением *), возводя в систему утопический взгляд на общественную жизнь. *Субъективная* российская «*социология*» совершенно разошлась с западно-европейским *научным социализмом*. Когда П. Л. Лавров ознакомился с теориями Маркса, он вообразил, что поправил дело, почтительно признав автора «*Капитала*» своим «великим учителем». Само собою разумеется, что такое признание ровно ничего не поправляло и не могло поправить.

В настоящее время многие русские «социологи» придерживаются «субъективного» метода и стоят за него горою. Но та молодежь, которая с восторгом приветствовала появление «Исторических Писем», очень мало заботилась о социологических методах. Она увлекалась мыслью П. Л. Лаврова относительно *долга образованных классов народу*. Эта мысль давала теоретическое выражение ее практическому стремлению увлечь за собою народ в революционную борьбу с правительством.

Тун рассказывает, через какие колебания прошел автор «*Писем*» при выработке программы «*Вперед!*». Я, с своей стороны, замечу, что та программа, которая была, наконец, им принята, ни мало не противоречила точке зрения «*Исторических Писем*». Критически-мыслящие личности обязаны перерабатывать культуру. Под эту формулу, чуждую самомалейшего атома конкретности, очень хорошо может подойти, например, мирная деятельность представителей нашего

*) Задача науки, поскольку она имеет дело с *субъектом*, заключается именно в том, чтобы объяснить его посредством *объекта*. Забывать об этом значит совершать смертный грех против науки. Но этого мало. Однажды в разговоре с Эккерманом Гете заметил: «Все эпохи упадка субъективны, и, наоборот, все прогрессивные эпохи имеют объективное направление. Наше время ретроградно и потому субъективно». Не касаясь здесь вопроса о том, в какой мере это общее правило допускает исключения, мы заметим, что русская передовая общественная мысль тем более склонялась к *объективизму*, чем богаче она была *революционным содержанием;* и наоборот: она становилась тем более *субъективной*, чем беднее ее революционное содержание. Чернышевский и Добролюбов были очень далеки от субъективизма. Теперь за субъективный метод хватаются у нас так называющие себя социалисты-революционеры. Но «социалисты-революционеры»—настоящие реакционеры в русском социализме, и о них недаром сказано, что они носят двойное название единственно потому, что их социализм не революционен, а их революционность не имеет ничего общего с социализмом.

Прим. к русск. изданию

земского или городского самоуправления. Но под нее с удобством подходит и деятельность революционера. Программа «*Вперед!*» наполняла ее революционным содержанием, которое было, однако, в свою очередь, до последней крайности отвлеченно *). Перерабатывать культуру критической мыслью значило теперь заниматься пропагандой социализма. Но в представлении редактора «*Вперед!*» и его последователей эта деятельность немедленно приняла совершенно утопический характер. Западно-европейские социалисты ведут свою пропаганду, опираясь на неотвратимый ход экономического развития буржуазного общества. *В нем* видят они ручательство за удачный исход революционных усилий. П. Л. Лавров был как нельзя более далек от такого взгляда. С его «*субъективной*» точки зрения за успех социалистов ручались отвлеченное превосходство их «*идеала*» и не менее отвлеченная *справедливость* их требований. Действительное положение трудящейся массы принималось им в соображение лишь с одной стороны: со стороны ее бедности, со стороны ее эксплоатации государством и имущими классами. Утописту кажется совершенно ясным, что чем более страдает народная масса, тем более она должна обнаруживать склонности к усвоению социализма. Он и не подозревает, что способы производства продуктов и их обмена, существующие в данной стране в данное время, имеют решающее значение для

*) В доказательство приведем чрезвычайно характерный отрывок из передовой статьи № 34 «*Вперед!*». П. Л. Лавров описывает, как представляется ему будущий ход революционного движения в России. «Допустим»,—говорит он,—что 100 убежденных личностей из молодежи образуют первый кадр социально-революционного союза; что каждый год из этой молодежи приступают к нему новые лица в том же числе, при чем лишь половина из поступивших оказывается годна для действия в народе. Допустим, как выше, что из действующих в народе в конце каждых двух лет остается целой лишь одна четверть, а число лиц, не участвующих в пропаганде, остается неизменно 50 человек. Допустим, что каждый пропагандист из интеллигенции приобретет в 2 года четырех товарищей из народа, а каждый пропагандист из народа в тот же период—втрое более. Допустим, наконец, что одна четверть членов союза из народа гибнет в продолжение 2-х лет. При этих предположениях сделаем расчет, как велик оказался бы состав социально-революционного союза при *разумной* и *целесообразной* деятельности его членов после 2, 4 и 6 лет.

Мы получим следующие цифры:

Из интеллигенции	Вначале.	Через 2 года.	Через 4 года.	Через 6 лет.
Вступающих	100	100	100	100
Непропагандистов	50	50	50	50
Пропагандистов	50	50	50	50
Осталось пропагандистов	—	12	15	16
Всего пропагандистов	50	62	65	66
Всего	100	112	115	116

ее дальнейшего социального развития. «*Вперед!*» не шел дальше весьма неопределенного утопического социализма, и вот почему он, беспрестанно крича о нищете и о вырождении русского народа, не считал нужным взяться за серьезное изучение *экономии России.*

Народная нищета должна была, конечно, иметь в глазах главного редактора этого журнала и свою оборотную сторону: *задавленность* трудящейся массы, ее *невежество.* Но этому горю обязана была пособить «*критическая мысль*» революционеров. Чем меньше знаний у народа, тем больше нужно их пропагандистам. «*Вперед!*» требовал от этих последних чуть ли не энциклопедического образования. Образование, без всякого сомнения, есть великая вещь. Это прекрасно понимает западный пролетариат. «Знание есть сила; сила есть знание»,—охотно повторял Либкнехт. Но вожаки западного

Из народа.	Вначале.	Через 2 года.	Через 4 года.	Через 6 лет.
Привлеченных интеллигенцией . . .	—	200	248	260
Привл. народн. пропаг.	—	—	2.400	33.576
Осталось	—	—	150	2.098
Всего . . .	—	200	2.798	35.934
Численность социально-революционного союза:	100	312	2.913	36.050

«Я припомню, что при надлежащей организации и при разумном действии потеря не должна быть столь значительною, как здесь предположено (она и не была такова при деятельности, далеко не удовлетворявшей этим условиям), но допущу, что пропаганда даст, почему бы то ни было, *втрое* менее выгодные результаты, так что после 6 лет социально-революционный союз будет состоять лишь из 10.000 человек, которые усвоили простые начала: *отрицания монопольной собственности, обязательности всеобщего труда для всеобщего развития и обязательности всеобщей солидарности рабочих-социалистов* в их свободной группировке, т.-е. из 10.000 таких, которые способны подчинить всю свою деятельность при подготовлении революции и после ее совершения этим трем началам. Прибавим, что около этих 10.000 *понимающих* находится несравненно обширнейшее число *сочувствующих практическим требованиям* социальной революции, т.-е. насильственному устранению чиновничества и собственников с передачею всей власти и всего имущества в руки народа, хотя при этом понятия о солидарности всех рабочих, о необходимости всеобщего труда и устранения всякой отдельной собственности, наконец, о свободной группировке личностей были бы далеко не ясны этим многочисленным приверженцам социальной революции. Если мы представим себе после небольшого периода 6 лет 10.000 сознательных руководителей народного движения, которые сгруппированы в пяти территориях, наиболее восприимчивых для пропаганды, примерно по 2.000 в каждой, и окружены *несравненно большим* числом лиц, готовых каждую минуту итти за ними, чтобы свалить представителей власти и капитала,—то перед нами такая почтенная *революционная армия,* которая в определенную минуту может действительно совершить историческое дело».

Прим. к русск. изданию.

пролетариата пользуются своими знаниями для определения объективного хода общественного развития и для выяснения его смысла массе. Знания помогают западным социалистам ориентироваться в этом ходе, находить материальные, экономические условия, ведущие к социальной революции. П. Л. Лавров отводил знаниям совсем другую роль. Запас знаний, имеющийся в распоряжении данного пропагандиста, представлялся ему лишь в виде известного количества *доводов против нынешнего порядка вещей и в пользу социалистического общественного устройства*. Когда наша революционная молодежь восстала против лавровской проповеди знания, она была вовсе не так неправа, как это кажется, например, Туну. П. Л. Лавров обвинял ее тогда в невежестве, почти в вандализме. Но невежество ее сказалось только в том, что она,—инстинктивно сознавая, что вопрос поставлен Лавровым неправильно,—не умела определить, в чем же заключается правильная его постановка.

Вся дальнейшая история мира сводилась для социалистов-утопистов, по выраженню «*Манифеста Коммунистической Партии*», к распространению их нового евангелия. К тому же сводилась вся дальнейшая история России в глазах наших лавристов. В их утопическом поле зрения не было места для вопросов *политической борьбы*. *Политическая борьба* казалась им вредной для интересов *социализма*: «*Вперед!*» твердо держался утопического противопоставления «*социализма*» «*политике*». А так как его сторонники к тому же были против всякого рода *агитационной* деятельности, которая представлялась им вредным отвлечением сил от единоспасающей *пропаганды* «социализма», то скоро они сделались *революционерами только по имени*. Они составили из себя довольно высокомерную общину сектантов, упорно и монотонно осуждавших все то, что заставляло сильнее биться сердце тогдашнего «*радикала*»: студенческие волнения, рабочие стачки, манифестации сочувствия политическим «преступникам», массовые протесты против безобразий администрации и т. п., и т. п. Это очень раздражило тогдашнюю революционную молодежь; популярность автора «*Исторических Писем*» быстро падала. Одна из политических карикатур того времени изображала его едущим верхом на раке и держащим в руке знамя с надписью: «*Вперед!*», которая била в глаза, как едкая ирония. «Лавризм» с каждым годом, с каждым месяцем терял свое влияние. Некоторые из его приверженцев постепенно превратились в мирных носителей российского прогресса, другие, более активные, сбрасывали с себя давив-

шее их иго «критического» доктринерства и переходили в другие фракции.

В *половине семидесятых годов* влияние *бакунизма* было у нас уже несравненно сильнее влияния журнала «*Вперед!*». Нам нет здесь дела до того, какую роль играл Бакунин на Западе, и какой вид приняло там его учение. Что касается России, то бакунизм скоро сделался у нас чем-то в роде *анархического славянофильства*. Давно уже было сказано, что habent sua fata libelli. Общественно-политические теории тоже имеют свою судьбу, подчас очень странную. Сочувствие к социально - революционным движениям Запада зародилось и окрепло у нас в *западническом* лагере. Славянофилы видели в них лишь признак «*гниения*» старой Европы. Они всегда с большим удовольствием противопоставляли им то «*смирение*» и ту «*преданность престолу*», которые, по их мнению, составляли отличительную черту русского «*народного духа*». Вот почему в устах всякого революционно или хотя бы только оппозиционно настроенного русского название *славянофил* скоро сделалось обидным, почти бранным названием. Но с другой стороны, чем ближе подвигаемся мы к семидесятым годам, времени расцвета нашего революционного движения, тем заметнее становится влияние славянофильства на развитие наших революционных идей. Эта кажущаяся странность об'ясняется очень просто.

Европеизация Московской Руси началась *сверху*, волею первого русского императора, так как необходимость ея сказалась прежде и сильнее всего в области государственной самозащиты и государственного управления. Долгое время она не переходила за границы этой области. Весь «народ», вся огромная масса русского крестьянства и большая часть так называемого у нас купеческого сословия продолжали жить так, как жили они в доброе старое время. По отношению к непривилегированному сословию петровская реформа повела за собою прежде всего страшный рост государственных податей и повинностей, грозивших окончательно задавить его под своим бременем. Крестьянин протестовал, как мог и как умел, вооружаясь иногда вилами и топором, иногда осьмиконечным крестом и старопечатной раскольничьей книгой. Но и в том, и в другом случае его протест ни по форме, ни по содержанию не мог быть привлекателен для русского *западника* чистой воды. Наши западники сороковых годов XIX века, глубоко и горячо сочувствуя страданиям угнетенного и обездоленного народа, не

видели в нем никаких задатков самостоятельного прогрессивного движения. Удачный исход крестьянского восстания, вроде того, которое совершилось в XVIII столетии под предводительством Пугачева, равносилен был бы в их глазах гибели всего, насажденного в России Петром Первым. Прибавьте к этому, что, по мере усовершенствования государственной организации, крестьянские бунты становились все разрозненнее и безнадежнее, и вы поймете, почему, например, у *Белинского*, при всей ненависти его к современной ему *«действительности»*, ни на минуту не возникала надежда на то, что народ сумеет освободить и просветить себя своими собственными усилиями *). Совсем незадолго до появления его знаменитого, полного революционного жара, письма к Гоголю, наш гениальный критик, страстно сочувствовавший тогда западному социализму, с убеждением говорит в одной из своих статей, что все прогрессивное может итти у нас *только сверху*. Это было очень последовательно, но зато как это было безнадежно! Ведь Белинский высказывал это убеждение в царствование Николая I—тупого, фанатичного врага всякого поступательного движения!

Начало царствования Александра II, этого Манилова на престоле, как будто подтверждало западнический вывод относительно прогрессивной исторической роли русской правительственной власти. Сам Чернышевский, повидимому, многого ожидал от правильного понимания царизмом своих «интересов». Но уже к концу 50-х годов обнаружилась несостоятельность подобных ожиданий, и тем из сторонников «прогресса», которые не могли и не хотели сидеть сложа

*) Этот взгляд на народ получил чрезвычайно яркое выражение в стихотворном «отрывке» Н. А. Некрасова, относящемся к 1858 году:

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.
Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи
Без понятий о праве, о Боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

Прим. к русск. изданию.

руки, оставалось рассчитывать только на революцию. Но для революции нужны силы. Где могли и где должны были искать их тогдашние русские революционеры?

При том взгляде на народ, который господствовал в кружках наших западников 40-х годов, всякие расчеты на него, как на революционную силу, являлись нелепой фантазией. Но в шестидесятых годах взгляд этот должен был значительно поколебаться уже в силу того простого обстоятельства, что уничтожение крепостного права вызвало в крестьянстве значительное возбуждение. Широкое, повсеместное восстание бывших крепостных, неудовлетворенных в своих ожиданиях «настоящей воли», одинаково казалось теперь возможным как правительству, так и революционному «молодому поколению», т.-е. тому общественному слою, который впоследствии скромно назвал себя «интеллигенцией». Что же касалось окончательного результата удачного всенародного восстания, то «молодое поколение», вследствие зародившейся в нем жажды революционной борьбы, должно было рисовать его в своей фантазии совсем не так, как рисовался он в воображении западников. Трудно ли поверить в благие последствия революции тому, у кого все надежды сводятся именно к революции? К услугам революционной молодежи как нельзя более кстати явилась та идеализация старых, веками завещанных нам форм народного быта, которая играла такую видную роль в произведениях славянофилов. Западники ровно ничего не ожидали от народной самодеятельности; славянофилы говорили, что в народе кроются богатые задатки самостоятельного «*гармоничного*» развития *). Революционная молодежь конца 60-х и начала 70-х годов вполне согласилась в этом случае со славянофилами, приняв как догмат, что «гармоническое развитие» пойдет в сторону социализма, и дополнив веру в «самобытные задатки» этого развития верой в прогрессивное воздействие революционной интеллигенции. Таким образом старый спор был, казалось, окончен, роковой вопрос решен: и «*сверху*», со стороны «интеллигенции», и «*снизу*», со стороны народа, ничего не предвиделось, кроме «*прогресса*», и мы чрезвычайно быстро пошли

*) Ю. Самарин, указывая на то, что западный мир выставляет теперь (т.-е. в сороковых годах) «требование общины» (т.-е. социализма), прибавлял, что это требование «совпадает с нашей субстанцией» и что «в оправдание формулы мы приносим быт". В этом он видел точку соприкосновения нашей истории с западной (см. *Пыпина*: «Характеристика литературных мнений», стр. 298). В этом взгляде Самарина заключается an sich почти все русское народничество.

Прим. к русск. изданию

по пути... *славянофильской переделки западно-европейского утопического социализма*. Восторженно чтя память Белинского, мы усвоили себе тот самый взгляд на общественную жизнь, который так часто будил его полемическую страсть и который казался ему *верхом непоследовательности, торжеством обскурантизма*.

Чернышевский сблизился со славянофильской школой в своем взгляде на общину; *Щапов* пошел в этом направлении несравненно дальше Чернышевского; а *Бакунин* был убежден, что в русском народе находятся налицо, в самых широких размерах, те «элементы», которые являются необходимыми условиями социальной революции. Победить своих врагов народу мешает недостаток сплоченности и организации, а не отсутствие «общего идеала», который «был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель». Такой общий идеал, по мнению Бакунина, существует, «и нет даже необходимости далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты». Важнейшей чертой народного идеала оказывается «убеждение в том, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом, оплодотворяющему ее своим трудом»; вторая черта—приверженность к общинному землевладению; третья, «одинаковой важности с двумя предыдущими, это квази-абсолютная автономия, общинное самоуправление и, вследствие того, решительно враждебное отношение к государству» *).

«Углубляясь в историческое сознание нашего народа», славянофилы находили, что народный идеал был в значительной степени осуществлен в нашем старом, до-петровском *государстве*. Щапов и Бакунин видели в государстве *отрицание* народного идеала, *посягательство на самоуправление общин* и на свободную федерацию этих общин *«снизу вверх»*. Таким образом центр тяжести идеализации «исторического сознания нашего народа» частью переносился в древнейший, до-московский период, частью приурочивался к народным протестам против непрерывного роста податей и повинностей, шедшего рука об руку с развитием и упрочением государства **). Русские народники, ближайшие потомки русских бакунистов, казались И. С. Аксакову непоследовательными, сбившимися с прямого пути славяно-

*) «Государственность и анархия», примечание А, стр. 7—10.

**) И. С. Аксаков третировал Разина и Пугачева, как *разбойников;* М. А. Бакунин считал разбойников *инстинктивными революционерами*.

Прим. к русск. изд.

филами. С своей стороны народники могли упрекнуть славянофилов в том, что они, «углубляясь в историческое сознание нашего народа», останавливались на пол-дороге и идеализировали такие черты общественных отношений Московской Руси, в которых сам народ не видел ровно ничего идеального.

Как бы там ни было, указывая на отсутствие сплоченности и организации в народе, Бакунин тем самым определял задачу революционной интеллигенции: объединить народные протесты, придать им стройный, организованный вид. Эту задачу и старались всеми силами разрешить все наши революционеры половины семидесятых годов, находившиеся под влиянием бакунинских воззрений.

Бакунизм, это тоже доктринерство, тем более крайнее и упрямое в своих выводах, чем глубже презирал доктринеров его основатель. Ни одно из положений Бакунина не могло бы выдержать самого легкого прикосновения научной критики. Но в бакунизме была одна сильная сторона, спасшая его сторонников от застоя. Этой сильной стороной являлось *пристрастие* к «*агитации*», к «*бунтам*». Какими нелепыми доводами защищали «бунты» некоторые из русских бакунистов, могла бы показать ходившая в конце семидесятых годов из кружка в кружок рукописная брошюра покойного Каблица: «*Мысли революционера*». Основное положение ее заключалось в том, что так как *ум* всегда повинуется *чувству*, а чувство воспитывается *упражнением*; так как кроме того *бунты* воспитывают в народе *чувство протеста*, то они гораздо скорее, чем *пропаганда*, подготовят его к социальной революции. *Народники* (общество «*Земля и Воля*») подсмеивались над этой брошюрой, автор которой никогда не считался дельным революционером. Но это не мешало им видеть в бунтах лучшее воспитательное средство для народной массы. Они сами бредили «агитацией», они сами всюду искали «бунтов», а именно это обстоятельство рано или поздно должно было эмансипировать их от *бакунизма*.

«Несмотря на недостаток в нем сплоченности и организации, наш народ беспрерывно протестовал против гнета государства и высших сословий. Он и до сих пор с ним не помирился. И до сих пор то здесь, то там постоянно волнуются крестьяне. Мы должны пользоваться этими волнениями, мы должны расширять и организовать их». Так говорили бунтари-народники, и уже с конца 1876 г. общество «*Земля и Воля*», в программу которого вошли все основные положения бакунизма, стало заводить прочные «*поселения в народе*»,

постепенно распространившиеся по всему среднему и нижнему Поволжью, на Дону, в Воронежской и Тамбовской губерниях. Дело шло, пожалуй, очень недурно; поселенцы нередко становились влиятельными людьми в деревне. Но от этого мало выигрывало «*святое дело бунта*», как выражался Бакунин. *Идя «в народ»*, бунтарь помнил преимущественно то, что в России ежегодно происходит немало столкновений крестьян с помещиками и администрацией. Это была, так сказать, *качественная* сторона дела, повидимому ручавшаяся за «бунтарское» настроение народной массы. Но, *поселившись* в деревне, он под влиянием опыта, а отчасти, пожалуй, и скуки, переходил к *количественной* стороне того же дела. У него возникал такой вопрос: сколько лет мне придется ждать бунта в моей деревне, принимая во внимание, что несколько десятков крестьянских волнений ежегодно приходится на несколько сот тысяч деревень? В ответ получалась довольно таки большая цифра, погружавшая «бунтаря» в крайне грустные размышления. К этому присоединялось еще и вот что.

«Бунтарь» шел в народ с тем, чтобы поднимать его против *всякого вообще государства* во имя свободной федерации свободных общин. Но на деле выходило, что *агитация*, поскольку она возможна была в деревне, сводилась к протесту против *нынешнего полицейско-сословного государства*. Проклинавший «*политику*» бунтарь на деле оказывался прежде всего *политическим агитатором*, хотя в деревне «народные идеалы» ставили даже и для такой агитации очень тесные пределы: в большинстве случаев крестьяне упорно связывали с *верой в царя* все свои надежды на лучшее будущее *).

Но в деревне жизнь текла медленно; в городе впечатления сменялись несравненно быстрее. С тогдашней бунтарско-народнической точки зрения роль *города* в предстоящей революции была совершенно ничтожна. Бунтовать надо было *народ*, а народ, настоящий, неиспорченный цивилизацией народ можно было найти только в деревне. Но жившим в деревнях «бунтарям» нужны были паспорта, деньги, адреса, связи, новые, свежие революционные силы. Поэтому многие из их товарищей оставались в городах, где только и можно было найти средства для удовлетворения всех этих многоразличных потребностей.

*) Потому-то так называемое *чигиринское дело* и осталось самым крупным проявлением революционной работы народников в крестьянской среде.

Прим. к русск. изд.

Занятые преимущественно делами *организации* оставшиеся в городах «бунтари» и там не упускали, однако, случаев предаться *святому делу бунта*. А в городах, особенно в Петербурге, таких случаев было тогда немало. Уже одни политические процессы давали прекрасные поводы для агитации. К этому надо прибавить довольно крупные стачки рабочих, довольно громкие студенческие «беспорядки»... Начиная с весны 1876 г. в Петербурге происходит ряд демонстраций, которые доходят до своего апогея весною 1878 г., во время *процесса В. И. Засулич*. Страсти все более и более разгораются; борьба становится все более и более ожесточенной. И здесь особенно заметно, что борьба ведется не с *государством* вообще, а с *полицейским* государством. *Лавристы* не переставали кричать, что бунтари, забыв о *социализме*, борются лишь за *политическую свободу*. «Бунтари» и сами чувствовали, что их *агитационная деятельность* плохо вяжется с их *«социализмом»*, но верный революционный инстинкт неудержимо толкал их вперед, и они, очень слабо и неудачно защищая свою агитацию *в теории*, очень ловко и настойчиво занимались ею *на практике*.

Борьба велась главным образом силами *«интеллигенции»*. Рабочее население столицы только еще начинало тогда входить во вкус *«неповиновения власти»*, и как ни быстро прогрессировало оно в этом направлении, оно еще не оказывало *массовой* поддержки революционерам. Так называемое общество, втайне сочувствуя революционерам, ясно видело, что сила еще не на их стороне, и потому не вмешивалось в открытые столкновения их с правительством. Таким образом в случаях подобных столкновений революционная интеллигенция была почти целиком предоставлена своим собственным силам. Этих сил было слишком мало *не только для победы*, но даже для сколько-нибудь *серьезного сопротивления в открытом бою*. Но во второй половине семидесятых годов борьба разгорелась уже так сильно, что необходимо должна была дойти до своего логического конца. Следовательно, надо было найти для нее *новые приемы*. Эти приемы даны были в *терроре*, который уже практиковался тогда под названием *дезорганизации правительства*. Террор позволял наносить правительству сильные удары, несмотря на очевидное, страшное превосходство его сил над силами революционеров. Этого было достаточно для того, чтобы привлечь к нему все симпатии революционеров. «Бунтарская» деятельность в народе незаметно отошла на второй план, жившие в деревнях «бунтари» с отчаянием увидели, что

приток к ним новых сил совершенно прекращается. Они, восхищавшиеся прежде каждым удачным террористическим действием своих городских товарищей, *стали решительно и страстно отрицать террор*. Обыкновенно история этих разногласий изображается в том виде, что народники старого направления стояли за какую-то мирную деятельность, а террористы стремились к революции. В действительности спор шел о том, продолжать ли *революционные,—«бунтарские»*,—попытки в народе, или, *махнув рукой на народ*, ограничить революционное дело *единоборством интеллигенции с правительством*. Спор этот должен был решиться на Воронежском съезде летом 1879 года.

Мы видели, что бунтарская деятельность в деревне оказалась далеко не такой легкой задачей, какой считали ее бунтари, заводя свои «поселения». Становилось ясно, что широкий крестьянский «бунт» мог быть делом разве лишь очень далекого будущего, между тем как «террор» сулил близкую победу. Весы не могли не склониться в пользу террора.

На Воронежском съезде оппозиция «деревенщиков» привела лишь к тому, что общество «*Земля и Воля*», возникшее за несколько лет перед тем с *исключительною целью* агитации в народе, согласилось *поддерживать* бунтарские «*поселения*», посвящая им *одну треть своих средств*. И все понимали тогда, что это только временная уступка со стороны «*террористов*», что их деятельность в конце концов поглотит даже и те средства, которые они согласились предоставить в распоряжение «*бунтарей*». Разрыв стал неизбежен. Но он ни мало не изменил естественного течения событий. Старое революционное народничество было осуждено на смерть самою жизнью, попытка «*чернопередельцев*» привлечь к нему новые силы окончилась полнейшей неудачей. Даже та часть революционной молодежи, которая сочувствовала программе «*Черного Передела*», не покидала городов, и скоро одно за другим исчезли все или почти все «бунтарские» «поселения в народе».

Сосредоточить все силы на «терроре» значило направить их целиком на борьбу за *ту политическую свободу*, которую предавал анафеме каждый правоверный бакунист и народник. На практике партия «*Народной Воли*» была поэтому полным отрицанием бакунизма и народничества. Но *теоретически* она была как нельзя более далека от полного разрыва с ними. Она еще твердо держалась завещанного утопическим социализмом противопоставления «*социализма*» «поли-

тике». Ее социалистическая совесть не могла оправдать ее исключительное занятие *политической* борьбою. Еще громче, чем социалистическая совесть возбужденной и увлеченной борьбою «Партии Народной Воли», роптала окружающая ее, как атмосфера, но не принадлежащая к ее организации масса революционной интеллигенции. Противоположение социализма политике становилось тормозом движения. Устранить этот тормоз помогла *теория захвата власти*. Народовольцы стали рассуждать так: если бы наша борьба привела *только* к торжеству политической свободы, то это, действительно могло бы быть вредно для народа, так как за политическим освобождением последовало бы усиленное развитие капитализма, а следовательно, и усиленное разложение старых экономических основ крестьянского быта. Но если мы, социалисты, в искренности которых нельзя сомневаться, сумеем, повалив абсолютизм, захватить власть в свои руки, то восторжествует уже не *капитализм*, а *социализм*, и народ бесконечно много выиграет от нашего успеха. Осуществление нашей социалистической программы будет для нас тем легче, что в России очень слабо развит капитализм, что в ней очень прочна община, очень крепки народные идеалы, и что вообще она *не-Запад* *). Таким образом то самое теоретическое затруднение, которое, казалось бы, должно было заставить русских революционеров подвергнуть критическому пересмотру все основы «русского», отрицавшего политику социализма, на первых порах привело лишь к укреплению и без того сильных в нем элементов *славянофильства*. Покойный Тихомиров был уже настоящим славянофилом. хотя и не анархического, как Бакунин, а якобинского толка. С появлением «Партии Народной Воли» вообще восторжествовало у нас остававшееся до тех пор чрезвычайно слабым *якобинское направление Ткачева*. Но не нужно забывать, что Ткачев совершенно разделял общие взгляды Бакунина на русскую народную жизнь, расходясь с ним лишь по вопросам о приемах революционной борьбы и о значении «государства». Поэтому якобинский дух «Партии Народной Воли» вовсе не обозначал собою полного разрыва с бакунизмом.

«*Террор*» явился у нас естественным плодом *слабости сил* революционной партии, пытавшейся, несмотря на эту слабость, нанести окончательный удар правительству. Та же самая причина обусловила

*) Для примера см. статью *Л. Тихомирова*: «Чего нам ждать от революции« во второй книжке «*Вестника Народной Воли*».

собою и неудачу террористической борьбы. После 1-го марта 1881 года «Партия Народной Воли» быстро клонится к упадку. В конце первой половины 80-х годов *организованное* революционное движение перестало существовать в России. *Его цикл был закончен.* Революционная интеллигенция обнаружила геройское самоотвержение; она совершила блестящие подвиги, но ее силы были окончательно истощены, между тем как реакция росла и крепла.

Наступившее затишье было благоприятно для русской революции, по крайней мере, в одном отношении: оно давало уцелевшим от погрома революционерам повод и время подвергнуть критическому обзору всю предыдущую историю их движения. Когда все приходилось начинать заново, ничто не могло помешать обновлению наших революционных теорий. Всякий революционер, не принесший своей «критической мысли» в жертву «великим теням», невольно спрашивал себя,—что такое собственно был тот «социализм», под знаменем которого совершалась до сих пор наша борьба? При некотором знакомстве с западно-европейской социалистической литературой легко было увидеть, что во всех своих видах и разновидностях представлял он собою самую плоскую переработку утопического социализма. А раз была обнаружена его *теоретическая* несостоятельность, нетрудно было понять, в чем заключался источник его *практической* слабости.

Как мы видели, наша «*интеллигенция*» уже с начала шестидесятых годов хорошо сознавала, что ей надо искать поддержки в «народе». В восьмидесятых годах, когда опыт так явственно подтвердил ей, что она своими собственными силами не одолеет царизма, «*народ*» должен был явиться в ее глазах еще более желанным союзником. Но прежде *интеллигенция* смотрела на «*народ*» через *славянофильскую* призму. Теперь тот же опыт,—неудача народнических революционных усилий,—заставлял подозревать, что эта призма искажает истинные образы предметов. Считавшийся оконченным спор славянофилов с западниками оживал в новом виде.

«*Народные идеалы*» (оставляя в стороне вопрос о том, насколько правильно *народническое* представление о них) ни в каком случае не могут служить показателем *будущего* общественного развития страны. «Идеалы» всякого народа возникают на реальной общественной основе. С исчезновением этой основы они продолжают еще существовать некоторое время по закону инерции, чтобы исчезнуть затем в свою очередь, уступив место новым идеалам, вырастающим на почве

новых условий. «Углубиться» в «историческое сознание» народа всегда полезно; но еще полезнее для революционной партии «углубиться» в изучение *экономии* той страны, где она действует. Да и этого мало. Не довольствуясь констатированием *существующих* отношений, она должна определить направление их *развития*, понять смысл того, *что возникает*. Сила исторической философии Маркса, которая в восьмидесятых годах была уже общепризнанной основой западно-европейского социализма и с которой, следовательно, нам прежде всего надо было справляться, заключается именно в том, что она рассматривает все общественные явления с точки зрения их развития, с точки зрения их возникновения и уничтожения. Марксизм никогда не искал в *застое* основы ни для революционных ожиданий в будущем, ни для практических революционных действий в настоящем. С точки зрения марксизма ясно было, что не экономический застой, охраняющий старые формы жизни, а экономическое *движение*, расшатывающее историческую основу царизма, подготовит у нас торжество революционной партии. В применении к «народу» это означало, что решающая прогрессивная роль в дальнейшем развитии России будет принадлежать не тем слоям ее населения, которые живут при старых, постепенно исчезающих условиях, а тем, которые возникают, растут и усиливаются вследствие современного нам экономического развития. Естественным, ближайшим союзником революционеров оказывался поэтому не ветхозаветный *крестьянин*, а современный *пролетарий*. Не сразу освоился с этим выводом «русский социалист», которому двадцатилетняя привычка мешала видеть в пролетариате что-либо, кроме пассивного продукта исторической «буржуазной цивилизации». Та же привычка заставляла его преувеличивать экономическую самобытность России. Даже перестав видеть в нашей экономической отсталости надежнейший залог своего успеха, он все-таки не без труда мог освоиться с тою мыслью, что история без его ведома и вопреки как его собственным, так и «народным идеалам» уже создала новую революционную силу. Но факты говорили сами за себя. Все исследователи русской жизни сходились между собою в том, что внутреннее разложение общины идет вперед с постоянно возрастающим ускорением, что в завещанном нам историей крестьянском *сословии* быстро образуются два новых класса: буржуазия и пролетариат; что капитализм торжествует по всей линии. Правда, почти каждый исследователь был при этом убежден, что дело можно еще поправить, и предлагал свою утопию с более или менее ясно

выраженным гомеопатическим характером. Но мы уже знали цену утопиям.

Неожиданный для нас самих вывод относительно революционного значения русского пролетариата как нельзя более подтверждался *историей нашего движения*. «Бунтари»-народники никогда не задавались, да и не могли задаваться целью систематического воздействия на промышленный пролетариат; единственное, что они могли сказать ему, сводилось к очень мало утешительному и вовсе не поучительному выводу: ты—испорченное цивилизацией дитя русского народа; и лучше было бы, если бы тебя совсем не существовало. Само собою понятно, что столь печальный вывод никак не мог содействовать политическому развитию русского рабочего класса. Но—такова сила вещей!—его сознание *все-таки развивалось*. Рабочая *масса* уже в половине 70-х годов приходила к тому убеждению, что студенты (так называл да, вероятно, и теперь называет народ революционеров), борясь с правительством, отстаивают самые насущные народные интересы. А что касается *передовых представителей* этой массы, то они в лице «*Северно-Русского Рабочего Союза*» *раньше интеллигенции* поняли нелепость противоположения политики социализму*).

Обезнародьте народ, рассуждал в 60-х годах славянофил И. С. Аксаков, и наши теории окажутся лишенными всякой реальной основы; у нас явится почва для революционных движений, подобных западно-европейским. И. С. Аксаков прав, хотя в качестве русского «интеллигента» 40-х годов он был лишен всякого экономического образования, а поэтому даже и не подозревал, *откуда* может взяться влияние, способное «*обезнародить народ*», идеализованный славянофилами.

Русское правительство вынуждено было продолжать начатый Петром процесс европеизации, хотя само оно, конечно, ни мало не думало при этом о прогрессивном воздействии на русский народ. Оно повиновалось всемогущей исторической необходимости, но мало-помалу европеизация коснулась самых глубоких оснований русской народной жизни, перестроила всю экономику России, и необходимым следствием этого явилось враждебное правительству освободительное *течение снизу*. Старый спор славянофилов с западниками, начавшийся на философской почве, решался политической экономией.

*) См. об этом в моей брошюре: «Русский рабочий в революционном движении».

Раз обращено было революционерами внимание на это решение, восстановлялась логическая нить развития русской революционной мысли, порванная проникновением в России теорий утопического социализма. Еще Белинский с восторгом приветствовал появление «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» Маркса и Руге. А теперь мы, русские социал-демократы, считаем распространение в России взглядов Маркса важнейшей задачей нашей пропаганды.

Итак, наша новая точка зрения делала решительно невозможным для нас страх перед успехами русского *капитализма*, совершенно немыслимым сомнение относительно пользы *политической свободы*. Противопоставление социализма «политике», очень вредное на практике, оказывалось нелепым и в теории, так как *всякая классовая борьба есть борьба политическая*. Народовольческая фикция захвата власти социалистами-заговорщиками становилась излишней, потому что само собою падало то затруднение, ввиду которого она была придумана. Она уступала место сознанию необходимости воспитывать пролетариат для его будущего *господства*. Наконец, изменялся взгляд и на террор. Когда борьба велась силами одной интеллигенции, он сделался безусловно неизбежным, как только борьба достигла значительной степени напряженности. Но когда расширится русло русского революционного движения, он приобретет условное, относительное значение приема, который может быть полезен, а может быть и вреден, смотря по положению дел партии в данное время.

Взгляды русских социал-демократов на первых порах вызвали против себя целую бурю. Но постепенно волнение улеглось, и теперь после десятилетней литературной деятельности мы можем сказать, что в теоретическом отношении наша цель почти достигнута: возврат к старым революционным теориям теперь уже совершенно невозможен, и каждая, даже самая враждебная нам группа русских революционеров на три четверти усвоила себе наши идеи. Если многие до сих пор еще *не совсем* соглашаются с нами, то это происходит потому, что, к сожалению, многие еще *не вполне нас понимают*.

Во-первых, нашего «интеллигента» все еще продолжает смущать призрак неподвижности русских экономических отношений. Он все еще нередко продолжает сомневаться в применимости к нам марксизма на том основании, что у нас «*мало рабочих*». Но эти сомнения являются последними, предсмертными судорогами старого, утопического миросозерцания. Вырвав корень этого миросозерцания, мы, конечно, скоро приведем наших товарищей к убеждению в том, что

если у нас *«мало рабочих»*, то из этого еще не следует, что у нас должно быть *много утопических предрассудков*. Уже близко то время, когда *марксизм* станет единственным критерием наших революционных программ и учений.

Во-вторых, и именно в силу правила: *«возмещай недостаток рабочих обилием предрассудков»*, наши взгляды часто истолковываются в том смысле, что мы, стремясь иметь дело с рабочими, не хотим ничего знать, кроме рабочих. Покойный Пржевальский рассказывал в одном из своих путешествий, что он и его товарищи заводили больших собак, отгонявших от их стоянок туземцев. Нас понимают иногда в том смысле, что мы не прочь подражать Пржевальскому, чтобы отогнать от себя все слои русского населения, кроме пролетариата. Но если бы кто-нибудь из русских социал-демократов и заслужил подобный упрек, то это показывало бы только, что он не понимает того самого учения, под знамя которого становится. Учение Маркса должно и будет служить нам не для того, чтобы отталкивать от себя недовольные элементы русского населения, но для того, чтобы уметь привлекать их и воздействовать на них, не смущаясь никакими предрассудками. Как показано выше, уже бунтари-народники вынуждены были вести политическую борьбу, хотя и считали политическую свободу вредной буржуазной выдумкой. Мы будем вести ту же борьбу, хорошо сознавая значение политических прав в деле освобождения рабочих. «Партия Народной Воли» сосредоточила все свои силы на борьбе с царской властью, извиняясь перед «социализмом» с помощью *фикций*. Мы будем продолжать ее великое дело, но мы не будем нуждаться в фикциях; для нас не существует противоположения *социализма политике*. Бунтари отрицали ее во имя *«агитации»*, мы будем заниматься и тем и другим, так как никакая агитация *немыслима* без пропаганды и всякая пропаганда *бессмысленна*, если она не приводит к агитации, *ко влиянию на массу*.

Революционное затишье, наступившее в России после 1-го марта 1881 года, многим казалось странным, почти необъяснимым. Но в сущности причины его совершенно ясны. Движение семидесятых годов было, как я сказал, преимущественно движением «интеллигенции», иначе разночинцев, этого первого общественного слоя, всколыхнувшегося под влиянием глубокого социального переворота, пережитого Россией в предшествовавшее десятилетие. Силы этого слоя были окончательно истощены в такое время, когда другие, более сильные слои еще не могли взять его дело в свои руки. Рабочий класс еще

только *созревал* для революционной борьбы, а террор скорее замедлил, чем ускорил процесс его созревания. Буржуазия в ее целом имела немало причин быть недовольной правительством, но гораздо более многочисленные и гораздо более важные причины заставляли ее «обожать монарха». Реформы Александра II дали ей множество способов легкой и верной наживы. Они впервые сделали ее влиятельным общественным классом. Из официальных данных видно, что русские предприниматели получают, говоря вообще, огромную прибыль на свои капиталы. Правительство, которое создает, поддерживает и умножает условия для столь быстрого роста капитала, не может не казаться капиталистам *почти идеальным* правительством. Вот почему наш «*либерализм*» увлекал до сих пор только людей «*либеральных профессий*», преподавателей, журналистов, адвокатов и т. п. *либералов по профессии*. Эта часть буржуазии либеральничала в меру своих сил, т.-е. очень скромно. Остальная, наибольшая и несравненно более влиятельная часть ее видела в революционерах вреднейших врагов «порядка», т.-е. ее собственного, баснословно быстрого обогащения. Еще совсем недавно (22 мая старого стиля) министр финансов на торжественном заседании рыбинской биржи по случаю ее пятидесятилетия, провозгласив тост за *русское купечество*, сказал, что «исторический» опыт показывает и сам он проникнут тем убеждением, что торговое сословие составляет надежный оплот престолу и отечеству, и что, без сомнения, и впредь будет так и «*всегда во веки веков*» *(это подлинные слова г. министра)*. Но известно, что, когда официальные лица рассуждают об истории, они видят только *ее заднюю часть*. Г. министр позабыл спросить себя, на чем основывается его вера в будущий, вековечный союз «российского купечества» с монархией. Купеческая мошна—ненадежный союзник. Она поддерживает лишь тех, от кого ожидает выгод, *и только до тех* пор, *пока* ожидает выгод. Она не знает благодарности. Русский абсолютизм в последние два царствования ревностно служил буржуазии. Но чем более усердствовал он в этом отношении, тем более подрывал он свои средства служить ей *в будущем*. Ее баснословно быстрое *обогащение* покупалось ценою столь же быстрого *обнищания* крестьянства. Дело дошло наконец до того, что земледельческое население оказалось осужденным на *хронический голод*. Но хронический голод в стране, где фабрично-заводское производство рассчитано преимущественно на внутренний рынок, грозит банкротством самой буржуазии. Уже по одному этому ее преданность и престолу и отечеству

(т.-е., на официальном языке, тому же престолу) подвергается сильному испытанию; но это далеко не все. Разорив мужика, правительство вынуждено будет обратиться за деньгами к той самой буржуазии, которая умела только *получать* их из государственного казначейства в виде всевозможных «субсидий». Подобного испытания купеческая мошна не выдержит, и мы, вопреки уверенности г. министра финансов, можем высказать свою уверенность в том, что приближается время разрыва «российского купечества» со *всероссийским деспотизмом*.

Наша буржуазия еще очень плохо воспитана в политическом отношении. Пока будет совершаться ее политическое воспитание, ее передовые элементы, ее «идеологи» по необходимости будут подпадать под влияние более зрелых элементов революционной «интеллигенции». Кто понимает важность одного этого обстоятельства для нашего социалистического движения, тот не скажет, что мы можем *не обращать внимания на буржуазию*.

Но важнее этого другое, только что высказанное мною соображение. Пока мы «углублялись в историческое сознание русского народа», окончательно исчезла та экономическая почва, на которой оно выросло. Дело тут не в том, что народ беднел все более и более, как ни важно само по себе это явление. Дело в том, что *количественные изменения* в положении земледельца, беспрерывно накопляясь, привели к глубокому *качественному* его изменению. Теперь русский земледелец совсем не тот идеализованный крестьянин, с которым собирались иметь дело революционеры-народники 70-х годов. Совершенно выбитый из своего старого, веками завещанного крестьянского обихода он поневоле приходит в движение и поневоле начинает расшатывать здание абсолютизма, прочно покоившееся на его широкой спине в течение целых столетий. Вот почему было бы величайшей нелепостью, невероятнейшим позорнейшим доктринерством думать, что русские социал-демократы *не должны воздействовать на крестьянство*. Совершенно наоборот. Мы *обязаны* воздействовать на крестьянство, мы *обязаны* употребить все усилия, чтобы внести в его среду революционное сознание, заботясь только о том, чтобы *крестьянство перестало воздействовать на нас*, т.-е. чтобы воспоминание об его «историческом сознании» не поддерживало «интеллигентской» склонности к утопиям. В этом смысле мы и говорим, что, воздействуя на крестьянство, интеллигенция должна *твердо держаться точки зрения пролетариата*. А кому ясен этот смысл наших слов, тот понимает, что «*много*»

или «*мало*» у нас «*рабочих*», но правильная оценка современных наших общественных отношений может быть дана только современным научным социализмом, и что дело не в числе рабочих, существующих в данное время, а в общем направлении нашего экономического развития *).

В России есть люди, уже ставшие на точку зрения научного социализма, но еще не решающиеся признать себя *социал-демократами*. Это происходит потому, что нам приписывают стремление ввести у нас *тактику* немецких социал-демократов. Само собою понятно, что мы были бы сумасшедшими, если бы помышляли о чем-нибудь подобном. Мы назвали себя *социал-демократами* не потому, что хотели обезьянить немцев, а потому, что, по нашему мнению, русским революционерам следовало перестать *обезьянить Бакунина*, считавшего социал-демократию воплощением *реакции*. Мы убеждены, что этот предрассудок должен быть уничтожен в интересах русского рабочего класса, который даже по легальным изданиям может отчасти следить за огромными успехами пролетариата соседней страны. Каждая победа немецких социал-демократов должна напоминать русскому рабочему, что по обе стороны границы борьба ведется, несмотря на различие местных условий, за торжество того же самого принципа. Этого, разумеется, не достигнете *одним названием;* к этому должна вести *вся наша деятельность*, но этому не должно мешать и различие партионных названий, способное лишь сбивать с толку людей, не совсем подготовленных.

Мы будем... Но мне могут заметить, что если кому-нибудь интересны мои *взгляды*, то ни для кого не убедительны мои ручательства за *будущее*, и что поэтому мне следует говорить: *мы должны, а не мы будем*. Я согласен признать справедливость подобного замечания и говорю: *мы должны* поступать вышеуказанным образом под страхом революционного *вырождения*, под страхом превращения в секту, *замечательную только своим бесплодием*, в доктринеров вроде блаженной памяти лавристов...

В вашем письме вы спрашиваете меня, товарищи, какова *организация* русских социал-демократов. Я не хочу вводить вас в заблуждение; беседуя с вами, я считаю своею святою обязанностью, по вы-

*) Уже в «*Наших Разногласиях*» я показал, до какой степени неосновательны расчеты, приводящие к выводу: у нас мало рабочих. Но, повторяю, каково бы ни было число их в настоящее время, из него никак нельзя вывести нашего права на предрассудки.

ражению Лассаля, *aussprechen was ist*, и потому я отвечу вам, что со стороны организации наше положение оставляет желать очень и очень многого. В России вообще, а не только между социал-демократами, пока еще нет сильной революционной организации. Остается говорить лишь о наших *пожеланиях* на этот счет. А пожелания наши сводятся к созданию подвижной боевой организации, вроде общества «*Земля и Воля*» или «*Партии Народной Воли*», организации, являющейся *всюду, где можно нанести удар правительству, поддерживающей всякое революционное движение против существующего порядка вещей, и в то же время ни на минуту не упускающей из виду будущности нашего движения.* Скоро ли нам удастся осуществить такой идеал? Не знаем. Но то несомненно, что мы тем скорее придем к его осуществлению, чем скорее и полнее усвоят наши революционеры принципы *научного социализма.*

Нынешнее положение России как нельзя более революционно. Помешать успешному действию революционеров могли бы разве лишь два врага: не совсем еще исчезнувшие старые предрассудки или плохое, *узкое понимание новой программы.* Справившись с этими врагами, революционная партия может не бояться за свое будущее. Все объективные условия ее успеха находятся на-лицо, а в субъективном отношении ей нужны будут тогда только три вещи: *de l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace!*

Май 1893 года.

Предисловие к брошюре „Ф. Энгельс о России“

Печатаемые нами статьи Энгельса о России: Ответ Ткачеву (1875 г.) и послесловие к нему (1894 г.) окажут русской читающей публике большую услугу. Они будут содействовать рассеянию двух предрассудков, одинаково вредных для революционной деятельности.

Первый предрассудок, унаследованный нашими революционерами еще от славянофилов, касается чудодейственных свойств русской общины, которая будто бы сама собою, в силу внутренней своей природы, стремится перейти в социалистическую форму общежития. Энгельс прекрасно обнаруживает ошибочность этого взгляда и убедительно доказывает, что подобный переход мог бы стать возможным разве лишь при влиянии на русскую крестьянскую массу *социалистического пролетариата*, когда этот последний станет господином положения на Западе.

Вместе с тем Энгельс выясняет истинный смысл знаменитого у нас «*Письма Маркса к Михайловскому*» *). Когда письмо это стало известно русским революционерам, многие из них вообразили, что автор «*Капитала*» смотрит на русскую общину почти совершенно так же, как смотрел Бакунин, Ткачев и другие социалисты-утописты на славянофильской подкладке. Это приятное открытие чрезвычайно успокоительно подействовало на всех тех, кому неприятно было расстаться со старыми, самою жизнью осужденными предрассудками. Дело дошло до того, что даже люди, решительно ничего общего не имеющие ни с социализмом, ни с революцией,—напр., г. В. В. и г. С. К.,

*) Заметим мимоходом, что письмо было написано не к г. Михайловскому, а к редактору «*Отечественных записок*». О г. Михайловском Маркс говорит там не иначе, как в третьем лице.

внутренний обозреватель «*Русского Богатства*»—стали ссылаться на «*Письмо*» в защиту самых нелепых мнений, самых диких фантазий. В России появились, по замечанию одного остроумного человека, особого рода марксисты,—марксисты, согласные с Марксом лишь постольку, поскольку он писал письмо к Михайловскому. Статьи Энгельса показывают, что, каков бы ни был взгляд его и его гениального друга на русскую экономическую действительность, он никогда не имел и не имеет ничего общего с воззрениями наших доморощенных социалистов и «социологов». Если уже рассуждения покойного Ткачева вызвали у Энгельса вопрос,—*как может предаваться им человек, переживший двенадцатилетний возраст?*—то в какое удивление повергла бы его книга г. В. В. «*Наши направления*» или нескладные, лишенные даже грамматического смысла разглагольствования г. С. К.?

Другой предрассудок более свежего происхождения. Русская читающая публика обязана им человеку, который, при своих знаниях, мог бы, казалось, дать ей нечто лучшее. Мы говорим о г. Н.—оне В своей книге «Очерки нашего пореформенного хозяйства» г. Н.—он более или менее удовлетворительно указал на те противоречия, в которых вращается русский капитализм, и в которых, заметим от себя, еще раньше вращался капитализм западной Европы. Устранить эти противоречия должно и может, по мнению г. Н.—она, *русское общество*. Смысл этого слова—*общество*, вообще говоря, очень неопределенен, и на основании его трудно сказать, что имеет в виду г. Н.—он. Но наши «социологи», поспешившие с ним «*роднъми счесться*», истолковали загадочное выражение в смысле как нельзя более благоприятном для их консервативных,—если не реакционных,—штатс-социалистических планов. Такое истолкование показалось вероятным многим читателям, да и сам г. Н.—он не отрекся от новой, навязчивой и позорящей его «родни». Напротив, он сам протянул ей руку на страницах «Русского Богатства». Таким образом книга его легла в основу нового предрассудка, который можно формулировать так: *особенности нашего экономического развития не оставляют у нас места для политической самодеятельности рабочего класса*. Но всякие штатс-социалистические увлечения *общества* отсрочивают падение современного русского *правительства*, и потому выводу г. *Н.—она* полезно будет противопоставить мнение *Энгельса*, выраженное в предлагаемом здесь «Послесловии».

«Я не решусь сказать, уцелели ли от русской общины такие остатки, которые могли бы, при подходящих условиях явиться, вместе

с переворотом на Западе, исходным пунктом коммунистического развития, как мы с Марксом надеялись еще в 1882 году. Но вот что несомненно: если остатки русской общины могут быть спасены, то лишь—при условии низвержения царского деспотизма,—революцией в России. Эта революция вырвет массу русского народа—крестьян—из уединения их деревень, составляющих для них весь *мир*, и выведет их на широкую арену, с которой они увидят внешний мир, а через это узнают и самих себя, свое собственное положение и средства спасения от теперешней нужды. Но, кроме того, эта революция даст новый толчек рабочему движению Запада, даст ему лучшие условия борьбы и тем ускорит победу промышленного пролетариата, без которой современная Россия не может прийти к социалистическому перевороту ни через общину, ни через капитализм».

Итак, мы должны посвятить теперь свои силы не фантастическим попыткам невозможной теперь «*организации производства*», а *решительной борьбе с царизмом*. Раз поймем мы важность этой великой политической задачи, от решения которой зависит все экономическое будущее России, мы тотчас увидим, что нельзя разрешить ее, не вовлекши предварительно в борьбу по крайней мере *тех слоев нашего трудящегося населения, которые уже пробуждены от вековой спячки* шумом и толчками капитализма.

Наши «социалисты» ветхого завета думали, что русский крестьянин ближе к социализму, чем западный пролетариат. Энгельс опровергает этот взгляд и показывает, как необходимо будет русскому крестьянину содействие социалистического пролетариата Запада. Но развитие капитализма создало пролетариат в самой России. Все беспристрастные исследователи согласны в том, что этот пролетариат обнаруживает страшную жажду знаний, неудержимое стремление к самообразованию. Наши социалисты из «интеллигенции» сделали бы огромную непоправимую ошибку, если бы не заметили этих признаков приближающегося политического пробуждения нашего рабочего класса и продолжали бы по-прежнему, как выражается один из героев Щедрина, «*пущать революцию*» только «*промежду себя*».

Морнэ,
июль 1894

Россия перед сменою режима

Г-н А. Вестлендер очень своевременно опубликовал свой труд «Россия перед сменою режима» *). Смерть Александра III еще больше сосредоточивает в Западной Европе всеобщее внимание на стране, которая за последние годы возбуждала столько толков уже одним своим союзом с Францией и таможенною войной с Германией.

Г-н А. Вестлендер не принадлежит к числу людей, которые изобрели порох. «Европейской культуре», преимущества которой он так умеет ценить, не удалось создать из него крупного писателя: г. Вестлендер не блещет ни литературным талантом своим, ни оригинальностью своих идей. Но в этом, конечно, так же мало виновата европейская культура, как и сам г. Вестлендер. Крупные писатели, как и ораторы, *не делаются, а родятся*. Что касается нашего г. Вестлендера, он сделал все, что умел. Он изучил довольно добросовестно условия страны, о которой говорит. В этом отношении он не похож на некоторых французских писателей, которые болтают нивесть что о своей любимой России, зная ее не больше, чем небесную империю или страну ацтеков.

Книга г. Вестлендера заслуживает внимания, и мы позволяем себе, поэтому, дать ее критический обзор.

Прежде всего, мы должны заметить, что исходная точка зрения, с которой автор пытается объяснять явления, кажется нам мало убедительной. Он слишком часто теряется в гипотетических рассуждениях о русском характере. Если мы не очень ошибаемся, социальная наука «запада» много выиграет, совершенно оставив такой способ объяснения социальных явлений, который в сущности абсолютно ничего не объясняет. Почему белые расы стоят во главе цивилизации? Моментально объяснение готово: «благодаря характеру этих рас; они по своему характеру призваны к тому, чтобы стать во главе

*) *A. Westländer*, Russland vor einem Regimewechsel, Stuttgart, Karl Malcome. 1894.

цивилизации». Читатель теперь уразумел? Что касается нас, мы после этого истолкования не стали умнее прежнего, и нам сдается, что такого рода объяснения уместны лишь в устах мольеровских врачей. «Характер русского народа», вместо того, чтобы разъяснить что-либо в истории или в современном состоянии страны, должен именно сам быть истолкован при помощи истории, дающей одновременно и ключ к уразумению современных условий России.

Затем, мы должны упрекнуть почтенного Вестлендера в известной—и, правду сказать, изрядной—дозе *формализма*, которая *«характеризует»* его исторические рассуждения. Так, напр., он говорит: «Если верно, что всякое развитие совершается волнообразно, то Россия девятнадцатого века дает, прямо-таки, великолепное подтверждение этого тезиса. Равномерность волнообразного движения здесь поразительна: периоды лихорадочных радикально-прогрессивных порывов сменялись, как бы под действием железного закона, периодами реакции и насильственного, совершенного подавления всякого развития» (стр. 2—3).

Цитата гласит: «если верно...». Но мы не знаем, верно ли это, или нет. Потрудитесь сказать нам, г. Вестлендер, чего же нам держаться? Может быть, автору недосуг сказать это. Довольный тем, что выпустил на сцену тень «железного закона», он переходит к изложению состояния России, которое он мнит удовлетворительно истолковать, при помощи этого проблематического закона.

„Столетие началось либеральным режимом *императора Александра I.* Вызванное французскою революцией брожение в политической жизни Европы распространилось и на Россию, и влияние запада, особенно, вследствие военных походов, которые докатили русскую армию вплоть до Парижа, охватило более широкие круги, чем когда-либо прежде. Последствием явилось скороспелое стремление к усвоению западной цивилизации. С воцарением *императора Николая*, после подавления затеянного радикальными мечтателями декабрьского восстания, получило господство реакционное, а тем самым и национальное направление,—не без влияния запада и реакционных тенденций австрийского и прусского правительств“ (стр. 3).

С воцарением преемника Николая, Александра II, началась новая «либеральная» эра, а сын его, Александр III, был опять заядлый реакционер.

«Общество» движется вперед по такой же волнообразной линии. В своей совокупности, оно переходит от реакционного образа мыслей

и ненависти к западу—к большому увлечению западно-европейскими учреждениями, к либерализму, даже к крайнему радикализму, и обратно. «*При русском характере*», поворот совершается каждый раз с бóльшею силой, чем «где-либо в другом месте» (стр. 63).

Это еще не все. «Как при Александре I, так и при племяннике его (Александре II) реакция против «либеральной эры» наступила еще при его жизни» (стр. 5). Подобным же образом уже к концу царствования Александра III наступило отрицание отрицания, реакция на реакцию, новое «*либеральное противотечение*». Итак, процесс развития России в девятнадцатом столетии совершается, действительно, в форме волнообразного движения.

Здесь нам приходит на ум одно упущенное автором соображение. Александр I, точно так же, как позже его племянник, из приверженца квази-либеральных тенденций, каким он был в начале своего правления, превратился в их врага. Николай I и его внук, Александр III, оставались верны до конца своему реакционному исповеданию. Следует ли искать причину этого в «*русском характере*»? Или в волнообразном характере движения вообще? Абсолютная тайна! И читатель, по нашему мнению, в праве будет утверждать, что г. Вестлендер не в состоянии дать даже формального объяснения русского процесса развития.

Наш автор почти всегда правильно оценивает те или другие стороны современных русских условий, самих по себе. Так, он описывает *очень хорошо вредные последствия*, которые порождаются для *самих крестьян* периодическими переделами земли в русской общине. Но здесь, как и везде, его формализм мешает ему основательно разобрать вопрос.

В аграрном и крестьянском вопросах современное правительство реакционно и в то же время националистично, говорит он. «Как император Николай, хоть несколько раз и подумывал, но не приступал серьезно, из реакционных соображений, к отмене крепостного права, так и теперешнее правительство (т.-е. Александра III) уклоняется от коренной реформы аграрных отношений. Древнерусская община, как в свое время крепостное право, остается, повидимому, святая святых и главным устоем царского строя» (стр. 22).

В своей аграрной политике правительство Александра III могло, конечно, прибегать к националистической или славянофильской фразеологии и, фактически, часто к ней прибегало. Но, нравится ли это

г. Вестлендеру или нет, наши русские реакционеры слишком *практичные* люди, чтобы руководиться теоретическими или сантиментальными побуждениями. *Они пользуются фразой, но не служат ей.*

Автор знает очень хорошо, что русский крестьянин платит правительству налогами часто больше, чем ему приносит его земельный участок. Было официально констатировано, что часто «крестьянский собственник», отдавая свой участок в аренду третьему лицу, не только *не взимает земельной ренты*, но еще должен выплачивать своему «арендатору» известную, иногда относительно довольно высокую сумму. Эта отрицательная земельная рента (политико-экономам гнилого запада существование такой ренты никогда и не снилось), эта давящая рента оплачивается частью дохода, который «свободный» собственник зарабатывает на фабрике или каким-либо другим занятием, не имеющим ничего общего с его принадлежностью к общине. Когда разоренный этим бременем крестьянин становится плохим плательщиком, за него выступает община, которая должна отвечать за дефицит своих не до конца еще разоренных членов. Это так называемая *«круговая порука»*. Если бы периодические переделы земли были уничтожены, то отпала бы, естественно, и эта круговая порука, а этого правительство не хочет из *фискальных*, а отнюдь не из *«националистических»* соображений.

Еще одно, столь же мало «националистическое» соображение определяет в этом вопросе позицию правительства. Отмена земельных переделов в общине имела бы неизбежным последствием концентрацию прежних общинных земель в руках *состоятельной части* сельского населения. Сельское хозяйство, без сомнения, выиграло бы при этом, но *казна, по крайней мере в первое время, потеряла бы.* Теперешние владельцы отдают казне не только земельную ренту и прибыль, но и часть своей наемной платы. Новые владельцы, собственники *comme il faut*, которые будут нанимать по крайней мере двух или трех рабочих каждый, захотят, конечно, чтобы их прибыль и часть земельной ренты попадали, нетронутые казною, в их собственный кошель. Пришлось бы, поэтому, или радикально реформировать русскую податную систему, или вступить в конфликт с сельским населением, самою прочною опорой династии. Правительство хочет любою ценою избегнуть этой альтернативы и, поэтому, оно *за* общинную собственность.

Известный Победоносцев—горячий сторонник земельной общины. Свое отношение к ней он изложил в «Русском Вестнике». Если г. Вестлендер читал его статью, он должен знать, что обер-прокурор «святейшего синода» хочет сохранить общину не из каких-либо *«националистических»* видов, но из *политических* соображений. Г-н Победоносцев боится *пролетариата*, развитие которого было бы ускорено уничтожением периодических переделов общинных земель. Насколько этот страх перед пролетариатом «националистичен»? Разве не немец Гакстгаузен первый высказал взгляд, что земельная община убережет Россию от рабочего движения по европейскому образцу?

Формализм объясняет также, почему наш автор неверно оценивает историческое значение периода реакции, которая давит Россию со времени смерти Александра II. Г-н Вестлендер умеет очень хорошо *отметить* характерные черты этого периода, но когда нужно их объяснить, он оказывается так же «бесплоден», как *«нигилист»*, т.-е. как тот нигилист, *который рисуется в фантазии г. Вестлендера.* Тогда он теряется, по своей фатальной привычке, в рассуждениях о «русском характере» (ср. стр. 54 и сл.). Вот образчик таких рассуждений. У русских теория и практика стоят «слишком часто в резком противоречии. Эта особенность русского характера, с своей стороны, является результатом других его свойств, специфически национальных или обязанных своим происхождением долговременному существованию на почве крепостного права и условиям жизни до реформы Александра II: недостатка выдержки, легкомыслия и жажды наслаждений, лени, добродушия и мягкости, доходящих до слабости и податливости личным влияниям и т. д. К этим наклонностям присоединяется еще, что русский спокон веку привык ожидать от правительства всяких благ и слепо подчинялся чинимому им принуждению» (стр. 55). Это, собственно, философская часть аргументации Вестлендера. А вот и историческая ее часть: «Если таким образом россиянин и сам по себе не располагает слишком большим запасом сопротивляемости, то общество к концу семидесятых годов дошло до такого состояния, что не могло слишком остро ощутить новое угнетение». Это тем менее ясно и доказательно, что о том же «россиянине», который «с давних пор привык ожидать от правительства всяких благ», одновременно утверждается, что он очень легко увлекается «самыми радикальными идеями, потому что ожидает от них радикальнейших улучшений и владеет немногим, что

казалось бы ему достойным сохранения» (речь идет о характере образованного россиянина). Какая, однако, странная порода радикалов эти россияне, которые «ожидают от правительства (от царского правительства!) всяких благ»!

Г-н Вестлендер достиг бы бесконечно бо́льшего, если бы при своем анализе держался *экономической действительности*, вместо того, чтобы преподносить нам эту *психологию* более чем сомнительного достоинства.

При всяком реакционном периоде—а мы пережили такого рода период со времени восшествия на престол покойного Александра III—известная, часто, чтобы не сказать всегда, довольно значительная часть «общества» переходит к «партии порядка» и топчет ногами то самое знамя, вокруг которого группировалось, «повидимому, с глубоким убеждением». Это вечная история «болота» (marais), которое сегодня голосует с «Горой», чтобы завтра предать ее приверженцев. Но, *во-первых*, одна психология не в состоянии объяснить нам *в последней инстанции* поведение «болота», а, *во-вторых*, недостаточно констатировать предательство «болота», но нужно понимать положение и взаимоотношения тех партий, которые «болото» последовательно одно за другим предает.

Г-н Вестлендер заметил, повидимому, в русском обществе только существование «болота», которое при Александре II было очень либерально, а при Александре III стало очень реакционно и «националистично».

В этом отношении автор доходит до очевидной несправедливости. Так, при описании «нового либерального противотечения», которое проявляется в русской прессе, он указывает на «Вестник Европы», протестующий против зверской руссификации поляков, немцев прибалтийских губерний и пр. В связи с этим, можно было бы подумать, что было время, когда названный орган, в соответствии с «русским характером», приветствовал «националистические» и грубо обрусительные тенденции. Но такое допущение было бы совершенно неправильно. «Вестник Европы» всегда оставался верен своей программе очень абстрактного, правда, и потому очень мало действительного, но тем не менее определенно выраженного либерализма. Он не переставал бороться с реакционной политикой, поскольку это ему было возможно при строгости цензуры. То же самое относится и к некоторым другим органам печати. Г-н Вестлендер усматривает поворот *тенденций* там, где на самом деле произошел лишь поворот

в *положении* известных партий,—положении, бывшем около десяти лет назад в высшей степени неблагоприятным и в настоящее время несколько улучшившимся.

Но чем определяется положение различных партий? Это мы увидим ниже.

При Александре II повсюду царило недовольство. Освобождение крепостных в 1861 году разорило и помещиков, и самих «освобожденных» крепостных. Дворянство не переставало с того времени фрондировать и не раз злобно выражало пожелание, чтобы «царь-освободитель» *«увенчал здание предпринятых им реформ»*, т.-е. чтобы он *даровал* стране *конституцию*. Чиновничество было недовольно ложным положением, в которое его поставили реформы, так как, прокламируя всемогущество «закона», они благодаря своему неопределенному и противоречивому характеру оставили всемогущий «закон» в полной зависимости от усмотрения администрации вообще, и пресловутого *«третьего отделения»*, т.-е. *полиции*, в частности. Буржуазия, которая извлекла из реформ наибольшую пользу, находила, что эта польза еще недостаточно велика, и что ее новоприобретенное благополучие построено недостаточно крепко и прочно, потому что хозяйственная политика правительства лишена определенной и ясной линии поведения. Что же касается, наконец, «простонародья», которое должно было оплатить счет издержек «реформатора» и было осчастливлено новым бременем новых налогов, то оно не выходило из состояния глухого брожения. Новоиспеченный «свободный» обыватель, русский крестьянин, говорил о новом переделе земли («черном переделе»), который должен был повести за собою экспроприацию его прежних господ, а ремесленник и фабричный рабочий прислушивались к революционным идеям. Во всех политических процессах того времени среди обвиняемых имеется значительное меньшинство ремесленников и рабочих.

Всеобщее недовольство находилось тогда, впрочем, в первой своей стадии. Оно еще не имело определенного, решительного характера. Оно еще не нашло выражения, соответствующего его подлинному существу. Элементы из самых различных и противоположных классов группировались, хотя и в различном количестве, в партии, которая себя называла *социалистической партией*, но была, если отвлечься от ее фразеологии, всего лишь только *партией политической свободы*. Соответственно зачаточному состоянию движения, эта партия была 1) очень слаба, «студенческая молодежь» иг-

рала в ней первую роль; 2) очень мало сознательна и крайне абстрактна по своей программе или, вернее говоря, по своим программам, ибо партия довольно часто их меняла. Хотя партия считала среди своих приверженцев представителей всех классов русского населения, она, однако, не имела непосредственного и действительного влияния ни на один из этих классов, взятый в целом. «*Общество*» изумлялось храбрости революционеров, но действовать предоставляло им, и все, что оно само осмеливалось делать, заключалось в том, что оно давало понять правительству, что политическая свобода—единственное действительное *лекарство* против *болезни «нигилизма»*. Каждому, кто не был ослеплен в пылу борьбы, должно было быть ясно, что коль скоро революционная партия вступит в решительный бой с правительством, она останется одинока и поэтому будет раздавлена своими врагами.

Но, лишая революционную партию всякой прочной операционной базы, это изолированное положение будило в ее рядах, с другой стороны, веру в легкость победы. Русские революционеры совершили ошибку, в которую так часто впадали заговорщики: они ринулись в бой в то время, когда условия еще не созрели для решительного удара. К своему собственному удивлению, царизм остается победителем в борьбе, длившейся несколько лет, в течение которой русский абсолютизм не один раз отчаивался в своей судьбе.

После того, как «нигилизм» был побежден, дело, по выражению покойного Каткова, заключалось в том, чтобы опять выступило «сильное правительство». И чтобы это осуществить, нужно было попытаться примирить с ним все, что, вообще, могло быть примирено. В то время, когда Александр III искал убежища за старыми стенами Гатчинского дворца, русская «партия порядка» выставила программу, которой не изменила ни на минуту в течение тринадцати лет.

В интимной беседе, которую Николай I имел с маркизом де-Кюстин, посетившим в 1839 г. Россию, император признался ему, что деспотизм—*существо русского правительства*, но что он гармонирует с духом нации. «И я вас уверяю,—прибавил венценосный унтер-офицер,—когда я подумаю обо всех ужасах века, я ощущаю горячее желание забыть об остальной Европе, уединившись вглубь России». Дух русского народа был для Николая равнозначущ с духом тех невежественных и порабощенных крестьян, которые не имели никакого понятия о политической жизни. Когда русские цари

говорят о «народности», они ее понимают всегда в смысле этого невежества русского народа, невежества, которое позволяет ему выносить деспотизм, потому что он не знает ничего лучшего. В этом смысле, реакционнейшие из всероссийских самодержцев любили называть себя «*мужицкими царями*». После смерти Александра II, партия порядка порешила сделать из его сына такого царя. И памятуя все то горе, которое она претерпела в последние годы, эта партия ощутила, по знаменитому примеру императора Николая, горячее желание отделить себя от остальной Европы китайскою стеной. Со всем усердием и всею силой ополчились против реформ предыдущего царствования, приблизивших Россию к Западной Европе.

Разоренное этими реформами, фрондирующее дворянство не желало ничего лучше, как перейти на сторону правительства, но, конечно, при том условии, что так называемый «*мужицкий царь*» будет фактически «дворянским царем» и постарается исправить «*ошибки*», которыми его предшественник нарушил материальные интересы «первого сословия». Правительство отлично поняло смысл дворянских вожделений.

Со времени восшествия на престол Александра III не переставали говорить о восстановлении былого «блеска» аристократии. Так как невозможность восстановления крепостного права была ясна даже самым крайним утопистам-реакционерам, пришлось волей-неволей удовольствоваться тем, чтобы усилить «влияние» дворян в земской администрации и в нашем бедном жалком «*самодержавии*». *Земство* подверглось реформе в том направлении, что в нем абсолютный перевес был предоставлен крупным землевладельцам. Сочинена была должность «земских начальников». Благодаря им, судьба крестьян покоится опять в руках их прежних господ, ибо *земский начальник всегда дворянин* и, за немногими исключениями, помещик в своем же округе. История подвигов этих новых земельных вельмож образуют одну из скандальнейших страниц мало блестящей истории русского дворянства.

Русская пословица гласит: «*что за честь, коли нечего есть*». Русское дворянство отнюдь не забыло этой пословицы. Громко и с неслыханным цинизмом оно требовало денег. Правительство уступило. Последовало основание *дворянского банка*, где помещики могли занимать деньги на исключительно выгодных условиях. Заполучив денежки, они часто забывали даже платить за них проценты. Это было много, но увы! это было и все, и так как правительство, несмотря

на всю свою добрую волю, не могло превратить *задолженность* дворянства в источник *благосостояния*, то восстановление былого блеска оказалось миражем, острую иронию которого, в конце концов, сознали сами дворяне. Беднее, чем когда-либо, стоит русское дворянство накануне новой политической метаморфозы. Недалек момент, когда оно вновь потребует, как при Александре II, того, «*что есть в Финляндии и чего нет в России*», т.-е. *конституции*.

Русская буржуазия, «всероссийское купечество», устроило тоже с партией порядка торги на свою «верность». Но, как подобает опытным в торговле мужам, оно сбыло ее на несравненно более выгодных условиях. Буржуазия глубокомысленно объяснила, как и почему Россия должна быть отграничена от остальной Европы китайскою стеной, о возведении которой русские реакционеры мечтают со времени Николая I. Столь горячо желанная стена, вещала буржуазия, это *таможенный тариф*, который не был достаточно высок при несчастном *царе-мученике*, этой жертве западно-европейских предрассудков, и ставки которого при *мужицком царе* должны быть подняты на высоту покровительственного тарифа. Это хитроумное толкование получило признание, и после того, как таможенный тариф достиг теперешнего своего вида, буржуазия пошла в своих требованиях дальше. По их мнению, «*национализм*» обозначал также монополию *русских* и «*православных*» предпринимателей на *внутренний рынок*. Грубая руссификация не-русских слоев населения империи шла рука об руку с мероприятиями, имевшими целью способствовать победе московского купечества над его польскими, европейскими и финляндскими конкурентами. В дальнейшем названное купечество помышляло о завоевании *заграничных рынков*. Кавказская дорога была проведена, приступали к постройке Закавказской и Сибирской железнодорожных линий. Нужно было читать речи, которые произносили московские фабриканты на Нижегородской ярмарке относительно Сибирского пути, чтобы составить себе точное представление о вожделениях русской буржуазии. Господ предпринимателей не легко ублаготворить. Они хотят выбить *Англию* на всех почти азиатских рынках, и они, повидимому, уверены в своей грядущей победе. Впрочем, если бы англичанина оказалось трудно победить, то есть, ведь, всегда про запас государственная казна, которая придет на помощь бравому «православному купечеству». Потребовали *вывозных премий*, которые уже существуют для продуктов некото-

рых отраслей промышленности,—и с помощью этого замечательного оружия надеялись выравнять шансы борьбы.

Какая неумолимая диалектика социальной жизни! Та самая хозяйственная политика, которая долженствовала обособить Россию от остальной Европы, гонит Московское царство на *мировой рынок* и, следовательно, подкапывает ту самую китайскую стену, которая воздвигалась с таким усердием, с таким диким или лицемерным криком.

Г-н Вестлендер говорит в своей книге много примечательного об этой политике. Он оценивает очень хорошо те вредные последствия, которые она имела для всей хозяйственной жизни страны и для *самой промышленности*, развитие которой было замедлено избытком покровительства. Но только автор считает причиною то, что было лишь следствием. Он воображает, что эта хозяйственная политика обязана своим происхождением националистическому духу, который наше «общество» проявляло за последние пятнадцать лет. На самом же деле, наиболее влиятельная часть русского «общества» была «националистична» лишь в отношении своих материальных интересов, которые в этой хозяйственной политике проявлялись, ее определяли и ею поощрялись.

После того, как «всероссийская» буржуазия продала партии порядка свою «верность» с торгов, она все время внимательно следила за поведением своего союзника. Для вящшей уверенности в этом поведении она заявила, что считает министерство финансов *«своим органом»* (подлинное выражение, встречающееся в одной из ее петиций) и что желает, чтобы впредь *ни одна мера, касающаяся ее интересов, не* принималась без ее одобрения. По существу, это значило требовать *той же конституции*, о которой русские реакционеры ничего не хотели знать, и против идеи которой должен был воевать тройственный союз абсолютной монархии с дворянством и буржуазией. Тем не менее, правительство уступило. Ежегодно русский министр финансов отправляется в Нижний-Новгород, где собравшаяся на ярмарку плутократия диктует ему свою всемогущую волю. Если такого рода конституция нам ни в коем случае и не гарантирует «человеческих и гражданских прав», то она обеспечивает, по крайней мере, *права денежного мешка русских миллионеров*.

Гегель сказал где-то, что в «конечном» есть всегда элемент «случайного». Этот элемент случайного проявляется особенно в абсолютной монархии. Мы не знаем, по какой случайности русской буржуазии по сей день еще не посчастливилось стать хозяином *в ми-*

нистерстве путей сообщения. В последнем царит административная рутина, оно относится враждебно к новым промышленным тенденциям, и его неопытность, как и его китайский формализм, причинили промышленности и торговле России неисчислимый вред. Кто знает? Быть может, «благое провидение», о котором так охотно говорят наши официальные проповедники, хотело довершить политическое воспитание русских «купцов» и дать им почувствовать, что они не могут быть уверены в своем «благоденствии», доколе назначение министров зависит исключительно от усмотрения петербургского Далай-Ламы.

Впрочем, орган купечества, министерство финансов, поддерживаемое всеми «благомыслящими» элементами «общества», не один раз с успехом нападало на названное отсталое министерство и неоднократно позволяло себе очень чувствительное вмешательство в его область.

Summa summarum, русская буржуазия за время царствования Александра III прикарманила себе огромные прибыли и, как выразился однажды один из самых влиятельных ее представителей, фабрикант Морозов, «*с упованием взирала на будущее*».

Невозможно подсчитать, сколько стоил описанный союз народным массам. Достаточно указать, что за время правления «*мужицкого царя*» крестьяне, разоренные уже при Александре II, нищали все более и более. Так как пресловутая сельская община превратилась в простой насос, с помощью которого правительство перекачивает жалкие рубли и копейки землеробов в вечно пустые государственные кассы, крестьяне массами покидали деревни и наводняли города и промышленные центры, где их конкуренция понижала наемную плату до невозможно низкого уровня. Вместо того, чтобы прогрессировать, сельское хозяйство шло назад, пока, наконец, ставший в этой несчастной стране хроническим голод не охватил сразу половину империи и, как в свое время Крымская война, не осудил окончательно господствовавшую политическую систему. С того приснопамятного времени началось «*новое либеральное контр-течение*», о котором в своей книге говорит г. Вестлендер.

Г-н Вестлендер утверждает, что политическая система Александра III не принесла пользы даже промышленности, своему любимому детищу. Он неоднократно подчеркивает тот факт, что число фабричных рабочих оставалось неподвижным и не превышает скромной цифры в 800.000. Это неверно. В действительности, численность промышленных рабочих постоянно возрастала, но так как господа предприниматели не хотят раздражать аппетит своего «органа», министерства финансов, они дают каждый раз неверные сведения, когда он

хочет осведомиться о размере их предприятий. *Впрочем, они сами признаются в этом.* Таким образом, даваемая официальною статистикой численность рабочих на фабриках и заводах никогда не соответствует действительности. Она гораздо выше, чем указывается. Впрочем, *даже по официальной статистике* эта численность почти вдвое выше, чем утверждает г. Вестлендер; она составляет приблизительно 1.400.000. Далее, не следует упускать из виду, что официальная статистика не причисляет рабочих довольно значительного ряда отраслей промышленности к рабочим фабрик и заводов, и что наша *домашняя промышленность* во многих случаях развилась в чисто *капиталистические* предприятия. А численность занятых здесь рабочих сил очень велика. Г-н Вестлендер дал себя ввести в заблуждение тем самым промышленникам, уловки которых он хотел разоблачить. Впрочем, по этой части русские промышленники отличаются не в первый раз.

В известном смысле, г. Вестлендер прав, утверждая, что доведенная до крайности покровительственная таможенная политика скорее даже повредила русским промышленникам. Но вредное влияние отразилось только на мелких капиталистах. Последние понесли вследствие обнищания крестьян, т.-е. сокращения внутреннего рынка, тяжелые потери, и им не посчастливилось поймать что-нибудь из того золотого дождя, благодаря которому г.г. Морозов и К⁰ «с доверием взирают на будущее». Эти мелкокапиталистические слои населения первые перейдут в оппозицию.

Мы вполне соглашаемся с г. Вестлендером в оценке русской финансовой политики (см. главу V, Хозяйственная и финансовая политика, стр. 31 и сл.). Совершенно правильно, что официальная ложь наших министров абсолютно ничего не изменит в более чем плачевном положении русских финансов. Говорят, что там, где ничего нет, и царь теряет свое право. В отношении к русской финансовой политике можно этот афоризм перефразировать, что там, где нет ничего, и самое хитроумное фокусничество рыцарей промышленности осуждено на бессилие.

«Хозяйственная и финансовая политика современного режима разрушает существующий строй и подрывает национальное благосостояние; она бросает полными пригоршнями там, где нужна бережливость, и экономит на самых насущных потребностях; она высасывает крестьянское население и одновременно удерживает его в состоянии нищеты и одичания. Государство находится, в сущности говоря, в самом печальном положении, хотя состояние финансов временно еще скрывает истинное положение вещей» (стр. 53).

Еще раз г. Вестлендер в этом отношении прав. Но правительство Александра III *не могло поступать иначе*. Оно *должно было дорого платить*, чтобы продолжить существование старого режима и, осажденное со всех сторон жадными союзниками, оно принуждено было действовать по принципу: «*После нас хоть потоп!*».

Оно много поработало над разрушением *существующего строя*, больше «либерального» правительства Александра II, и в этом факте мы усматриваем глубокую иронию истории. Те самые элементы, которые хотели укрепить старую русскую систему, только ускорили момент ее краха. Те, которым удалось задержать на мгновение революционное движение, сделали все, чтобы выравнять ему в будущем дорогу. Русские реакционеры много потрудились во славу своего отечества, и мы первые с благодарностью приветствуем их за это.

Основа старого русского деспотизма, натуральное хозяйство сельской общины, разрушена раз-на-всегда. *Денежное хозяйство* коренным образом изменило отношения. Русский крестьянин уже не тот, каким был в доброе старое время. Он не может быть дальше опорой царизма, по той простой причине, что он сам потерял равновесие. Совершенно обнищавший, как может он доставлять те огромные суммы, которые нужны для покрытия издержек союза между правительством и буржуазией? А когда этих сумм не станет, останутся ли тогда русские буржуа еще «верными» царю? Наверное, нет. Они первые его покинут.

В то же время, крестьянин начинает размышлять. Прямо поразительно, что г. Вестлендер заметил в русском народе только «*невежество и одичание*». Все беспристрастные наблюдатели русской народной жизни сообщают, что народ делает прямо-таки трогательные усилия, чтобы добиться всеми доступными ему средствами просвещения и образования. Правда, реакционная камарилья, с своей стороны, прилагает все усилия, чтобы удержать народ в невежестве и одичании. Но здесь, как раз, она имеет, может быть, меньше успеха, чем на других поприщах. Уже необходимость покидать деревню и часто пропутешествовать половину обширной империи, чтобы найти себе хлеб, т.-е. работу, развивает ум крестьянина и открывает ему новые горизонты. Пятнадцать лет назад в русских деревнях не читали почти ничего. В настоящее время книга стала там насущною потребностью. Спрос на книги так велик, что часто в деревнях кабатчики и лавочники устраивают у себя маленькие *библиотеки для чтения*, которые им дают приличную прибыль. Нужно только объявить, что в деревне состоится доклад на какую-нибудь тему, и крестьяне стекаются со

всех сторон, так что помещение переполняется. *Школа* становится для русского крестьянина предметом прямо-таки *суеверного поклонения.* В момент сильнейшего голода, в 1891—1892 г.г., сельские сходы объявили, что нуждаются в школах, и порешили устроить их, хотя голодная смерть угрожала и ученикам будущих школ, и их родителям. Бедняки, они, наверное, верили, что школа *сама по себе уже* в состоянии пособить обрушившемуся на них горю. Такого рода суеверие мы находим не таким уж плохим.

Что касается городов, здесь стремление к знанию и просвещению выявляется еще резче. Общеизвестно, что рабочие часто после двенадцати или четырнадцатичасового рабочего дня сходятся в своих жалких дырах, чтобы пол-ночи напролет читать книги, которые они себе добывают, несмотря на низкий заработок. Г-н Вестлендер, который в своей книге не проронил обо всем этом ни одного слова, напоминает нам того чудака из басни, который после того, как в зверинце *все* видел и *все* высмотрел, принужден был признаться, что *слона и не приметил.* Движение, которое г. Вестлендер не изволил заметить, именно и составляет самую выдающуюся и характерную черту внутренней жизни России за последние пятнадцать лет.

«Россия как бы качается на границе между Европой и Азией,—говорит г. Вестлендер,—и при настоящем правительстве склоняется больше к Азии» (стр. 105).

Безусловно верно, что Россия все время качалась между западом и востоком. Великие князья киевские смахивали на западно-европейцев гораздо больше, чем московские цари шестнадцатого и семнадцатого века. Петр Великий вернулся опять к Западной Европе, но смог *европеизировать* только поверхность, верхний покров своей империи. С его времени европеизация России подвигалась вперед медленно, но верно, и, именно, благодаря *прогрессирующей европеизации хозяйственной структуры страны.* Превратив Россию в теплицу для развития буржуазии, правительство Александра III тем самым ускорило в колоссальных размерах этот процесс хозяйственного развития, вопреки своим реакционным тенденциям и, разумеется, против своей воли. *Правительство склонялось на сторону Азии; но повело оно страну очень далеко в сторону Европы.*

Если волнообразное движение, о котором говорит г. Вестлендер, дает себя чувствовать в России сильнее, *чем еще где-либо,* это происходит от того, что нигде не было такого большого различия между старым положением вещей, боровшимся за свое существование, и стремлением к европейским условиям, которое временами получало

верх. «Русский характер» здесь не при чем, и каков бы ни был этот характер, окончательная победа европейского влияния тем менее сомнительна, что, как мы видели, самые приверженцы *Азии* неизбежною логикою фактов принуждены бывают работать *на Европу*.

В заключение, повторим вкратце наши положения.

Россия стоит, несомненно, накануне смены режима. Покойный царь оставил своему сыну престол страны, в котором имеются:

1) *Дворянство*, которое беднее, чем когда-либо, и в близком будущем вновь перейдет в оппозицию.

2) *Буржуазия*, жадная и циничная, обуреваемая одним желанием: быстро обогатиться. Эта буржуазия шла с правительством, пока у него было много для раздачи, но она обратится против него, как только увидит приближение неизбежного банкротства своего дорогого союзника; без денег нет благонамеренного буржуа.

3) «*Государственная казна*», которая все больше пустеет и лишь временами вновь пополняется благодаря фокусам министров финансов, достойным знаменитых рыцарей промышленности.

4) *Народ*, бедный, как церковная мышь, но пробуждающийся от своего векового сна и начинающий себя спрашивать, *отчего происходит его нищета*.

5) Наконец, *администрация*, которая делает все возможное, чтобы дискредировать абсолютизм.

Это много, но и мало, очень мало.

Это много, как средство поколебать правительство, отнять у него всякую поддержку и сделать всеобщим недовольство, которое давало себя чувствовать уже к концу правления Александра III и ныне с каждым днем растет.

Это мало, как базис. Недалек уже день, когда и правительство останется *изолированным*, *будет покинуто* всеми своими союзниками из «общества».

Бандиты реакции, которые эксплоатировали тринадцать лет Россию именем царя, старались заставить нас забыть, что такое конституция. В настоящее время конституция стала неизбежна.

Что бы ни говорили и ни делали, в России старый режим готов рухнуть, и молитвы г. Победоносцева не задержат его краха.

Без сомнения, Россия стоит накануне смены режима.

А. ВОЛГИНЪ.

ОБОСНОВАНІЕ НАРОДНИЧЕСТВА

ВЪ ТРУДАХЪ Г-НА ВОРОНЦОВА (В. В.).

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Suum cuique!

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая № 27.
1896.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В заседании 3-го отделения Императорского Вольного Экономического Общества 19 декабря 1893 года, во время прений, вызванных докладом г. Сазонова: «*Быть или не быть общине?*», г. Исаев отнес г. Воронцова к числу «авторитетных руководителей» в вопросе об общинном землевладении. Почтенный профессор, если мы не ошиблись, совершенно серьезно высказал это мнение, которое разделяется, впрочем, довольно значительной частью русской читающей публики. В наше скептическое время к «авторитетным» писателям относятся строже, чем к неавторитетным. Не станем разбирать — хорошо это или дурно. Скажем только, что к мнениям «авторитетных руководителей» надо относиться, во всяком случае, очень внимательно. Мы именно так и отнесемся к мнениям г. Воронцова.

Наша работа естественно распадается на две части: в первой мы изучаем г. Воронцова, как социолога и политико-экономa; во второй—как теоретика народничества.

Местами нам приходилось на время позабывать о г. Воронцове и рассматривать взгляды других исследователей русской жизни. С *формальной* стороны такие отступления, может быть, неуместны; но в значительной степени они вызывались самим *содержанием* нашей работы.

Только что вышедшая ноябрьская книжка «Нового Слова» показала нам, что нам следовало бы прибавить к первому отделу новую главу: *Г. Воронцов как философ и критик Гегеля*. Но для этого у нас нет ни времени, ни возможности. Мы похожи на г. Воронцова в том отношении, что никогда не читали Гегеля, а отличаемся от него тем, что не решаемся судить о неизвестных нам предметах.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Г. Воронцов как социолог и политико-эконом

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Г. Воронцов как социолог [1])

В 1893 году г. Воронцов издал книгу под названием «Наши направления». Читающая публика равнодушно встретила это новое произведение нашего «авторитетного» писателя; едва ли многие прочитали его до конца. Это напрасно. Кто хочет понять г. Воронцова, кто хочет найти ключ к его литературной деятельности, тот должен внимательно изучить «Наши направления». С своей стороны, мы сделаем некоторые комментарии, которые, думается нам, значительно облегчат дело изучения этого замечательного труда.

Книга состоит из крошечного предисловия, небольшого вступления и четырех очень обширных глав. Предисловие не интересно; но и вступление, и следующие за ним главы так глубоко поучительны, что нам, по настоящему, следовало бы написать по целому комментарию к каждому из этих отделов, но это невозможно: в таком случае наш собственный труд перерос бы назначенные ему границы.

Мы с сожалением видим себя вынужденными ограничиться изложением и истолкованием важнейших социологических взглядов г. Воронцова, как они выразились в разных местах книги «Наши направления».

Всякому, кто хочет заниматься социологией, надо прежде всего дать себе ясный ответ на вопрос о том, где лежит та основная причина, от которой зависит в последнем счете вся совокупность общественных явлений. Конечно, если бы социология была хоть сколько нибудь установившейся наукой, то над этим вопросом нечего было бы и задумываться, так как он был бы уже решенным вопросом. Но

---

[1]) «Аноним В. В., как известно, раскрыт присуждением автору исследования об общине в «*Итогах экономического исследования России по данным земской статистики*»—г. Воронцову, половины премии Ю. Ф. Самарина». А. И. Скворцов: *Экономические этюды*, I, стр. 130.

социология еще так мало установилась, что в ней и до сих пор спорят о том, где надо искать субстрата общественных явлений. Это очень печально, но делать нечего, приходится утешаться тем соображением, что и другие науки не сразу попали на твердую почву, да внимательнее вдумываться в мысли тех выдающихся людей, которые стараются установить основные начала («first principles») социологии. С одним из таких людей мы имеем теперь дело. Что узнаем мы от него по этой части?

Уже в самом начале первой главы он говорит, что социальные отношения представляют собою «производное духовного мира человека». Несколькими страницами далее он опять решительно заявляет, что «задачей социальной науки должно быть объяснение происхождения сложных общественных отношений из более простых психологических, подобно тому, как физиология ставит себе задачей сведение сложных явлений жизни животного на более простые физико-химические процессы, свойственные составным частям его тела [1]) Наконец, та же самая мысль часто повторяется во многих других местах его книги.

Это не новая мысль.

Ее держались еще французские просветители XVIII века; ее держались Сен-Симон, Конт, Тэн; ее держится автор недавно изданной на русском языке книги «Социологические основы истории»; ее же держалось и держится поистине бесчисленное множество философов, историков и социологов. Но давно и справедливо было замечено, что недостаточно высказать какую-нибудь серьезную мысль, а надо уметь обосновать и стройно развить ее. Этому требованию далеко не вполне удовлетворяют писатели, высказавшие ранее г. Воронцова ту мысль, что ключа к пониманию общественных явлений надо искать в *психологии*. Спрашивается, насколько наш автор оказался логичнее своих предшественников?

На стр. 138 и следующих он ополчается против того воззрения, «в каковом (г. Воронцов хочет сказать: согласно которому) исторический процесс, вместо производного человека, обращается в силу производящую, а человек в его послушное орудие». Г. Воронцов «отвергает эту концепцию». Ясно, стало быть, что, по его мнению, исторический процесс есть «производное человека», т.-е. результат тех человеческих чувств, взглядов и настроений, изучение которых

[1]) «Наши направления», стр. 13.

должно составить предмет психологии. Можно согласиться с этим положением, можно оспаривать его, но нельзя не признать, что, выставляя его, г. Воронцов остается вполне верен своему коренному взгляду на психологическую основу социологии. Нельзя не отдать должного последовательности г. Воронцова. Жаль только, что она покидает его слишком скоро.

На той же самой странице он заявляет, что «формы быта являются результатом идей и чувств участвующих в их создании людей, почему духовные силы человека—как полученные им от природы, так и развитые предшествующей историей,—а также степень активности участия в процессе эволюции различных классов населения, представляющих неоднородные психические типы, суть исторические факторы первостепенного значения». Как ни плохо выражена здесь мысль г. Воронцова, но при известном внимании понять ее все-таки можно. Она сводится к тому, что человек получает свои духовные силы частью от природы, а частью от истории. Но если это так, то выходит, что силы эти являются, по крайней мере отчасти, результатом «исторического процесса», составляют его «производное». А так как «исторический процесс» есть, как мы уже знаем, «производное человека», и именно его «духовных сил», то, в качестве «производной», у нас получается «историософия», по своей логичности сильно напоминающая знаменитое миросозерцание, согласно которому земля стоит на китах, а киты на воде, а вода на земле. Каким образом исторический процесс влияет на духовные силы человека, т.-е. на его чувства и идеи? Ясно, что посредством тех «форм быта», которые, изменяясь более или менее быстро и более или менее глубоко в историческом движении человечества, создают условия более или менее благоприятные для развития названных сил. Но ведь это значит, что идеи и чувства человека являются результатом «форм быта», это значит, что не социология должна опираться на психологию, а, наоборот, психология, по крайней мере *общественная* психология, психология, имеющая дело с идеями и чувствами людей, составляющих данное общество, должна апеллировать к *социологии*. Далее. «Различные классы населения представляют неоднородные психические типы». Это неоспоримо; это известно всем и каждому. Но чем же вызывается «неоднородность» этих типов? Где надо искать разгадки этого явления: в социологии или в психологии? Отчего крупный землевладелец-аристократ не похож, по своим чувствам и идеям, на городского пролетария? Не потому ли, что его чувства и идеи

складываются под влиянием «форм быта», очень мало похожих на те, под действием которых образуется духовный мир пролетария? Если да, то как же можно говорить, что «формы быта являются результатом идей и чувств участвующих в их создании людей»? Что за путаница понятий. И какая удивительная неясность мысли!

Заметьте, что мы вовсе не отрицаем роли идей и чувств в происхождении форм быта. Мы готовы допустить, что роль эта очень велика. Но мы хотим последовательности, мы требуем, чтобы человек, взявшийся толковать об отношении социологии к психологии, сказал нам нечто определенное по этому вопросу и не путался в противоречиях, не опровергал своих собственных основных положений. Мы хотим знать, что думает об этом предмете г. Воронцов, а г. Воронцов пишет так, как будто он ничего не думает, а просто водит пером по бумаге.

Известно, однако, что и на солнце есть пятна. У самых замечательных писателей могут найтись неудачные, сбивчиво написанные страницы. Чтобы критиковать мыслителя, надо иметь в виду всю совокупность его взглядов, а не отдельные слабые места его произведений. Может быть, в других местах книги г. Воронцова очень хорошо разрешается удивительное противоречие, так страшно обезображивающее 138 страницу «Наших направлений»?

Поищем этих желанных других мест.

«В жизни каждого общества — читаем мы на 15 странице—и в процессе его эволюции следует различать две стороны: 1) органическую, стихийную или бессознательную и 2) телеологическую, сознательно-целесообразную. Под первой нужно разуметь ряд явлений, служащих (sic!) результатом разрозненных, несогласованных намеренно преследований (!!) отдельными членами их частных интересов. Под второй следует понимать факты, вытекающие из деятельности организованных групп, ставящих себе известные социальные задачи».

Как видите, здесь мы опять имеем дело с *first principles* г. Воронцова. Вдумаемся же в них хорошенько, чтобы и в самом деле не высказать неосновательного суждения об этих «основных началах».

Г. Воронцов очень любезно приходит к нам на помощь со следующими пояснениями.

«Читатель видит, что в сделанном разделении явлений общественной жизни на сознательные и бессознательные мы и прилагали

термин «сознательный» в условном смысле. Собственно говоря, нет ни одного общественного отношения, в котором не участвовало бы сознание, так как эти отношения обнимают людей в бодрствующем состоянии, а в этом состоянии человеку присуще сознание. Таким образом любое общественное явление слагается из ряда сознательных деятельностей участвующих в нем лиц. Но находимое нами здесь сознание не обнимает рассматриваемое общественное явление, как таковое; оно относится не к совокупности актов, составляющих явление, а к каждому из них в отдельности. Общее же, явившееся результатом единичных сознательных актов, есть уже явление для сознания совершенно новое, раньше им не предусматривавшееся и обыкновенно простому сознанию даже не известное. Оно явилось так же органически из столкновения отдельных сознательных актов, как органически из яйца, поставленного в известные условия, развивается зародыш; его происхождение так же бессознательно, как бессознательно развитие какого-либо физического процесса».

Это уже и само по себе достаточно ясно. Но г. Воронцов приводит пример, еще лучше уясняющий дело и заимствованный им у г. Кареева. «Крестьянин везет на рынок продавать корову, чтобы на вырученные деньги купить принадлежности домашнего обихода, но из множества аналогичных актов, совершаемых с аналогичными целями, складываются формы экономического оборота целой страны. Не ради их осуществления, конечно, наш крестьянин продавал корову и покупал соль, косу и т. п. Итак, человек говорит, поступает известным образом, занимается продажей и куплей и т. д., отнюдь не ради творчества языка, обычаев, форм экономического оборота и т. п.; он ставит себе личные цели, достижение которых, благодаря психическому взаимодействию, совершающемуся в обществе, и другим условиям общежития,—сопровождается такими объективными результатами коллективной деятельности, каковы суть формы языка или общественных отношений» [1]).

Это очень хороший пример, лучше нельзя и придумать. Но когда г. Воронцов «сознательно» заимствовал этот пример у г. Кареева, он, конечно, не «сознавал», что пример этот опровергает основное положение его социологии: новое доказательство того, что из сознательных действий людей вытекают неожиданные и непредвиденные результаты! «Эта бессознательность происхождения социальных отно-

[1]) «Наши направления», стр. 11—12.

шений, — продолжает г. Воронцов,— которые оказываются соответствующими известным общим целям и развиваются как бы по определенному плану, несмотря на то, что единичные акты, которыми они образуются, совершались без всякой мысли о создании известной общей формы,—давно обращала на себя внимание философов, строивших для объяснения этого явления гипотезы, в которых человек являлся бессознательным орудием какой-то силы, направлявшей его поступки таким образом, чтобы, под видом удовлетворения его личных потребностей, они служили известным, преследуемым этой силой, абсолютным целям... Но данное явление для своего объяснения и не требует предположения какой-то специальной силы, будто бы направляющей человека в его общественных отношениях, как не требуется предположения особой «жизненной силы» для объяснения физиологических отправлений человеческого организма, почему указанная биологическая гипотеза, некогда столь распространенная, теперь всеми оставлена. Выдвигание таких «сил» в социальной науке служит лишь доказательством сравнительной неразработанности этой более сложной области знания. В действительности же задачей социальной науки должно быть объяснение происхождения сложных общественных отношений из более простых, психологических» [1]).

Оставляя в стороне «биологическую гипотезу», совершенно некстати здесь упоминаемую, мы заметим г. Воронцову, что его умозаключение не соответствует его посылкам, и что «бессознательность» происхождения социальных отношений вовсе не напрасно обращала на себя внимание мыслителей. В самом деле, из совокупности отдельных сознательных действий товаропроизводителей складываются известные общественные отношения; эти отношения имеют известный характер, определенные свойства. От чего зависят эти свойства? Очевидно, не от «духовных сил», не от идей и чувств людей, создавших их своими действиями: ведь эти отношения создаются совершенно независимо от сознания и воли участников обмена. Очевидно, что «более простые психологические отношения» в данном случае ровно ничего не объясняют.

Крестьянин вывозит на рынок свои продукты, вовсе не задаваясь целью содействовать возникновению и развитию товарного производства. Но раз товарное производство приобретает силу в данной стране, оно неизбежно влияет на дальнейшую экономическую дея-

[1]) «Наши направления», стр. 12—13.

тельность нашего крестьянина и ему подобных. Прежде он вывозил на рынок только то, что оказывалось лишним в его хозяйстве, и огромнейшее большинство своих потребностей удовлетворял продуктами своего собственного труда. А теперь, под влиянием экономических отношений, сложившихся независимо от его сознания и воли, он будет производить только какой-нибудь один род продуктов, скажем зерновой хлеб или овощи, и покрывать свои разнообразные нужды деньгами, вырученными от продажи этих продуктов. Такой коренной переворот в его хозяйственной деятельности изменит может быть его экономическое положение в хорошую сторону, а может быть и в дурную. И в том, и в другом случае эта перемена произойдет независимо от его сознания: он и заметит-то ее лишь тогда, когда она уже совершится. Но этого мало. Положим, что наш крестьянин *разбогател* вследствие развития товарного производства, что у него завелись теперь лишние деньжонки, которые он, верный духу нового времени, не прячет в кубышку и не зарывает в землю, а пускает в оборот. Он арендует крупный участок земли у соседнего помещика и нанимает «работников» для его возделывания. Он становится покупщиком чужой рабочей силы, предпринимателем, капиталистом. Это новое для него общественное положение вызывает соответственные изменения в его чувствах и идеях, короче, в его духовных силах: ведь сам г. Воронцов признает, что различные классы населения представляют *«неоднородные психические типы»*. У нас является, таким образом, новый «психический тип», является,—просим не забывать этого,—под влиянием общественных отношений, возникших независимо от сознания отдельных лиц. Этот новый «психический тип» будет, разумеется, в свою очередь, совершать известные сознательные действия. Действия эти будут иметь известный, более или менее симпатичный характер. Чем определяется этот характер? Сказать, что он определяется идеями и чувствами нашего крестьянина-предпринимателя, значит не сказать ровно ничего: ведь вопрос в том и заключается, отчего предприниматели имеют именно такие, а не другие чувства и идеи. Ну, а на этот вопрос ответить, кажется, не трудно: если бы не было предпринимателей, то не было бы и предпринимательской деятельности, не было бы и предпринимательского миросозерцания. А это значит, что деятельность и взгляды предпринимателей обусловливаются *общественным положением этого класса*. Но мы уже знаем, что общественное положение нашего крестьянина явилось как результат переворота в общественном хозяй-

стве, совершившегося *независимо от человеческого сознания*. Выходит, стало быть, что новая деятельность нашего крестьянина вызвана независевшими от него изменениями в общественных отношениях; что *сознание* лишь отражает и выражает собою действие какой-то силы, находящейся вне его. Это совершенно неоспоримый вывод; его не станет оспаривать и г. Воронцов, категорически заявляющий, что «бессознательность процесса происхождения социальной культуры человека—почти общепринятое положение в науке» [1]). Следовательно, чтобы понять, где лежит причина общественной эволюции, т.-е. между прочим и тех перемен, которые совершаются в различных «психических типах», надо только понять, в чем заключается та, *лежащая вне человеческого сознания*, сила, под влиянием которой видоизменяется и направляется в различные стороны сознательная деятельность людей. Разумеется, называя эту силу «*Бессознательным*» или «*Духом всемирной истории*», и объясняя ее действие свойствами этих таинственных незнакомцев, мы не делаем ровно ничего для ее *научного понимания* [2]). Но нам совсем и не нужна гипотеза таинственных незнакомцев. Г.г. Кареев и Воронцов—по всей вероятности «*бессознательно*»—сами хорошо выяснили нам, в чем состоит интересующая нас сила, и сами прекрасно показали, что в этой силе нет ничего таинственного. Из приведенного ими примера ясно видно, что сила эта есть не что иное, как сила *экономических отношений*. Значит, не о чем и толковать: «органическая, стихийная или бессознательная» эволюция общества совершается под влиянием изменений, происходящих — независимо от сознания и воли людей — в области общественной экономии. Это единственный вывод, вытекающий из приводимого г.г. Кареевым и Воронцовым примера. Умозаключать же из него, что разгадки общественной эволюции надо искать в *психологии*, можно будет только тогда, когда из дважды двух станет получаться стеариновая свечка.

Но ведь можно привести и другой пример. Можно указать на зависимость общественной экономии, скажем, от таких явлений, как войны и вообще международные политические отношения. Так, известно, что прекращение наполеоновских войн вызвало в Англии *про-*

---

[1]) «Наши направления», стр. 11.

[2]) Заметим, впрочем, что и Гегель и Гартман имели далеко не такие взгляды на этот предмет, какие им приписывает г. Воронцов вслед за г. Кареевым. Но у нас нет теперь ни возможности, ни охоты спорить с г. Кареевым об истории философии.

мышленный кризис. Английские государственные деятели, подписавшие мир, разумеется, не хотели кризиса, и, вероятно, не ожидали его. Он явился независимо от их воли и сознания. Промышленный кризис несомненно принадлежит к числу явлений экономического порядка. Но вызван он заключением мира, т.-е. причиной вовсе не экономической. Если бы англичане были более воинственны, то они и после падения Наполеона продолжали бы войну с Францией, на защиту которой выступили бы, вероятно, некоторые из бывших союзников Англии. Произошел бы новый ряд международных столкновений, которые оказали бы *иное* действие на экономию различных европейских стран. Этот пример как будто показывает, что общественно-экономические отношения зависят именно от идей и чувств общественных деятелей, хотя сами деятели не предвидят всех последствий своих поступков и, следовательно, влияют на ход общественного развития частью *сознательно*, а частью *бессознательно*.

Многие найдут этот пример до последней степени убедительным. Вероятно, его признает таким и сам г. Воронцов. До других нам здесь нет дела, а что касается до г. Воронцова, то мы попросим его вспомнить сказанное им о различии «психических типов» различных общественных классов.

Во время наполеоновских войн политическая судьба Англии находилась почти целиком в руках поземельной аристократии. Если тогдашняя международная политика этой страны принимала именно то, а не другое направление, то это зависело от идей и чувств английской поземельной аристократии. Но от чего зависели идеи и чувства этой последней? От чего вообще зависит психология различных классов? Мы сказали выше, что, по нашему мнению, она определяется их экономическим положением. Согласен или не согласен с нами г. Воронцов? Поищем ответа в «Наших направлениях».

На стр. 187—188 мы читаем: «Надеждин является представителем того момента в истории воззрения русской интеллигенции на идею «народности», как основу культурного развития страны, когда интимными основами самобытного характера культуры признавались только психические черты, свойственные народу, как известному физиологическому типу... В этом воззрении игнорируется социально-политическая обстановка развития в прошлом и настоящем не как внешняя среда, а как условие, дающее происхождение тому или другому психическому содержанию лиц одной и той же страны, но находящихся на различных ступенях сословной лестницы,—содержанию,

определяющему степень самостоятельности и характер доступной различным классам культуры».

Если Надеждин ошибается, игнорируя влияние общественного положения данного класса на его психологию, то г. Воронцов, который, надо надеяться, хочет избежать ошибки Надеждина, не станет игнорировать тот факт, что «психическое содержание» лиц различных классов определяется положением этих классов на различных ступенях общественной лестницы. Он и действительно не игнорирует этого факта. Так, например, на стр. 65 он говорит, что корней данной общественной идеи надо искать в *«тех или других социальных отношениях»* (курсив наш). Несколькими строками ниже он с сожалением констатирует отсутствие у нас основательной истории нашего общественного развития и указывает причину этого пробела, между прочим, «в общем неразвитии учения о зависимости идей, циркулирующих в обществе, от социально-бытового его строя». Ясно, что как ни мало развито учение об этой зависимости, но наш автор о ней не забывает. А раз это так, то он станет в противоречие с самим собою, если вздумает оспаривать, что психология данного класса определяется его общественным положением или, другими словами, экономической структурой общества. Если же, во избежание печального *разногласия с самим собою*, он *согласится с нами*, то тем самым вынужден будет признать, что факты, подобно английскому промышленному кризису 1815 г., нисколько не опровергают нас: пусть подобные факты вызываются чувствами и идеями того или иного класса; так как идеи и чувства общественных классов обусловливаются экономией, то несомненно, что в последнем счете и эти факты порождаются экономией. Мы уже не говорим о том, что такие явления, как кризисы, *предполагают известный, совершенно определенный способ производства.*

Итак, если мы не ошибаемся, г. Воронцов хотел петь за здравие психологии, а пропел в некотором роде за ее упокой: он хотел показать нам, что социальные явления объясняются явлениями психическими, а между тем—и очевидно независимо от своего «сознания» убедил нас в том, что психология общества коренится в его экономии. Г. Воронцов чрезвычайно искусный диалектик!

Но мы знаем, что «в жизни каждого общества и в процессе его эволюции следует различать две стороны». Мы ознакомились со взглядом г. Воронцова на «органическую, стихийную, бессознательную» сторону. Что скажет он о «телеологической, сознательно-целесообразной»

Мы уже знаем, что когда, например, французская буржуазия стремилась к устранению лежавших на земле феодальных повинностей или к отмене церковной десятины, то она следовала в этом случае ясному указанию тяжелого опыта, а не фантазировала in's Blaue hinein. Феодальные повинности и церковная десятина — не «субъективные», а *объективные* явления, не *«представления»*, а *институты*. Если бы в «представлении» г. Воронцова из дважды двух не выходила стеариновая свечка, то он понял бы, что, говоря о подчинении общественной мысли классовым интересам, он тем самым указывает *объективную* основу развития этой мысли: классовые интересы не выдумываются людьми, а порождаются общественной экономией, которая в свою очередь вовсе не есть простое «субъективное представление».

«Ученые когда-то доказывали, что возвышение заработной платы усилиями рабочих невозможно, так как уровень ее определяется неотвратимыми социальными законами,—говорит г. Воронцов,—и эти «законы» были отвергнуты лишь вследствие того, что «невежественные» рабочие игнорировали их и фактически доказали их несостоятельность» [1]). Это справедливо. Но что же из этого следует? Только то, что люди не всегда правильно понимают законы тех общественных явлений, о которых они рассуждают, а иногда городят большой вздор даже и по вопросу о том, что именно надо понимать под словами *законы общественных явлений*. Но кто же этого не знает? И нужно ли вывозить подобные примеры из-за моря, когда у нас под руками имеются сочинения нашего несравненного соотечественника г. Воронцова? «Невежественные» рабочие оказались ближе к истине, чем ученые буржуазные экономисты. Мы очень рады за «невежественных» рабочих; но то обстоятельство, что они были ближе к истине, показывает, что была какая-то *объективная* истина, хотя рабочие и не умели подойти к ней научным путем. Ведь вот когда «невежественные рабочие» разбивали машины и старались воспрепятствовать развитию машинного производства, то усилия их не привели ни к чему по той простой причине, что они шли вразрез с объективной истиной. У западно-европейских рабочих есть теперь далеко не «невежественные» представители, которые *сознательно* отстаивают интересы своего класса. Что же, эти их представители не имеют никаких «объективных данных» для суждения о том, повредит или не повредит данная тактика названным интересам? Может быть, эти пред-

[1]) «Наши направления», стр. 51—52.

ставители и не ищут никаких *объективных* данных на том основании, что,—как уверяет г. Воронцов,—данных этих все равно будет мало вследствие «ограниченности» нашего поля зрения, «недостаточности» материала и проч.? Может быть, эти люди просто ведут своих товарищей наобум, рассчитывая на то, что «неудовлетворенные потребности» сами выведут рабочих на правильный путь действий? Как бы не так! Если бы они поступали таким образом, то никто за ними и не пошел бы, и они перестали бы представлять кого бы ни было.

Между рабочими и управляющим бумаго-прядильной фабрики *X* в Ланкашире возникают неудовольствия из-за платы. Повинуясь своим «неудовлетворенным потребностям», рабочие решаются бороться. Каковы должны быть средства борьбы? Некоторые предлагают прекратить на время работу. Другие говорят, что это несвоевременно; по их мнению, прекращение работы не сделает управляющего уступчивее ввиду того, что общий застой в торговле делает производство почти совсем безвыгодным. Рабочие не слушают этих предостережений и перестают ходить на фабрику. Но управляющий не уступает: торговый застой действительно позволяет ему не торопиться с уступками. Рабочие видят себя побежденными и сознают, хотя, к сожалению, слишком поздно, что правы были люди, предостерегавшие их. Подобные факты случаются очень нередко, и все они показывают, что одних «неудовлетворенных потребностей» еще недостаточно, что всякий класс, спорящий с другим классом, должен понимать ту экономическую действительность, на почве которой ведутся споры; что всякий класс для сколько-нибудь действительной защиты своих интересов непременно должен критиковать свои собственные «идеи и представления» с точки зрения *объективной экономической действительности*. При чем же тут субъективизм?

Г. Воронцов возразит нам, что у него речь идет не о тех научных построениях, которые могут быть предприняты ради защиты классовых интересов. Такие построения, скажет он, я считаю совершенно возможными. Невозможными кажутся мне лишь построения, предписывающие нам те или другие отношения независимо... Да пусть г. Воронцов говорит сам за себя не в гипотезе, а на самом деле.

«Объективные условия не остались без влияния на формулирование задач, подлежащих разрешению при помощи сознательного воздействия общественных организаций: рабочие, например, не требуют в настоящее время уничтожения машин или немедленного переустройства промышленности на совершенно новый лад, как это не-

редко имело место в предшествующей истории пролетариата. Но это произошло путем отражения объективных условий в сознании класса, которого они касаются, и служит лишь свидетельством того, что при проектировании задач, подлежащих разрешению для удовлетворения субъективно поставленных требований рабочего класса, приходится считаться с условиями места и времени, а не доказывать, что сами задачи диктуются не потребностями реально существующих групп населения, а какими то объективными представлениями об отношениях, осуществляющихся или подлежащих осуществлению в будущем» [1]).

Хорошо пишет г. Воронцов! Выше мы упрекнули его в том, что он часто не понимает смысла своих собственных слов. Теперь берем свой упрек назад: подите-ка поймите «научное построение», вроде только что цитированного. Задачи диктуются потребностями реально существующих групп населения, а не какими-то объективными представлениями об отношениях, осуществляющихся или подлежащих осуществлению в будущем... Что это за объективные представления? Откуда их взял г. Воронцов? Неужели люди, осмеивающие субъективный метод, закрывают глаза на значение «реально существующих групп населения» и ссылаются на какие-то «объективные представления», которые, в противоположность «группам населения», очевидно *не имеют реального существования?* Еще раз, что это за... странность?

Что бы ни говорили те люди, с которыми спорит наш автор, но вздора, подобного «объективным представлениям», они сказать не могли. Нужно быть г. Воронцовым, чтобы придумать такие пустяки! Вот, вы после этого и судите о «построениях» нашего авторитетного исследователя России по данным земской статистики: он придумывает нечто невероятное, невозможное, круглый квадрат, сапоги в смятку, объявляет эту «неудобосказуемую» яичницу главной умственной пищей людей, несогласно с ним мыслящих, и пускается в тяжеловесную «прю»! Это до последней степени забавно. Но г. Воронцов не только забавен; он трогает, он умиляет. Атакуя свою собственную яичницу, он горячо, хотя и неловко, неуклюже, защищает как раз те мысли, которые высказываются противниками дорогой ему субъективной социологии. Читайте и умиляйтесь:

«Изучая систематически социальные отношения, возводя разрозненные факты в цельную систему, интеллигенция делает возможным

[1]) «Наши направления», стр. 52.

систематическое, сознательно-целесообразное воздействие на социальную жизнь, при чем, в зависимости от того, интересы какого класса—отживающего или возникающего—она выражает, ее влияние бывает или консервативное, или прогрессивное, т.-е. способствующее более быстрому развитию нового строя; но всегда оно бывает в духе какой-либо социальной группы, активно участвующей в общественной жизни. Если же некоторые лица остаются на высоте общего интереса, то, не находя в окружающей жизни материала для построения практически осуществимых представлений, они создают утопии» [1]).

Кто это сказал, что унтер-офицерская жена не могла сама себя высечь? Отчего нет? Если и не могла, то разве потому, что не брала уроков этого искусства у г. Воронцова...

Не думайте, однако, что г. Воронцов занимается главным образом войною с несуществующими «реально» представлениями своих противников. У него есть и свои собственные социологические «построения»! И не думайте также, что эти его положительные «построения» хоть в чем-нибудь согласны с его «заключениями», которые в общем (если не обращать внимания на неуклюжесть и неясность их формулировки) совершенно согласны со взглядами людей, им оспариваемых. Г. Воронцов употребляет прием несколько странный и, может быть, мало «авторитетный», но тем не менее чрезвычайно замечательный. Именно, он сначала высказывает некоторые общие положения (first principles), которые гласят, что ключ к пониманию общественных явлений надо искать в психологии. Далее он доказывает эти положения и доказывает так удачно, что приходит к «заключениям», совершенно их опровергающим. Затем, опровергнув самого себя, он делает некоторые *дополнения к «заключениям»*, в результате чего «заключения» в свою очередь оказываются ниспровергнутыми. Это *отрицание отрицания* благополучно возвращает его к его основным положениям, которые и служат ему руководящей нитью в изучении современной нам русской экономической жизни по данным земской статистики. Основные положения и заключения г. Воронцова нам уже знакомы. Взглянем на дополнения.

Заключения говорят, что лица, «остающиеся на высоте общего интереса», создают утопии. *Дополнения* приглашают нашу интеллигенцию остаться на высоте общего интереса.

---

[1]) «Наши направления», стр. 25.

«Благодаря тому обстоятельству, что развитие прогрессивных идей в русском обществе началось в такое время, когда у нас царили крепостные порядки, русская интеллигенция не могла заимствовать с Запада идеи в той оболочке, в какой они оказывались наиболее соответствующими интересам господствовавшего там буржуазного класса, хотя в этой именно форме они пользовались наибольшим распространением в Европе. Еще менее она могла дать этим идеям облачение в интересах господствовавшего у себя сословия, так как основные принципы соответствующего строя уже давно были лишены авторитета, каким они пользовались в средние века, и находились в непримиримом противоречии с элементарными положениями социальной этики. Таким образом наша интеллигенция могла принимать с Запада прогрессивные идеи во всей их общечеловеческой чистоте, а, переводя в практические формулы, могла дать им выражение, обнимающее всю массу народа, а не какой-либо привилегированный и полупривилегированный класс. Она не только могла, но и должна была поступать таким образом» [1])

На Западе отдельные классы, последовательно выступавшие в роли активных агентов всемирной истории, «перехватывали абстрактную общечеловеческую идею на ее пути к конкретному выражению и облачали ее в классовую одежду» [2]). Наша задача заключается в том, чтобы помешать этому «перехватыванию» и «облачению». Мы не только можем, но и должны решить ее. А что мы в состоянии сделать это, за то ручается... наша *отсталость*. Не думайте, что мы шутим. Г. Воронцов говорит это совершенно недвусмысленно: «наша интеллигенция уже вскоре после своего образования отличалась,—в границах, конечно, своего общего умственного развития,—широтою, а не узостью (сословной) воззрений. Названное обстоятельство в значительной степени обязано своим существованием большей отсталости России сравнительно с Западом» [3]).

Вот что значит «большая отсталость». Если бы мы не отстали, то, стремясь остаться на высоте общего интереса, мы были бы утопистами. Но так как отсталость наша не подлежит сомнению, то указанная опасность нам нисколько не угрожает.

Удивительно!

---

[1]) «Наши направления», стр. 85.
[2]) Там же, стр. 83.
[3]) Там же. стр. 84.

О наша родина, Богом хранимая,
Сколько простору в тебе необъятного,
Сколько таится в тебе, о любимая,
Непостижимого и непонятного...

Г. Воронцов скажет, может быть, что представляемый им общенародный интерес совсем не то, что общечеловеческий интерес утопистов. В таком случае он жестоко ошибается—как раз то самое: мы приглашаем его доказать противное.

Да и зачем нам ходить к социалистам. Возьмем теоретиков третьего сословия. Г. Воронцов может быть читал знаменитую брошюру аббата Сьейэса: «Qu'est ce que le Tiers-Etat?» Если—да, то он помнит, как определяется там третье сословие: это весь народ за исключением горсти привилегированных. Аббат Сьейэс защищал интересы третьего сословия и, как видите, называл эти интересы *именно общенародными*. С формальной стороны «построение» г. Воронцова ничем, ну равнехонько ничем не отличается от «построения» аббата Сьейэса.

— Зато содержание у меня другое, возразит г. Воронцов. Это мы увидим. Но, предупрежденные им же самим, мы внимательно отнесемся к этому содержанию: как знать? пожалуй, и в них общечеловеческая абстрактная идея красуется не нагишом, а в какой-нибудь классовой одежде.

Теперь же заметим, что трогательная ссылка на нашу отсталость не составляет оригинального изобретения г. Воронцова. Это просто всероссийско-утопическая вариация на старую славянофильскую тему.

«Народ сохранил в себе запас силы непотраченной, уберег свои коренные начала, не поддался никаким опасным искушениям и соблазнам, не освятил добровольным участием и согласием никакого существенного нарушения своего внутреннего строя, не уложился ни в одну заготовленную форму заграничного изделия,—и этим своим безучастием, бездействием, этою *благодетельною неподвижностью* (курсив наш), так часто осмеянною и непонятою, спас себя и нас и воздействовал на оторванных своих членов» [1]).

Удостоверившись в «детском состоянии социологии» г. Воронцова, переходим к его *политической экономии*.

---

[1]) Статья из газеты «День», помеченная 14-е октября 1861 г. и перепечатанная во II томе Полного собрания сочинений И. С. Аксакова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Г. Воронцов как политико-эконом

Экономисты-классики твердо держались того мнения, что капитализм представляет собою единственный *нормальный* способ производства, единственный экономический порядок, который способен удовлетворить естественным, неискаженным требованиям человеческой природы[1]). Неудивительно, поэтому, что те же экономисты считали законы, свойственные этому порядку, *естественными, вечными и непреложными законами общественного хозяйства.*

Так было в золотое время буржуазной политической экономии, в эпоху ее пышного расцвета. Теперь это время уже давно прошло. Теперь буржуазная экономия давно уже изверилась в самой себе, и теория естественных законов народного хозяйства потеряла почти всякий кредит. Теперь над ними смеются даже такие люди, которые продолжают еще по уши сидеть в предрассудках старых экономистов.

Г. Воронцов тоже не признает вечных и непреложных экономических законов. На стр. 103 своих «*Очерков теоретической экономии*» он заявляет это ясно и решительно.

«Новейшие представители политической экономии в Англии... признали,—говорит он там—что созданное их великими соотечественниками стройное здание теоретической экономии воспроизводит отношения только определенного экономического типа—больших промышленных предприятий (great commerce), господствующего в немногих, так называемых коммерческих странах, и приложимо к объяснению

[1]) «This division of labour, from which so many advantages are derived, is not originally the effect of any human wisdom, which foresees and intends that general opulence to which it gives occasion. It is the necessary, though very slow and gradual, consequence of a certain propensity in human nature which has in view no such extensive utility, the propensity to truck, barter, and exchange one thing for another». *Adam Smith*, «An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations». B. I, ch. II.

явлений в какой-либо отсталой стране лишь настолько, насколько последняя изменяет свою организацию соответственно именно этому типу. Это значит, что классическая политическая экономия есть наука не общих, а частных экономических законов...»

Г. Воронцов не без ехидства вспоминает о тех ученых, которые, во имя вечных и непреложных законов политической экономии, осуждали некоторые требования рабочих. Он прав, когда смеется над ними: теперь их аргументация не может не казаться смешною.

Но то обстоятельство, что классическая политическая экономия есть наука частных, а не общих экономических законов, не мешает, по мнению г. Воронцова, «существованию в ней немногих, настолько широких обобщений, что они могут считаться имеющими всеобщее значение и в свое время войдут составной частью в отдел экономических знаний, который по справедливости будет носить название общей экономики» [1]).

Мы не станем спорить с г. Воронцовым на счет названия будущего «отдела экономических знаний». Мы только попросим читателя принять к сведению, что существуют все-таки в классической экономии немногие широкие обобщения, значение которых *всеобще*. Это очень хорошо. Но если такие законы существуют, то очевидно, что будущая «*общая экономика*» окажется не чем иным, как учением об *естественных и непреложных законах народного хозяйства вообще*. т.-е. о тех самых законах, которых искали буржуазные экономисты. Г. Воронцов строг, но в то же время и милостив. Он сначала прикрикнул на буржуазных экономистов за их пристрастие к «естественным законам», а потом пошел на уступки: ну уж так, мол, и быть, пусть будут у вас естественные законы; только помните, пожалуйста, господа, что их немного и притом непременно отнесите их в отдел общей экономики.

Прекрасно. Давайте же изучать те «немногие обобщения», которые по справедливости могут носить название естественных законов народного хозяйства и которые уже сделаны экономистами-классиками.

Г. Воронцов—сторонник «трудовой теории ценности»; по его мнению, она хороша, между прочим, тем, что «выражает те именно вечные и существенные отношения производства, которыми ценность

[1]) Там же, та же страница.

образуется, а не путает производство с распределением, изменяющимся в зависимости от промышленной организации общества»[1]).

Внимательный читатель уже отсюда видит, что собственно войдет в тот отдел экономических знаний, который по справедливости назовется общей экономикой. В него войдут вечные и существенные отношения производства, не зависящие от промышленной организации общества. Какие же это отношения? К сожалению, г. Воронцов мало распространяется на их счет, но, упоминая о них, он цитирует Д. С. Милля[2]). Обратимся и мы к этому экономисту, которого г. Воронцов называет любимым автором русского читателя[3]).

По мнению Д. Ст. Милля, законы производства не зависят от промышленной организации общества. Они определяются, с одной стороны, свойствами *внешней* природы, а с другой—свойствами внутренней, умственной и физической *природы человека*, короче—*коренными качествами материи и мысли*. Мы не можем изменить этих качеств, а потому не от нашей воли зависят и законы производства. Мы должны подчиниться им так же, как подчиняемся законам природы. Не то с явлениями распределения. Принципы его зависят от сознания и воли людей, от законов и обычаев, от мнений и желаний правящей части общества. В них нет ничего вечного и неизменного[4]).

Другими словами, под законами и условиями производства Д. Ст. Милль понимает те законы и условия, которыми определяются, в производительном процессе, *отношения человека к природе*. Нетрудно согласиться с тем, что «коренные качества» материи и мысли неизменны и ни в каком случае не зависят от воли людей. Но неизменность «коренных качеств» материи и мысли еще не обусловливает собою неизменности тех отношений, которые устанавливаются, благодаря производству, между человеком и природой. Сам Д. Ст. Милль справедливо замечает в другом месте своего труда (именно во Введении), что условия производства зависят, строго говоря, не от качества материи, а от того, насколько эти качества известны людям данного места и времени. Что же касается знаний и их распространения в обществе, то они, по мнению того же Д. Ст. Милля, «будучи

[1]) «Очерки теорет. экономии», стр. 88.

[2]) «Каковы бы ни были разногласия ученых в мнениях относительно распределения продуктов—все признают, что законы производства не зависят от экономического типа общества, что они, по выражению Милля, «имеют характер истин, о коих говорят естественные науки». «Очерки теорет. эконом.», стр. 60.

[3]) Там же, стр. 44.

[4]) См. первую главу второй книги его «Политической экономии».

отчасти причинами, являются отчасти следствиями того состояния, в котором находится производство и распределение». Выходит, что *условия* производства вовсе не так неизменны, как это казалось тому же Д. Ст. Миллю. Но может быть изменяются только *условия* производства, законы же его остаются неизменными? Д. Ст. Милль не разграничивает в этом отношении условия производства от его законов; он говорит: «законы и условия производства имеют характер истин, о каких говорят естественные науки. В них нет ничего, зависящего от воли, ничего такого, что можно было бы изменить». Но мы предположим, что он плохо выражает свою мысль, что на самом деле неизменными он считал только *законы* производства. Возьмем великий закон разделения труда, столь важный не только для политико-эконома, но и для биолога. Этот закон, повидимому, с полным правом можно приурочить исключительно к «коренным качествам» материи и мысли. Но, спрашивается, везде ли и всегда ли действует этот закон. Известно, что на первоначальных ступенях общественного развития разделение труда существует, можно сказать, в зачаточном состоянии. Да и в капиталистическом обществе «разделение труда, как это известно всем экономистам, ограничивается размерами рынка». Часто оно зависит от характера производительной деятельности[1]). То же приходится сказать и о размерах производства. Большой размер производства, вообще говоря, выгоднее малого. Это, можно сказать, общий и неизменный закон производства. Но возможность применения крупного производства опять *зависит прежде всего от размеров рынка*[2]). Что же выходит? Выходит, что даже действительно неизменные законы производства зависят, в своем действии, от постоянно изменяющихся общественных отношений. Раз существует разделение труда в производстве продуктов,—оно повлияет на производство именно так, а не иначе. Но самое существование его зависит не от «коренных качеств» материи и мысли, а от взаимных отношений людей в общественном процессе производства. Раз появляется крупное производство рядом с мелким, оно непременно окажется более успешным. Но явится оно или нет, и когда именно явится,—это опять-таки определяется не коренными качествами материи и мысли, а названными отношениями людей в указан-

1) *Д. Ст. Милль*, l. c., кн. I, гл. VIII, § 6.

2) Ibidem, кн. I, гл. IX, § 3.

ном процессе[1]). Что же касается этих отношений, то сам Д. Ст. Милль не считал их вечными и неизменными.

Да и много ли этих вечных законов производства, независимых от «промышленной организации общества»? Отец Д. Ст. Милля, Джемс Милль, в своих «*Началах политической экономии*» посвящает отделу «производство» ровно пять маленьких страничек[2]). Да и на этих страничках Джемс Милль, задавшийся целью исследовать, «каковы те законы, которые регулируют производство богатств», подносит нам такие истины. «Для производства безусловно необходимы две вещи: труд и капитал»; «часто случается, что работники бедны, поэтому является разделение на классы: класс работников и класс капиталистов» и пр.[3]). Читатель видит, что эти, впрочем весьма почтенные, истины не имеют прямого отношения к вечным и неизменным законам производства.

У Милля-сына отдел, посвященный производству, несравненно обширнее. Но это единственно потому, что этот писатель вообще гораздо многословнее своего отца. О вечных законах производства мы узнаем от него не больше, чем от Джемса Милля, и потому сильно опасаемся, что будущая общая экономика г. Воронцова «по справедливости» будет считаться весьма *тощей наукой*.

А что сказать о взглядах Д. Ст. Милля на «принципы» распределения? Правила, которыми оно определяется, создаются сознанием и волей людей, «мнениями и желаниями правящей части общества». Если понимать эти слова в их буквальном смысле, то получается довольно-таки порядочная бессмыслица.

Возьмем капиталистическое общество. Правила, которыми определяется распределение продуктов в этом обществе, созданы мнениями и желаниями господствующей его части, т.-е. капиталистов. Если это так, то выходит, что капиталисты господствовали в западно-европейском обществе уже в то время, когда еще не существовал нынешний способ распределения продуктов, который явился будто бы лишь благодаря тому, что они стали господствовать, был создан ими. Но ведь всякий

---

[1]) «Soweit der Arbeitsprocess nur ein blosser Process zwischen Mensch und Natur ist, bleiben seine einfachen Elemente allen gesellschaftlichen Entwickelungsformen desselben gemein, справедливо говорит один известный немецкий экономист. Aber jede bestimmte historische Form dieses Processes entwickelt weiter die materiellen Grundlagen und gesellschaftlichen Formen desselben».

[2]) Мы считаем по французскому переводу его книги, вышедшему в Париже в 1823 году.

[3]) L. c., p. 10.

понимает, что в то время капиталисты не были и не могли быть господствующей частью западно-европейского общества. Иначе сказать, по прямому смыслу слов Д. Ст. Милля, выходит, что капиталистический способ распределения предполагает господство капиталистов. Но так как господство капиталистов в свою очередь предполагает капиталистическое распределение продуктов, то мы попадаем в заколдованный круг.

Кроме того, если правила, которыми определяется распределение, действительно зависят только от сознания и воли людей, то трудно понять, каким образом изучение этих правил может стать задачей политической экономии. В этом случае рациональнее было бы отнести их в ту отрасль общественной науки, которая занимается или должна была бы заниматься *историей идей*. Если вспомнить к тому же, что законы производства определяются коренными качествами материи и мысли, и что эти коренные качества тоже не могут быть предметом политической экономии, то область этой науки сузится до последней степени: нельзя будет и сказать сколько-нибудь определенно, чем же собственно она занимается.

Д. Ст. Милль сам чувствует это и потому спешит оговориться. «Мнения и чувства людей, замечает он, конечно не зависят от случая, они определяются основными законами человеческой природы и состоянием знаний и опыта в каждое данное время, нравственным и умственным развитием людей и общественными учреждениями. Но законы, определяющие происхождение человеческих мнений, не входят в тот предмет, которым мы теперь занимаемся: они составляют часть общей теории человеческого прогресса, т.-е. области исследования, гораздо более обширной и трудной, чем политическая экономия. Мы должны изучать здесь не причины, а следствия тех правил, по которым может совершаться распределение...

Люди могут управлять своими поступками, но не теми последствиями, которые вытекают из этих поступков для них самих или для их ближних. Общество может подчинить распределение богатств правилам, которые оно считает наилучшими, но только наблюдение и опыт ведут к познанию практических результатов, вытекающих из этих правил» [1]).

Во введении делается та же оговорка. «Законы распределения не безусловно изъяты от произвола: они отчасти создаются самими людь-

---

1) Книга II, гл. 1, стр 82.

ми, потому что способ распределения богатств в данном обществе зависит от господствующих в нем учреждений и обычаев. Но если правительства или нации имеют власть определять, какие должны существовать учреждения, то они не могут произвольно определять, в каком направлении будут действовать эти учреждения».

Другими словами, эту мысль можно выразить так: быть или не быть, положим, капитализму,—это зависит от сознания и воли людей, от «правительства или нации»; но раз он существует, то люди уже не могут избавиться от тех последствий, к которым роковым образом приводит его существование. Эти-то неизбежные последствия данной системы учреждений, эти-то независящие от сознания и воли людей экономические явления и составляют вместе с некоторыми основными законами производства предмет политической экономии. Таким образом, и по Д. Ст. Миллю выходит, что *явления распределения подлежат ведению науки лишь постольку, поскольку они не зависят от сознания и воли людей.*

«Раз нам известно, каковы те индивидуумы, между которыми распределяются продукты,—говорит Милль-отец («индивидуумы» являются у него представителями общественных классов), нам остается узнать, какими законами определяется относительная величина тех частей, на которые эта масса подразделяется»[1]). После довольно длинного обхода Милль-сын решает в отделе о распределении именно эту задачу. Почему же он не прямо подошел к ней, а предварительно распространился о зависимости «принципов распределения» от желаний и мнений господствующей части общества?

Тут сказался дух времени. Экономисты-классики считали *естественными*, и в этом смысле независящими от воли и сознания людей, *все* «принципы» капиталистического хозяйства. Милль-сын сознавал, что капиталистическая система сама есть продукт длинного исторического движения и что ошибочно считать ее единственной «*нормальной*» и, так сказать, едино-спасающей системой народного хозяйства. Поэтому он отказался признать «принципы» капиталистического распределения естественными и непреложными. Но историческое происхождение этих «принципов» осталось для него темным. Он приурочил его к мнениям и желаниям господствующей части общества, к сознанию и воле людей. Благодаря этому он вернулся к точке зрения французских просветителей XVIII века. «Мнения правят миром», го-

[1]) L. c., p. 15.

ворили просветители. Мнениями определяются принципы распределения, говорит Д. Ст. Милль. Но и эта точка зрения кажется ему уже не вполне удовлетворительной. Мнения, «правящие миром», не случайны; они имеют свою историю. Чем же обусловливается их историческое развитие? И на этот вопрос Д. Ст. Милль сначала отвечает так, как отвечали просветители, когда им случалось задуматься над ним: историческое развитие мнений определяется основными законами человеческой природы. И опять он чувствует неудовлетворительность этого ответа; он сознает, что если основные свойства человеческой природы неизменны, то они не могут объяснить тех перемен, которые совершаются во мнениях людей. Он указывает на состояние знаний и на общественные учреждения. В конце концов оказывается, что общественные учреждения определяются мнениями, а мнения — общественными учреждениями. Понятно, что во всем этом нет и тени научного решения вопроса. Впрочем, Д. Ст. Милль едва ли и претендовал на такое решение. Его взгляд на принципы распределения представляет собою скорее компромисс между старой политико-экономической догматикой, из-под власти которой ему так и не удалось выйти, и более или менее передовыми стремлениями его времени. Этот взгляд изготовлен по формуле: надо сознаться, хотя нельзя и не признаться.

В шестидесятых годах даже и очень даровитому русскому писателю позволительно было не заметить, как много теоретически несостоятельного в приведенном взгляде Д. Ст. Милля. Но теперь эта несостоятельность прямо бросается в глаза и не видеть ее могут только совершенно отсталые в экономической науке или от *«природы»* слепые люди. Мы не беремся решать, к какой из этих двух категорий принадлежит наш любимый автор, г. Воронцов.

Но всего удивительнее то, что г. Воронцов смешивает признаваемые Д. Ст. Миллем вечные законы производства с *«производственными отношениями»*. Между тем, это совсем не одно и то же. Отношениями производства в современной науке называется как раз то, что Д. Ст. Милль называл *«принципами распределения»*, *правилами, по которым оно совершается*. В капиталистическом обществе продукт общественного труда всякого данного года распределяется между предпринимателями и работниками (мы предполагаем для простоты, что предпринимателям целиком достается вся прибавочная стоимость). По терминологии Д. Ст. Милля, это основной «принцип» распределения в капиталистическом обществе. И это, конечно, справедливо. Но чем обусловливается существование и действие этого принципа? *Вза-*

имным отношением общественных классов в самом процессе производства. Это прекрасно знали еще старые экономисты: напомним сделанные нами выше выписки из книги Милля-отца. Следовательно, основные «принципы распределения» вполне совпадают с тем, что называется теперь *отношениями производства:* они составляют, по замечанию цитированного нами выше немецкого писателя, *лишь обратную сторону этих отношений*. Допустим, что Д. Ст. Милль не ошибся, когда говорил, что основные принципы распределения зависят от сознания и воли людей. Тогда то же самое нужно будет сказать и об отношениях производства. Но тогда надо будет признать, что в этих отношениях нет ровно ничего вечного и неизменного (существенного, как говорит г. Воронцов); что они, вопреки мнению г. Воронцова, изменяются вместе с «промышленной организацией общества». А если Д. Ст. Милль неправ, если *«принципы распределения»* и *общественные отношения производителей* от взглядов, сознания и воли людей не зависят, то приходится выбирать одно из двух: или объявить «вечными и существенными», необходимо вытекающими из природы человека, «производственные отношения» *какой-нибудь одной исторической эпохи* и смотреть на отношения производителей, свойственные *другим эпохам*, как на непозволительное насилие над человеческой природой; или же надо позабыть «о вечных и существенных» отношениях производства и,—признав, что все течет и все изменяется,—стараться объяснить историческую смену «производственных отношений» действием той или другой причины, лежащей вне человеческого сознания и только влияющей на него через посредство названных отношений. Но ни в каком случае нельзя, ссылаясь на Д. Ст. Милля, противопоставлять принципам распределения те самые отношения производства, которые, повторяем, и по Миллю-отцу, и по Миллю-сыну, и по всем другим экономистам, и по «природе» вещей, и по здравому смыслу представляют собою лишь оборотную сторону названных принципов.

«Феномен цены» имеет, по справедливому замечанию г. Воронцова, очень «важное значение в товарном хозяйстве». Отсюда «становится понятным, почему учение о ценности занимает центральное положение в науке и нет более или менее видного экономиста, который, внося что-либо новое в науку, не приложил бы свою руку и к объяснению явлений цены. Но цена не есть самостоятельное явление; она—денежное выражение чего-то другого, именуемого стоимостью, цен-

ностью, и интересующий нас вопрос заключается в том—что же такое эта ценность предметов потребления?» [1]).

Из этого неуклюжего отрывка видно, что г. Воронцов тоже собирается приложить свою руку к объяснению явлений цены и ценности. Мы уже знаем, что он защищает «трудовую теорию ценности» и защищает ее с точки зрения вечных и существенных отношений производства. Так как взгляд его на эти отношения, можно сказать, совершенно непостижим, то спрашивается, нет ли каких странностей и в его учении о стоимости [2]).

«Трудовая теория ценности...— не новость в науке,—говорит г. Воронцов,— она принимается выдающимися экономистами, но до последнего времени не проводилась строго систематически: развивая ее во вступительной, так сказать, части учения о ценности, экономисты заменяли «труд» «издержками производства», когда обращались к приложению теории к объяснению явлений текущей действительности. Под издержками же производства понимались материальные затраты, сделанные предпринимателем-капиталистом. Очевидно, что мы имеем здесь смешение частной точки зрения с общественной, и что труд и издержки производства, понимаемые в указанном смысле, не одно и то же [3]).

В доказательство того, что трудовая теория ценности «*не проводилась строго систематически*» и сводилась к учению об издержках производства, г. Воронцов указывает опять на Д. Ст. Милля. Д. Ст. Милль действительно смешивал «труд» с «издержками производства». Может быть, Д. Ст. Милль и был выдающимся экономистом. Но то несомненно, что не мало выдающихся экономистов было и раньше его. Чрезвычайно выдающимся экономистом был, например, Д. Рикардо, который сделал для политической экономии несравненно больше, чем Д. Ст. Милль. Смешивал ли Д. Рикардо «труд» с «издержками производства»? Из приведенных нами слов г. Воронцова, повидимому, следует, что да. На стр. 51 «Очерков теоретической экономии» учение Д. Рикардо о стоимости тоже излагается так, что можно подумать, будто гениальный английский экономист грешил тем самым грехом, которым «*до последнего времени*» грешили, по словам г. Воронцова, выдающиеся экономисты. На стр. 89 названных «*очерков*» г. Воронцов опять по-

1) «Очерки теоретической экономии», стр. 44.

2) Г. Воронцов употребляет выражение — ценность рядом с выражением — стоимость. Мы удержим это последнее, как более употребительное.

3) Очерки, стр. 73.

вторяет, что экономисты-классики отклонились «от установленного ими трудового начала ценности» и создали «теорию издержек производства». Следовательно, никакое сомнение невозможно: ясно, что Рикардо «отклонился» вместе с другими выдающимися экономистами. А между тем этого не было. Рикардо вовсе не «отклонялся», чего ему до сих пор не могут простить очень многие выдающиеся и «невыдающиеся» вульгарные экономисты. Если бы г. Воронцов дал себе труд внимательно прочитать цитируемое им сочинение Рикардо («Начала политической экономии»), то он не сказал бы того, что говорит без всякого основания и, повидимому, без всякой надобности.

Правда, по мнению Рикардо, в современном обществе нередки случаи, когда закон стоимости сталкивается с законом равного уровня прибыли, и это столкновение разрешается в ущерб стоимости [1]). Может быть именно потому г. Воронцов и отнес Рикардо к числу экономистов, смешивавших понятие «труд» с понятием «издержки производства»? На этот вопрос мы ответим ниже, и когда мы ответим на него, тогда окажется, пожалуй, что г. Воронцов имел свои «субъективные» основания для неправильного изложения взгляда Рикардо. Теперь же посмотрим, в чем состоит то строго систематическое проведение теории трудовой стоимости, на которое претендует автор «Очерков теоретической экономии».

Что такое стоимость по учению г. Воронцова?

Стоимость «не составляет явления, свойственного одному какому-либо экономическому типу цивилизованного общества, а присуща последнему на всех ступенях его развития и служит ему для регулирования производства предметов потребления» [2]). Кто поймет это, тот сделает «*важный шаг*» в понимании стоимости.

Не сомневаясь в том, что читателю приятно будет сделать этот важный шаг в обществе г. Воронцова и под его надежным руководством, мы уступаем слово нашему авторитетному экономисту.

«Но регулировать производство—значит распределить производительные силы общества таким образом, чтобы получилось соответствие между массою различных продуктов и теми потребностями,

---

[1]) «Principles» chap. I. section IV: «The principle that the quantity of labour bestowed on the production of commodities regulates their relative value, considerably modified by the employment of machinery and other fixed and durable capital».

[2]) Очерки, стр. 60—61.

удовлетворить которым они призваны. Для достижения же указанной цели регулирование должно основываться на отношении, существующем между различными предметами потребления и производительными усилиями, необходимыми для доставления их человеку: производительные силы общества должны быть распределены между промышленными отраслями сообразно с затратами этих сил, требующимися для производства соответствующих продуктов. Таким образом, для правильного течения экономической жизни, план производства должен основываться на учете тех усилий, помощью которых достигается приготовление людьми различных предметов потребления; и рынок, давая свои указания производителю, по необходимости должен пользоваться тем же средством. Отсюда видно, что ценность, это—сумма затрат производительных сил, требующаяся для доставления человеку данного предмета, или нечто, находящееся в прямом количественном соответствии с этой затратой. В обоих случаях сущность дела,—то, что характеризует рассматриваемый феномен по существу и из чего вытекает ряд явлений, в результате которых оказывается соответствие произведенных продуктов потребностям общества, — заключается именно в издержках производства, трате производительных сил» [1]).

Экономисты-классики грешили тем, что, начав с «труда», приходили к «*издержкам производства*». Г. Воронцов, «*строго систематически*» излагающий теорию трудовой стоимости, приводит нас тоже к «*издержкам производства*», но к издержкам особого рода, заключающимся в «*трате производительных сил*». О каких производительных силах может здесь итти речь? Ясно, что эти «силы» сводятся в действительности к одной *силе*, каторая называется рабочей силой человека. Стоимость всякого данного товара определяется количеством труда, необходимого для его производства. Стоимость не изменялась бы, если бы это количество оставалось неизменным. Но оно изменяется вместе с изменением *производительности труда*. Положим, что производительность труда, затрачиваемого на производство данного товара, удваивается. Это значит, что на производство этого товара в прежнем количестве требуется теперь *вдвое меньше труда*, чем требовалось прежде. Поэтому стоимость его будет *вдвое меньше*. Если на производство данного продукта нужно теперь затратить вдвое менее труда, чем прежде, то, конечно,

[1]) Очерки, стр. 61.

можно сказать, что теперь его изготовление причиняет вдвое менее хлопот, или затрат, или издержек, или и т. д., но такой способ выражения едва ли соответствует «строго систематическому проведению» теории трудовой стоимости. Положим, г. Воронцов употребляет его лишь временно. Запутав им мысль читателя в своем определении стоимости, он сам старается, сколько может, вывести эту мысль на настоящую дорогу и переходит к более точной терминологии. Его временная терминологическая путаница является своего рода педагогическим приемом. Но всякий видит, что подобные приемы до крайности неудачны. Они свидетельствуют лишь о неясности мысли самого автора.

Как бы там однако ни было, «сущность дела» сводится к тому, что производство всякого данного продукта предполагает известную затрату человеческого труда. И это обстоятельство наблюдается, по словам г. Воронцова, всегда и всюду, независимо от той промышленной организации, которая свойственна обществу в данное время. Это понятно, так понятно, что нас удивляет осторожность г. Воронцова, когда мы слышим от него, что стоимость, «*один из элементов, лежащих в основании общества*» (курсив наш), является «феноменом, без которого вряд ли может обойтись какая-либо более или менее сложная экономическая организация общества» (стр. 59). Нам неясны, кроме того, следующие слова г. Воронцова: «понятие более или менее сложного общества в его экономических отношениях немыслимо без понятия ценности. В зародышевом состоянии мы его найдем на всех ступенях развития социального организма» (ibid.). Выходит, что есть такие ступени общественного развития, на которых *понятие* о ценности находится в зародышевом состоянии. Это ли хочет сказать г. Воронцов? Или мы плохо его понимаем? Может быть он имеет здесь в виду не *понятие* о ценности, а самый «*феномен*» ее? Но ведь стоимость («ценность»)—«это сумма затрат производительных сил, требующихся для доставления человеку данного предмета». Неужели этот «феномен» является лишь при более или менее сложной организации общества; неужели есть такие ступени общественного развития, на которых эта «*сумма*» находится в зародышевом состоянии? Если да,—то какие это ступени? Дикое состояние? Да разве же дикари не тратят труда на приготовление нужных для них предметов, раз эти предметы не встречаются готовыми в природе? Производительные силы дикарей *ничтожны;* но *тем большего труда* стоят им эти предметы. Число этих предметов крайне ограничено.

Но из этого ни в каком случае не следует, что их *трудовая стоимость* находится в зародышевом состоянии [1]).

«Понятие ценности возникло из наблюдения менового хозяйства, что и выражается термином «меновая ценность». Но из этого никоим образом не следует заключать, что явление, обозначаемое приведенным словом, свойственно лишь товарному укладу общества; что вне этой организации исчезает надобность в свойстве предмета, называемом ценностью, в том «нечто», что составляет сущность ценности и скрыто под денежною ее формою» [2]).

Ценность, это—сумма затрат производительных сил, требующихся для доставления человеку данного предмета. И эта *сумма затрат* есть *свойство* предмета, в котором (свойстве!) люди имеют *надобность* (!) не только при товарном укладе общества. Что это? Как это?

Г. Воронцов, не обращая внимания на наше недоумение, идет далее. «Думать таким образом (т.-е. полагать, что вне товарного производства людям уже не нужно указанное «*свойство предмета*». Авт.)—значит смотреть слишком узко на роль рынка в современном обществе, считать, что его задача—выражать не существенные экономические отношения, присущие обществу на всех ступенях его развития, а лишь те, которые свойственны только товарной его форме. Считая мену—механическое передвижение предметов частного обладания из одних рук в другие—единственной функцией рынка, естественно заключить, что и орудие, при помощи которого совершается обмен—цена и скрывающаяся за ней ценность—имеют смысл только, пока предмет является на рынок представителем отдельного, самостоятельного производителя. Но после того, что мы уже говорили о роли рынка, такое представление о нем невозможно, а потому и ценность, через посредство которой совершаются все существеннейшие отправления экономической жизни, отправления, без которых немыслимо существование общества, утрачивает элемент случай-

---

[1]) То правда, что в обществе товаропроизводителей конкуренция вынуждает этих последних, под страхом поражения на рынке, считаться с трудовою стоимостью своих продуктов более, чем считаются с нею при господстве так называемого натурального хозяйства. «In allen Zuständen musste die Arbeitszeit, welche die Production der Lebensmittel kostet, den Menschen interessiren, obgleich nicht gleichmässig auf verschiedenen Entwickelungsstufen». Но отсюда до «едва ли» и до «зародышевого состояния»—далеко; нам сдается, что общество «*едва ли*» может когда-либо «*обойтись*» без одного из тех «*элементов*», которые «*лежат в его основании*». Удивительная логика у г. Воронцова!

[2]) Очерки, стр. 58.

ности» [1]). Из этих слов видно, что, по мнению г. Воронцова, обмен совершается при помощи особого *орудия*, которым служит «*цена и скрывающаяся* за нею ценность», и что только при узком взгляде на роль рынка можно приписывать этому орудию элемент случайности (?!). Неожиданное превращение «*суммы затрат производительных сил*» в *орудие обмена* (господи, твоя воля!) удивит всякого читателя, непривыкшего к несколько темному языку нашего любимого автора. Нам кажется, что мы уже научились понимать этот язык, а потому мы спешим разъяснить «сущность» мысли г. Воронцова. Прежде всего читатель должен припомнить, что, по учению этого не-классического экономиста, стоимость (ценность) регулирует производство, распределяет производительные силы общества таким образом, чтобы полученные продукты соответствовали общественным потребностям. В качестве такого регулятора, цена и скрывающаяся за нею ценность (стоимость) и является, по г. Воронцову, орудием обмена. Нам скажут, вероятно, что тем не менее это величайший вздор, так как орудие обмена совсем не то, что стоимость. Мы спорить и прекословить не будем и только попросим читателя вдуматься вместе с нами в распределяющую деятельность стоимости.

«Сумма затрат производительных сил» распределяет производительные силы общества. Это опять выражено очень нескладно, но это значит вот что. У данного общества существуют потребности: потребность в пище, в одежде, в жилищах, в отоплении жилищ и т. п. Производство предметов, нужных для удовлетворения этих потребностей, предполагает известную затрату труда; величина этой затраты на различных стадиях развития общественных производительных сил будет различна, но в каждое данное время ее можно считать определенной: можно сказать, что для производства таких-то предметов, т.-е. для удовлетворения такой-то потребности, нужно столько-то рабочих часов, для удовлетворения другой—вот сколько и т. д. Раз общество нашло, что такие-то его потребности должны быть удовлетворены в таком-то размере, — оно тем самым решило, сколько работников должно взяться за один род труда, сколько за другой и т. д. Если производительность труда возрастет в какой-нибудь отрасли промышленности, между тем как размер старых общественных потребностей останется неизменным, то в распоряжении общества окажется свободная рабочая сила, вследствие чего оно может перейти

[1]) Очерки, стр. 58—59.

к удовлетворению какой-нибудь новой потребности. Распределение рабочей силы общества сообразно с его потребностями вовсе не такая легкая и простая задача, как это может, пожалуй, показаться с первого раза. Но как бы там ни было, задача эта, тем или иным способом, решается, и при ее решении приходится, разумеется, прежде всего принимать в соображение *производительность труда в различных отраслях производства:* каждая ошибка в этом отношении приведет к большему или меньшему несоответствию между общественными потребностями, с одной стороны, и количеством или качеством продукта общественного труда—с другой. Все это ясно, как солнце, и вот эту-то простую истину г. Воронцов преподносит нам,—излагая ее слогом Василия Кирилловича Тредьяковского,—как нечто позабытое экономистами-классиками, как соображение, разоблачающее, наконец, «вечные и существенные отношения производства».

Отношение чего к чему? Отношение общественной рабочей силы к общественным потребностям. Но, как ни «существенно» это отношение, оно не может быть названо вечным и неизменным, во-первых, потому, что изменяется производительность общественного труда, а во-вторых, потому, что общественная потребность, сегодня признаваемая насущною, завтра может перестать признаваться таковою. Возьмем пример. Когда египетский фараон Хеопс решил соорудить свою знаменитую пирамиду, он, конечно, должен был принять (через посредство своих чиновников) в соображение то количество труда, которое нужно было для ее постройки, и хоть приблизительно сосчитать число тех, закрепощенных государству, работников, которых он мог привлечь к этому делу в таком-то году до Р. Х.

Он, полубог и полновластный представитель государства, не мог отменить действие того «вечного и неизменного закона», по которому продукт может быть произведен только тогда, когда находится в наличности необходимая для него рабочая сила. Но у г. Воронцова речь идет о *регулировании производства,* о соотношении между *потребностями* данного общества и его *рабочей силой.* Потребность в постройке пирамиды, которую Хеопс признал насущной общественной потребностью, очевидно, не была следствием упомянутого вечного «закона». Откуда же взялась она? Чтобы эта потребность могла возникнуть и получить признание, необходимо было существование известных *общественых отношений,* которые в свою очередь вытекали из взаимных отношений производителей в общественном процессе производства, из того, что г. Воронцов называет *промышлен-*

ной организацией общества. То же приходится сказать и об *удовлетворении* этой потребности. Оно необходимо предполагало не только известную степень развития общественных производительных сил, но также и соответствующие этой степени *общественные отношения производителей*, позволившие фараону распоряжаться тем, что мы назовем теперь прибавочным трудом этих производителей. Значение «*промышленной организации общества*» сказывается, следовательно, и здесь не менее сильно. «Регулирование производства» невозможно иначе, как при наличности общественных потребностей, «принципов распределения», общественных отношений производителей, «промышленной организации общества», (т.-е. при наличности *данных* для регулирования), а г. Воронцов хочет уверить нас, что оно может совершаться независимо от этой организации и «может быть построено лишь на существеннейших производственных отношениях», которые, как мы уже видели, г. Воронцов называет «производственными» лишь по недоразумению.

Если дикарю-охотнику его лук стоил семи дней, а дюжина стрел двух дней труда, то он, разумеется, не ошибется в определении трудовой стоимости своих стрел и своего лука. Дикарь-охотник знает не хуже г. Воронцова, что производство всякого данного продукта человеческого труда требует затраты известного количества этого труда, и что если это количество труда не затрачено, то продукта совсем не будет, или он останется «*в зародышевом состоянии*». Это само собою понятно. Но то, что понятно само собою, не делается предметом научного исследования до тех пор, пока, вследствие расширения умственного кругозора или усложнения явлений, оно не начинает казаться странным и непонятным: удивление есть мать философии, говорил Платон. Сам г. Воронцов справедливо замечает, что «понятие ценности возникло из наблюдения менового хозяйства, что и выражается термином меновой ценности». Вот это-то понятие, возникшее известным образом и при известных обстоятельствах, и приходилось анализировать экономистам-классикам. Г. Воронцов недоволен их анализом. Чем заменяет он его?

Частью вышеприведенными рассуждениями, которые, в том виде, в каком мы находим их в «Очерках теоретической экономии», представляют собою не более, как жалкую, бесполезную и безнадежную путаницу понятий; частью каким-то странным выхвалением трудовой «гипотезы», выхвалением, не имеющим ничего общего с научным анализом и построенным по «формуле»: prenez mon ours, c'est le meil-

leur; и наконец, такими доводами, которые опять-таки в том виде, в каком приводит их г. Воронцов, совершенно недостаточны и совсем неудовлетворительны.

«По трудовой теории [1]) стоимость данного продукта состоит из труда, овеществленного в материале и орудиях производства, и труда, непосредственно приложенного, следовательно, из двух главных частей. По денежной же формуле ценности, где трудовые элементы превращены в материальные затраты, она состоит из расходов на материал и орудие┼расход на заработную плату┼прибыль, т.-е. из 3-х частей... Итак, формула трудовой теории ценности характеризуется большей простотой, бóльшим однообразием состава сравнительно с формулой теории издержек производства (содержит два члена, вместо трех). Уже в этом великое ее преимущество» [2])

Это восхваление: *prenez mon ours*... А вот образчик доводов. «Беря для простоты случай простой организации общества,—где производитель одновременно и рабочий, и хозяин предприятия,—мы можем утверждать, что последний не станет трудиться больше, чем это нужно для удовлетворения его потребностей и желаний. Энергия его труда будет зависеть от того, насколько масса получаемых им продуктов, в размере вышеуказанных потребностей, соответствует затратам его труда и средств производства. А об этом соответствии он судит по сравнению своего хозяйства с окружающими. Если ему приходится работать больше других, а получать столько же; если он наблюдает диспропорцию между своим доходом и затратами,—он недоволен, энергия его труда ослабевает, он станет думать о перемене занятия. Это значит, что для поддержания энергии труда в напряжении, необходимом для правильного течения производства, потребление производителя в настоящем должно быть таково же, как и в прошедшем, и отношение объема этого потребления к усилиям, затраченным на производство, должно соответствовать среднему отношению тех же величин в данном обществе. При господстве разделения труда все это должно осуществиться путем обмена, основанного на противопоставлении ценностей. Поэтому предмет является на рынок с ценностью, равною всем тем затратам, какие имели место до момента его окончательного образования» [3])

---

[1]) Кстати, пора бы перестать называть *теорию трудовой стоимости трудовою теорией стоимости*. Это то же самое, что называть *номера для проезжающих—проезжающими номерами*.

[2]) Очерки, стр. 81.

[3]) Очерки стр. 65—66.

С помощью такой аргументации может быть более или менее удачно защищаема только та «*трудовая теория*», которую профессор Вернер Зомбарт очень метко называет «*субъективной теорией трудовой стоимости*» (Subjektivistische Arbeitswerththeorie) и которая, по его же справедливому замечанию, имеет мало общего с современным учением о труде, как источнике стоимости [1]). Но с субъективной аргументацией в науке вообще далеко не уедешь. Это чувствует сам г. Воронцов.

Предмет (т.-е. товар) является на рынок со стоимостью, равной всем тем затратам, которые имели место до его окончательного образования... Ну, а если я «затрачу» на изготовление «предмета» больше, чем нужно? Мне все-таки возвратят эти затраты, потому что в противном случае ослабеет моя энергия и я буду «недоволен»? Ce serait trop beau, как говорят французы. — Конечно, trop beau,—возражает г. Воронцов,—потому-то я и замечаю, что отношение объема потребления к усилиям, затраченным на производство, должно соответствовать *среднему* отношению тех же величин в данном обществе. Если это «среднее отношение» имеет какой-нибудь смысл, то оно означает, что стоимость продукта определяется временем, *общественно-необходимым на его производство*. Это без сомнения верно. Но, выдвигая это несомненно верное положение, г. Воронцов переходит уже на *объективную* почву экономической действительности, при исследовании которой ему окажут очень мало помощи *те психологические* соображения, которым он предается, вероятно, чтобы не изменить своему *социологическому* first principle. Энергия производителей «ослабеет»... C'est selon... Вот наши кустари и немного выручают за свои продукты, а энергия их труда или, по крайней мере, продолжительность их рабочего дня не уменьшается, а возрастает.—Да, но это потому... Мы знаем,—почему; нам известно, что это зависит от *объективных* отношений, которых мы никогда не поймем, если останемся на почве *психологического анализа*. Производитель станет думать о перемене занятий... Это другое дело; перемена занятий, это—уже экономия; но недостаточно «*думать*» о ней, надо иметь возможность осуществить свой замысел. А если этой возможности нет? Если производитель чем-нибудь привязан именно к этой отрасли промышленности?—Помилуйте, возражает г. Воронцов, да ведь мы с вами предполагаем общество свободных и независимых товаропроизводителей. Очень хорошо! Но

[1]) См. его статью: «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx» в Архиве Брауна.

раз мы «предположили» такое общество, то нам и следует иметь в виду *объективную логику* его внутренних отношений, а не пускаться в психологические рассуждения, *которые*, взятые сами по себе, *ровно ничего не доказывают*. Кроме того, раз мы предположим общество свободных и независимых товаропроизводителей, мы тем самым предполагаем известную «промышленную организацию общества», а г. Воронцов обещал нам «строго систематически» развить свое учение о стоимости, опираясь на независимые от промышленной организации общества «вечные и существенные» законы производства, которые он неправильно назвал производственными отношениями [1]). Как видно, не много помогли ему его вечные и существенные законы-отношения.

Откуда взялась у г. Воронцова эта странная склонность аппелировать к вечным производственным отношениям? Это легко понять. Если, как думал иногда Д. Ст. Милль, основные принципы распределения или, что то же, отношения производителей в общественном процессе производства или, что то же, промышленная организация общества зависят только от воли и сознания людей, то для *экономической* науки остается очень мало места. Мы уже указывали на это выше. Г. Воронцову хочется согласиться с Д. Ст. Миллем: взгляд английского экономиста, можно сказать, так и просится в субъективную социологию нашего русского писателя. Но в то же время этому последнему не хочется вырывать почву из-под ног той самой науки, к разработке которой он «приложил» свою искусную руку. Вот он и старается найти такие «отношения», которые не зависят от промышленной организации общества, обусловливаемой мнениями людей: эти будто бы вечные отношения и должны стать незыблемой основой экономической науки. А так как, отвлекаясь от промышленной организации общества — или, что тоже, от отношений производителей в процессе производства, он отвлекается от условий места и времени, то неудивительно, что искомые им «отношения» кажутся вечными, существенными, неизменными, естественными, словом, какими хотите, но только *не историческими*. Говорим — кажутся, потому что на самом деле вечных и неизменных *отношений производства* нет и быть не может.

---

[1]) По учению г. Воронцова, даже закон спроса и предложения не зависит от промышленной организации общества. «Общественное выражение совокупности частных интересов—закон спроса и предложения—составляет явление, независимое от общественных отношений, образует самостоятельный фактор в ряду других общественно-экономических деятелей» (Очерки, стр. 15). С каких это пор закон=явлению? Взгляды г. Воронцова, это—постоянное царство хаоса!

Если в *экономии* г. Воронцова оказывается бездна самой непозволительной путаницы, то этим он обязан своей *субъективной социологии* [1]).

Единственным, не вызывающим сомнений, результатом анализа является у г. Воронцова тот вывод, что «ценность образуется не на рынке, а в процессе производства» [2]). Но это давно и хорошо знали экономисты-классики. Пусть припомнит г. Воронцов, что говорили об этом *физиократы* в споре с *меркантилистами*.

Есть в «Очерках» г. Воронцова место, которым он, повидимому, особенно гордится. В этом месте речь идет о том, *как разрешается на практике столкновение закона стоимости с законом равного уровня прибыли*.

Г. Воронцов в следующих выражениях рекомендует это место вниманию читателей.

«Отдавая свой труд на благосклонный суд читателя, мы считаем не лишним, ввиду имеющейся на стр. 90 настоящего издания ссылки на приготовляемую к печати III книгу сочинения Маркса «Капитал»— разъяснить, что в настоящее время эта книга уже вышла в свет и потому читатель имеет возможность убедиться в том, насколько наша попытка примирения трудовой теории ценности с законом равенства нормы прибыли во всех предприятиях или, иначе говоря, указанный нами путь превращения производственной ценности в рыночную (стр. 92—93), по основной его мысли, близок к тому решению вопроса, какое дается Марксом. Убедившись вместе с тем в простоте и, так сказать, элементарности этого решения, читатель, надеюсь, согласится и с высказанной на стр. 208—209 нашей книги мыслью о бесплодности поклонения, воздаваемого этому замечательному мыслителю его многочисленными и горячими последователями» [3]).

В чем же состоит предложенное г. Воронцовым простое и элементарное решение?

Оно сводится вот к чему.

«В современном обществе капиталист участвует в предприятии из-за прибыли, из-за % отношения дохода к затратам капитала, из-за того, чтобы получить такое-же % отношение, как и остальные капиталисты страны. Товар же, вырабатываемый в различных отраслях

[1]) Интересно, что, по мнению этого субъективиста, общество есть организм (см. Очерки, стр. 93). Что думают об этой ереси другие субъективисты?

[2]) Очерки, стр. 87.

[3]) Очерки, предисловие.

промышленности, дает прибавочную стоимость (источник чистого дохода), стоящую в различном % отношении к затратам капитала; и если бы прибавочная стоимость, образующаяся в различных предприятиях, поступала целиком собственнику соответствующего капитала, последний бросал бы одни отрасли и переполнял другие. Рынок берет на себя задачу уравнять выгоды капиталистов. Он заставляет одних производителей уступить часть своего дохода другим; распределяет между ними общую массу прибавочного продукта иначе, чем это сделано техническими условиями различных промышленных отраслей; и так как в его распоряжении имеется только одно орудие—цена товара, то и требуемого распределения барышей он достигает, отклоняя меновые стоимости продуктов от их внутренней ценности, повышая рыночную стоимость одного, понижая—другого... Общий прибавочный продукт страны известным образом распределяется между всеми производителями, для чего меновые ценности товаров отклоняются от внутренних. Пределом этого отклонения служит достижение одинакового отношения дохода к расходу во всех предприятиях—таков закон меновой ценности в капиталистическом обществе» [1]).

Это решение не только просто, но и не ново. Его дал уже Рикардо в своих «Principles of political Economy and Taxation». Рикардо принимает в соображение не только состав капитала, как это делает г. Воронцов, но также и *время его оборота*,— обстоятельство, на которое у г. Воронцова нет указания в примере, приводимом им для пояснения своей мысли. Как мы уже заметили выше, *единственное «отклонение» Рикардо от теории трудовой стоимости состоит именно в признании этого неизбежного в капиталистическом обществе действия закона равного уровня прибыли* [2]). И если г. Воронцов счел возможным «отклониться» в ту самую сторону, в какую отклонился Рикардо, он не имел никакого права упрекать этого экономиста в непоследовательности. Точно так же не имел он никакого права утверждать, что «экономисты-классики не сумели выйти из затруднения, встречаемого трудовой теорией ценности при объяснении равенства прибыли в разных занятиях [3]). Как же не сумели, когда в лице Рикардо,

[1]) Очерки, стр. 92—93.

[2]) На первобытных ступенях общественного развития (in the early stages of society) действие закона равного уровня прибыли почти незаметно вследствие ничтожности капитала. Там товары обмениваются почти исключительно (almost exclusively) по количеству воплощенного в них труда. Нам нет надобности говорить людям, знакомым с учением Рикардо, что первобытным обществом он считает *общество простых товаропроизводителей*.

[3]) Очерки, стр. 90.

самой яркой звезды между ними, они вышли из него в 1817 году, как раз так, как вы, г. Воронцов, выходите в настоящее время.

Смысл басни сей таков, что и неправильное изложение чужих взглядов иногда не без пользы для излагающего предпринято быть может. Если бы г. Воронцов верно передал читателям учение Рикардо о стоимости, то он мог бы сказать только одно: в своем решении я следую за этим замечательным экономистом-классиком. Но так как он приписал Рикардо «*отклонение» в сторону теории издержек производства*, то он мог претендовать чуть не на целое открытие и сопоставлять себя с автором «Капитала».

Написав эти строки, мы кладем перо и спрашиваем себя: да полно, мог ли, даже и в этом случае? Ведь вот он, г. Воронцов, упоминает о Родбертусе, который, по его словам, решился, вместе с Марксом, «последовательно проводить раз признанное начало ценности» (стр. 90), и достиг на этом пути блестящих результатов! Когда г. Воронцов писал свою статью о «стоимости», третий том «Капитала» даже еще и не печатался, но «блестящие результаты», достигнутые Родбертусом, были и тогда уже всем известны. В чем они состояли?

Вот в чем.

Прибавочная стоимость, которую Родбертус называет, как известно, *рентой*, распределяется прежде всего между предпринимателями, производящими (руками своих рабочих) «*сырой продукт*» (Rohprodukt), с одной стороны, и предпринимателями, производящими «*продукт фабрикации*» (Fabrikationsprodukt), продукты обрабатывающей промышленности,—с другой. Это распределение совершается сообразно количеству труда, употребленного на производство в каждой из этих отраслей промышленности. Часть прибавочной стоимости, доставшаяся предпринимателям, производящим «продукт фабрикации», рассматривается этими предпринимателями, как прибыль на капитал, и подразделяется между ними *пропорционально размеру капитала, затрачиваемого каждым из них. «Таким образом дается известный уровень прибыли, сообразно которому уравниваются прибыли* отдельных предприятий (die Kapitalgewinne), а, следовательно, определяется также и та часть ренты, приходящейся на сырой продукт, которая составляет прибыль на земледельческий капитал...[1]). Другими словами можно сказать, что

[1]) Остальная часть этой ренты достается землевладельцам в виде поземельной ренты. По учению Родбертуса, *эта часть* ренты, в противность Рикардо, никогда не может быть равна нулю, но не в этом здесь дело: здесь нас не касается Родбертусово учение о поземельной ренте.

прибыль во всякой данной отрасли промышленности будет составлять X процентов затраченного капитала. Сообразно этому уровню и будут теперь уравниваться прибыли. Если бы в некоторых отраслях промышленности прибыль оказалась выше этого уровня, то конкуренция вызвала бы усиленный приток капитала в эти отрасли. Никто не станет затрачивать свой капитал там, где он не считает возможным получить прибыль, соответствующую общему уровню...» [1]).

Родбертус рассматривает капитал, употребляемый для производства «продукта фабрикации», как один общий национальный капитал, а капиталы отдельных отраслей обрабатывающей промышленности, как части этого общего капитала, пропорционально величине которых и распределяется рента, приходящаяся на «продукт фабрикации». Что такое распределение при неодинаковом составе капитала, фигурирующего в различных отраслях промышленности, возможно только при некотором отступлении—в ту или другую сторону—рыночной стоимости продукта от его трудовой стоимости, это понятно само собою. Но во избежание недоразумений Родбертус прямо указывает на это в четвертом «*Социальном письме к Кирхману*».

«Я никогда не был того мнения,—говорит он там,—что в каждом из последовательных подразделений, на которое распадается, как на отдельные отрасли промышленности, производство данного продукта, измеряемая трудом стоимость достаточна для того, чтобы образовать прибыль, достигающую обычного в стране уровня. Это прямо невозможно ввиду указанного подразделения и при действии закона равномерной прибыли на капитал. Легко показать это». Следуют доказательства. Затем Родбертус продолжает. «Однако конкуренция требует равномерной прибыли и, таким образом, вследствие закона равномерной прибыли в различных предприятиях, на которые распадается ныне производство одного и того же продукта, видоизменяется то положение, согласно которому стоимость продукта, равная его трудовой стоимости, достаточна была бы для того, чтобы из нее могла образоваться прибыль на капитал». Родбертус не только признавал такое «*видоизменение*» принципа трудовой стоимости, но считал себя *первым экономистом*, его отметившим, в отличие от английской школы, которая будто бы совсем не замечала его. После того, что мы сказали о Рикардо, читатель видит, что в этом случае Родбертус очень ошибался.

---

[1]) «Zur Beleuchtung der sozialen Frage», Th. I. zw. Aufl., стр. 163

Но нам теперь это безразлично; нам важен следующий общий вывод Родбертуса.

«Но я крепко держусь того взгляда, что если рыночная стоимость готового предмета потребления не всегда совпадает с его трудовою стоимостью, то все-таки она *тяготеет* к ней. И точно так же, хотя измеряемая трудом стоимость, конечно, не вполне покрывает собою обычную ныне прибыль на отдельных ступенях производства, однако, *в целом она достаточна* для того, чтобы составить собою *сумму*, равную общей совокупности всех тех частей ренты,—т.-е. поземельной ренты и прибыли на капитал,—которые достаются кому следует на различных ступенях производства одного и того же продукта. Следовательно, я держусь того мнения, что если *национальный продукт вообще* имеет лишь стоимость, соответствующую труду, то этого достаточно, чтобы обеспечить существование всех наших нынешних рент, поземельной ренты и ренты на капитал» [1]).

Из сделанных нами выписок видны как слабые, так и сильные стороны взгляда Родбертуса. Автор «Социальных писем» был совершенно прав, когда объявил неудовлетворительной точку зрения отдельного предпринимателя или, что то же, точку зрения вульгарного экономиста. Он был прав, когда приглашал ученых рассматривать национальный капитал, как одно целое, как один общий капитал, части которого распределяются между отдельными отраслями промышленности, а затем и отдельными предприятиями. Он был прав, когда, рассматривая экономическую жизнь капиталистического общества с этой общественной точки зрения, он приходил к тому заключению, что, в силу закона равномерной прибыли, рыночная стоимость продукта неизбежно и очень часто будет отклоняться от его трудовой стоимости. Но он был совершенно неправ, когда покидал эту им же горячо защищаемую общественную точку зрения; когда в угоду своему предвзятому взгляду на *поземельную* ренту, он, подразделив национальный продукт на две части—сырой продукт и продукт фабрикации, совершенно произвольно объявил, что рыночная стоимость каждой из этих частей равна ее трудовой стоимости и совершенно достаточна для того, чтобы «покрыть» собою заработную плату и ренту в ее различных подразделениях [2]). Он забывал при этом, что закон равного уровня прибыли действует, если можно так выразиться, *одновременно*

[1]) «Das Kapital. Vierter socialer Brief an von Kirchmann». S. 11—13.

[2]) Именно в этом смысле надо понимать сказанное им в последней из сделанных нами выписок.

на всей экономической территории общества. Лишь перегородив эту территорию искусственным барьером, отделявшим производство *сырого* продукта от обрабатывающей промышленности, Родбертус вспоминал об этом законе и исследовал его действие *в области этой последней*. Здесь оказывалось, что отклонение рыночной стоимости продукта от трудовой совершенно неизбежно в капиталистическом обществе.

Но этот вывод не помешал Родбертусу «твердо держаться» того взгляда, что рыночная стоимость каждой из двух больших частей национального продукта, взятой отдельно, *в общем* совпадает с ее трудовой стоимостью. Совсем напротив! Учение Родбертуса о поземельной ренте только и могло явиться как результат странного, искусственного соединения этого взгляда с учением о том равном уровне прибыли, который должен был сначала определиться отношением прибавочной стоимости к капиталу *в одном*—«фабричном»—отделе национального производства, а затем уже *определить собою* распределение дохода между землевладельцами и сельско-хозяйственными капиталистами [1]).

Этот, совершенно несостоятельный, прием рассуждения довольно сильно обезображивал собою «блестящие результаты», достигнутые Родбертусом. Его непоследовательность била в глаза [2]). Тем не менее блестящих «результатов» было более чем достаточно для того, чтобы найти то «простое и так сказать элементарное» решение, которое нашел г. Воронцов. Даже (выразимся так для мягкости) позабыв о Рикардо, трудно было позабыть о Родбертусе. Поэтому совершенно непонятно, с какой стати наш «*простой*» цветочек дикий лезет в горшок с гвоздикой.

Правда, окончательные выводы автора «Капитала» совпали с «решением» г. Воронцова. Но почему? Единственно потому, что эти выводы *не разошлись* с теми выводами Рикардо и Родбертуса, которые повторил наш дикий цветочек. Мы, право, не видим большой заслуги в таком повторении. Ведь вот автор «Капитала» говорит иногда о дифференциальной поземельной ренте то же самое, что говорил Рикардо. Учение Рикардо о поземельной ренте повторялось многими и многими писателями. Неужели эти писатели могут говорить теперь: смотрите, мы предложили некоторые простые и элементарные решения, с кото-

---

[1]) Именно в этом заключается, по нашему глубокому убеждению, ошибка Родбертуса, а не в каком-то *физиократическом предрассудке*, в котором упрекал его покойный Зибер.

[2]) На нее указывал еще в шестидесятых годах Трунк в немецкой литературе; на нее же, если мы не ошибаемся, указывали у нас в начале восьмидесятых годов «Отечественные Записки», в которых писал г. Воронцов.

рыми согласен и автор «Капитала»? Позвольте, господа, надо же и честь знать! Разве это *ваши* решения?

Дикий цветочек, даже и сидя в одном горшке с гвоздикой, не всегда становится душистым. Решение, предложенное г. Воронцовым, сходится в последнем счете с решением, даваемым автором «Капитала». Но кто прочитал третий том этого сочинения, тот знает, что названное решение обосновывается там далеко—о, бесконечно далеко!—не так «элементарно», как в «*Очерках теоретической экономии*»[1]). Кроме того, дикий цветочек, изложив свое, заимствованное у Рикардо—Родбертуса «решение», спешит тотчас же исказить его ни с чем несообразными комментариями.

«Выслушав это, читатель может быть скажет, что здесь он видит противоречие трудовой теории ценности. Если эта теория создана для объяснения меновой стоимости, и если затем оказывается, что последняя отклоняется от того, что выдается за ее основу, то спрашивается, что побуждает считать трудовую теорию истиной и зачем создавать учение, заведомо не согласующееся с фактами, подлежащими объяснению? Это замечание вряд ли может быть признано справедливым. Начать с того, что теория ценности имеет целью объяснить не один только голый факт обмена, а весь цикл экономических явлений, обнаруживающихся в товарном обществе через посредство рынка. Затем, политическая экономия—наука абстрактная, а не конкретная, она открывает начала, присущие обществу, как организму вообще, а не как особенной только его форме товарно-капиталистического уклада. Эта особенная форма, как и всякая другая, потребует некоторого

---

[1]) Т.-е. опять-таки не в «Очерках» г. Воронцова, а в «Principles» Рикардо и в различных сочинениях Родбертуса. Но не в этом дело. Мы хотели сказать, что даже и после таких людей, как Рикардо и Родбертус, оставалось еще очень много сделать для исследования вопроса о том, как и почему отклоняется рыночная стоимость продукта от его трудовой стоимости. То же и в учении о дифференциальной ренте: в «Капитале» мы находим на этот счет, если хотите, то же, что в «Principles» Рикардо. Но это *«то же»* до такой степени исправлено и дополнено, что получается, пожалуй, *и совсем не то*. А вот об «Очерках» этого сказать нельзя Если г. Воронцов «решает» вопрос о поземельной ренте совершенно так, как решал его Рикардо, то он не дополняет взглядов покойника, а искажает их. «Возьмите,—говорит он,—например, закон ренты: разница в доходе на почвах, обрабатываемых при более или менее выгодных условиях производства. Вытекает этот закон, во-первых, из естественных различий плодородия земли, во-вторых, из не менее естественных условий размножения населения и, наконец, из технических условий производства. Но он не стоит ни в какой зависимости от потребностей разных экономических классов, между тем как распределение именно и имеет целью удовлетворение этих последних; он не знает этих потребностей, не согласован с ними. Он—сам по себе; они—сами по себе» (Очерки, стр. 33). Тут, что ни фраза, то—удивительная, несравненная, чисто воронцовская путаница понятий.

изменения основных начал общежития, открытых наукой, и это не будет противоречить теории, которая ищет общее, абстрактное и объясняет помощью его частное, конкретное. Поэтому, мы должны заранее примириться с тем, что принципы организации, присущие обществу на всех ступенях его развития и которые пытается открыть экономическая наука, потерпят в той или другой конкретной форме известное изменение. Это относится и к закону ценности, и в особенности в применении к капиталистическому обществу. Из первого очерка нам известно, какова роль рынка и сколько различных операций выполняет он одним фактом назначения цены. Уже в силу одного этого, последняя не может быть постоянной и точным образом отражающей какое-нибудь основное начало общежития. Но она не может и не иметь такого начала, потому что ее функция—регулирование отношений, свойственных не одному только рассматриваемому типу общества, а и таких вечных и постоянных, например, как производство. Поэтому, напрасно будет искать теорию ценности, которая бы, во-первых, обладала свойством объяснять всю совокупность явлений, так или иначе связанных с феноменом цены, и, во-вторых, буквально повторялась (?!) на рынке. Мы должны быть удовлетворены, если нам удастся построить гипотезу, *объясняющую* происхождение и состав цены и в тоже время удовлетворяющую другим требованиям, предъявляемым теории. Из всех же предложенных гипотез этому условию всего лучше удовлетворяет трудовая теория ценности»[1]).

Отметим пока, что в этом отрывке встречается одно из тех открытий, на которые г. Воронцов такой мастер, и в которых несравненно больше оригинальной мысли, чем в его «решении». Прежде г. Воронцов открыл нам, что «явление» спроса и предложения не зависит от общественных отношений, и что существуют вечные «производственные отношения», независящие от промышленной организации общества. Теперь мы узнаем, что существуют также принципы *организации*, присущие обществу на всех ступенях его развития. Жаль, что наш автор не говорит, какую именно «организацию» имеет он в виду: если «*промышленную*» (что весьма вероятно), то у нас получаются значит не только вечные отношения *производства*, но и вечные принципы *распределения*. Выходит, что экономисты-классики вовсе не были неправы в своем стремлении открыть эти принципы. Но что сказала бы об этом нашему дикому цветочку душистая гвоздика?

---

[1]) «Очерки». стр. 93—94.

Слушайте дальше.

«Из всего, что нам до сих пор известно, следует, что есть ценность производственная и ценность рыночная, меновая. Первая выражает отношения постоянные, присущие обществу на всех ступенях его развития; отношения наиболее важные, потому что производством продуктов определяется удовлетворение потребностей человека (а от распределения оно не зависит?). Вторая есть равнодействующая всех влияний, оказавшихся в данный момент на рынке; главнейшие из них — отношения производства и распределения продуктов: меновая ценность должна примирить требования производства и распределения. И вот предлагается отыскать такое начало ценности, исходя из которого можно было бы объяснить всю совокупность подлежащих явлений и которое в то же время было бы вполне тожественно с началом, скрывающимся за меновой ценностью и составляющим его основу. Это требование предполагает, между прочим, что какова бы ни была организация общества и законы распределения продукта, рыночная ценность последнего представляет постоянную величину (постоянную величину! Побойтесь Бога, г. Воронцов; никто ничего подобного не «предполагает»). Такое предположение нам кажется неосновательным (ну еще бы!) и именно вот почему. Если бы меновая ценность выражала только отношения производства—цена какого-либо продукта была бы та же самая при всевозможных организациях общества, если только технические условия производства в сравниваемых случаях одинаковы! Но коль скоро меновая стоимость должна отступать от производственной ради удовлетворения требованиям распределения,—естественно предположить, что размер этого отступления будет зависеть от принципов, лежащих в основе распределения. А если так, то меновая стоимость лишается постоянства (вот оно что!) и следовательно теряет надежду (воображаем ее отчаяние!) получить какое-либо неизменное основание» [1]).

Это уже полное торжество субъективизма в политической экономии. Первоначально г. Воронцов с анализа отношений производителей в процессе производства сбивался на анализ того, что должно происходить в душе этих *производителей*. Теперь он *одушевляет меновую стоимость* и изображает ее перед нами в виде задерганной лошади, которая, тщетно стараясь «примирить» одно с другим те направления, по которым дергает ее неумелый ездок, «теряет», наконец, «надежду»

[1]) «Очерки», стр. 97—98.

проникнуть в его намерения и идет, как попало. Может быть оно, по ученому-то, так и надо, но душистая гвоздика и в этом случае вряд ли согласилась бы с диким цветочком.

Меновая стоимость выражает собою отношения товаропроизводителей в общественном процессе производства. Пока и поскольку мы имеем дело с обществом простых товаропроизводителей, до тех пор и постольку она выражает их точно и, *в общем*, совпадает с *трудовою стоимостью* продуктов. Но вот общественные отношения производителей усложняются. Простые товаропроизводители становятся капиталистическими товаропроизводителями (ведь капитал это—тоже общественное отношение производства). Меновые стоимости производятся теперь ради производства *прибавочной* стоимости. Это усложнение общественных отношений производителей влияет на меновую стоимость в смысле ее отклонения от трудовой стоимости. Вот только и всего. Неужели это не ясно? Неужели это не просто?

Возьмем пример из физики. Физика говорит, что лучи света распространяются по прямой линии. И она, разумеется, нас не обманывает. В пустом пространстве и в однородной среде свет, действительно, распространяется таким образом. Если бы мы этого не знали, то совсем не могли бы объяснять световые явления. Но при переходе светового луча из одной прозрачной среды в другую, отличающуюся другою плотностью, происходит его преломление. Движение светового луча совершается в этом случае уже *по ломаной*, а *не по прямой* линии. Преломление света тоже имеет свои законы. Их тоже надо знать, чтобы объяснять явление света. Ну и что же, «отклоняются» от чего-нибудь ученые, исследующие законы преломления света и указывающие их действие? «*Противоречат*» они основному положению оптики, гласящему, что свет распространяется по прямой линии? Устраняют ли законы преломления света закон его прямолинейного распространения? Нет, они только видоизменяют *окончательный результат его действия*, а сам он ни на одно мгновение не перестает действовать. И это всякому понятно; всякий образованный человек знает, что столкновение двух законов природы не прекращает действие ни одного из них. А вот в политической экономии этому многие продолжают удивляться. И сам г. Воронцов, предлагая свое (гм! гм!) «решение», чувствует себя так неловко, что топит совершенно правильную (хотя и чужую) мысль в безобразной «*телемахиде*» комментариев, способных показать только одно: то, что он совершенно не усвоил духа новейшей теории стоимости. Так мало при-

выкли «образованные люди» обращаться с понятием о законосообразности общественных явлений!

Но как бы ни объяснялась печальная действительность, она не перестает быть печальной. Чем бы ни вызывалось отклонение рыночной стоимости продукта от трудовой его стоимости, оно все-таки совершается, и г. Воронцов чувствует себя не хорошо. Ему хотелось бы устранить неприятную прозу капитализма. И вот его фантазия начинает усиленно работать. Наконец, загадка разрешается, г. Воронцов делает новое открытие.

«Мы можем представить себе,—говорит он,—и такую организацию общества, при которой, даже при существовании работы на рынок, меновые стоимости вполне бы соответствовали внутренней. Для этого достаточно, чтобы добавочное вознаграждение производителя за затрату лишних, сравнительно с другими, средств производства, взяло на себя правительство, получающее нужные для этого средства путем общего налога» [1]).

Утопия, которая со временем несомненно займет свое, хотя не весьма почетное, место в истории *утопических социальных систем!*

Когда г. Воронцов оспаривает какую-нибудь теорию, он любит пускаться в догадки о том, каковы психологические побуждения людей, ее отстаивающих. Таких соображений много как в «Наших направлениях», так и в «Очерках теоретической экономии». Мы не одобряем этой манеры г. Воронцова, но пример заразителен, и мы ему следуем. Мы спрашиваем себя, почему г. Воронцов так настойчиво, хотя и неудачно, защищает «трудовую теорию» стоимости? Почему он так горячо любит эту стоимость до тех пор, пока она не искажается капитализмом?

Нам кажется, что ответа на этот вопрос надо искать в нижеследующих строках.

«Справедливость и равенство прав—вот главнейшие устои, на которых буржуа восемнадцатого и девятнадцатого столетий желал бы воздвигнуть свое общественное здание на развалинах феодальных несправедливостей, неравенства и привилегий. Определение же стоимости товаров трудом и совершающийся на основании этого мерила стоимости свободный обмен продуктов труда между равноправными товаровладельцами—это и есть та реальная основа, на которой покоится вся совокупность политической, юридической и философской

[1]) «Очерки», стр. 100.

идеологии современной буржуазии. Ее лучшие чувства должны глубоко оскорбляться испорченностью такого мира, где на словах труд признается мерилом стоимости товаров, на деле же этот основной закон справедливости, повидимому, ежеминутно нарушается самым бесцеремонным образом. И именно мелкий буржуа, видящий, как конкуренция крупного производства и машин ежедневно все более и более обесценивает его честный труд (исполняемый, впрочем, учениками и подмастерьями)—именно этот-то мелкий производитель и должен всего сильнее вздыхать о таком обществе, где продукты обменивались бы, наконец, вполне и без всяких исключений, по их трудовой стоимости. Другими словами, он должен вздыхать о таком обществе, где действовал бы исключительно и неограниченно лишь один из законов товарного производства, но были бы устранены те условия, при которых он только и может действовать, а именно остальные законы товарного, а затем капиталистического производства».

Объяснив нам закон или «явление» стоимости (мы уже знаем, что г. Воронцов смешивает эти научные термины) с точки зрения «вечных и существенных» отношений производства, наш не-классический экономист переходит к исследованию «частных экономических законов». В трех довольно больших очерках он говорит о капиталистическом законе производства, распределения и потребления, о характере капиталистической промышленности и, наконец, о некоторых вспомогательных средствах ее эволюции. Мы должны сказать несколько слов об этих очерках.

Очерк «Вспомогательные средства капиталистической эволюции» посвящен вопросу о значении непроизводительного потребления в капиталистическом обществе. Г. Воронцов предлагает там то самое «простое» и «так сказать элементарное» *решение* этого вопроса, которое несколько раньше его предложено было в сочинении Мальтуса «*Principles of political Economy*», известном всем экономистам и вышедшем... в 1820 году. Смеем думать, что читателю знакомы взгляды Мальтуса, и потому не находим нужным критиковать «решение», предлагаемое г. Воронцовым. Отметим только, что хотя наш автор, правда, ни разу не называет Мальтуса, но зато и не грешит против скромности: он ничего не говорит о «бесплодности поклонения». Мы очень охотно выдвигаем вперед эту последнюю заслугу русского исследователя, мы рады похвалить его, но...

Проклятое «*но*»! Книс сказал как-то о Листе, что его нельзя осудить иначе, как с большою похвалою, и нельзя похвалить иначе, как с большим порицанием. Г. Воронцов отчасти похож на Листа. Хотя у нас и нет никаких оснований для того, чтобы порицать его с похвалою, но мы, к сожалению, не можем похвалить его иначе как с большим порицанием. Г. Воронцов изложил взгляды Мальтуса, правда, ни однажды не назвавши его имени, но зато и ни разу не позабыв о том, что скромность есть лучшее украшение писателя. Это очень хорошо. Однако, этой заслугой и ограничивается сделанное г. Воронцовым для «*теоретической* экономии». Отсюда и происходит наше «*но*» или точнее *наши* «но», потому что их много.

Та «промышленная организация общества», те общественные отношения производства, с которыми никак не может справиться, в своей «*теоретической экономии*», г. Воронцов, представляет собою неизбежное, независящее от воли людей следствие развития общественных производительных сил. Как и всякий результат исторического движения человечества, отношения эти имеют свое начало и свой конец, свое детство, свою юность, свой зрелый возраст и свою старость. Вызванные к жизни развитием общественных производительных сил, они сначала сами содействуют дальнейшему развитию этих сил, и тогда за них более или менее горячо стоят, тогда их более или менее страстно идеализируют все производители, т.-е. все общество, за исключением небольшой кучки сторонников попятного движения. Но когда кульминационная точка оказывается пройденной, обнаруживается оборотная сторона медали. Те самые общественные отношения, которые когда-то способствовали развитию общественных производительных сил, теперь начинают препятствовать ему, и это столкновение производительных сил с отношениями производства порождает целый ряд противоречий, которые отражаются на всем ходе общественной жизни и разрешение которых и становится важнейшей общественной задачей данного времени.

От этой судьбы не ушла ни одна до сих пор существовавшая система общественных отношений производителей. Не ушел от нее и капиталистический способ производства. Развитые им колоссальные производительные силы передовых стран Запада все энергичнее и энергичнее сталкиваются теперь со свойственными ему общественными отношениями производителей. В течение довольно долгого времени столкновение это выражалось в периодических промышленных кризисах, теперь оно начинает сказываться хроническим переполнением

рынка, против которого бессильна как дешевая мудрость вульгарных экономистов, так и добрая воля наученных горьким опытом предпринимателей.

Об этом столкновении говорят теперь очень многие. Говорит о нем и г. Воронцов. Но, верный своему обыкновению, он немедленно переносит вопрос в ту туманную область, где совершенно пропадают из виду все условия места и времени, и где, поэтому, остается аппелировать лишь к «*человеческой природе*».

«Если то, что в виде заработной платы входит в издержки производства, потребляется трудящейся частью населения, то прибавочная стоимость, за исключением доли, назначенной для требующегося рынком расширения производства, должна быть уничтожена капиталистами. Если они в силах сделать это и делают его (?) — излишек снабжения товарами не имеет места, если же нет—является перепроизводство продуктов, промышленные кризисы, вытеснение рабочих с фабрик и следующий за ним ряд бедствий, заставляющий одних экономистов проклинать машины, других—требовать увеличения непроизводительного потребления капиталистов, фабрикантов и т. п. Последний совет, впрочем, чуть ли не излишен: не скромность и воздержание фабрикантов служат причиною излишка продуктов, а ограниченность или недостаточная эластичность человеческого организма, не успевающего расширять свои потребительные способности с тою быстротой, с какой растет прибавочная стоимость» [1]).

Вопрос о перепроизводстве сводится таким образом к вопросу об эластичности человеческого организма; из области политической экономии мы попадаем в область физиологии. Удивительно, что никому из экономистов не пришло до сих пор в голову столь «простое» и «так сказать элементарное решение».

В прошлом веке отправился во Францию, во время регентства, знаменитый польский пан Радзивилл. Он ехал на своих лошадях и для всякого ночлега покупал дом. Прибыв в Париж, он очень сошелся с регентом. Однажды ему понадобилось что-то сообщить этому последнему. Он послал к нему своего слугу. Слуга долго бродил по городу, но не нашел Пале-Рояля.—Фу, какая скука, воскликнул Радзивилл по возвращении слуги, велите моему поверенному скупить дома между моим дворцом и Пале-Роялем, да и сделайте улицу.

[1]) «Очерки», стр. 161.

чтобы этот дурак не путал, когда я его опять пошлю к регенту! Так образовался passage Radzivill.

Очень возможно, что организм Радзивилла не был эластичнее организма г. Воронцова; это не помешало и не могло помешать ясновельможному пану проживать бесконечно больше, чем проживает г. Воронцов. Одного этого анекдота, слышанного автором «Былого и Дум» от Ворцеля, достаточно, чтобы показать, как мало расходы высших классов зависят от их физиологических потребностей—собственно так называемых—и до какой степени неуместно искать в физиологии убежища от затруднений, встречающихся в области «теоретической экономии». Если бы, составляя смету своих ежегодных расходов, крупные предприниматели должны были считаться только с «эластичностью» своего организма, то мы, право, не знаем, где остановились бы эти расходы.

Дело тут вовсе не в эластичности организма, а в тех самых законах капиталистического способа производства, о которых собирался говорить наш автор. Расширение производства, а следовательно и накопление капитала, обязательно для предпринимателя *по чисто экономическим причинам*. Что в капиталистическом обществе расширение это встречает много препятствий, ведущих к периодическим потрясениям всего производительного общественного организма, это неоспоримо. Но существование этих препятствий вовсе еще не доказывает, что в капиталистических странах сбыт продуктов может увеличиваться только на счет иностранных рынков. Увеличение емкости внутреннего рынка таких стран представляет собою бесспорный исторический факт, и от этого факта нельзя отговориться произвольными примерными выкладками, на подобие тех, которым предается г. Воронцов в очерке: «Капиталистический закон производства, распределения и потребления» (см., напр., стр. 127: «в стране, именующейся у нас Англией», «в нашей, так называемой, Германии» и т. п.). Разумеется, и это увеличение имеет свои пределы, перейти которые капитализм рано или поздно окажется неспособным. Но до наступления этого времени капитализм каждой из больших промышленных стран будет развиваться не только на счет внешнего, но и на счет внутреннего рынка.

Это тем более приходится сказать о России, которая, по словам г. Воронцова, есть одна из некапиталистических стран (стр. 206). Раз в такой стране началось развитие капитализма, оно, конечно, может встретить—и даже непременно встретит—много препятствий

со стороны устарелых, отживающих общественных отношений, но оно не встретит тех пределов, которые сами являются лишь, как результат полного торжества капиталистического способа производства.

Постепенное, все более и более быстрое исчезновение в ней старого натурального хозяйства постоянно открывает перед капиталом новое, все более и более широкое поле. Капитал, оказавшийся излишком в одной отрасли промышленности, может быть с успехом перенесен в другую, новую область, где ему надобно будет, да и то не всегда, преодолеть лишь вовсе неопасную конкуренцию производителей, держащихся допотопных способов производства[1]).

Устарелые, отживающие общественные отношения производителей представляют собой много препятствий для развития капитализма в России. Но в этом нет ровно ничего удивительного. Так было не только в России. Так было везде и всюду до тех пор, пока капитализму не удавалось преодолеть препятствия, встречавшиеся ему со стороны устарелых общественных отношений. Но что, несмотря на указанные препятствия, русский капитализм все-таки быстро развивается, частью завоевывая, а частью *создавая* внутренний рынок, этого не могут не *сознавать*, этого не могут не *признавать* сами сторонники так называемого у нас народного способа производства. Вот, что мы читаем, например, в том самом «Новом Слове», одним из столпов которого является не-классический автор «Очерков теоретической экономии».

«Горное дело на юге России выросло на наших глазах. Это можно сказать буквально о железной промышленности, получившей особенное развитие именно в последнее десятилетие. Каменноугольное дело несколько старше, но и оно за последние 10 лет выросло втрое, и Донецкий бассейн дает теперь больше угля, нежели все остальные каменноугольные районы: польский, уральский, подмосковный и др.»[2]).

Это показывает, если не ошибаемся, что в горнозаводской промышленности дела капитализма обстоят не так уж плохо, как этого хотелось бы г.г. народникам. Подумайте в самом деле: «за последние

1) На это обстоятельство не раз уже указывали г. Воронцову. Указывал на него, между прочим, и г. Туган-Барановский в своем исследовании о промышленных кризисах в Англии (стр. 438, примеч.). Г. Воронцов обошел молчанием это возражение г. Туган-Барановского. Отличительная черта г. Воронцова заключается в полной неспособности понимать возражения своих противников. В этом отношении «*эластичность*» его «организма» крайне незначительна.

2) «Новое Слово», октябрь 1895, Библиографический отдел, стр. 80.

25 л. эта отрасль в России возросла почти в 10 раз, в то время, как в Соединенных Штатах всего в $3^1/_2$ раза, в Австрии в 3 раза, в Германии 2—3 раза и в Англии в $1^1/_2$ раза»[1]). Не ясно ли, что в этой отрасли капитализм не встречает тех непреодолимых препятствий, которые вырастают для него из... примерных арифметических расчетов г. Воронцова? А если это так, то не ясно ли, что расчеты эти не вполне состоятельны?

Рецензент «Нового Слова» прибавляет: «Но те же цифры получат совершенно иное значение, если от относительных величин мы перейдем к абсолютным и узнаем, что тогда как средняя ежегодная добыча угля в течение 1881—1890 г.г., сравнительно с пятилетием 1866—1870 г.г., в Австрии повысилась на 853 милл. пуд., в Германии на 2.635 милл. пуд., в Великобритании на 3.709 милл. пуд. и в Соединенных Штатах на 4.853 милл. пуд., в России она увеличилась всего на 261 милл. пуд.,—меньше, нежели в крошечной Бельгии (на 337 м. п.)».

Нам кажется, что когда речь идет о *развитии* той или другой отрасли промышленности, то важны прежде всего именно «*относительные величины*», которые одни только и способны показать, стоит ли она на одном месте, подвигается ли она вперед, или, напротив, идет назад. Мы видели, что «относительные величины», показывающие рост горного дела в России, не оправдывают народнических предсказаний касательно «судеб русского капитализма». Что же касается абсолютных величин, то они только свидетельствуют, что горное дело развито у нас пока еще слабо; но о будущей судьбе этого дела они не говорят, да и говорить не могут. А если и говорят, то говорят скорее противное тому, в чем хотел бы уверить нас г. Воронцов; они показывают, что в этой отрасли промышленности капиталисты-предприниматели *могут еще очень и очень широко расширять свое производство*. И вот тут-то и является многозначительным свидетельство «относительных величин», из которого явствует, что горное дело растет у нас действительно чрезвычайно быстро. А развитие горного дела дает новый толчек другим отраслям промышленности, развитие которых в свою очередь увеличит рынок для сбыта продуктов горного дела. Таков естественный и неизбежный теперь ход вещей, против которого напрасно ополчается г. Воронцов со своими соображениями об «эластичности» человеческого организма и со своими примерными расчетами.

[1]) Там же, стр. 81.

«Постоянный избыток товаров на рынке,—говорит наш автор,—должен служить огромным препятствием дальнейшему прогрессу капиталистической промышленности. При таком избытке цены продуктов падают, многие производители разоряются, другие претерпевают сокращение доходов» [1]).

Что правда, то правда; именно такие явления наблюдаются там, где рынок переполнен товарами. Эти явления до такой степени неизбежны, что там, где мы встречаемся с ними, мы почти без ошибки можем умозаключить к переполнению рынка товарами. Посмотрим же, «разоряются» ли русские производители-капиталисты.

Из опубликованных в «Вестнике финансов» отчетов за 1887 год видно, что чистой прибыли получили:

Российская бумагопрядильня в Петербурге	15 проц.
Товарищество мануфактуры Балина	16 »
» Викулы Морозова	16 »
Нарвская льнопрядильня	18 »
Сампсониевская бумагопрядильня	21,3 »
Товарищество Екатерингофской бумагопрядильни	23 »
Бумагокрасильная фабрика Рабенека	25,4 »
Измайловская бумагопрядильня	26 »
Никольская мануфактура Морозова	28 »
Невская бумагопрядильня	38 »
Кренгольмская мануфактура	44,9 »
Товарищество шерстяных изделий Торнтона	45 » [2])

Это уже очень почтенные цифры, но говорят, что они не соответствуют действительности; что на самом деле чистая прибыль наших предпринимателей еще и очень значительно выше. Так, например, есть основания думать, что мануфактура Викулы Морозова дала не 16, а 28 процентов чистого дохода, Невская бумагопрядильня не 38, а 53, Никольская мануфактура не 28, а свыше 40 проц. и т. д. [3]). Допустим, однако, что это преувеличенный расчет; допустим, что наши крупные предприниматели не скрывают истины и не стараются ложными отчетами «сохранить за собою право плакаться на худые дела». Все-таки выходит, что мы очень далеки от того переполнения нашего рынка, которое ведет за собою разорение

---

[1]) «Очерки», стр. 180.

[2]) Ходатайства Императорского Вольного Экономического Общества об изменениях в русском таможенном тарифе. С.-Петербург. 1890 г., стр. 150.

[3]) Там же. стр. 151.

предпринимателей, и что какова бы ни была «эластичность» организма наших капиталистов, она не мешает им делать хорошие дела и с уверенностью смотреть в будущее, как выразился года два тому назад г. Морозов в своей нижегородской речи. Выходит, что каковы бы ни были препятствия, встречаемые русским капитализмом со стороны наших устарелых «производственных отношений», этот способ производства еще не попал у нас в те противоречия, которые несомненно явятся, когда он станет склоняться к упадку, и на которые хотел указать г. Воронцов своими рассуждениями об эластичности человеческого организма.

Предпринимательская прибыль очень высока у нас в настоящее время; и именно этим обстоятельством объясняется ничтожность усилий, делаемых русскими капиталистами *для завоевания иностранных рынков.*

Когда у нас в литературе поднимается вопрос о таком завоевании, то наши исследователи ограничиваются рутинным и ровно ничего не объясняющим соображением, сводящимся к формуле: «где уж нам». Даже Императорское Вольное Экономическое Общество в своих «*Ходатайствах*» без дальнейших доказательств и объяснений заявляет, что и самые распространенные у нас хлопчатобумажные изделия, «68 лет уже протежируемые запретительными пошлинами, все еще не могут конкурировать с дешевыми чужестранными ни на одном доступном рынке» (стр. 35). Это совсем не верно, как это хорошо знают иностранцы, знакомые с состоянием русской хлопчатобумажной промышленности и с качеством ее изделий.

«В общем русская хлопчатобумажная промышленность удивительно растет...—говорит г. Г. Кун—изготовляются преимущественно низшие номера пряжи, но что касается этих номеров, то Россия *может успешно соперничать даже с Англией* [1]).

А что говорят сами англичане, бесспорно наиболее компетентные судьи в этом деле?

13-го сентября 1889 года Джорж Н. Кэрцон прочитал перед собранием Британской Ассоциации в Ньюкэстле доклад, посвященный вопросу о торговом соперничестве России и Англии на среднеазиатских рынках. Общий вывод Кэрцона тот, что «русские торговцы все более и более укрепляются в Средней Азии, вследствие чего деньги

[1]) «Die Baumwolle, ihre Kultur, Structur und Verbreitung». Wien. Pest. Leipzig 1892, стр. 264—265.

перестают приливать в бомбейские и манчестерские карманы, направляясь в карманы нижегородские и московские»[1]).

Кэрцон повторяет и подтверждает этот вывод в своем большом сочинении: «*Russia in Central Asia*». London, 1889.

Калькутский «*Englishman*» в № от 12 октября 1892 года заявляет, что с постройкой Закаспийской железной дороги рынки Средней Азии оказываются фактически закрытыми (closed) для англо-индийских продуктов.

Лондонский «*Board of Trade Journal*» далек от пессимизма Кэрцона. В статье «*Manchester Cotton Goods in Persia*», напечатанной в мартовской книжке этого журнала за 1894 год, приводится мнение одного сведующего человека, который думает, что англичане могут удержать за собою все свои прежние персидские рынки за исключением Мешеда. Но эта надежда основывается главным образом вот на каком соображении:

«Говоря вообще, английские хлопчатобумажные изделия предпочитаются в Персии и продаются там дороже русских, так как они более приспособлены ко вкусам персиян. Русские ткани вообще лучше *качеством* (курсив наш), но уже английских» (стр. 322).

Это мнение англичанина-практика о качестве русских хлопчатобумажных изделий удивит многих из тех русских читателей, которые принимают за хорошую монету тенденциозные, а отчасти и просто невежественные суждения некоторой части нашей печати. Но в английской публике мнение это не является чем-либо исключительным.

В 1886 г. генеральный консул У. Дек. Эббот предпринял целое следствие касательно сбыта английских хлопчатобумажных изделий в Персии. Вот что узнал он между прочим:

It is asserted that these Russian goods leave completely in the background those which are now being imported into this market from Manchester; that they are superior as regards colour, printing, cloth, and especially so in soundness[2]).

Эббот не сомневается в том, что Манчестер может производить ситцы лучше московских (еще бы усомнились в этом англичане, быв-

[1]) «Asiatic Quarterly Review», October 1889, стр. 439.

[2]) Т.-е. что русские изделия этого рода (дело идет о миткале и ситце) оставляют далеко за собою манчестерские изделия в смысле качества тканей, их набивки, красок и особенно прочности. «Foreign Office», Miscellaneous series, 1886, № 15. «Persia. Report on the importation of cotton goods of an inferior quality into Persia» p. 3.

шие до последнего времени царями хлопчатобумажных рынков!). Москва не убьет Манчестера. Но в восьмидесятых годах привозимые в Персию русские изделия все-таки оказались значительно лучше английских, и Эббот обращает на это внимание английского правительства и английских фабрикантов, замечая, что обстоятельство это стоит в тесной связи (this subject is intimately connected) с большим развитием русской торговли не только в Персии, но и во всей Средней Азии [1]).

Предостережение Эббота было принято к сведению манчестерскими фабрикантами. Под влиянием русской конкуренции, во второй половине восьмидесятых годов, равно как и в девяностых, качество хлопчатобумажных изделий, присылаемых в Персию английскими фабрикантами, значительно улучшается. Соответственно этому изменяется и тон консульских отчетов. Теперь реже встречаются заявления о безусловном превосходстве московских изделий. Генеральный консул в Мешеде Р. Томпсон в своем докладе за 1892—1893 г.г. говорит, что эти изделия не могут сравниться с манчестерскими. «Но,—прибавляет он—русские бодрствуют, между тем, как мы спим; их изделия очень сильно улучшаются с каждым днем». Особенно прогрессируют, по его мнению, русские *ситцы*: они «have improved immensely». Поэтому общий вывод его не особенно утешителен для англичан: «статистика показывает,—говорит он—что в течение последнего года наша торговля сделала большие успехи, а русские пошли назад. За это мы должны благодарить холеру... Если холера явится и в этом году, то нас ожидает результат, подобный прошлогоднему, а если нет, то нам предстоят большие поражения» [2]).

Замечательно, что как ни горды англичане качеством своих манчестерских изделий, но они вынуждены были признать, что на персид-

---

[1]) Там же, стр. 5.

[2]) «Foreign Office». 1893. Annual Series. № 1268. «Report for the year 1892—1893 on the Trade of the consular district of Meshed», p. p. 3 a. 4. Ср. также доклад ген. консула Мак-Лина за 1889—1890 г.г.: «All articles of English manufacture are considered infinitely superior and are much preferred to Russian goods, but being of better materials and having to be brought a longer distance, they cannot be sold so cheaply. At the present moment English and Russian chintzes are selling at the same price in the bazaars. The Russians are trying to force the English articles out of the market by the importation of large quantities of their own chintz, which they are selling at a very small profit. The English chintz, on the other hand, must be got rid of, and so it too is being sold at a loss, or at no profit», etc.

Мнению Мак-Лина можно противопоставить выше цитированное мнение английского сведущего человека *о лучшем качестве* русских изделий, цитируемое Г. Л. Черчиллем, консулом в Реште, в отчете за *1892—1893 г.г.*

ском рынке некоторые русские ткани, например, *кумач*, даже будучи уже английских на несколько дюймов, спрашиваются больше и оплачиваются дороже*). Им пришлось поэтому подражать московским изделиям**).

Мы могли бы заимствовать из отчетов тех же консулов не безынтересные сведения о сбыте в Персии русских металлических изделий, сахара и т. п. Но это выходит из пределов нашей задачи. Мы хотели лишь указать на то, что, вопреки мнению Императорского Вольного Экономического Общества, русские хлопчатобумажные изделия *могли бы* успешно конкурировать даже с английскими, если бы... если бы наши предприниматели дорожили иностранными рынками. Но они не дорожат, да, при нынешнем положении дел, и не имеют основания дорожить ими.

Послушаем опять англичан.

«Наши торговцы более обстоятельные люди и довольствуются низшим уровнем прибыли», говорит генеральный консул Айет, в отчете за 1893—1894 годы, вполне соглашаясь в этом случае с мнением цитируемой им газеты «*Кавказ*»***).

«Русский и особенно московский хлопчато-бумажный фабрикант не довольствуется умеренной прибылью, скажем в 5 процентов. Обыкновенно он стремится получить 15, 20 и даже более процентов на свой капитал,—говорит в своем докладе за 1892 год петербургский консул Майгелль... Он не захочет взяться за предприятие, не сулящее ему подобной, необыкновенно высокой прибыли»****).

Майгелль указывает и причину этой необыкновенной «эластичности организма» русских хлопчатобумажных фабрикантов. Они привыкли получать высокий уровень прибыли благодаря излишнему покровительству (excessive protection), говорит он. И это мнение разделяется очень многими иностранцами.

Если оно справедливо, а мы думаем, что оно совершенно справедливо, то слабый вывоз наших мануфактурных изделий объясняется

---

[1]) «Foreign office», 1894. Annual Serieis, № 1376. «Persia. Report for the years 1892—1893 and 1893—1894 on the trade etc. of the consular district of Ispahan», p. 19.

[2]) Там же, стр. 68: «our importers have... found it necessary to have cotton goods printed in the same style and designs as some of the Russian chintz. These are known in bazaars as *chit-oorus* or Russian chintz...».

[3]) «F. O. A. S.» № 1429, стр. 2.

[4]) «Board of Trade Journal», sept. 1893 год, ст. «Cotton manufacture in Russia», стр. 303.

не тем, что «*куда уж нам*», а тем, что «*зачем же нам*» и «*стоит ли руки марать из-за пустяков*»?

Если бы наш внутренний рынок действительно был хронически переполнен мануфактурными изделиями, как в этом нас стараются уверить наши старомодные противники капитализма, то тогда наши фабриканты, перестав получать привычную для них, непомерно высокую прибыль, обратили бы серьезное внимание на иностранные рынки. Теперь же их не тянет на иностранные рынки по той простой причине, что им достаточно хорошо, даже более, необыкновенно хорошо и у себя дома.

«Вывоз из России изделий стал с половины восьмидесятых годов довольно сильно возрастать, — говорит г. Морев.—До 1886 года их никогда не вывозилось более, чем на 7.360.000 рублей, в среднем же выводе за десятилетие 1876—1885 г.г. вывоз составлял только 6.107.000 руб.; в последнее же пятилетие с 1888 по 1892 г.г. средний вывоз изделий равнялся 25.144.000, следовательно, увеличился в 4 раза. Несмотря, однако, на такое быстрое увеличение вывоза изделий, они и теперь еще составляют очень незначительную часть в общей сумме нашего отпуска» *).

Это безусловно справедливо и, как мы видели, вполне понятно.

Покровительственный тариф в течение некоторого времени был совершенно необходим для развития нашей крупной и вообще капиталистической промышленности. Но теперь и особенно при тех размерах, которые приняло покровительство в девяностых годах, он, продолжая быть выгодным для некоторого слоя русских *капиталистов*, начинает задерживать дальнейшее развитие русского *капитализма*. Наша промышленность не сделает всех тех успехов, которые она может сделать, до тех пор, пока существует нынешняя почти запретительная система. Впрочем, она не может быть долговечной. Чем более капиталистический способ производства будет охватывать наше земледелие **), тем сильнее скажется необходимость уступок нашим фритрэдерам, и теперь в значительной степени сознательно или бессознательно вдохновляемых *интересами земледельческого капитала*, и всякая такая уступка послужит сильным толчком для развития нашей

*) «Очерк коммерческой географии и промышленной статистики России». Издание четвертое, стр. 304.

**) Ниже мы увидим, в каком виде этот способ производства является у нас, местами, в земледелии.

обрабатывающей промышленности *). Тогда и дело завоевания внешних рынков примет у нас другой оборот, а лучше сказать,—тогда оно *действительно начнется*. А теперь *мы можем, да не видим надобности*.

Наши старомодные «враги капитализма» воображают, что раз на всемирном рынке утвердились «более передовые страны», то странам «отсталым» там решительно нечего делать. Это представление не соответствует действительности. На самом деле «отсталые страны» силою вещей *вынуждаются* догонять «передовые» и часто соперничают с ними *очень успешно*. Было время, когда немцам странно было бы и думать о соперничестве с Англией, а теперь горький опыт показывает англичанам, какие быстрые успехи делает немецкая промышленность **).

Да что немцы! Теперь с англичанами конкурирует (на китайских рынках) уже Ост-Индия и даже Япония ***). Промышленная монополия Англии отошла уже в область предания, — и *это обстоятельство имеет огромную важность для всего культурного мира: оно несомненно будет способствовать новому, прогрессивному видоизменению общественных отношений производителей в самой Англии, и в то же время оно означает, что «отсталые страны» все более и более разрывают с идиотизмом ветхозаветной сельской жизни, что одна Обломовка за другою пробуждается от своего векового сна*. Сожалеть об этом могут только те, которые сами еще не совсем проснулись или которым хотелось бы по той или иной причине усыпить других.

Г. Воронцов уверяет, что он вовсе не сторонник промышленного сна и экономического застоя, что он тоже сторонник поступательного движения, но что он не видит, почему поступательное движение должно совершаться под знаменем капитализма, а не под знаменем *народной* промышленности. В последующих главах мы на примере России увидим,

*) Хотя, разумеется, только до известных пределов. О полной свободе торговли теперь у нас не может быть речи (да не о ней говорят и наши фритрэдеры).

**) «There has been for some years a panic among British merchants here with regard to german trade, which, they maintain is beating the British import, out of the country». F. O. 1892. A. S. № 1099. «Report district of the consulate-general at Constantinople», p. 5.

***) До какой степени здесь неуместен схематизм и все зависит от сочетания великого множества отдельных условий, показывает следующий пример. Ост-Индские хлопчатобумажные ткани с трудом выдерживают на китайских рынках конкуренцию манчестерских, между тем как ост-индская пряжа легче сбывается там, чем английская.

до какой степени прав был экономист, сказавший, что тот способ производства, который у г. Воронцова называется *народным*, превращается по своей неизбежной внутренней диалектике в производство *капиталистическое*. А теперь, подводя итоги сказанному нами о г. Воронцове, как политико-экономе, заметим:

Взгляды экономистов-классиков во многих отношениях неудовлетворительны. Это знает теперь всякий школьник. Но если бы мы не имели для замены этих устарелых взглядов ничего, кроме сбивчивых и запутанных экономических воззрений г. Воронцова, то нам лучше было бы покрепче держаться за экономистов-классиков: маленькая рыбка все же лучше, чем большой таракан,—справедливо полагал наш сатирик.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Г. Воронцов, как теоретик народничества

ВСТУПЛЕНИЕ

Г. Кудрин выразил в «Русском Богатстве» ту человеколюбивую мысль, что г. Воронцову следует простить его скитания в дебрях «Наших направлений». Мы ничего не имеем против этого: и в самом деле, почему не простить г. Воронцову его теоретических злоключений? Мы не понимаем только, почему г. Кудрин не идет дальше и не извиняется также и за «Очерки теоретической экономии»: они еще слабее «Наших направлений». Вообще, если уж прощать, то прощать целиком и без оговорок. И не мешает помнить при этом, что г. Воронцов остался верен себе и в своих «Очерках современной экономической жизни России». Он везде такой же убежденный субъективист и такой же плохой мыслитель, каким мы видим его в непроходимых дебрях «*Наших направлений*».

В этом отделе мы хотим изучить г. Воронцова, как теоретика народничества.

Г. Воронцов говорит: «Интересы народа, как цель, формы, вырабатываемые его коллективной мыслью, или другие, соответствующие его желаниям, как средство, и самодеятельность населения, как рычаг общественной эволюции,—таковы три положения, характеризующие народничество, каким оно определилось в пореформенную эпоху нашей истории. Практическое осуществление этих pia desideria требует умственного подъема массы, который поэтому и поставлен, как главная задача переживаемого момента» *).

Для ознакомления с формами, вырабатываемыми коллективной мыслью народа, нам надо ознакомиться с общиной и с кустарной промышленностью. Мы начнем с общины.

---

*) «Наши направления», стр. 7.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Община

Основное социологическое положение г. Воронцова, как мы уже знаем, гласит, что форма общественного быта представляет собою «производное» человеческих чувств и воззрений. Верный этому своему *first principle*, г. Воронцов в «Итогах экономического исследования России по данным земской статистики» стремится показать, что у русских крестьян существует независимое от внешних условий «*стремление к общине, как к форме быта*» *).

Он уверяет нас, что, когда бывшие однодворцы переходят от так называемого четвертного землевладения к общинному, то решающим моментом в деле этого перехода являются не экономические нужды землевладельцев и государства, а «чувства и мысли массы». Экономия является, таким образом, функцией психологии.

Если это положение г. Воронцова вообще может быть доказано то, разумеется, нигде нельзя найти более убедительных доказательств в его пользу, как именно в тех случаях, когда однодворцы от частной собственности на землю, существовавшей у них с очень отдаленного времени, переходят к общинному землевладению. Самый факт подобного перехода, совершающегося подчас на наших глазах, повидимому, делает указанное положение совершенно несомненным и уж, конечно, проливает яркий свет на «формы, вырабатываемые коллективной мыслью» народа.

Приглядимся же к нему внимательнее. По словам г. Семевского уже в начале второй половины XVIII века однодворцы стали сознавать необходимость введения переделов. Это сознание сказывается в некоторых наказах депутатам в известную Екатерининскую комиссию. «Одновременно с этим,—прибавляет г. Воронцов,—о необходимости введения переделов раздаются голоса *и из среды местной администрации* (курсив наш). Толчком к фактическому осуществлению ука-

*) «Крестьянская община», стр. 42.

занного стремления было генеральное межевание, при котором однодворческая земля отводилась не каждому владельцу особо, а вместе целому селению, разверстание же отведенной площади между совладельцами предоставлено было самим крестьянам. При этом местами произошло, вероятно, то же самое, что можно было наблюдать при размежевании четвертных земель в новейшее время: малоземельные крестьяне настаивали на разверстании земли по душам, такое требование находило поддержку в спутанности землевладения и затруднительности определить юридическую долю каждого совладельца в общей площади угодья. Где встретилась указанная комбинация обстоятельств, там вопрос разрешался распределением земли по душам. При таких, вероятно, условиях произошло обращение четвертного владения в общинное в конце прошлого века. Но хотя описываемое время представлялось весьма удобным моментом для этого процесса, так как, при благоприятном идее уравнения настроении правительства, тогда шло всеобщее размежевание, но в массе населения идея перехода от подворного владения к общинному, повидимому, недостаточно еще назрела, а при относительном многоземелии переход к общине и не мог представляться настолько необходимым, как в настоящее время, вследствие чего обращение четвертного владения в общинное осуществилось сравнительно в небольшом числе поселений. Зато, раз начавшись, процесс продолжал развиваться и после исчезновения указанных благоприятных условий, что доказывается существованием переходов от четвертей на души в 10-х и 20-х г.г. текущего столетия... Новый толчок процесс обращения четвертного владения в общинное получил в 30-х годах, благодаря сочувственному отношению к общине учреждений, находившихся под управлением графа Киселева... Третьим моментом, оказавшим влияние на процесс обращения четвертного владения в душевое, было специальное размежевание последних десятилетий, имевшее целью уничтожение чересполосицы разных владений... При размежевании четвертные земли каждого селения по возможности собирались в один кусок и отмежевывались от соседних владений казны и других крестьянских обществ и помещиков. Раз это было сделано, крестьянам ставилась задача... разбить общую площадь четвертной земли между совладельцами так, чтобы каждый из них получил долю, какою пользовался до размежевания. Во многих случаях задача эта была довольно затруднительна, так как постоянное раздробление участков привело к тому, что до размежевания владение каждого нередко состояло из разбросанных там и здесь клочков не

точно определенной величины, а местами площадь, принадлежащая каждому члену общины, измерялась не десятинами, а неопределенною мерою—«четверть», или даже выражалась в частях общего владения, в зависимости, между прочим, от степени близости родства владельца с родоначальником общества. Этот способ измерения владений сообщественников иногда приводил к такой запутанности землевладения, что и до размежевания крестьянам трудно было разбираться в своих участках. Так, в татарской деревне Тетюшского уезда, Степные Енали, единственным лицом, знающим и ведающим дела односельцев, является Хасан Ислаков. «Без Хасана беда, — говорят крестьяне, — он кончаль (умрет)—айда спор,—лучше бы уже под одну шапку». Такой исход спутанности и дробности землевладения, как подведение «под одну шапку», встречается нередко и имеет место как при размежевании, так и вне его» *).

Все это с поразительной ясностью доказывает, что в факте перехода крестьян от четвертного владения к общинному роль «внешних условий» была очень велика. Раз возникло у читателя это убеждение,— а оно не может не возникнуть,—он естественно спрашивает себя: да уж не в этих ли условиях и все дело? Не ими ли создалось, не ими ли поддерживалось стремление четвертных крестьян «к общине, как к форме быта»?

Г. Воронцов торопится рассеять эти сомнения.

«Такая запутанность и неопределенность землевладения, однако,—говорит он,—существовала далеко не во всех обществах, перешедших от четвертей на души; ее нельзя считать единственным и даже главным основанием такого перехода. С другой стороны, при известном психическом настроении массы, распределение земли между совладельцами и при запутанности отношений могло бы все-таки разрешиться на принципе старого владения, хотя бы для этого и пришлось неоднократно обращаться к суду. В крайнем случае, наконец, общество решилось бы на то, чтобы разрубить гордиев узел подушной разверсткой земли, прибегая к этой мере лишь как способу разверстания, за неимением лучшего, и оставляя юридические основания землевладения нетронутыми, сохраняя наследственное владение землей. Легкое согласие крестьян на применение этого способа разрешения затруднений, конечно, свидетельствовало бы о значительном развитии социальных чувств в населении и отсутствии того индивидуализма,

*) «Крестьянская община» 31—35.

развивающегося на почве частной собственности, который является большим препятствием к мирному разрешению земельных затруднений. Но если, не ограничиваясь единовременным переделом земли, общество вводило его в обычную практику, это доказывает нечто большее, чем социальную покладистость населения; оно свидетельствует о сочувствии массы к идее, определяющей тот или другой склад социальных отношений» *).

Итак, значительное развитие социальных чувств и отсутствие индивидуализма в крестьянской среде способствовало *мирному разрешению поземельных затруднений*. Это столь отрадно, что мы приглашаем читателя вместе с нами подольше насладиться зрелищем такой идиллии.

Вот, напр., как произошло «*мирное разрешение поземельных затруднений*» в Раненбургском уезде Рязанской губернии.

«Когда неравномерность владения у различных семей становилась резко заметной, когда значительной части домохозяев становилось тесно на их наделах, малоземельные начинали агитацию о переделе всей земли по душам; они составляли многочисленную и очень дружную группу и скоро склоняли на свою сторону преобладающее большинство домохозяев; при этом многие, даже из предвидевших уменьшение своего владения вследствие передела, без сопротивления соглашались на него, предвидя от нового порядка пользу в будущем, при увеличении семьи. Стоявшее за передел большинство домохозяев уговаривало, уламывало остальных; многих подпаивали и при этом добивались их согласия, подписи за передел; самых упорных запугивали, нередко избивали, портили их посевы, увозили телеги со дворов, бывали случаи поджогов и т. п. Одним словом, употреблялись все средства, чтобы вынудить у противившихся переделу («земляков») (т.-е. многоземельных) согласие на него. В некоторых случаях этих собственных средств оказывалось достаточно, и вся земля переделялась без вмешательства суда и вообще начальства; но нередко, несмотря на все усилия большинства, оставалась некоторая, обыкновенно небольшая, часть домохозяев, не уступавших никаким натискам, не согласных на передел. Тогда дело переходило к начальству, в суд. В большинстве случаев и здесь «душевые» принимали меры, чтобы склонить «начальников» на свою сторону, и имели в этом обыкновенно гораздо больше успеха, чем их малочисленные против-

*) Там же, стр. 36—37.

ники. По решению суда и после «увещаний» начальства переделялась или вся земля, или за исключением участков нескольких самых многоземельных и упорных домохозяев» *).

Во многих случаях попытки земельного передела совершенно разбились о сопротивление «земляков», иначе—«широкодачников». Так, напр., в д. Кондратьевой, Спасской волости, Курского уезда крестьяне «выезжали уже на поле делить землю по душам, но широкодачники помешали, чуть было смертоубийства не сделали». В селе Высоком той же волости «составили приговор о переделе на души и выехали в поле приводить его в исполнение, но широкодачник затеял драку, в которой убили одного крестьянина, что и помешало совершению передела». В деревне Ваниной, Старковской волости, передел по приговору состоялся, владели по душам четыре года, но потом широкодачники дело назад повернули; обошлось им это больше 2.000 рублей» **). В селе Грязновке, Троицкой волости, Раненбургского уезда «во время размежевания поднялись сильные споры о переделе земли по душам; согласились было на это все, кроме двух-трех самых многоземельных дворов, которые затем перетянули на свою сторону еще нескольких хозяев. Ожесточение против них было сильное; на полях дрались в колья, и т. д. Наконец, обе стороны наняли адвокатов и повели дело судом, который решил его в пользу четвертного владения» ***). В Белгородском уезде, в д. Быкове, Карповской волости «в 40-х годах два раза переходили на души, но оба раза из-за смут возвращались к четвертям. Дело доходило, говорят, до кольев и ножей, так что священник выходил в поле в церковном облачении и с крестом в руках» ****).

При ближайшем рассмотрении идиллия оказывается не столь привлекательной, как это мы думали, основываясь на словах г. Воронцова. Запугивание и притеснение несогласных на передел, поджоги, драки на полях кольями и ножами, убийства, «увещание» со стороны *«начальников»*—все это придает *мирному* разрешению поземельных затруднений несколько *воинственный* вид. С другой стороны, «стремление к общине, как к форме быта», обнаруживается только у малоземельных крестьян и совершенно чуждо широкодач-

*) *К. П—в.* «Четвертное землевладение». «Русская Мысль», 1886, № 3, стр. 28—29.

**) «Сборник статистических сведений по Курской губ. Выпуск первый. Курский уезд». Москва 1883, стр. 60.

***) *К. П—в,* цитированная статья. «Русская Мысль» 1886, № 3, стр. 30.

****) В. В. «Крестьянская община», стр. 49.

никам. А это значит, что оно является результатом тех самых «внешних условий», от которых оно, по уверению г. Воронцова, не зависит. До какой степени велико здесь значение внешних условий, показывает следующий замечательный случай. «В с. Колыбельском и Демкине около 1860 года переделили было по душам бо́льшую часть земли, выделив на угол участки не соглашавшихся на это; но затем многие из давших сначала свое согласие на передел потребовали восстановления прежнего владения: соглашаясь, они имели в виду передел всей земли, а суд разрешил переделить лишь земли «согласных»; за выделом самых многоземельных, как несогласных, многим из согласившихся прежде на передел он стал невыгоден и потому не состоялся»*). Иначе сказать, пока малоземельные надеялись, что им удастся поживиться землей широкодачников, у них было сильное «стремление к общине, как к форме быта», а когда ожидавшаяся добыча ускользнула из их рук, они вдруг почувствовали совершенно противоположное стремление к частной собственности. Г. Воронцов и сам видит, что факты плохо согласуются с его теорией. «Переходя к психологическим основаниям изучаемого процесса, нельзя не остановиться прежде всего на узко эгоистических его мотивах»**),—сознается он. Однако, его еще не покидает надежда справиться с фактами, примирить их со «стремлением к общине, как к форме быта».

«Но признавая всю важность стремлений малоземельных крестьян расширить свои участки на счет широкодачников, как причины перехода (от) четвертей на души, мы не можем этому мотиву приписать в процессе обращения четвертного владения в общинное решающую роль. Для того, чтобы переход совершился, за него должно стоять огромное большинство общества; невероятно, чтобы все это большинство выигрывало при этом на величине участка. Это было бы верно, если бы четвертные владельцы распадались на массу крайне малоземельных и небольшое число очень многоземельных крестьян. Но подобные крайности неравномерного распределения земли встречались, вероятно, редко; обыкновенно же на-ряду с крайними группами стояла группа крестьян среднеземельных, для которых подушное уравнение земли не приносило ни заметного приращения, ни уменьшения участков. Эта группа своим голосом нередко

*) *К. П—в*, цитированная статья, стр. 30. Это далеко не единственный случай возврата крестьян от душевого владения к четвертному.

**) «Крестьянская община», стр. 40.

решала вопрос в пользу уравнения... Присоединение среднеземельного крестьянина к сторонникам уравнения заставляет предполагать, что в последнем крестьяне видят нечто более благовидное, чем экспроприацию владений богатых в пользу бедных, что переход к общине значит для них не одно только уравнение земли в настоящем, в котором данная группа не участвует, что идея общины связывается в их представлении с идеей формы быта, формы отношений, отличной от той, какая свойственна четвертному владению.

«Это стремление к иной организации быта... существует и в сознании малоземельных, которым такой переход выгоден непосредственно... Сторонники передела весьма часто прибегают к различным благо- и неблаговидным средствам побуждения широкодачников не отделяться от мира—прибегают потому, что перспектива расширения их участков составляет, как мы сказали, важный мотив, склоняющий крестьян к общине,—и не успев в этом, иногда откладывают намерение перейти на души; но столь же часто, а может быть и чаще, общество распадается при этом на два: несколько богачей остаются при старых правах, масса мало- и среднеземельных крестьян обращает подворную форму владения в общинную. В таких случаях выгоды, проистекающие от увеличения участка, сводятся к минимуму в том смысле, что таковое увеличение достается самой малоземельной группе крестьян. Если же на переход согласилось и остальное большинство, то уж не из-за возможности попользоваться при этом чужою собственностью, а из-за иных преимуществ новых порядков, иначе говоря, из стремления к общине, как к форме быта»*). «Благоприятное отношение к общине доказали и некоторые из крестьян, не перешедших со всеми односельцами на души, когда, через несколько лет отдельного существования на своих больших участках, они согласились присоединить свои угодья к общему владению» **).

Обращаемся опять к фактам.

В Новооскольском уезде, при переходе в 1859 году деревни Цыпляевки, Троицкой волости, на души, 85 ревиз. душ из 437 остались при старом владении и получили землю в особняк. Но «такой раскол оказался невыгодным для протестантов, так как, имея незначительный особняк, они были лишены возможности пасти на нем скот, а миряне на свою землю его не пускали». Поэтому, 78 «протестантов» пожелали присоединиться к общине ***).

*) «Крестьянская община», стр. 41—42.
**) «Крестьянская община», стр. 43.
***) Там же, стр. 49.

В Белгородском уезде, «в с. Мясоедовке, против передела протестовали две фамилии из семи, но им пригрозили нарезать землю вдали от усадеб и не пропускать туда скота, и они согласились с большинством».

В селе Севрюкове того же уезда «недоволен переделом был лишь один домохозяин, который за это и был миром публично высечен».

В д. Нечаевке, Мценского уезда, «широкодачник согласился пустить свои 25 десятин земли в передел с условием, чтобы сверх шести десятин, приходящихся ему по душевой разверстке, ему дали бы еще по одной десятине лучшей земли в каждом поле» *).

Довольно. Оставляя неразрешенным мало исследованный нами вопрос о том, насколько «*публичное сечение миром*» способствует рождению в широкодачниках «*стремления к общине, как форме быта*», мы заметим, что все остальные из указанных случаев доказывают как раз противное тому, что г. Воронцову хотелось бы доказать. Во всех этих случаях широкодачники присоединились к общине именно под влиянием «внешних» условий самого недвусмысленного характера. В своей, уже цитированной нами, статье «Четвертное землевладение» г. К. П—в признает это без всяких обиняков. «Иногда и эти последние (широкодачники), провладев два-три года отдельно от остальных, отдавали затем свою землю в общий передел, вынуждаемые к этому множеством притеснений со стороны громадного числа односельцев, которые выделяли четвертным самую плохую землю, не пускали их скота на общие выпасы, донимали штрафами за потравы, при раскладке податей облагали «не по совести», «зря» и т. п. Там, где не согласившиеся на передел составляли более многочисленную и сильную группу, они удержались в своей новой позиции на выделенном от остальных участке» (стр. 29). Кажется, ясно? Г. К. П—в тоже имеет очень сильное «*стремление к общине, как к форме быта*», но, более добросовестный исследователь, он не пытается, по крайней мере в угоду этому стремлению, извратить совершенно очевидный смысл фактов.

В селе Тросном, Елецкого уезда, превращению в душевое владение «*подверглась*» не только четвертная земля, о которой еще можно было спорить, но даже и земля, купленная отдельными домохозяевами, т.-е. такая земля, относительно которой всякие споры были невоз-

*) Там же, стр. 44, примечание.

можны по существу. Положим, это произошло «по предписанию казенной палаты, разъяснившей, что эта земля не подходит под категорию признаваемой личной собственностью однодворцев, в которую включаются лишь земли, приобретенные у посторонних лиц до времени запрещения таких покупок межевой инструкцией»!*). Но каким образом в это дело вмешалась палата? Не вследствие ли ходатайства малоземельных крестьян, которые, как мы знаем, нередко обращаются за помощью к «начальникам»? Это по меньшей мере вероятно. А если это вероятно, то не совпало ли при этом у малоземельных «стремление к общине, как к форме быта», со стремлением «попользоваться чужою собственностью»? Повидимому, *совпало как нельзя лучше*.

Мы не хотим ставить в вину *сельской бедноте* это неуважение к праву собственности зажиточного слоя деревенского населения. Для него есть много смягчающих обстоятельств. Но мы решительно ставим в вину г. Воронцову попытку придать этому неуважению *мистический* вид, найти его источник в недрах народного духа, как и доныне выражаются некоторые теоретики «народности», вместо того, чтобы искать его там, где он действительно находится, т.-е. в *экономии*.

Что касается сочувствия переделу «среднеземельных» крестьян, которым переход к общине не обещает будто бы никакой выгоды, то и оно ровно ничего не доказывает. Во-первых, переделу сочувствуют далеко не все «среднеземельные», как это ясно показывают те случаи, в которых передел не мог состояться**).

Во-вторых, там, где среднеземельные крестьяне сочувствуют ему, их сочувствие обусловливается рядом «внешних условий», имеющих

*) «Крестьянская община», стр. 47, прим.

**) Где имеются более полные данные, там представляется возможность сделать заключение, что обращение четвертной земли в общинную совершается в разных местностях далеко не равномерно. Так, следующие уезды с широким развитием четвертного землевладения характеризуются в то же время и его устойчивостью. В Тимском уезде, где четвертные крестьяне составляют три четверти населения, а остальная четверть почти сплошь занята крестьянами бывшими помещичьими, от подворного к общинному владению перешло всего три общества... В Курском уезде, где число обществ, владеющих землей на четвертном праве, достигает 162, к общине перешло всего три общества четвертных крестьян; в Корочанском уезде крестьян частью или всецело четвертных насчитывается более 50 обществ, переход от четвертной на души известен для 4 обществ... в Щигровском уезде в четвертном владении состоит земля у 82 обществ, переход же от четвертного владения к душевому известен для 9 общин государственных крестьян; в Мценском уезде из 72 обществ четвертных крестьян к душевому владению перешла одна деревня «Нечаевка» и т. д. «Крестьянская община» стр. 27—28.

прямое отношение к их интересам. Здесь повторяется то же самое, что сплошь и рядом происходит в местностях с издавна установившимся общинным землевладением. В этих местностях, «*по произведенным вычислениям, обыкновенно остается в выигрыше от передела с небольшим половина домохозяев*»*). Между тем для его совершения нужно согласие $^2/_3$ членов общины. На первый взгляд, кажется, поэтому, что часть домохозяев, соглашающихся на передел, руководствуется исключительно «альтруистическими соображениями». Но при ближайшем знакомстве с делом оно представляется в другом свете. Вот поучительные факты. В Бердянском уезде, в с. Орловке крестьяне приступили к переделу на том основании, что малоземельные домохозяева слишком обременены были «натуральными повинностями, *распределяемыми по рабочей силе*». Высказываясь за передел, среднеземельные крестьяне, не имея основания предполагать увеличения своих наделов, повиновались, однако, самому элементарному соображению выгоды: ведь круговая порука заставляет их отвечать за несостоятельных членов общины. В с. Н. Троицком, Днепровского уезда, «жители которого занимались больше скотоводством, нежели хлебопашеством, и многие бросали землю и уходили на сторону, первый передел по наличным душам в 1878 году имел целью распределение убылых душ и избавление общества от платежа за них; следующий передел по наличным же душам в 1884 г. произведен с целью устранения от пользования землей лиц, причисленных к обществу без надела, но захвативших мирские угодья». В Бугурусланском уезде «стремление крестьян распределить недоимки на новых основаниях между платежными силами всюду служило почти главным регулятором при переделах земли»**).

*) «Крестьянская община», стр. 58.

**) «Крестьянская община», стр. 148—150.

В селе Таловке, Соламатинской волости, Камышинского у. «раньше землей владели по числу ревизских душ... Выморочные души переходили к обществу, которое, если находило нужным, отдавало их в другие семьи. Вследствие накопления недоимок в 1881 г. земля была переделена на новое число душ» (Сборник статист сведений по Сарат. губ., том XI, Камышинский уезд, Саратов 1891, отд. III, стр. 305). Накопление недоимок очень часто побуждает крестьян к переделам. Но иногда оно же и затрудняет переделы. В хуторе Чижовом, Красноярской волости, того же уезда, «лет уже десять, как складка и накладка по силе домохозяев прекратилась... решено поделить землю на число наличных душ, передел отложен до тех пор, пока не будут уплачены недоимки, которые общество затрудняется распределить на новое число душ» (там же, стр. 258). «Д. Бирюковка, Посельской волости (Хвал. уезда) не считает возможным перейти к наличным душам ранее, как через 5 лет, когда покроются все недоимки... Та же причина удерживает от передела Телятниковскую общину Баранов. вол. Прошлый год просили

Во всех таких случаях— а их можно было бы указать еще великое множество—среднеземельным крестьянам, чтобы высказаться за передел, не было решительно никакой надобности ни в «альтруистических побуждениях», ни в стремлении «к общине, как к форме быта»*).

Допуская, что не вызывают никаких сомнений те вычисления, по которым в выигрыше от передела остается с небольшим половина домохозяев, несомненно, что эта «*с небольшим половина*» есть *среднее число*, т.-е. своего рода *абстракция*. В отдельных случаях действительность очень отклоняется от этой абстракции: часто от передела выигрывает гораздо большая часть домохозяев, которая целиком и стоит за него помимо всякого «стремления к общине» и пр. Когда г. Воронцов встречается с такими случаями, он, помня лишь отвлеченное среднее число, не может объяснить их иначе, как «альтруистическими побуждениями» общинников.

Кроме того, как группируются поземельные интересы в тех общинах, где передел выгоден действительно только «с небольшим половине домохозяев»? Против него высказывается, очевидно, лишь более или менее незначительное меньшинство, так как часть среднеземельных ничего не выигрывает, *но и ничего не проигрывает*, от передела. Борьба ведется, значит, сторонами очень неравными по численности; но в таком случае тем среднеземельным крестьянам, которые прямо не заинтересованы в переделе, часто окажется вы-

---

старшину дозволить передел, а он сказал: «погодите, еще успеете». В будущем году надеются набрать две трети голосов за передел, но сначала хотят покрыть недоимку» (Сборник статист. сведений по Сар. губ., том V, Хвалынский уезд. Саратов 1886, стр. 26). Одна и та же причина приводит к диаметрально противоположным следствиям. Из этого видно, как легко ошибиться, вдаваясь в огульные суждения о современной русской крестьянской жизни, особенно при склонности переносить в область «народного» духа такие причины явлений, которые коренятся исключительно в крестьянском хозяйстве.

*) Иногда совсем напротив. В с. Рубановке, Мелитопольского уезда, в 1869 г., *по совету начальства*, крестьяне, прежде владевшие землею по праву первого захвата, поделили землю на ревизские души, чтобы избежать накопления недоимок и *дать возможность беднякам сдавать свои наделы за арендную плату*. Подобные же мотивы побудили к переделу и Юзкуйскую общину в 1842 году. (Сборник статистических сведений по Таврической губернии, том I, вып. II, часть II, стр. 49). В этом случае среднеземельные могли высказываться за передел с заднею мыслью вознаградить себя арендой надельных земель. Кроме того, среднеземельные семьи, уже достигшие предела рождаемости и рассчитывающие в будущем не на увеличение, а на уменьшение числа своих душ, естественно будут *против переделов*; те же среднеземельные семьи, которые рассчитывают на увеличение числа душ, выскажутся *за них*. Следовательно, отношение «к общине, как к форме быта», здесь будет определяться простым расчетом выгоды.

годнее поддержать большинство просто из страха каких-нибудь притеснений с его стороны.

Очень часто многие крестьяне высказываются за передел именно потому, что он не затрогивает их непосредственных хозяйственных интересов. В д. Андреевке, Нижне-Добринской вол., Камышинского уезда «землю надельную всегда разверстывали по рабочей силе... Впрочем, эти правила соблюдаются не строго, потому что обладание душевым наделом не представляет ни большого интереса, ни большого убытка»*). В этом случае среднеземельным крестьянам не трудно согласиться на передел и тем дать г. Воронцову повод к их идеализации. А вот крестьянам собственникам, бывшим г. Хомутовой, в с. Поповке, того же уезда, передел представляется уже не столь безразличным явлением. «До освобождения ежегодно делили паровое поле по тяглам, а каждое (из трех) поле делилось, следовательно, через два года на третий. По выходе на волю каждое поле тоже делили через два года на третий и, вследствие тяжести лежащих на земле платежей, при каждой переверстке производили складку и накладку душ; складывали души с умерших, с солдат, с больных и с несостоятельных, а со стариков — по усмотрению общества; не складывали иногда даже и с 70-летних. Накладывали на 15—18-летних $^1/_2$ души, 18-летнего — 1 душу и на женатого — $1^1/_2$ души. Теперь, вследствие понижения выкупных платежей, «туго дают, да почти и вовсе не дают земли. Наделы солдат теперь остаются в их семьях» **). Теперь, при новых условиях, против переделов высказываются вероятно многие из тех, которые прежде за них стояли. Достаточно было незначительного облегчения податной тяготы, чтобы изменилось направление «народной мысли».

Наконец, если бы часть крестьян высказывалась в данное время за переделы совершенно независимо от каких-нибудь соображений выгоды, то и это еще нимало не доказывало бы правильности взгляда г. Воронцова на русскую общину. Мысли, чувства, привычки и склонности людей создаются условиями их жизни. Выросший в общине крестьянин естественно привыкает к ней и стоит за нее даже там, где он от этого ровно ничего не выигрывает, а пожалуй даже и теряет. В этом сказывается лишь сила привычки, «die Macht der Tradition», как выражается г. Кейслер в своем известном сочинении об общине.

*) Сборник статист. сведений по Сарат. губ., том XI, отдел III, стр. 234.
**) Там же, стр. 112—113.

Нередко общинник даже и не подозревает, что может существовать какой-нибудь иной род *крестьянского* землевладения. Это давно уже констатировали у нас земские статистики, о чем с великой радостью напоминает г. Воронцов на стр. 141 своей книги — «Крестьянская община». Но эта неспособность крестьянина хоть на минуту выйти мыслью из круга обычных представлений свидетельствует лишь об *ограниченности его миросозерцания*, а вовсе не о том, что его стремление к общине *независимо от «внешних условий»*. Покойный Орлов хорошо понимал это, говоря: «Воззрения крестьян Московской губернии на мирское землевладение различны и обусловливаются они главным образом хозяйственным положением общин, к которым принадлежат высказывающиеся крестьяне, а, с другой стороны, разницей в имущественном положении отдельных дворов».

Г. Воронцов приводит (стр. 142) этот вывод Орлова, не догадываясь, что он ниспровергает все его рассуждения о независимой от «внешних условий» приверженности крестьян к общине, «как к форме быта». Еще более противоречат его положению следующие слова Орлова: «В тех общинах, в которых не имеется благоприятных условий для земледельческого хозяйства... *крестьяне среднего состояния стоят за сохранение мирского владения; крестьяне же крайних состояний, т. е. наиболее и наименее состоятельные, сочувственно относятся к замене мирского владения подворно-наследственным*» *).

Но это замечательное явление интересно для нас не только тем, что оно показывает, до какой степени лишены всякого основания славянофильские рассуждения г. Воронцова. Оно свидетельствует также о том, что крестьянская мысль *уже покидает у нас свои старые привычки, что новые хозяйственные условия приводят крестьянина к новым взглядам на поземельные отношения*. Г. Воронцов, староверческого упорства которого не поколеблют никакие *«внешние условия»*, никакие перемены в нашем народном хозяйстве, очень кстати позабыл об интересном свидетельстве московского статистика.

По справедливости надо заметить, однако, что не один г. Воронцов склонен у нас изображать «стремление к общине», как нечто независимое от «внешних условий». Эту склонность разделяют с ним многие исследователи народной жизни. Г. Ф. Щербина, указав на

*) См. стр. 289—290 известного исследования его: «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии».

семь общин Воронежского уезда, замечает: «Не подлежит ни малейшему сомнению тот факт, что переделы земли во всех семи общинах могли произойти при наличности прямых выгод не у двух третей домохозяев. Факт, конечно, могущий свидетельствовать только о том, что крестьяне руководились в этих случаях началом справедливости, а не одними материальными выгодами, и что, поэтому, часть из большинства домохозяев сознательно поступилась своими интересами в пользу меньшинства. По крайней мере иного объяснения приведенным выше цифрам никаких нельзя дать, не насилуя фактов» *).

Приведенные г. Щербиной цифры указывают лишь перемены, вызванные переделом в размерах участков отдельных домохозяев. Мы уже знаем, что переделы могут быть выгодны, скажем более—необходимы крестьянам, совершенно независимо от этих перемен Поэтому, мы можем сказать, что указанные им факты еще ровно ничего не доказывают. А если бы и доказывали, то разве только одно: силу привычки, «die Macht der Tradition». Как велика эта сила, «свидетельствует» сам г. Щербина. «Другой формы владения землей крестьяне, собственно говоря, не понимают даже в применении к своей жизни. На вопрос о том, нет ли желающих поделить подворно земли на вечные времена, крестьяне, вместо ответа, не без внутренней тревоги твердят обыкновенно: «так не полагается», «так нельзя», «это не по-русски», «бог с ним», «за это нас дети проклянут» и проч. и проч. Часто в ответ на этот вопрос целые сходы обнаруживают свое недоумение одним лишь выразительным «н-ну?!» Еще чаще приходится повторять десять раз одно и то же в разных видах и с различными разъяснениями, пока крестьянин не успеет, наконец, уловить основной смысл понятия о подворном землевладении» **). Дальше этого некуда итти привычке. Но привычка—ненадежная опора: мы видели, что в Московской губ. она уже в семидесятых годах была совсем подорвана новыми условиями жизни. Мало того, привычка дело обоюдоострое, как об этом опять «свидетельствует» сам г. Щербина. «Переходя к совершившимся уже фактам переделов у государственных крестьян,—говорит он,—необходимо прежде всего заметить, что за исключением одного Кондрашевского поселка, Московской волости, в котором передел со времени ревизии произведен

*) «Сборник статист. свед. по Воронежской губернии», т. I. Воронеж, 1884 стр. 72—73.

**) Цитир. сборник, стр. 86—87.

уже в третий раз, в остальных 56 общинах (Воронежского уезда), коренная переверстка угодий является в первый раз после ревизии. Двадцать слишком лет отсутствия фактов этого рода настолько отучили крестьян от периодических дележей, что последние оказываются своего рода новинкою для позднейших крестьянских поколений и, поэтому, в большинстве случаев совершены как бы в виде опыта, имеющего измениться и принять вполне законченные формы только с течением времени»*). Как видите, сила привычки поворачивается теперь отчасти уже *против* общинного землевладения даже в земледельческой Воронежской губернии. Со временем она, разумеется, еще больше повернется против нее. А это показывает, что очень непрочны приуроченные к этой силе упования г.г. народников.

В том же самом Курском уезде, где четвертные крестьяне обнаружили «стремление к общине, как к форме быта», государственные и помещичьи крестьяне, издавна жившие при условиях общинного владения, обнаружили как раз обратное стремление. «В Курском уезде со времени последней ревизии, в течение 24 лет, не было не только общих коренных переделов, т.-е. таких, при которых изменяется все количество единиц разверстки и каждый домохозяин получает по какому-либо признаку новое количество этих единиц, в нем не было даже так называемых свалок и навалок, т.-е. снятия известного количества наделов с одних домохозяев и навалки их на других. Участки приняли тот же характер родовой собственности, как и у соседей—четвертных владельцев; мало того, переход их по наследству практикуется даже в более широких размерах, чем у четвертников: бездетная вдова получает весь надел мужа и «оправдывает» подати, между тем как у четвертных владельцев вдова ничего не получает. Наделы душевых крестьян всегда переходят к прямым наследникам, если их нет,—к дальним родственникам, и только в случае полнейшей выморочности земля «поступает на общество», которое сдает ее на пополнение общественных расходов. В д. Ломоновой, Рышковской волости, нам сообщили, что «многие крестьяне передали свои земли, кому хотели; некоторые наделы перешли к посторонним лицам по домашним завещаниям—мир ничего поделать с ними не может»; в заключение крестьяне прибавляют: «у нас только начни когда-нибудь переделы—такое побоище выйдет!» **).

*) Там же, стр. 75—76.
**) «Сборн. стат. свед. по Курской губ»., выпуск I, стр. 69—70

«Из сказанного,—прибавляют исследователи Курского уезда,—видно... что поскольку четвертное землевладение утрачивало свой характер родовой собственности и приобретало особенности, характеризующие общинную форму, постольку, наоборот, последняя утрачивала в Курском уезде этот характер и самое общинное землевладение представляется далеко не преследующим ту точную уравнительность, которая достигается в общинах средней полосы России» *).

Г. Воронцов думает, что у русских крестьян слабо развито «чувство личной собственности» **). Вообще говоря, это, разумеется, совсем не верно. Что касается движимой собственности, то наш крестьянин стоит за нее ровно в такой же мере, как и крестьянин Западной Европы ***). Но по отношению к земле чувство личной собственности местами действительно «слабо развито» в нем, на что существует совершенно достаточная причина: история *отучила* его смотреть на землю, как на объект личного присвоения.

В истории русского крестьянского, — да и не одного только крестьянского,—землевладения остается до сих пор не мало темных вопросов, разъяснение которых составит одну из важнейших задач наших будущих историков. Но как бы ни было ограничено наше знание судеб русского землевладения, уже теперь совершенно несомненно то обстоятельство, что современная наша община с переделами вовсе не есть тот остаток первобытного коммунизма, за который еще недавно принимали ее многие русские и западно-европейские писатели. «Учреждения наших общин суть произведения нового времени,—говорит г. Чичерин, заканчивая свою знаменитую статью: «*Обзор исторического развития сельской общины в России*»,—и сравнивать их с патриархальными общинами других народов значит отрицать в нас историческое развитие» ****). Исторические взгляды, высказанные г. Чичериным в этой статье, теперь уже во многих отношениях уста-

*) Там же, стр. 70—71.

**) «Крестьянская община», стр. 49.

***) «Известной дозой кулачества обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков да особенно добродушных людей и вообще «карасей». Каждый мужик в известной степени кулак, щука, которая на то и в море, чтобы карась не дремал... Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации... каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася» (*Энгельгардт.* «Из деревни». С.-Петербург 1685, стр 491). «Мы, люди деревни, живущие среди крестьян и имеющие с ними постоянные сношения, знаем, что при нынешней степени их развития и при их нынешних этических взглядах, разве лишь в весьма редком из них нет «кулака» в зародыше». (*И. М. Рева.* «Киевский крестьянин и его хозяйство». Киев 1893, стр. 14.

****) «Опыты по истории русского права». Москва 1858, стр. 58.

рели, да и в момент их обнародования они, может быть, не чужды были некоторой тенденциозности. Но окончательный вывод г. Чичерина неоспорим и теперь: *действительно, нельзя уподоблять нашу современную поземельную общину родовым общинам первобытных народов; действительно, эта община есть продукт длинного исторического развития,* смысл которого давно уже пора понять нашим народолюбцам.

Разложение первобытных кровных союзов привело у нас к тому, что г-жа А. Ефименко очень удачно назвала *долевой* деревенской организацией. «Это не было общинное владение, так как величина участка каждого деренского совладельца определяется наследованием, покупкой и т. п. основаниями, не имеющими ничего общего с теми основаниями, которыми теперь определяется право общинника на его долю. Но это не было и подворно-участковое владение, так как каждый деревенский совладелец являлся представителем идеальной доли целого, деревни, всего, «что к той деревне исстарь потягло». Каждый сосед, складчик, сябер в смысле поземельного владения есть только дробь деревенской единицы и уж, конечно, еще гораздо дальше отстоит от современного крестьянина-собственника, чем от крестьянина-общинника» *). Это был чрезвычайно важный переходный момент в развитии поземельной собственности. «Долевая деревенская организация может быть сочтена за материнскую форму, которая заключает в себе в зародыше все существенные черты обеих развившихся из нее форм поземельного владения, как общинной, так и подворно-участковой. От посторонних влияний зависело, которые стороны будут подхвачены жизненным процессом, получат питание и рост, которые замрут. Существеннейшим из таких влияний было то, в каком отношении останется крестьянин к своей земле. Если он сохранит на нее право собственности... то неизбежное последствие— разрушение деревенской организации и возникновение участкового владения, начало которого мы и видим на севере в XVIII веке. Если право собственности на землю будет отделено от земледельческого класса и перейдет к государству или к другому классу, как было в центре,—те стороны, под давлением которых развивалось индивидуальное владение, замрут, и получат возможность роста и развития лишь те, которые будут поддерживать коллективность формы» **).

*) «Исследование народной жизни», выпуск I, Москва 1884, стр. 225.
**) Там же. стр. 225—226.

Развитие «*коллективности формы*» совершенно правильно ставится г-жей Ефименко в связь с отделением права собственности от земледельческого класса, т.-е., говоря проще, с экспроприацией этого класса. Но одной экспроприации его было еще недостаточно: экспроприация могла бы повести только к созданию *безземельного пролетариата*. Чтобы вместо такого пролетариата появился крестьянин-общинник, надо было лишить земледельческий класс не только права собственности на землю, но также и права собственности на самого себя, т.-е. свободы: надо было закрепостить его высшим классам или государством. При этом условии «коллективность формы» не только *могла* возникнуть, но и *возникала* так же неизбежно, как возникала она во всяком рабовладельческом хозяйстве, где ни одна рабочая сила не в состоянии предъявить права частной собственности на то помещение и на те орудия труда, которыми она пользовалась и которые она употребляла в дело с разрешения и в интересах хозяина. «Коллективные формы», подобные нашей общине, являлись всюду, где по тем или иным историческим причинам оказывались налицо оба указанные нами условия: в Византии, в древнем Египте, в Индии, в Китае.

По мере того, как росли нужды Московского государства, земли черносошных крестьян, равно как и сами эти крестьяне, все более и более превращались в государственную собственность. Пока много было «порожжих», «диких» земель, которыми можно было «довольствовать» безземельных, редко представлялась надобность отрезывать «лишние» земли у тех крестьян, которые издавна владели ими. Но, по мере роста народонаселения и захвата земель служилым сословием и духовенством, такая надобность стала встречаться все чаще и чаще. Поэтому уже в московском периоде обнаруживается значительное стремление к тому, что впоследствии названо было,—посредством меткого, хотя и произвольного словосочетания,—*генеральным поравнением*. Уже уложение царя Алексея Михайловича лишает тяглых людей в черных сотнях и слободах всех прав поземельной собственности, угрожая им жестоким наказанием за продажу или залог своей земли («а кто черные люди те свои дворы продадут или заложат, и тех черных людей за воровство бити кнутом»). Но московский период знал только цветики этой поземельной политики: ее ягодки созрели в XVIII столетии. «Казалось, московская формула: «чтобы земля не выходила из тягла»—была всеобъемлюща; но это только казалось,—говорит г-жа Ефименко.—На самом деле масса сил

выскользала из-под нее, выдвигая впереди себя тяглецов, которые и расплачивались перед государством за все про все... Ревизия (1719 г.) и указ о введении подушной подати (1722 года) ввели, на место старого принципа, «чтобы земля не выходила из тягла», новый, «чтобы никто не был в избылых», т.-е. «чтобы никто не был без платежа подушной подати»... Но очевидно, что выбираться подать должна была с той же земли. Правительство это так и понимало с самого начала» *). Подушное распределение земли сделалось сознательной и неизбежной целью его поземельной политики: «Если государство есть настоящий собственник тяглой земли, а не крестьянство, если каждая душа должна платить,—естественный зывод, что государство обязано обеспечить за каждою душой возможность платить путем наделения ее землей» **) Знаменитые межевые инструкции совершают целый переворот в крестьянском землевладении. Местами крестьяне настойчиво ходатайствуют о «неотъеме от них старинной их владеемой земли», их просьбы остаются без последствий. Местами они даже восстают «многолюдственно, с дубьем и дреколием», их сопротивление, как это понятно само собою, подавляется, им «чинят нещадное батожьем наказание», а землю все-таки переделяют сообразно государственным видам. Переделы земли между крестьянами выходят за границы отдельных общин или даже целых волостей и распространяются, по крайней мере в принципе, на все государство ***).

«Генеральное поравнение» коснулось также и владельцев четвертных земель. Потомки служилых людей низшего разряда, охранявших некогда московские украйны, владельцы эти уже в царствование Петра Великого были положены в подушный оклад и почти совершенно сравнены с другими крестьянами. Прежде земля давалась им на началах поместного права. Но с течением времени понятие о поместье, как о жаловании за службу, теряло свое значение: поместья

*) Там же, стр. 325.

**) Там же, стр. 326. Ср. также Кейслера Zur Geschichte und Kritik des Gemeindebesitzes in Russland, I, стр. 106—107, и III, стр. 33 и след.

***) В 1800 году производившие ревизию сенаторы докладывают сенату, что смоленская казенная палата поступает неправильно, делая разверстку по каждой волости, между тем как ей надо «соблюсти в предлежащем случае по крайней возможности такое правило, чтобы всякий из поселян казенных, будучи одинаковою повинностью обязан, одинаковые же со стороны земляного пространства и почвы имел выгоды». (*В. Якушкин*, «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX веке». Москва 1890, стр. 160).—«Бывшие до крестьянской реформы 1861 года земские управители в Алтае очень часто собственною властью, по одному словесному распоряжению, даже без отметок на планах, уравнивали селенные наделы...» «*Алтай*». Ист.-стат. сборн., ред. П. Голубева. Томск 1890, стр. 28).—

служилых людей высших разрядов мало-по-малу приравнены были к *вотчинам*, поместья же «однодворцев» сошли на степень крестьянского надела, который, как мы уже знаем, признавался собственностью государства. В интересах казны государство и здесь не перестает заботиться как об «удовольствовании» владельцев землею, так и о неотчуждаемости их участков. Указ Верховного Тайного Совета от 14 августа 1727 г. повелевает «впредь сего у однодворцев, которые по переписи в поголовный оклад положены и содержат ландмилицкие полки, дачи их земель, которыми они владеют, никому не покупать и никаким образом не крепить и не записывать, чтобы из того в платеже подушных денег и в содержании ландмилицких полков помешательства не было». Инструкция межевщикам 1754 года, в которой целая глава посвящена однодворцам, предписывает намежевать каждому двору, считая его в четыре души, по десяти четвертей в поле, на усадьбу и всякие угодья—по 30 дес., «и по намерении толикого числа земли на каждые четыре души, отмежевать к слободам, селам и деревням в одну окружную межу ото всякого чина помещичьих земель особо, а в той меже делить им ту землю для содержания себя по пропорции, и из той общей межи им, однодворцам, земель своих никому, в силу 1727 г. указа, не продавать и не закладывать и в наем не отдавать, а если кто продаст или заложит, то оным купчим или закладным недействительным быть». Третий пункт той же инструкции предписывает: «если в каком селении однодворческой земли не хватит до указанной пропорции, а в других селениях того же уезда окажется излишество, то из недостаточных селений переселять в изобильные нужное число однодворцев по жребию; а если в уезде таких лишних земель не оказывается, то о переселении в другие места сноситься с ландмилицкой украинской канцелярией». То же подтверждается и инструкцией 1766 г. *). Смысл

Основной мотив всех этих мероприятий ясно выражается указом 19 мая 1769 года, который повелевает: «В случае неуплаты крестьянами в годовой срок подушной недоимки, забирать в города старост и выборных, держать под караулом, употреблять их в тяжкие работы без платежа заработных денег, доколе вся недоимка заплачена не будет». Г. Заблоцкий-Десятовский, приведя этот «жестокий указ», замечает, что он имел огромные последствия для экономического быта государственных крестьян: «он уничтожил личную ответственность плательщика за подать, ввел круговую поруку, обратил сельские свободные общины в податные единицы, а податной системе придавал значение постоянной контрибуции». «Граф П. Д. Киселев и его время». С.-Петербург 1882, т. 2-й, стр. 30. На счет свободы сельских общин мы заметим, что она и прежде была очень ограничена. Но то несомненно, что указ 19 мая дал сильный «толчок» развитию нашей общины.

*) *В. Якушкин*. Цитированное сочинение, стр. 106 и 163.

этих распоряжений очевиден. Предписывая однодворцам делить отмежеванную им землю «для содержания себя по пропорции» и указывая, какова должна быть эта «пропорция», государство тем самым объявляло вне закона установившееся у четвертных семейно-наследственное владение. Неудивительно, поэтому, если, как говорит г. Воронцов, генеральное межевание послужило «толчком» для перехода от четвертного владения к общинному. Удивительно только, что г. Воронцев счел возможным изобразить этот переход, как следствие независимой от «внешних условий» эволюции народной мысли. Нечего сказать, хороша независимость! Саратовские статистики поняли это интересное явление гораздо лучше, чем наш трудолюбивый, но мало сообразительный теоретик народничества.

Вот, напр., что читаем мы в «Сборнике статистических сведений по Хвалынскому уезду» (речь идет о бывших служилых татарах, некогда владевших землею на основе подворно-семейного права).

«Генеральное межевание 1798 г. обмежевало земли татар от казны и соседних владельцев по душам пятой ревизии, определив на каждую 15 десятин, а всю остальную землю под названием «примерной» оставило при тех же селениях, где она и была. Этот акт имел огромное значение. Во-первых, он ввел, вместо подворного наследственного владения с четвертями разной меры, общинное, уравнительное по числу душ ревизии, во-вторых, отверг поместный характер жалованных земель, признав их казенно-общественными... Естественные результаты генерального межевания обнаружились весьма скоро. Казенная палата стала распоряжаться четвертными землями, как казенно-общественными, а не как поместными. Она стала отмежевывать *примерные* земли в виде *излишних* от одних татарских селений к дачам тех селений, у которых не хватало до указанной 15-тидесятинной пропорции на ревизскую душу» *).

Кажется ясно? Обратив бывших служилых людей в податное сословие, государство обращает в свою собственность их земли, с которыми оно и обращается затем по своему усмотрению, имея в виду прежде всего интересы своего казначейства.

Г. Воронцов старательно оттеняет ту гармонию, которая обнаружилась в этом случае между видами государства, с одной стороны, и пресловутыми народными идеалами—с другой. По его словам, «успех правительственной агитации (подразумевается та агитация в

*) См. стр. 7—8 названного сборника.

пользу общинного землевладения, которую вели впоследствии чиновники *графа Киселева)*... имевшей результатом превращение в течение года сотен тысяч десятин земли из частного владения в общинное, конечно, может быть объяснен только тем, что само население стремилось к тому же, и что предложение правительства совпало с мыслью большинства. Делая свое предложение, правительство не вносило в сознание крестьян новой идеи, а, так сказать, заявляло сторонникам уравнения, что в их борьбе с противниками оно будет на их стороне» *).

Эта гармония сводится к следующему.

Уже ко времени генерального межевания некоторые из четвертных владельцев были, вследствие семейных разделов и продажи своих участков, частью почти совсем обезземелены, частью сильно стеснены. Сравнительно большой надел, обещанный им правительственными указами, являлся для них желанным выходом из тяжелого экономического положения. Поэтому они обрадовались этим указам, увидя в них желание правительства прийти к ним на помощь. Хвалынские четвертные татары **) немедленно—и очень наивно—изъявили «*желание на решение в наделении их землею*» (назв. сборн., стр. 8). Само собою понятно, что в тех случаях, когда правительство в состоянии было исполнить это «желание на решение в наделении», малоземельные четвертные владельцы радостно приветствовали новый порядок вещей: он приносил им прямую, очевидную выгоду. Но зато там, где по недостатку земель, наделы четвертных не могли быть увеличены до обещанной «пропорции», и где, следовательно, ожидавшееся четвертными владельцами «наделение» землею не состоялось, они были сильно разочарованы, и когда, в начале XIX века, казенные палаты, продолжая «правительственную агитацию», предлагали им перейти к душевой разверстке, они уже гораздо чаще давали отрицательный ответ. В Сарат. г. Хвал. и Кузн. у.у. некоторые татарские деревни, как, напр., Могилки, Демина, Сулеймановка и друг., поголовно отказались от уравнительного раздела земель и всецело остались при четвертном владении без всякой перемены; в других деревнях в пользу общины высказались лишь малоземельные четвертные владельцы ***). «Широкодачники» решительно протестовали теперь про-

*) «Крестьянская община», стр. 33.

**) Т.-е. собственно малоземельные, имеющие меньше обещанных 15 дес. на душу.

***) «Сарат. Дневник», 1836 года № 50, статья г. Чекалина; цитировано в «Сборн. статист. свед. по Кузнецкому уезду», стр. 95.

тив нее. И это понятно. Первоначально широкодачники могли вместе с малоземельными выражать свое «желание на решение в наделении», полагая, что правительство лишь приведет дачи бедняков к 15-тидесятинной норме прирезкой к ним незанятых казенных земель. А когда они увидели, что «решение в наделении» означает уменьшение размеров их собственных участков, они восстали против него, как против вопиющей несправедливости. Там, где план правительства осуществлен был вопреки их сопротивлению, они местами и до сих пор не могут забыть нанесенной им обиды.

Даже там, где переход к общинному землевладению и не состоялся, бывшие четвертные владельцы, сохранившие память о своих старых привилегиях, негодуют на обращение их в податное сословие. Так, напр., «в настоящее время могилковские татары считают попранными свои законные права... К общинному владению и связанной с ним круговой поруке татары относятся крайне враждебно и, наоборот, очень дорожат своим четвертным земельным устройством, с которым для них связаны представления о старинных привилегиях и надежды на возобновление этих привилегий в будущем» *).

Г. Воронцов изображает ход этих событий применительно к вышеуказанной любезной ему гармонии. У него выходит, как мы знаем, что в конце прошлого века идея перехода от четвертного владения к общинному «недостаточно еще назрела в массе населения», и поэтому он совершается тогда лишь в небольшом числе поселений. Для своего дальнейшего «назревания« идея эта нуждалась в новых «толчках» со стороны государства, которые, к счастью для России, и были даны ей сначала графом Киселевым, а потом специальным размежением последних десятилетий.

Известное латинское изречение гласит, что книги имеют свою судьбу. Имеют свою судьбу и государственные деятели. Судьба покойного графа П. Д. Киселева замечательна тем, что он, прекрасно понятый и оцененный императором Николаем I, был совершенно не понят как своим преемником, графом Муравьевым, так и нашей народолюбивой «интеллигенцией». У этой последней вошло в обычай превозносить бывшего министра государственных имуществ не за то, что он действительно сделал для государства, а за то, что он является в *ее воображении* каким-то *предтечей народничества*. Даже г. Семевский, от которого, как от мужа науки, можно было бы ожи-

*) «Сборн. статист. свед. по Кузнецкому уезду», отдел III, стр. 13.

дать более осмотрительного и вдумчивого отношения к предмету, изображает Киселева чуть не Гракхом. Нечего и говорить, что такое изображение ни мало не соответствует действительности и что оно *наверное* вызвало бы справедливо-негодующее изумление в самом Павле Дмитриевиче. Как мало похожи были взгляды графа на «идеалы» г.г. народников, показывает его записка о «*мерах к усилению действия закона о свободных хлебопашцах*» (делаем выписки по книге самого г. Семевского «Крестьянский вопрос», т. II, стр. 37—38).

«В Англии, Ирландии и некоторых частях Италии, подобно тому, как у нас в остзейских губерниях, с освобождением крестьян земли остались в полном и неограниченном распоряжении дворянства; крестьяне, за малым исключением кортомщиков или фермарей, сделались вольными поденщиками, т.-е. бобылями: положение опасное при всяком недостатке выгодной работы для бобылей и особенно при неурожае или внутренних замешательствах, где люди, не имеющие оседлости, обыкновенно бывают орудием злоумышленных действий. Во Франции, Швейцарии и некоторых частях Германии крестьяне вместе со свободою получили прежние крестьянские поля, а помещикам оставлены одни господские запашки. В Пруссии земли также разделены между помещиками и крестьянами. Сим распоряжением, во-первых, нарушены права собственности дворянства, во-вторых, ослаблена самостоятельность высшего государственного сословия и через то уничтожена важнейшая нравственная сила, через которую верховная власть действовала на народ, и, в-третьих, по праву вотчинной собственности привлечена к участию в важнейших предметах государственного управления масса народа, которая силою необузданного большинства ниспровергает равновесие в частях и колеблет порядок государственного устройства». «Система Франции, Швейцарии, некоторых частей Германии и Пруссии, утвердившая за крестьянами право вотчинничества, основанная на началах демократии и порожденная политическими переворотами, должна быть чужда всякого применения к России». В России нужно поставить «крестьян на приличную для них степень свободных или обязанных земледельцев», но не следует давать им «права, принадлежащие одному только дворянству».

Эти взгляды Киселев высказал в то время, когда он уже был министром государственных имуществ, т.-е. когда он мог, сообразно с ними, оказывать сильное влияние на поземельные порядки государственных крестьян. Крестьяне этого разряда были, как мы уже

знаем, *закрепощены государству*, которое и обращалось с ними, как помещик обращался со своими крепостными *). Помещик заботился о том, чтобы своевременно «использовать» всякую новую рабочую силу, выросшую в его деревне: как только крепостной крестьянин приходил в надлежащий возраст, его женили и «сажали на тягло», т.-е. ему давали известный надел, налагая на него известные обязанности. Подобное же тягло налагало на каждого из *своих* крестьян и государство. Периодически происходившие ревизии имели целью именно приведение в известность того числа крестьян, которое в данное время можно было «использовать». Заняв пост министра государственных имуществ, граф Киселев ни на иоту не отступил от этой экономической политики. Но он держался ее строже, он проводил ее последовательнее, чем это делалось когда-либо прежде. В этом и заключается главная отличительная черта его деятельности, как министра государственных имуществ.

Ко времени назначения его министром, на казенных крестьянах накопилось множество недоимок **). Это было, разумеется, очень неудобно, и император Николай I указал на необходимость «твердых правил к постоянному платежу податей». Чтобы положить конец неприятному положению дел, Киселев решился атаковать зло в его источнике, а источником зла явилась, по крайней мере во многих местностях, недостаточность крестьянских наделов. Граф нашел, что на каждую казенную ревизскую душу должно быть отведено от 8 (в «малоземельных») до 15 (во «многоземельных» губерниях) десятин земли. В действительности эта мера никогда не была осуществлена даже с приблизительною точностью, но верно то, что всюду, где было приступлено к ее осуществлению, она послужила сильным «толчком» к переходу крестьянских земель из одних рук в другие. У крестьян, как государственных, так и четвертных и удельных, до

*) «Смотря по тому, на чьей земле находились крестьяне: на казенной (государственной), удельной (принадлежавшей императорской фамилии) или помещичьей (принадлежавшей дворянам),—крестьяне назывались государственными, удельными или помещичьими. До 19-го февраля 1861 года все крестьяне были крепостными (т.-е. находились в крепостной зависимости или во владении) государства, уделов (управлений имениями императорского дома) или помещиков-дворян», «Сельское и лесное хозяйство России», издание департамента земледелия сельской промышленности министерства государственных имуществ, С.-Петербург 1893, стр. 55).

**) «Несмотря на то, что в 1814 году сложено было со счетов недоимок 30 милл. руб. асс. и с 1826 по 1836 г. на 17 милл. руб., к 1 января 1838 года в недоимке оставалось 64 милл. руб.». (*Л. Ходский*. «Земля и Земледелец». С.-Петербург 1891 г., т. II, стр. 143).

сих пор сохранилось довольно живое воспоминание об этом «толчке». Вот примеры.

Деревня Ушаковка, Золотовской волости, Камышинского уезда. «До 30-х годов нынешнего столетия «пахали вольницу»; к этому времени сложилось довольно устойчивое подворно-участковое землевладение, на что указывают сохранившиеся до сего времени названия частей пашни по прозваниям их владельцев: Шишкина пашня, Мозолев хутор и пр. К душевому владению перешли по настоянию властей, вероятно, одновременно с переходом в удел, когда их заставили разделить пашни на три поля и нарезать их на десятины. Распоряжение это встретило сильное сопротивление, окончившееся ссылкой нескольких человек в Сибирь» *).

«При переходе от четверти на души д. Заломской, Булановск. волости, Новооскольского уезда (в конце 50-х годов), начальство, в лице окружного, по словам крестьян, деятельно способствовало этому переходу в виду того, что душевое владение подчиняло крестьян закону о круговой поруке в платеже податей...» «В Белгородском уезде, с. Наумовка, Толоконской волости, перешло на души после X ревизии при размежевании под влиянием, с одной стороны, требования малоземельных, а с другой—настояния начальства, руководствовавшегося тем, что при введении общинного владения с общества можно будет по круговой поруке взыскать недоимку, в больших суммах накопившуюся за некоторыми домохозяевами. Крестьяне с. Черная Поляна, Старогородской волости, в конце 50-х годов поделили было землю на души, при поддержке окружного начальства, но когда узнали, что для перехода требуется согласие $^2/_3$ хозяев, а большинство, желавшее уравнения, не достигало этой цифры, то вернулись к четвертному владению» **). В Обоянском уезде *по единогласному отзыву крестьян* «община создана или прямо и непосредственно правительством, или же по его инициативе и при его более или менее активном участии». Время этого «создания» относится к 1839—1840 г., когда по уезду разъезжали чиновники, предлагавшие крестьянам переделить их подворные четвертные участки по ревизским душам. Эта «агитация» вызвала чрезвычайно сильное волнение между крестьянами. Если министерство государственных имуществ руководилось тем соображением, что переход на души равносилен был до-

*) «Сборн. статист. свед. по Камышинскому уезду», отд. III, стр. 59.
**) «Крестьянская община«, стр. 34.

бровольному принятию крестьянами на себя значительных платежей, от которых были свободны четвертные владельцы, то малоземельные хозяева надеялись поживиться на счет более зажиточных семей, с своей стороны, всеми силами противодействовавших этим планам добрых соседей. Дело не раз доходило до открытого сопротивления властям со всеми его последствиями. В большинстве случаев непокорные должны были смириться, но иногда им, сверх чаяния, удавалось «отхлопотать свою землю от *душевого* передела» *).

Граф Киселев был лучшим представителем той поземельной политики, которая подсказывалась московской и потом петербургской России отсталым состоянием ее производительных сил и неотложными нуждами государственного управления. При тогдашнем экономическом положении России нужды эти не могли быть удовлетворены иначе, как посредством превращения в несвободных тяглых людей всех производителей. Но как ни разумна была, *при указанных условиях*, эта экономическая политика, она в последнем счете привела к результатам, идеализировать которые в высшей степени странно. Она поставила землевладельца в то самое положение, в каком мы видим его, например, в древнем Египте **), и, в конце концов, превратилась в *сильнейшее препятствие для развития тех самых производительных сил, от недостатка которых издавна страдало русское государство.* Теперь она уже ни в каком случае не может быть продолжаема, *и чем скорее она будет устранена, тем более выиграет и народное, и государственное хозяйство.* Всякие колебания в этом отношении,—*а их до сих пор было слишком много*,—только усилят то тяжелое, даже прямо невыносимое положение, в котором находится теперь русский производитель и в котором он, оставаясь попрежнему несвободным и беззащитным тяглецом, «государевым сиротою», страдает одновременно и от существенных неудобств старой экономической политики и от дурных сторон нового пореформенного хозяйства. Нужно много наивности и много «интеллигентной» беззаботности на счет народных интересов, чтобы, подобно г. Воронцову, строить утопии на почве идеализации нашей старой поземельной политики. *Что было, то быльем поросло, а что будет, то будет не по-старому, а по-новому!*

*) См. сборн. стат. свед. по Обоянскому у., Курской г., ч. II, стр. 1—2

**) См. *Масперо*: Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique. Paris 1872.

В ноябрьской книжке «Нового Слова», в статье: «*По поводу внутренних вопросов*», г. С. К., жалуясь на современное состояние русской литературы, между прочим говорит:

«Вот статьи против народников, напоминающие прежние статьи западников против славянофилов и не желающие знать, что народничеству не меньше их авторов близки все положительные стороны и идеалы европейской жизни» (стр. 191).

Мы не имеем удовольствия знать, какие идеалы «близки» г. С. К., но, что касается гг. народников вообще, то нельзя не видеть, что идеалы восточной жизни им гораздо ближе, чем идеалы Европы, и что единственное название, приличествующее им в настоящее время, это—название *восточников*.

Но возвратимся к русской общине.

Что крестьянин, в течение долгого времени испытывавший на себе влияние указанной поземельной политики, постепенно приспособил к ней свои взгляды на землевладение, в этом нет ровно ничего удивительного: было бы удивительно, если бы не произошло такого приспособления. Но видеть в нем результат независимого от внешних условий движения народной мысли, значит ровно ничего не понимать в психологии русского народа.

Накладывая тягло на крестьянина, государство говорило ему: вот тебе земля, которая даст тебе возможность исполнять мои требования. Известно, что крестьянин часто искал в бегстве спасения и от земли, и от требований. Но когда бегство было невозможно или неудобно, когда волей-неволей приходилось исполнять требования, он естественно желал, чтобы им соответствовал известный поземельный надел. Малоземельный крестьянин просил за свою «службу» земли, нисколько не заботясь о том, откуда возьмет «казна» эту землю: отрежет ли она ее от участков «широкодачников», или от своих собственных владений. Совершенно так же помещичий крестьянин просил земли у бурмистра или старосты, сажавшего его на тягло.

Когда, в начале восьмидесятых годов, во многих губерниях началось между крестьянами движение в пользу коренных переделов общинных земель, одним из главных доводов, выдвигавшихся сторонниками «равнения», была ссылка на то обстоятельство, что сельская молодежь пошла в военную службу, не получив, однако, никакого надела (известно, что у государственных крестьян переделов не было в большинстве случаев с времени последней ревизии *). Здесь ясно

*) „В настоящее время большинство крестьян (государств. Славян.-серб. у.)

высказался выработанный историей взгляд крестьянина на поземельный надел, как на противоядие податям и повинностям.

Понятно, что существует неоспоримая гармония между таким взглядом крестьянина на землю и нашей старой поземельной политикой. Но не менее понятно, во-первых, то, что существование у крестьян подобного взгляда на землю вовсе не служит доказательством «*самостоятельной*» эволюции народной мысли, а, во-вторых, то, что он не ручается за *прочность* дорогих г. Воронцову «устоев». Неизбежный когда-то продукт экономических отношений нашей страны, он неизбежно исчезнет при новых экономических условиях. И он *уже колеблется*, он, как мы видели, *уже исчезает* там, где сильнее сказываются новые, «*пореформенные*» условия нашей общественно-экономической жизни *).

К тому же указанная гармония установилась не без труда и не сразу. В своем докладе императору Николаю от 17 мая 1837 г. граф Киселев говорил: «В Московской и Владимирской губерниях распространились между крестьянами слухи о новом устройстве их на военном положении со введением общественной запашки, произвели в них опасение и побудили богатейших к переходу в городское состояние» **).

В Пермской губернии крестьяне говорили, что начальство, без ведома царя, продало их какому-то важному барину, которого на-

---

настойчиво добивается раздела земли. «В солдаты пошел, а земли нема», «сынов берут, а мы без земли», «царя ли мы служители?», «век не жить на будках-то» — энергично иллюстрируют крестьяне необходимость коренного передела земли». «Сборн. статист. свед. по Екатеринославской губ., выпуск III, Славяносербск. уезд, Екатеринослав 1886, стр. 72—73.

*) Вот еще пример. «Зеленовское общество Лепатихской волости (составилось в 1862 году из подворных владельцев Киевской губ.) делит землю по наличным душам передела 1881 г., но меньшая доля домохозяев хочет раздела на ревизские души в виду того, что «мало земли стало на душу», что «уж сколько лет старые владельцы платили за землю, а тут вдруг у них отбирают». На претензию молодежи: «где же им земли достать»—они отвечают: «наши отцы выпросили себе землю (в 1862 году), выпрашивайте и вы у казны: в Крыму земли много». На наш вопрос—чье мнение восторжествует—сход ответил: «сделаем так, как в старых слободах». В Ново-Конотоповке в 1882 году состоялся приговор о разделе земли на ревизские души. На то соображение, что молодые люди служат царю и отечеству, а земли им при ревизской раскладке не дают – конотоповцы возражают: «в Полтавской и Черниговской губерниях (крестьяне Ново-Конотоповки эмигрировали в Мелитопольский уезд в 1862 году из Конотоповского уезда, Черниговской губ.) тоже служат в солдатах, а земли не получают». Как на причину, побудившую к переделу земли по ревизским душам, крестьяне указывают на то, что «кругом мужики стали покупать *вечную* землю». («Сборник статист. сведений по Таврической губернии». т. I, вып. II, ч. II, стр. 54). Вообще, за аргументами *против* общинного владения у крестьян дело не станет.

**) *Заблоцкий-Десятовский*, цит. соч. т. II, стр. 59.

зывали то Киселевым, то Кульневым, то Медведевым (так как на волостных управлениях выставлен был местный герб—медведь). Эти слухи, в связи с некоторыми неудачными распоряжениями нового министерства, привели к крестьянским волнениям, охватившим целых три уезда. Порядок был восстановлен лишь с помощью военной силы. «Мятежники, — говорит официальный документ, касающийся волнений в Камышловском уезде,—обнаружили сильный испуг, но в постоянном убеждении о правости своего дела не изъявили никакого признака сожаления о содеянном, а тем менее раскаяния» *).

Г. Воронцов рассуждает так: прежде переделы совершались у государственных крестьян лишь во время ревизий; теперь во многих местах крестьяне совершили их, не дождавшись новой ревизии. Это значит, что «принцип государственного регулирования периодического перераспределения земли» уступил место «началу свободной инициативы общины», а из этого следует, что народная мысль ушла вперед в своем развитии **). Это рассуждение нашего автора, подобно всем прочим, не выдерживает самого легкого прикосновения самой снисходительной критики.

В крепостной общине переделы совершались по воле помещика. Выражаясь словами г. Воронцова, мы можем сказать, что при крепостном праве господствовал принцип помещичьего регулирования периодического перераспределения земли. Но и при крепостном праве переделы совершались иногда по почину крестьян, как в этом могут убедить г. Воронцова случаи, указываемые г. Семеновым, которого он же цитирует на стр. 58—60 своей книги. Из слов г. Семенова видно, что «свободная инициатива общины» проявлялась тогда, когда особенно давало себя чувствовать «неудовлетворительное положение» некоторых тягол, а помещик почему-либо медлил предписать передел. При этом «начало свободной инициативы общины» всегда стояло в совершенно подчиненном отношении к принципу помещичьего регулирования. Крестьяне не считали себя в праве совершить самовольный передел; они просили на него позволения у помещика. Совершенно то же видим мы в переделах, совершавшихся в течение прошлого десятилетия и давших г. Воронцову повод *сочинить* «эволюцию» народной мысли. Почувствовав нужду в переделе, крестьяне долго не решаются приступить к нему без «царского

*) Об этом см. интересную статью г. *Колюпанова*: «Камышловское дело» в «Вестнике Европы» 1870 г., кн. 10.

**) «Крестьянская община», стр. 56.

указа». Они с нетерпением ждут новой ревизии, чтобы распределить землю по наличным душам, которые будут записаны в новых ревизских сказках.

Но так как ревизии все нет и нет, а нужда в переделе сказывается все сильнее, то самые смелые или наиболее понукаемые нуждою общины решаются, наконец, совершить его *«самовольно»*. Видя, что подобное «самовольство» не влечет за собою никакого возмездия со стороны начальства, соседние общины также приступают к переделу, и раз начавшееся движение усиливается. В настоящее время есть уезды, где «самовольные ревизии» произошли, за малыми исключениями, повсеместно. Иногда новый передел совершался на определенный срок, а иногда крестьяне формально оговаривались, что новое распределение земли *должно оставаться в силе до казенной ревизии, до ожидаемого указа.* «Начало свободной инициативы общины» громко заявляло, таким образом, о своем подчинении «принципу государственного регулирования». Это—знакомое нам дореформенное отношение.

Что, совершая переделы, крестьяне вовсе не думали посягать на «принцип государственного регулирования», доказывают очень многие факты.

В селе Митякине, Руднянской волости, *Камышинского* уезда, крестьяне в 1886 году «переделили землю отчасти «по предписанию» исправника и отчасти потому, что семейный состав не соответствовал ревизским душам» *). В *Хвалынском* уезде первый передел у государственных крестьян произошел в 1881 году в деревне Дубовом Гае, где «по совету местного предводителя дворянства, В. В. Безобразова, крестьяне разделили... земли на наличные души» **). В *Мелитопольском* уезде движение в пользу переделов очень усилилось после того, как мировые посредники на вопрос крестьян, как владеть землей, отвечали: хотите—по дворам владейте, хотите—по ревизским душам; хоть по наличным, хоть на баб, хоть на скот делите. В *Славяносербском* уезде в с. Первозвановском передача неревизским подросткам наделов умерших ревизских душ совершилась по внушению непременного члена присутствия по крестьянским делам ***) В..., но, кажется, нет надобности приводить новые примеры. Дело

*) «Сборн. стат. свед. по Сарат. губ.», т. IX, отд. III, стр. 484.
**) «Сборн. стат. свед. по Сарат. губ.», т. V стр. 23.
***) «Крестьянская община», стр. 109.

ясно, как день. В пределах новейшего времени сказалась не «эволюция» народной мысли, а верность ее старым преданиям.

По мнению г. Воронцова, «сущность процесса, совершавшегося до последних лет среди государственных крестьян», состояла не только в замене известного «*принципа*» известным «*началом*», но и в «переходе от разверстки земли по душам мужского пола к более совершенным системам» (он замечает, правда, что этот последний переход заметен «*уже гораздо меньше*» *). Проверим и это мнение нашего автора с помощью фактов, при чем остановимся прежде на фактах, имевших место в среде *государственных* крестьян.

Государственные крестьяне до последних переделов владели землею по *ревизским душам*. Это всем известное явление. Но в изложении г. Воронцова и оно искажается. Мы узнаем, что распределение земли между государственными крестьянами совершалось «по душам мужского пола, т.-е. *по потребительной норме*» (курсив наш). Это чистейший вздор, нечто вроде круглого квадрата, по той простой причине, что распределение земли *по потребительной* норме ни в каком случае не могло бы считаться только с душами мужского пола: разве *женщины* не «потребляют»? Распределять что бы то ни было по потребительной норме значит руководствоваться принципом: *каждому по потребностям*. У нас же и государство, и община при распределении земли руководствовались скорее противоположным принципом: *с каждого* (члена податного сословия) *до последней возможности*. Платя подати по числу записанных в ней ревизских душ, община, естественно, распределяла свою землю по той же самой «норме», т.-е. по числу тех же самых душ. В момент ревизии число этих душ совпадало с числом наличных душ «мужеска пола» в каждой общине, и тогда распределение земли соответствовало *производительной* норме. Правда, норма эта не определялась с достаточной точностью: две семьи, имеющие одно и то же число душ мужского пола, далеко не всегда обладают одинаковой производительной силой. Но государство не имело практической возможности полнее осуществить свой принцип. Оно должно было довольствоваться грубым, приблизительным определением производительной нормы, да периодическим устранением *(посредством новых ревизий)* того несоответствия, которое непременно возникало, с течением времени, между «*ревизскими сказками*», с одной стороны, и числом *наличных*

*) «Крестьянская община», стр. 56–57.

душ в каждой общине—с другой. Когда крестьяне, не дождавшись новой ревизии, решились «самовольно» переделить землю и разверстали ее по числу наличных душ, то никакого перехода к «более совершенным системам» при этом не произошло. Крестьяне поступили так, как поступали их отцы, деды, прадеды и т. д. Допустим, что такая верность преданию представляет собою нечто очень отрадное. Но и в этом случае очевидно, что перед нами явление, которое, выражаясь языком покойного И. С. Аксакова, надо назвать *спасительною неподвижностью*, а вовсе не *эволюцией*; благодетельной *косностью*, а вовсе не *движением вперед* *).

Но косность проявилась только там, где крестьяне, в момент «самовольной ревизии», распределили, как это делалось и прежде, по числу наличных душ свою общинную землю. Это имело место, однако, *далеко не во всех* общинах, совершивших новый коренной передел. Местами крестьяне очень отклонились от старой системы разверстки, чем и доказали, во-первых, что их мысль уже начинает расставаться со спасительной неподвижностью, а во-вторых—и еще раз,—что она подчиняется тем самым «внешним условиям», от влияния которых хотел бы освободить ее г. Воронцов.

Прежде всего укажем на некоторые общины, в которых новая разверстка по наличным душам не могла состояться. В Камышинском у. ко времени исследования (1886—1887 г.г.) из 57 общин бывших государственных крестьян к наличной разверстке перешло лишь 32, т.-е. около 56% общего числа. Правда, во время исследования шли толки о переделах и в некоторых других общинах, но в то же

*) Противопоставим мнению г. Воронцова, опирающегося на «данные земской статистики», мнение людей, занимавшихся статистикой на месте. «При каждой ревизии государственным крестьянам нарезалась 8-мидесятинная пропорция (изредка 15-тидесятинная) на ревизскую м. п. душу; подушная подать и государственный земский сбор взимались казною с ревизских м. п. душ, и по этим же душам во всех казенных селениях Мелитопольского уезда и разверстывались, круговая порука связывала ревизские м. п. души. Раскладочная единица дана была государством, оставалось применить ее к разделу земли. Теперь, когда со времени ревизии прошло 26 лет, ревизская душа есть величина мнимая, формальная. Когда же были периодические, быстро следовавшие одна за другой ревизии, то они регистрировали действительное наличное население. Вот почему никогда не нужно забывать, что в переходе государственных крестьян от ревизской к наличной разверстке земли и платежей нельзя констатировать никакого нового принципа обложения. Крестьяне, делившие землю в 1858 году (X ревизия) по ревизским мужским душам, а в 1872 году по наличным м. п. душам, не создали никакой новой раскладочной единицы, а лишь произвели как бы новую ревизию, только при несколько иных условиях». («Сборн. стат. свед. по Таврической губ.». т. I, вып. II, часть II, стр. 52).

время были случаи *возврата* от наличной разверстки к ревизской *). Нам не важно здесь знать, сколько еще общин бывших государственных крестьян этого уезда перешло к наличной разверстке: допустим, что при ревизской разверстке осталось *только* 10% общин (хотя это и мало вероятно). Эти 10 (или сколько их там окажется) процентов свидетельствуют о том, что старый порядок крестьянского землевладения очень сильно шатается. Владение надельной землей по *старым* ревизским душам есть, без сомнения, тоже *общинное владение*, но уже *совершенно особого порядка:* при нем значительная часть сельского населения лишается права на земельный надел, а общинники-землевладельцы являются *привилегированным слоем.* Таким образом, то простое обстоятельство, что часть крестьян удерживает ревизскую разверстку, наносит смертельный удар той общине, которую наши народники привыкли считать воплощением правды и справедливости. *Это Федот, да не тот* **).

---

*) См. «Сборн. статист. свед. по Камышинскому уезду», отдел I, стр. 157. Подобные случаи возврата были, разумеется, и в других местах. По словам г. Постникова в Новороссии, «с 1880 годов в группе государственных крестьян, перешедших от ревизской к наличной раскладке, начинается попятное движение к ревизской раскладке. Земская статистика зарегистрировала 23 таких обратных перехода. Случалось, что одно и то же селение меняло в течение десятилетия несколько раз систему своих раскладок». («Южно-русское крестьянское хозяйство» Москва 1891, стр. 41).

«При первом переделе на наличные души многие общины удержали тот же размер пашни на наличную душу, коим владела ревизская душа; в других общинах этот размер только немного понизился. Достигалось это очень просто путем распашки выгона. Но после 2—3 переделов по наличным душам почти весь выгон оказался распаханным, прирост населения продолжался своим чередом и наличная душа м. п. делалась владельцем только 3½—4 дес. земли вместо прежней 8-мидесятинной пропорции. Через 15 лет эти 4 дес. превратятся в 2, а потом в 1 десятину, на которой можно заниматься садоводством или огородничеством, но сеять хлеб уже нельзя. Это быстрое уничтожение толоки, это измельчание душевого надела напугало крестьян, и 80-ые годы обнаружили анти-общинные тенденции. Многие крестьянские общества стали составлять приговоры о возврате к старой раскладочной единице—ревизской душе. Мало того, большинство общин прямо стало стремиться к выкупу земли и разделу ее на подворно-наследственные участки, т.-е. к полному уничтожению общинного землевладения». («Сборн. статист. свед. Таврич. губ. Мелитопольский уезд», стр. 52—53).

**) Не надо думать, что наличная разверстка везде практикуется теперь большинством общин. В Ростовском-на-Дону уезде «надельные земли во всех без исключения русских общинах распределяются между домохозяевами по числу ревизских душ, получивших надел». В Херсонской губернии «преобладают в огромном числе общины, сохраняющие ревизскую раскладку земли (95% общего числа), при чем большая часть их не производит у себя никаких ни частных переделов-переверсток, ни пережеребьевок». В Днепровском уезде Таврической губернии в большинстве общин «сохраняется пока еще ревизская раскладка» (*Постников*, цитир. соч., стр. 51, 44 и 42).

Но там, где состоялся переход от ревизской разверстки к наличной, явление это осложнилось многими обстоятельствами, придавшими ему весьма поучительный смысл. Так, например, в слободе Слюсаревой Камышинского уезда, с 1883 года разверстывали землю по наличным душам мужского пола с 12-тилетнего возраста. Но при этом «новое число разверсточных душ пригонялось к старому, чтобы на душу доставалось тоже количество земли»*). *Это опять Федот и опять не тот.* В с. Большое Костырево того же уезда в 1884 году решено было, вследствие неравномерного распределения земли, переделить ее по наличным душам, «при чем, однако, тем, кто были малосильны или в глазах общества неаккуратны в платежах, земли было дано не на всех мальчиков, а на меньшее число душ, по усмотрению общества»**). *И здесь черты Федота оказываются измененными «несимпатичным» образом.* В с. Малое Костырево при переделе земли в 1885 году по наличным душам недоимщики были совсем лишены надела***). В с. Мокрая Ольховка 1885 году переделали землю на наличные души, *отобрав землю у недоимщиков.* Всех наличных душ в этой общине было *1051*, а лишенных земли недоимщиков оказалось *273 души*****). *Федот стал совсем уже непривлекателен.* Столь же непривлекателен он в хуторе Большом Петрунине, где при переделе в 1884 году по наличным душам «надел на всех мальчиков давали лишь аккуратным

*) См. цитир. сборник, отдел II, стр. 279.

В Мелитопольском уезде прежде других возвратились к ревизской разверстке с. Ново-Николаевка (Шульговка). «В 1873 году шульговцы были увлечены общим движением и поделили землю на наличные души, но уже через 5 лет они раскаялись в этом и в 1878 году составили приговор о разделе земли на старые ревизские души. Вслед затем Ново-Ивановка в 1880 году перешла от наличных душ к ревизским, в 1881 году–Орлинск, в 1882 году уже 5 общин составили приговор о переходе от наличной к ревизской раскладке (Горелое, Кириловка, Ново-Конотоповка, Ново Поповка, Ново-Успеновка), в 1883 году - Ефремовка и Нескошенное. Движение в пользу ревизской раскладки охватило целую массу селений (Михайловку, Шотовку, Семеновку, Богдановку, Гавриловку, Матвеевку, Веселое, Манчекуры и др.); здесь тоже составлялись приговоры на ревизскую раскладку, но 2/3 голосов не хватило в подписях, и присутствие признало приговоры неправильными. В некоторых селениях, как Матвеевка, Богдановка и Семеновка, крестьяне разделились на две партии: поборников ревизской и наличной раскладки; эти партии враждовали по целым годам, дело доходило до отчаянных драк, «до ножей». Набиралось хозяев 79—100 одной партии, отбирали друг у друга руки и, не составив приговора, двигались на мирскую землю с саженью делить ее в натуре на свои души. Противная партия, заметив эволюции врагов, бросалась с кольями, и на мирных пажитях разыгрывалась жестокая кровопролитная драма» («Сборн. стат. свед. Таврич. губ.», т. I, вып. II, часть II, стр. 53).

Замечательная эволюция общинной мысли!

**) «Сборн. стат. свед по Камыш. у.», стр. 319.

***) Там же, стр. 322.

****) Там же, стр. 332.

в платежах домохозяевам», а *жившие на стороне земли совсем не получили.* В довершение через два года покинули эту будто бы наличную разверстку и вернулись к ревизской: «старики не захотели давать землю на малолетних» *). Во многих местах Таврической и отчасти Херсонской губернии практикуется смешанная раскладка, при которой «наличные души, неревизионные, получают надел вдвое меньший, чем ревизские, но в некоторых селениях в три, четыре и даже в пять раз менее». Напр., в с. Орлянске, Мелитопольского уезда, по разделу 1886 года ревизская душа получила $7^1/_2$ дес., а неревизионная $1^1/_2$ дес., в Михайловке—8 и $2^1/_2$ дес. и т. д. **). В большинстве селений того же Мелитопольского уезда, а также и Бердянского, проявляется стремление лишать наделов лиц, уходящих из селений на жительство в другие места. Это стремление составляет «в местном крестьянстве одну из злоб дня, порождающую бесчисленные споры и жалобы в уездные по крестьянским делам присутствия»***). Интересно, что эти последние выступали нередко защитниками *старого* поземельного порядка, поставив на вид сельским обществам, что они не имеют права лишать наделов тех из живущих на стороне крестьян, которые имеют в своем обществе усадьбу и ведут хозяйство сами или через других членов своей семьи. Если бы мы, подобно г. Воронцову, обладали склонностью к неосновательным обобщениям, то мы могли бы теперь предаться размышлениям на ту тему, что вот, мол, «внешние условия» влияют на крестьян в смысле сохранения старой общины, а народная мысль, независимо от этих условий, направляется в сторону индивидуализма. Но, не обладая счастливою склонностью нашего автора, мы взглянем на дело с другой стороны и постараемся выяснить, не существует ли «условий», способствующих разложению общины с такой силой, с какой не справятся ни уездные присутствия, ни наша сантиментальная «интеллигенция».

Г. Постников спросил одного зажиточного крестьянина Мелитопольского уезда, какая из раскладок земли лучше? «Если земли много,—был ответ,—то лучше уравнительная по наличным душам, но если мало, то такая, какая есть» (в селении, к которому принадлежал крестьянин, утвердилась смешанная раскладка ****). Это в высшей степени замечательный ответ. Мысль крестьянина, его давшего, далеко не

*) Там же, стр. 434.
**) *Постников,* цит. соч., стр. 61.
***) Там же, стр. 63.
****) Там же, стр. 65.

пропитана «индивидуализмом»: в принципе он стоит за уравнительную раскладку; но земли мало, и он вынужден признать, что лучше смешанная раскладка. Он считается с «внешними условиями» и поневоле подчиняется им.

Г. Постников говорит, что фактически общинное землевладение не спасает крестьян от безземелья. Мы видели, что это совершенная правда. Так же справедливо и следующее соображение того же писателя (стр. 63).

«Не трудно... предвидеть, что число таких крестьян, de jure имеющих право на землю, но de facto ею не пользующихся, будет постоянно возрастать в сельском обществе. По мере дробления земли и уменьшения надела, приходящегося на домохозяев, последние все более будут терять в валовом и чистом доходе от своего земледелия. С уменьшением площади хозяйства избыток продуктов с нее над собственным потреблением и содержанием скота и хозяйственного инвентаря может настолько уменьшиться, что он не обеспечит уже возможности уплаты податей, даст крестьянину менее того, что он может добыть своим трудом на стороне. Дальнейшее ведение хозяйства станет для него невозможным, и, так как в собственном селе спрос на работников ограниченный, он должен итти на сторону и, следовательно, в данном случае лишаться своей надельной земли».

Конечно, можно запретить обезземеление отсутствующих членов общины. Но это не поведет ни к чему. Это не устранит «*тесноты*», существующей в современной деревне, а неизбежным следствием тесноты будет стремление одной части общинников поживиться на счет наделов другой части, почему-либо неспособной выдержать все более обостряющуюся борьбу за существование. *Прогоните антагонизм в дверь, он влетит в окно.*

Г. Воронцов, подгоняющий факты под свою любимую идейку об эволюции «критической мысли» крестьян в сторону усовершенствованного землевладения, рассказывает, что «критика существующего не остановилась и перед формальным правом: требование передела раздалось и в тех селениях, которые юридически установили у себя подворное владение; а нашлись и такие подворники, которые вовсе отрицали свой переход от одной формы владения к другой, несмотря на то, что этот переход санкционирован формальным приговором *).

*) «Крестьянская община», стр. 65.

В настоящее время дело почти повсюду обстоит так, что многие крестьяне не остановятся перед каким бы и чьим бы то ни было «формальным правом» ради хотя бы временного увеличения своего надела. Случается, как мы уже сказали, что общины настаивают на переделе даже «купчих» земель своих более зажиточных членов, чего прежде никогда не было. Но все это указывает лишь на затруднительность современного экономического положения крестьян, затруднительность, ведущую за собою *полную расшатку старых «устоев» крестьянского миросозерцания*. А что эта расшатка приведет вовсе не к торжеству «идеи передела» и общинного землевладения, за это ручается хотя бы та *дифференциация* в среде деревенского населения, на которую единогласно указывают все беспристрастные исследователи нашей народной жизни.

«В данный момент ясно уже обособились, каждая со своими специфическими интересами, три группы в среде крестьян: а) богачи, владеющие промышленными капиталами и скопившие эти капиталы путем индивидуальной предприимчивости, помимо общины (кулаки, промышленники, подрядчики-хозяева, землевладельцы-собственники, живущие в общине и пр.); b) умственно-хозяйственные мужички-землепашцы, коренные общинники, «середняки» по достатку, исключительно стремящиеся к скоплению в своих хозяйствах возможно более надельных или арендных общинных земель; с) общинный пролетарий-вольница, безлошадные, бобыли, батраки на собственных наделах и пр.».

Это писал еще в начале восьмидесятых годов, горячий, убежденный народник Н. Н. Златовратский. Его наблюдения относились, главным образом, к *промышленной* Владимирской губернии. А вот что пишет десять лет спустя г. В. Постников о *земледельческих* новороссийских губерниях.

«В настоящее время всякое сколько-нибудь значительное южнорусское село (и то же, вероятно, можно сказать о большинстве местностей России) представляет столько разнообразия в экономическом положении отдельных групп своего населения, что крайне трудно говорить о благосостоянии отдельных селений, как целых единиц, и рисовать это благосостояние средними цифрами. Такие средние цифры указывают некоторые общие определяющие условия экономического быта крестьянства, но они не дают никакого понятия о всем разнообразии экономических явлений в действительности» *).

*) Цитир. соч., стр. 106.

Совершенно то же слышим мы от г. Рева, как видно, обстоятельно изучившего положение крестьян в *Киевской* губернии.

«Со времени освобождения крестьян по настоящий момент деревня наша весьма значительно изменила свою физиономию и в ней произошли крупные изменения не земельного владения, а земельного пользования. Обстоятельство это совершенно ускользает от формальной официальной статистики, а между тем, для определения экономического благосостояния крестьянской массы, оно имеет почти решающее значение. De jure каждая крестьянская семья владеет целым неделимым участком, de facto—ничего подобного нет. За последние 30 лет в крестьянстве нашем образовалась глубокая трещина, в нем произошло (самый процесс этот, впрочем, еще далеко не закончен) разложение на два диаметрально противоположные лагеря: на крестьян достаточных и крестьян малоимущих» *).

В самом деле, в новороссийских губерниях *земледелие* составляет почти *исключительное занятие* сельского населения. Если к этому прибавить, что в них очень распространено *общинное землевладение*, то, довольствуясь средними цифрами, можно с полным, повидимому, правом предаться отрадным размышлениям на ту тему, что Новороссия—не Запад, и что наше южно-русское крестьянство до сих пор, несмотря ни на что, верно «устоям». Но присмотритесь поближе к быту этого крестьянства, и вы увидите, что ваш оптимизм обязан своим происхождением простой ошибке.

Земская перепись дает следующие поучительные цифры по трем материковым уездам Таврической губернии **):

	Колонии.	Прочие селения.
Общее число дворов	9.496	74.539
Число дворов без рабочего скота	972	11.555
» » » посева	865	5.477

Оставляя в стороне колонии, как поставленные вообще в исключительное положение, мы видим, что в «прочих селениях» около $^1/_4$ части крестьян не имеют рабочего скота, а отчасти и посева. Это уже не так отрадно, как преобладание земледелия, широкое распространение общины и проч. Но к этому вы должны прибавить еще вот что:

*) «Киевский крестьянин», стр. 12—13.
**) *В. Постников*, стр. 134.

«В сущности, не сеющие домохозяева и мало сеющие, обрабатывающие свою землю наймом чужого скота, не представляют большой разницы в своем хозяйственном положении. Первые сдают в аренду односельцам всю свою землю, вторые только часть ее, но как те, так и другие либо служат батраками у своих односельчан, либо промышляют сторонними и большею частью земледельческими же заработками, проживая в собственной усадьбе. Поэтому обе категории крестьян—не сеющих и мало сеющих—можно рассматривать вместе: и те и другие принадлежат к домохозяевам, теряющим свое хозяйство, в большинстве случаев разорившимся или разоряющимся, не имеющим нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря» *).

В Таврической губернии около 1/3 части домохозяев не эксплоатируют своей надельной земли, сдавая ее в аренду. Между сдающими есть меньшинство, имеющее собственную, «купчую», землю и арендующее значительные участки на стороне. Это та же крестьянская аристократия, те же «богачи», «промышленники», с которыми встречался г. Златовратский во Владимирской губернии. Только на юге они «промышляют» землею, а не пряденьем, не ткачеством и т. п. Южно-русские «богачи» и по своему образу жизни, и по своим нравственным привычкам, и даже по своим умственным потребностям не имеют уже ничего общего с тою голью, которая сдает свои наделы *по бедности* и «промышляет» единственно *продажей своей рабочей силы*. По словам г. Постникова, богачи нередко «отличаются строгими нравственными правилами, читают газеты и журналы». Не то с бедняками, с *«шалтаями»*. Эти, кажется, не очень строги по части нравственности. Они нередко «запутываются в разгульной жизни и преступлениях». Из них «набираются» конокрады и т. д. Богачи и вообще зажиточные крестьяне относятся к ним с тем, вполне понятным презрением, с которым истинная добродетель издавна привыкла, несмотря на свою скромность, смотреть на порок: «шляется, гуляет, о хозяйстве никогда не думает» **). Само собою разумеется, что добродетель не отказывается при случае вознаградить себя за неприятности, причиняемые ей пороком. Она снимает у порока его землю, при чем снисходит до «угощения» его вином, к которому

*) Там же, стр. 134—135.
**) См. там же, 130 и след.

порок испытывает, разумеется, непреодолимое влечение *). Она придумывает подчас очень хитроумные комбинации с «убыльной землей», т.-е. с наделами умерших или разорившихся домохозяев, земли которых поступают «в мир». Так, напр., из статистического описания Бахмутского уезда видно, что «под влиянием богатых домохозяев в убыльное поле отрезывается от надельной дачи кусок самой лучшей по качеству земли и, под предлогом исправного поступления аренды, раздается сельским начальством тем же богачам и зажиточным крупными частями, иногда в несколько десятков десятин, а бедным крестьянам из нее или ничего не достается, или достается немногим по 1—3 десятины. Такой именно «порядок» установился с течением времени в селах Троицком, Скотоватом, Ясеноватом и Зайцеве, в которых убыльной земли ежегодно отдается в аренду 8.221 дес. При всем этом, много земли разбирается теми же богатыми крестьянами даром, без уплаты аренды, чего они достигают путем утайки от общества... или, вернее, от бедных крестьян целых клеток в 25 дес.; способствуют им в этом деле «мерщики», которых мир наряжает, по просьбе самих же богатых крестьян, для проверки земли в натуре, и которых богатые арендаторы обязательно угощают за показание впоследствии за ними, арендаторами, меньшего количества земли, чем есть в действительности. Арендная плата за убыльную землю назначается ниже существующей в данной местности цены на землю не только того же, но и худшего качества, по крайней мере в 2—3 раза» **). Та же самая добродетель «учит» порок в волостном правле-

*) «Надельная земля служит в настоящее время предметом обширной спекуляции в южно-русском крестьянском быту. Под землю получаются займы с выдачею векселей, весьма распространенных здесь между таврическими крестьянами, при чем доход от земли остается в пользу ссудившего впредь до уплаты долга; земля сдается или продается на год, два и более долгие сроки, 8, 9, и 11 лет, и такие сдачи наделов формально свидетельствуются в волостных и сельских правлениях. По воскресным и праздничным дням мне случалось видеть в больших селах перед зданием сельских правлений целые толпы оживленного народа. На вопрос о причинах сбора, мне отвечали, что это идет угощение и продажа наделов, свидетельствуемых в книгах сельскими властями. Казенные недоимки у крестьян служат также обычною причиною продажи земли, но крестьяне редко допускают, чтобы эта продажа происходила у них вынуждено через расправу (которая по закону имеет право отобрания части надела у крестьян при недоимках), потому что тогда их земля идет дешевле и «без верхов». Продавая же свою землю сам, крестьянин получает «верхи» в несколько рублей на десятину, а покупщик обязывается внести за его землю все подати. В больших селах мне называли и таких кулаков, которые, скупая наделы у нуждающихся крестьян, потом продавали их в пользование других, разумеется, с надбавкой за комиссию». (*В. Постников*, цитиров. сочинение, стр. 139).

**) «Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии». т. II. Бахмутский уезд. Екатеринослав 1886. Отд. II, стр. 181.

нии*). Наконец, она же, пользуясь предоставленным общине правом удалять своих порочных членов, упекает порок в места более или менее отдаленные. «В большом селе Михайловке, Мелитопольского уезда,—сообщает г. Постников,—в 1889 году такими мирскими приговорами удалены были из селения целых 29 семейств» (!)**).

Помощи от зажиточной добродетели бедный порок, естественно, не имеет никакой. «Как ему дать,—говорят крестьяне,—когда с него нечего взять». В Таврической губ. очень распространены сельские ссудо-сберегательные товарищества, пользующиеся поддержкой со стороны государственного банка; «но пользуются займами из них лишь зажиточные и достаточные домохозяева» ***). При арендах земли *«обществами»* безземельные и вообще беднейшие крестьяне совсем устраняются от пользования снятыми участками. По книгам управления государственных имуществ, в 1890 году, в трех материковых уездах Таврической губернии около 63% всей сданной в аренду казенной земли находилось в руках крестьянских обществ. Но в действительности снятая обществами земля досталась лишь очень небольшой группе зажиточных домохозяев.—«В Днепровском уезде у зажиточной группы крестьян находилось в пользовании более ½ всей арендованной пашни, в Бердянском уезде более ⅔, а в Мелитопольском, где всего более арендуется казенной земли, даже более ⅘ арендованной площади. У беднейшей же группы крестьян (засевающих до 10 дес. пашни) находилось во всех уездах всего 1.938 дес. или около 4% арендованных земель» ****).

Очень ошибся бы тот, кто подумал бы, что подобная практика «общественных» аренд представляет собою печальное исключение. Совершенно напротив. Эта практика все более и более становится общим правилом, как в этом может убедить читателя свидетельство г. Карышева, посвятившего «крестьянским вненадельным арендам» особое исследование *****). Вот вывод г. Карышева.

*) На этот счет интересные данные можно найти у г. Харизоменова: «Промыслы Владимирской губ.», вып. III, Москва 1882. В этой губернии беднота занимается кустарными промыслами, работая на «фабрикантов», роль которых играют богатые крестьяне. «Экономическая кабала ткачей повела к юридическому бесправию, но нигде это бесправие не выразилось так рельефно, как в обычае подвергать ткачей-должников экзекуции за неуплату долга фабриканту» (стр. 57 и след.).

**) Цит. соч., стр. 131.

***) *Постников*, там же, стр. 138—139.

****) Там же, стр. 150.

*****) Оно вышло, как известно, в Дерпте, в 1892 г. и составляет второй том *«Итого в экономического исследования России по данным земской статистики»*.

«Чаще всего в мирской (заметьте, читатель, в *мирской*) аренде участвуют не все члены мира. Исключаются из пользования снятой землей именно те, кто в ней больше других нуждается,—хозяева маломощные, обедневшие, обладающие меньшим количеством рабочих сил и скота. Арендуемая земля делится на паи, при чем те, кто могут заплатить больше, получают по целому паю, по несколько паев, а те, которые не могут этого сделать, получают один пай на несколько хозяев. Или земля делится просто «по деньгам», «по капиталу», «по спроможности» и т. д. В иных местах при начале аренды «вписываются» все домохозяева, но многие лишь затем, чтобы немедленно переуступить свои доли более состоятельным сообщинникам... Наконец, появляется даже пересдача мирской аренды своим же сочленам за повышенную плату. Шаг далее—мирская аренда меняет даже название, превращаясь в артельную. Более состоятельные домохозяева, не принимая даже формы общинного съема, выделяются в обособленные группы и арендуют землю на свое имя... Такое выделение более состоятельного крестьянского слоя, сливок земледельческой массы, имеет крайне невыгодные последствия для хозяйственного быта остальных домохозяев. Последним создается конкуренция в съеме земель и тем более могучая, чем сильнее разница в имущественном положении обоих классов... Более обеспеченные могут приобретать еще, а менее обеспеченные отстраняются конкуренцией на второй план» (стр. 219—220) *).

Если бы народная мысль действительно развилась независимо от «внешних условий», то, пожалуй, можно было бы надеяться, что группы, различные между собой и даже враждебные одна другой по своему экономическому положению, дружно пойдут рядом по пути развития общинных «идеалов» и духа солидарности. Но так как указанная независимость существует лишь в воображении г. Воронцова, то не может быть и речи о солидарности и прочности общинных идеалов в современной русской деревне,—по крайней мере в той, которой уже коснулось влияние новейшего экономического движения. Солидарность уступает место *ожесточенному соперничеству, община становится орудием эксплоатации бедных крестьян зажиточными и богатыми.* Как сильно это орудие, показали отчасти уже выше-

*) Этим, оттесняемым на второй план, наименее состоятельным арендаторам, приходится платить за землю гораздо дороже, чем состоятельным. Об этом смотри у г. Карышева, у В. Постникова и др.

приведенные факты (пусть припомнит читатель массовую ссылку «шалтаев»), а отчасти покажет следующий случай.

В Днепровском уезде арендовали казенную землю, между прочими, сельские общества Больше-Копанское и Ново-Алексеевское. В обоих обществах снятою землею на самом деле пользовалась лишь небольшая часть зажиточных крестьян. Но и этим крестьянам не удалось «осилить» нанятые за сравнительно высокую цену участки. Они оказались несостоятельными. Тогда земля была у них отобрана казною и снова сдана в аренду «хозяйственным способом», по цене вдвое низшей. Недочет обязаны были уплатить старые арендаторы (а он для Ново-Алексеевки доходил до 4.000 руб.). Но кто же эти старые арендаторы? Вероятно, те зажиточные крестьяне, которые пользовались казенною землею? Нет, земля была сдана в *мирскую* аренду, а потому и отвечать за нее пришлось *миру*. Недостающие суммы разложены были по *душам* *). Если бы аренда принесла *выгоду*, то бедняки не имели бы к ней доступа; но так как она принесла *убыток*, то этот последний был *братски* разложен между всеми членами названных общин. Нечего сказать, замечательная эволюция «общинной идеи»!

Г. Воронцова умиляют коренные переделы, совершившиеся в очень многих общинах государственных крестьян в течение последнего двадцатилетия. Г. Воронцов видит только внешнюю сторону этих явлений; он не замечает того, что скрывается за нею, по крайней мере, делает вид, что не замечает. Пусть же недосказанное одним народником доскажет другой, пусть г. Златовратский дополнит г. Воронцова.

«Передел все больше и больше теряет свое практически-рациональное значение и делается игрой в «свалку и навалку душ», при которой на второй же день после передела только что уравненные наделы снова складываются в прежнее status quo, с незначительными изменениями: наделы подбираются экономически-мощными хозяевами, иногда группирующими в своих руках до 8—10 наделов, обрабатывать которые нанимают батраков, между тем как сами хозяева этих наделов уходят в города, в заработки или в батраки на собственные наделы... Мы можем указать в особенности на большие села, которые представляют характерные примеры особого рода землевладения, именно общин землевладельцев, а не общин земле-

*) *Постников*, цит. соч. стр. 152—153.

дельцев. В этих селах фактически владеют землей из 700 душ всего 40 хозяев, которые берут на себя обработку всей надельной земли, нанимая на время летних работ целые армии батраков. Настоящий же «правовой» хозяин земли ходит в заработках или просто по миру... Вы совершенно поражаетесь, когда видите, что в селе с 500—700 душ весь сельский сход состоит только из 40 человек, да из них *только* половина работает сама, а прочие—лавочники, кабатчики, кулаки, «хозяева», собственно же рабочая масса—женщины, батраки и владельцы наделов, ушедшие в заработки,—не принимают тут никакого участия и на сходы не ходят. Вследствие всего этого весь хозяйственный инвентарь все более сосредоточивается в руках незначительного меньшинства; большинство почти совсем перестает его заводить и начинает «жить на хлебах» *).

Русская община отличается поразительной гибкостью,—уверяют нас г.г. народники,—она умеет приспособиться ко всевозможным внешним условиям.

Мы видим теперь, что г.г. народники не ошибаются: действительно, трудно придумать что-нибудь более «*гибкое*», чем русская община; она *не перестает быть общиной даже в том случае, когда превращается в свою собственную противоположность.*

Наши старые народники—Златовратский, Успенский и многие другие—относятся к новейшим народникам à la Воронцов, как бурбуржуазные экономисты-*классики* к *вульгарным* экономистам последующей эпохи. Старые народники бесстрашно описывали то, что совершалось перед ними; они не боялись *истины*, потому что еще не вкусили от древа познания добра и зла, потому что им даже и в голову не приходило, что истина противоречит их «*идеалам*». Г. Воронцов и ему подобные *подкрашивают действительность и подслащают мужика*, потому что они поняли, что неподкрашенная действительность и неподслащенный мужик сводят на-нет их «идеалы».

Что такое крестьяне, не имеющие рабочего скота? Это те, по выражению Г. И. Успенского, *нули целых*, связь которых с землей уже *совершенно подорвана*. А между тем домохозяев, не имеющих скота, у нас везде очень много. *Они составляют по крайней мере четвертую часть крестьянского населения Европейской России* (не считая 3 остзейских и 10 польских). Не многим обеспе-

*) «Русская Мысль» январь 1884 г., «Очерки народного настроения», стр. 102.

ченнее и положение тех хозяйств, в которых приходится по одной штуке рабочего скота: неурожай, падеж, даже простая «заминка» в делах, «недохватка» в деньгах,—которых, разумеется, и без того немного,—и крестьянин лишается последнего «живота», отчего все его хозяйство быстро идет под гору. Хозяйств, обладающих одной штукой скота, у нас считается более 25% крестьянского населения. Взятые вместе, эти кандидаты в пролетарии составляют поистине ужасающую сумму. Вот внушительная таблица, заимствуемая нами у г. П. Скворцова *):

ХОЗЯЙСТВ	Без рабочего скота.		С 1 штукой рабочего скота.		Тех и других.
	Всего.	%	Всего.	%	%
Полесье центральное	85.852	28,0	105.813	36,9	64,9
Полесье северное	54.661	19,7	127.470	46,0	65,7
Северный трехпольный чернозем	216.022	29,4	232.181	34,0	63,4
Северный экстенсивный чернозем	64.875	18,7	67.575	19,5	38,2
Южный экстенсивный чернозем .	78.501	25,5	19.586	9,5	35,0
Южный трехпольный чернозем .	230.086	25,1	231.569	25,3	50,4
Итого	729.997	25,3	784.194	27,2	52,5

Более пятидесяти процентов разорившихся хозяев, кандидатов в полные пролетарии! И это по данным восьмидесятых годов. Неурожаи 1891 и 1892 г.г. еще более увеличили эту цифру. Зная, что именно домохозяева, имеющие мало скота или вовсе его не имеющие, чаще всего сдают свои наделы, мы поймем, как сильно должна быть распространена сдача этих последних, а зная это, мы вынуждены будем согласиться, что не много преувеличения в вышеприведенных словах г. Златовратского; что, действительно, передел все более и более утрачивает свое старое практическое значение и становится игрой в свалку и навалку душ, происходящей прежде всего в интересах сельской добродетели,—кулаков, кабатчиков,

*) «Юридический Вестн.». 1892, № 11, «Итоги крестьянского хозяйства», стр. 440

лавочников, хозяйственных мужичков и других щук, жадно глотающих задремавших карасей *).

Должны будем согласиться... Вот до чего мы дошли! В *девяностых годах* приходится с цифрами в руках доказывать, как *новые*, те истины, которые считались *старыми* в *семидесятых* **). Но что прикажете? Такова «эволюция» нашего народничества. Прежде народники кричали о разложении общины, а теперь, даже в специальных исследованиях, посвященных именно общине, они предпочитают распространяться на тему об «эволюции» крестьянской мысли в сторону любезных народникам идеалов. Старость не радость!..

Но послушаем еще г. Воронцова: может быть, он и в самом деле открыл такие явления, которые должны вызвать целый переворот в нашем взгляде на народную жизнь. Может быть, и в самом деле, вопреки неблагоприятным «внешним условиям», совершился у нас, по крайней мере кое-где, переход к более совершенным системам распределения земли? До сих пор мы в словах г. Воронцова указаний на это не видели. Но ведь его речь еще не окончена; кто поручится, что она не сделается более убедительной?

«Прошлая жизнь дала крестьянину-общиннику систему разверстки земли по потребительной норме, именно по душам мужского пола, записанным в ревизию (мы уже видели, что норма эта вовсе не *потребительная*, а грубо, неточно определенная *производитель-*

*) Много данных, касающихся сдачи наделов, собрано г. Г. Сазоновым в статье: «*Значение аренды крестьянских земель в вопросе о неотчуждаемости их*», составляющей приложение к его книге: «*Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой*» (чьей? вероятно г. Сазонова). С.-Петербург, 1889. Г. Сазонов, столь твердо верующий во всемогущество государственного вмешательства, как видно, считает прекращение сдачи крестьянских наделов целью весьма трудно достижимой. «Несмотря на всю важность неотчуждаемости, сомнение невольно закрадывается в душу,—меланхолически заявляет он. Положим, законоположение вошло в силу, неотчуждаемость стала фактом. Какие изменения произойдут в землевладении народа? Обширный вышеприведенный материал позволяет усомниться в важности перемены. Теоретически крестьянин будет собственником неотчуждаемой земли, на самом же деле он—собственник фиктивный, ибо земля будет принадлежать кредитору, а собственник ее будет в сущности арендатором, т.-е. существенного изменения не произойдет. Дело в том, что земля ускользает из рук мужика не потому, что нет закона о неотчуждаемости, а потому, что существуют непреоборимые для крестьян причины, создающие сдачу наделов»...

**) «Итак, теперь общинное землевладение почти утратило всю свою практическую важность—оно не защищает крестьян от пролетариата, который известен у нас под именем бездомного батрачества Его ненавистное, но законное дитя—мироед, производя последовательно все больше и больше пролетариев, в то же время имеет тенденцию сократить размеры крестьянского производства хлеба» и т. д. *В. Гиляранский*, «Общественно-экономические отношения в юго-восточной России». «Слово», Март, 1878, отд. I, стр. 152.

ная—А. В.). Никто не скажет, чтобы эта система была совершенным выражением идеи, лежащей в основе распределения земли по нуждам семей (еще бы! она к нуждам семей не имела ровно никакого отношения!), и, наоборот, есть основание предполагать, что она явилась или по крайней мере сохранилась до новейшего времени в известной мере искусственно (вот это так! Это мы знаем наверное. Только вы слишком нерешительно это выражаете, г. Воронцов: *есть основание* предполагать, что она именно *явилась* «искусственно» и столь же «искусственно» сохранилась). Очень возможно, что не будь в прошлом вмешательства государства в поземельные отношения,—община представилась бы нам иною, чем мы ее видим в настоящее время. Но раз это вмешательство возымело место, возможно, что процесс эволюции идеи уравнения прерван был посредине и станет продолжаться после того, как будут устранены задерживавшие обстоятельства. Считая землю ничьей, божьей, государевой, зная, что ее размерами определяется благосостояние семьи, крестьянин, естественно, приходил к мысли о распределении этого божьего дара между всеми, пропорционально потребностям каждого... Мы не говорим, что начало мужской души внесено в общинную жизнь государством; весьма вероятно, что последнее исходило в своих мероприятиях из того, что уже существовало в действительности (это уже знакомая нам «гармония»); но своим авторитетом оно закрепило существующее, придало ему ту устойчивость, какой при свободном развитии общины оно может быть и не имело бы. С устранением же указанного влияния со стороны, естественно, если прерванный процесс развития общинной идеи возобновится (?) и рядом с душой мужского пола... выдвинутся другие единицы, лучше соответствующие идеальным началам человеческой природы и социальному смыслу рассматриваемой формы землепользования» *). Следуют примеры из жизни крестьянского населения Херсонского уезда. Примеры эти вполне заслуживают внимательного рассмотрения. Они проливают яркий свет не только на «эволюцию общинной мысли», но и на мышление самого г. Воронцова.

В Херсонском, да и не в одном Херсонском уезде, происходит местами *борьба «за девок»*. Это означает вот что. Когда поднимается вопрос о переходе к наличной разверстке, то домохозяева, у которых много дочерей, доказывают, что наделены землею должны быть души

*) «Крестьянская община», стр. 250—251.

обоего пола. Херсонские статистики видят в этом результат сравнительно равноправного положения женщины среди малорусского населения. А г. Воронцов, ссылаясь на подобные же явления в Великороссии, полагает, что на них «нельзя смотреть, как на отражение традиционных взглядов, и естественнее предположить, что они служат признаком свежей струи в общинной жизни вообще, что ими открывается новый период в развитии общинной идеи, которое было прервано образованием крепостного дореформенного государства и возобновилось после того, как внешнее давление на общину ослабело» *).

Заметим прежде всего, что в тех селениях Херсонского уезда, на которые указывает г. Воронцов,—в Новом Буге, Ново-Архангельском и Киселевке—«общинная идея» оказывается очень слабой и потому мало надежной: в первом из них долгое время господствовало *подворно-наследственное владение*, а в двух остальных оно *фактически господствует* и теперь,—по крайней мере господствовало в момент исследования,—так как передел в них *не мог состояться*. При фактическом господстве подворного владения установились порядки, вследствие которых умершим главам семейств наследовали как сыновья их, так и *вдовы с дочерьми*. При возникновении вопроса о разверстке по наличным душам, права женщин отстаивались именно теми семьями, в численном составе которых преобладали души женского пола. Предвидя уменьшение своих участков, при переделе земли по душам мужского пола, такие семьи высказывались *вообще против передела*: «у меня одна душа мужская наличная, а пять девочек; чем же я их буду кормить, когда поступлюсь своей землей на общество»? Это очень естественное соображение. Но оно доказывает совсем не то, что хочется доказать г. Воронцову. Так называемый им *женский вопрос* возник в этих селениях вследствие *упадка* общинной мысли, а вовсе не вследствие ее дальнейшего развития и укрепления. Г. Воронцов изображает явления совершенно обратно тому, как они происходят в действительности.

Это было бы очень неудобно для читателей, если бы наш автор не опровергал самого себя с беспристрастием, заслуживающим полнейшего одобрения. Беспристрастие его блистательно проявилось по поводу «*женского вопроса*» в деревне. На стр. 316 своей книги он категорически заявляет. «В некоторых местностях (напр., в Херсон-

*) Там же, стр. 252.

ской губернии) мы застаем общину в тот момент ее эволюции (!), когда крестьяне смотрят на землю скорее, как на личную собственность, чем на мирскую, и этот взгляд отражается на отношении женщин к земле. В таких местностях права женщин на надел довольно широки, так что вдова и дочь нередко сохраняют за собой участок умершего владельца земли, даже если они выходят замуж за лиц, посторонних обществу. Это широкое право является здесь, следовательно, продуктом идеи личного, а не общинного начала землевладения».

Очень хорошо, г. Воронцов; так хорошо, что с этой стороны мы можем считать «женский вопрос» решенным. Но не объясните ли вы нам теперь,—благо настала минута откровенности,—какое значение имеют те случаи возникновения «женского вопроса» в великороссийских деревнях, которые вы назвали признаком свежей струи и т. д.?

Г. Воронцов отвечает:

«Там, где сохраняется ревизская разверстка земли, большим распространением пользуется правило, что вдова или мать (иногда и дочь) умершего оставляют за собой надел покойного на общем основании до нового передела земли или до выхода в замужество за иносельца, а местами и за однообщественника. Так как переделы по новым душам получили распространение недавно, то еще не представляется возможности определенно высказаться о том, сохранится ли приведенное правило в обществах, отступивших от ревизской разверстки, т.-е. есть ли это правило естественный продукт общинной идеи или является плодом некоторой индивидуализации воззрений, развивающейся вследствие продолжительного отсутствия переделов. Судя по примеру некоторых местностей (см. Мелитопольский уезд), можно полагать, что такое же правило будет иметь применение и в общинах с наличной разверсткой земли. Рассматривая его поэтому как порядок общинных отношений, мы можем видеть в нем только средство простого призрения или же считать результатом признания со стороны общины за женщиной права на землю, как таковую,—права, получающего осуществление чрез посредство мужской части семьи, а за отсутствием таковой лично» *).

Г. Воронцов высказывается неопределенно. Он уже не хочет отрицать свой собственный взгляд с тою похвальною решительностью,

*) Там же, та же страница.

с какой он только что сделал это относительно Херсонского уезда. И тем не менее, г. Воронцов отступает по всей линии. Как ни запутанно его объяснение, мы все-таки имеем полное право сделать из него следующие выводы.

1) Очень может быть, что «женский вопрос» есть «плод некоторой индивидуализации воззрений» не в одном только Херсонском уезде. Это наше предположение перейдет в полную уверенность, если, при замене ревизской разверстки наличною, права женщин на землю будут ограничены.

2) Но есть основание думать, что они при этом ограничены *не будут*. А если это так, то отвод женщинам земли можно рассматривать «*только как средство простого призрения*».

3) Можно, однако, взглянуть на него и иначе. Можно допустить, что оно есть результат признания за женщиной права на землю, как таковую.

4) Но тогда надо помнить, что, будучи признано, право это осуществляется, однако, лишь через «посредство мужской части семьи», т.-е., другими словами, *вовсе отрицается*, так как чрез посредство мужской части осуществляются права только мужской части.

5) За отсутствием мужской части семьи названное право осуществляется, однако, и «лично»,т.-е. «чрез посредство части *женской*», если такие случаи не означают «простого призрения».

«Свежая струя» низводится до таких ничтожных размеров, что самое существование ее можно «рассматривать», как нечто совершенно сомнительное, тем более, что уже с очень давних пор крестьянские женщины местами пользуются у нас наделом по смерти мужа, т.-е. «за отсутствием мужской части семьи». Свежая струя оказывается, значит, и не весьма свежей: она есть «результат» давнего обычая, который даже возведен в закон правительствующим сенатом, согласно указам которого: «общество не может обезземеливать крестьянок, пользовавшихся земельным наделом по смерти мужа на правах домохозяйки и отбывавших повинности», «пока они не выйдут замуж в другое общество» (там же, стр. 317, примеч.).

Мы могли бы из книги г. Воронцова заимствовать еще много примеров, хорошо выясняющих значение «женского вопроса». Полагаем, однако, что оно и без того ясно читателю, а так как места у

нас немного, то мы предпочитаем выяснить крестьянский взгляд на на землю как на «ничью, божью, государеву» *).

Здесь мы, во-первых, напомним читателю, что русский крестьянин давно уже не отождествляет «ничьей, божьей» земли с землею казенной, как это доказывают продолжавшиеся в течение целых столетий побеги не только помещичьих, но и казенных крестьян в «прекрасную пустыню», с казенной земли на ту, которая действительно была тогда «ничьей, божьей». Но это мимоходом. Главное же вот что.

В Александровском уезде помещичьи крестьяне в первое время по освобождении не только охотно давали выморочные и вообще «пустые» земли лицам, не принадлежавшим к их общинам, но и сами брали на себя инициативу отыскания таких людей, которые согласились бы взять часть их земли. Настоящий золотой век! Самая трогательная идиллия! Крестьяне, очевидно, твердо проникнуты тем убеждением, что земля ничья, божья, государева, и что ее надо распределять по «потребительной норме». К сожалению, идиллия была недолговечна. В настоящее время «крестьяне начинают теснить посторонних пришельцев, не записанных в ревизскую сказку и уставную грамоту» **). Что же это за притча? Отчего люди, прежде смотревшие на землю, как на *ничью*, теперь вдруг стали смотреть на нее, как на свою *собственность*, и вспомнили о своих юридических правах, о ревизских сказках, об уставных грамотах и прочей прозе? Очень простое дело! Прежде земля не окупала лежащих на ней платежей, и тогда принимать на нее посторонних людей было *выгодно*.

*) Считаем, впрочем, не лишним напомнить читателю, как обстоит «женский вопрос» в Мелитопольском уезде, на который указывает г. Воронцов. «Женщины видимо ратуют за ревизскую раскладку и даже, как мы видели в Семеновке, участвуют в составлении неправильных приговоров, наполненных плутнями. Дело в том, что при наличной разверстке женщины после смерти мужа владеют землею только до следующего передела, стало быть не более 10 лет (наиболее длинный промежуток между двумя переделами), а затем надел у них отбирается, и только «безродным» вдовам дается несколько десятин мироплатимой земли. При ревизской разверстке, по смерти отца семейства, его душа на всю жизнь остается у вдовы, которая обыкновенно живет с одним из разделившихся сыновей. Положение матери, владеющей землею, далеко не таково, как безземельной: уходя от сына, она уносит с собою 8 десятин земли; это обстоятельство заставляет детей почитать старуху, слушаться ее. Таким образом, при ревизской раскладке даже бездетная вдова на всю жизнь обеспечена 8-десятинным наделом, а при детях положение вдовы более почетно и независимо, чем положение безземельной старухи при наличной разверстке». «Сборн. статист. сведений по Таврическ. губ.», т. I, вып. II, ч. II, стр. 57». Женские права плохо уживаются с общиной, как она должна была бы быть, т.-е. с наличной разверсткой... Поэтому женщины *против* общины, т.-е. за ее искажение посредством ревизской разверстки.

**) *В. Постников*, цит. соч., стр. 53.

А теперь доходность надельной земли повысилась; теперь владение ею не представляет уже тягости; теперь *выгодно* стало *уже не приглашение* в общину посторонних людей, а, напротив, их *удаление*,—вот и удаляют этих людей, посредством ревизских сказок и уставных грамот. Прежде земля чересчур уже была казенной, поэтому и старался каждый домохозяин, чтобы она сделалась если не *«ничьей»* (это было невозможно), то хоть *чужою* землею,—землею другого домохозяина, все равно, принадлежащего или не принадлежащего к данному обществу. А теперь принадлежность земли «казне» чувствуется уже не так сильно, и каждому крестьянину хочется сделать из нее *свою* землю, вырвать ее из *чужих* рук. Что может быть проще этого? Но, с другой стороны, что же остается от «потребительной нормы»?

«Такого же рода борьба отмечается и в уездах Екатеринославской губ.,—продолжает г. Постников,—где она указана земской статистикой в восточных уездах губернии, в местностях, где сильнее шло возвышение цен на землю» *). Повторяем, это очень просто и естественно. И чтобы убедиться в этом, достаточно проникнуться тем убеждением, что человеческая мысль вообще, а, следовательно, и крестьянская в частности, никогда и нигде не развивается независимо от «внешних условий». Чуждый этого убеждения, г. Воронцов, несмотря на массу упорного труда (в этом отношении ему надо отдать полную справедливость, трудолюбия у него бездна, *охота* у него *смертная*), до сих пор не мог доработаться до сколько-нибудь определенного, непротиворечивого взгляда на значение современных крестьянских переделов (*участь* г. Воронцова в этом случае очень *горькая*). А вот г. Григорьев, повидимому без труда, совершенно точно и определенно понял это значение. «В группе (общин) с наиболее доходным наделом,—писал он еще в начале восьмидесятых годов о крестьянах Саратовского уезда,—к коренному переделу приступило со времени X ревизии менее половины общин: 48,6%, а там, где надел в тягость большинству дворов, коренной передел произведен почти всеми обществами—93%. Подобное явление отмечено и исследователями Московской, Рязанской и проч. губ. Так как в Саратовском уезде число общин с малодоходным наделом весьма значительно, то и процент общин, совершивших коренной передел со времени X ревизии весьма велик—70%» **).

*) Цит. соч., стр. 54.

**) «Русская Мысль», апрель 1884 г. «Земско-статистические исследования по Саратовской губернии», стр. 44.

Как видите, и здесь то, что г. Воронцову представляется результатом прогрессивного развития общинной мысли, есть на самом деле результат бедности крестьян, отягощения их непосильными платежами. Независимость же народной мысли от «внешних условий» оказывается просто «безлепичным» мифом. Именно этими условиями и определяется то или иное отношение крестьян к переделам. Настаивая на переделе или отказываясь от него, крестьянин руководствуется не отвлеченными принципами, а простым расчетом выгоды. Так несомненно происходит дело в тех местностях, где крестьянская мысль, под влиянием нового склада экономических отношений, освободилась уже от господства предания. А таких местностей теперь уже очень много: русский крестьянин теперь уже не тот, каким он был до реформы 1861 года *). А раз отношение крестьянина к общине стало определяться простым расчетом выгоды, над общиной,—т.-е. над старой общиной, которую любят гг. народники,—надо поставить крест или, по крайней мере, надо заблаговременно заготовить этот крест, потому что все реже и реже будут происходить, все реже и реже будут повторяться такие сочетания интересов отдельных домохозяев, которые необходимы для новых переделов. И теперь уже к общине отрицательно относятся не только кулаки, на которых мы привыкли сваливать все общинные неурядицы и которые иногда—тоже расчет выгоды!—являются горячими сторонниками общинного землевладения, *но и беднейшая часть общинников*, а это уже гораздо более зловещий признак.

Привыкнув видеть в общине чуть не панацею от всех экономических бедствий, наши благодушные народолюбцы воображают, что именно деревенская-то беднота и должна всего энергичнее стоять за переделы. А между тем, не говоря уже о тех многочисленных случаях, когда беднота христом-богом отпрашивается от земли, она

*) Пусть не обвиняют нас в искусственном построении: мы и здесь лишь повторяем то, что давно уже было высказано народниками-классиками: «К своей общине крепостной мужик относился, конечно, совершенно иначе, чем относится мужик новейшей формации,—говорит г. Златовратский.—Крепостной мужик не мог и не имел достаточно сильных побуждений смотреть на свою общину критически: он, вместе с барином, принял ее, как традиционный факт от дедов... Все хорошее и худое держалось по рутине, по традиции, по убеждению, что все установлено по законам, не при нас писанным, как и существование самого барина». Другое дело—мужик новейшей формации: «К своей общине, принужденный бороться за существование, он становится в критическое отношение... От этого мужика вы услышите совсем другие рассуждения об его общине, чем от крепостного мужика; он не поклоняется перед ней, как перед священной и заповедной традицией, он знает, что в ней хвалить, что порицать» и т. д.

очень нередко обнаруживает к переделам совершенное равнодушие. Пример. Село Щербаковка, Банновской вол., Камышинского уезда: «Землю делят по ревизским душам... Потребности в коренном переделе не чувствуется: народ бесхозяйственный» *). И таких примеров можно привести множество. И все они показывают, как отвлеченно, как поверхностно, как односторонне понимают народные интересы наши защитники общины quand même.

Четвертая глава разбираемой нами теперь книги г. Воронцова посвящена «*индивидуалистическим стремлениям в современной общине*». Там собрано не мало фактов, показывающих силу этих стремлений. Но г. Воронцову эти факты не мешают твердить об «эволюции общинной мысли». Когда он встречается с ними, он или утешает себя тем соображанием, что процесс распадения общины отличается «не вполне сознательным характером» (стр. 162), или придирается (читатель сейчас увидит, почему мы говорим: *придирается*) к отсутствию формальных приговоров о переходе к подворному владению.

«Если считать серьезным решением выражаемое крестьянами вскоре после первого появления идеи передела намерение не делить земли, то это, конечно, равносильно уничтожению общины обычного типа. Но в таком случае общество не остановится на осуждении возникшего стремления к переделу, а естественным образом попытается закрепить существующее распределение земли законным приговором о переходе к подворному владению. Пока этого приговора нет,—на отрицательное отношение крестьян к переделу общинных угодий нужно смотреть не иначе, как на переходный момент в эволюции общинно-земельной идеи, за которым может последовать не только переход к подворному владению, но и осуществление передела» (стр. 165).

Что переход к подворному владению не всегда совершается «вполне сознательно», это совершенно верно, но это плохое утешение для г.г. народников. Процесс распадения общины и на Западе никогда не был «вполне сознательным», однако это не помешало ему совершиться. Глубокие перемены общественных отношений всегда бывают сначала бессознательными. Но тем хуже для сторонников старых порядков, потому что тем неизбежнее эти перемены **).

*) «Сборн. статист. свед. по Камыш. у»., отдел 2, стр. 100.

**) На счет «сознательности» г. Воронцов предъявляет очень высокие требования. «Если без приговора,—говорит он,—нет сознательного разрушения общин-

Ссылка на бессознательность имеет в устах г. Воронцова смысл надежды на поворот к лучшему: взглянув *сознательно* на свои поземельные отношения, крестьяне, может быть, и изменят свое отношение к общине. Читатель согласится, что слаба и эта надежда при нынешних «внешних условиях», когда все ведет к усилению неравенства внутри общины. Но между «внешними условиями» есть одно, которое может, по мнению г. Воронцова, сразу произвести желательный переворот. В виду этого «внешнего условия», наш автор и ухватывается за отсутствие приговоров. Послушайте г. Воронцова:

«По ст. 57 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», подобные приговоры должны записываться в особую книгу. Имея в виду, что значительная часть приговоров о превращении общинного владения в подворное не занесена на бумагу, а из остальных, вероятно, бо́льшая часть не была представлена на утверждение присутствия по крестьянским делам (как это известно, напр., относительно случаев Ямбургского у.),—мы можем смело считать эти приговоры незаконными и переход к подворному владению юридически несостоявшимися» *).

Вы понимаете теперь, какое «внешнее условие» имел в виду г. Воронцов, придираясь к отсутствию приговоров? Это внешнее условие должно объявить незаконными уже состоявшиеся случаи дозволенного законом перехода к подворному владению, и г. Воронцов предупредительно подсказывает ему нужные на сей конец юридические придирки.

Во взаимном отношении частей уже знакомого нам гармонического целого должна произойти, таким образом, весьма поучительная перемена. Прежде государство являлось только выразителем народных стремлений, оно только давало «толчки» к осуществлению того

ного владения, то существование первого не доказывает еще наличности вполне сознательного отношения мира к вопросу. Существование подобного приговора... свидетельствует только об отрицательном отношении крестьян к общине в самый момент постановления приговора. Решимость на этот шаг, способный фатально отразиться на судьбе будущих поколений, никоим образом не доказывает, что общество серьезно взвесило слабые и сильные стороны общинного и подворного владения... Очень часто приговор о подворном владении постановляется не в виду ясно сознанных преимуществ этой формы владения землей или несоответствия общинного владения миросозерцанию и настроению населения, а по недоразумению или под влиянием слепого эгоизма"... (стр. 169). Надо сознаться, что кто *так* умеет отговориться от опыта и логики жизни, тот имеет все данные для того, чтобы до самой смерти своей сохранить отрадное убеждение относительно блестящего процветания «общинной идеи».

*) «Крестьянская община», стр. 191.

что подготовила сама народная мысль. Теперь государство должно останавливать «самодеятельность» народной мысли, раз она принимает неприятное г. Воронцову направление; теперь «толчки» должны *разрушать* то, что подготовляется народным сознанием. Прежде государство «тащило», теперь оно должно «не пущать».

Кстати о народном сознании. Народники твердят, что во многих общинах крестьяне не переделяют земли единственно по незнанию своего права на это. Отсюда делается то умозаключение, что, когда сельское население лучше ознакомится со своими правами, «устои» сделаются много прочнее. Но вряд ли это так. Сам г. Воронцов признает, напр. (стр. 210), что «незнание крестьянами своего права выкупать наделы отдельно от общества» есть одна из причин слабого развития досрочного выкупа наделов бывшими помещичьими крестьянами. Сам г. Воронцов признает также (стр. 210—211), что «приобретение крестьянами познания своих юридических прав на землю» содействует учащению досрочных выкупов. И г. Воронцов, вопреки своему обычаю, говорит совершенную правду. А ведь это что значит? Это значит, что лучшее знание крестьянами своих прав может и не повести к упрочению устоев. И вернее всего, что устои еще более расшатаются.

Это более или менее смутно «сознают» и сами народники. Потому-то они и кричат о необходимости отменить те права домохозяев, которые противоречат народническим «идеалам». Потому-то знаменитая 165 ст. и подвергалась столь единодушному осуждению с их стороны.

Но о том, что *будет*, мы успеем поговорить, когда оно будет. Теперь вдумаемся лучше в то, что *уже есть* в нашей народной жизни.

«Если при переделах общество не отводит земли шалтаям, говорит г. Воронцов, то это, главным образом, по причине того, что они не только не пользуются лично землей, но и не платят податей. Другая часть недоимщиков, не занимаясь самостоятельно хозяйством, пробивается в родном селе поденными работами, службой в батраках и т. п.; наконец, известная часть неисправных плательщиков готова бы заниматься хозяйством, да не имеет силы сделаться настоящими земледельцами. Так как с пользованием землей связаны известные платежи, которые, в случае неисправности отдельных лиц, ложатся на весь мир, то обществу предстоит отнестись к неплательщикам или как к несамостоятельным членам, требующим мер при-

зрения, и в таком случае отводит им наделы бесплатно, как они отводятся иногда вдовам, престарелым или сиротам и т. п., или считать их за самостоятельных членов союза и отбирать у них землю, за которую они не вносят платежей (*вот вам и потребительная норма!*). Обыкновенно общества становятся на вторую точку зрения, а нередко и сами маломощные крестьяне, опасаясь запущения недоимок и не особенно дорожа надельной землей, отказываются от всего или части участка, приходящегося им по общественной разверстке»*).

Видите ли, как все хорошо обстоит в русской общине! Во-первых, несостоятельным крестьянам «приходятся» известные участки, чем достигается торжество «потребительной нормы» и доказывается эволюция общинной мысли. Но несостоятельные крестьяне «опасаются запущения недоимок» и потому «*сами*» отказываются, частью или целиком, от своих наделов. И это тем легче делать им, что землей они «не особенно дорожат», очевидно, имея на то достаточные основания. Из того, что, даже не особенно дорожа землей, крестьяне все более совершенствуют свои общинные идеалы, следует, что «внешние условия» действительно не имеют решительного влияния на развитие народных идеалов. Далее. Если у шалтаев отбирается земля, то единственно потому, что лично они ею не пользуются,—новое торжество потребительной нормы. Наконец, если лишаются участков даже и такие домохозяева, которые были бы не прочь лично попользоваться землею, то это происходит единственно потому, что с ними обращаются, как с «самостоятельными членами»,—блестящее подтверждение той мысли, что община не подавляет личности. Чего лучше? Все идеалы спасены и превознесены, все волки сыты, а если некоторые овцы и не совсем целы, то они, как мы уже знаем, и сами «не особенно дорожат» своею целостью.

Благодаря своему удивительному стремлению размалевывать розовыми красками то, что в действительности имеет несомненный черный цвет, г. Воронцов, против собственного ведома и желания, разоблачает перед нами свою истинную сущность, свое настоящее призвание. Г. Воронцов «не особенно дорожит» интересами беднейшей части крестьянства: «шалтаи» не вызывают в нем чрезмерных симпатий: что и жалеть, коли нечем помочь! Героем его романа является хозяйственный мужичек средней зажиточности,—тот мужичек, который не остановится даже перед «формальным правом», когда

*) «Крестьянская община», стр. 300—301.

увидит возможность приумножить свое имущество; тот мужичек, который не постеснится забрать надел бедняка, заставив его «пробиваться в родном селе поденными работами, службой в батраках и т. п.», а при случае не откажется и подать свой голос за ссылку в Сибирь непокорного «шалтая»,—словом *мелкий буржуа земледелия. Призвание г. Воронцова заключается в идеализации именно этого слоя.*

А он обещал нам хранить в чистоте общечеловеческую идею и не облекать ее в классовые костюмы!

Читатель заметил, может быть, что до сих пор мы, говоря о деревенских порядках, брали примеры почти исключительно из быта государственных крестьян. Мы совершенно сознательно держались на почве, *наиболее благоприятной* для г. Воронцова. В самом деле, процесс разложения общины у бывших *помещичьих* крестьян пошел гораздо дальше, чем у *государственных*. Сам г. Воронцов сознается, что «среди значительной части помещичьих крестьян вопрос о будущем общины находится под сомнением и что фактически здесь развиваются черты, свойственные подворному владению *). Нам надо было проследить «эволюцию общинной мысли» там, где она могла быть всего заметнее. Но зато, раз мы убедились, что и там эта «эволюция» совершается в сторону разложения общины, мы можем совсем уж не переносить спора на почву, неблагоприятную для г. Воронцова. Мы вполне можем удовольствоваться его собственным признанием. Но, разумеется, мы ни на минуту не должны забывать, какое значение имеет это драгоценное признание. Мы должны помнить, что если г. Воронцов говорит: будущее общины находится под сомнением,—это значит, что нет уже места ни для какого сомнения, что община очевидно и быстро разлагается.

Нам тем более можно и должно оставить без рассмотрения успехи «общинной мысли» среди бывших помещичьих крестьян, что нам надо поберечь место для обсуждения вопроса о том, насколько совместимы общинные порядки с улучшениями в земледельческой технике. Все признают теперь необходимость таких улучшений, да нельзя и не признавать их: слишком уж больно бьет нас, как выражался покойный Энгельгардт, американец долбней по лбу; а еще того больнее бьют неурожаи, сделавшиеся хроническими. Вот и спрашивается, поэтому (по крайней мере, так спрашивают очень

*) Там же, стр. 192.

многие), не мешает ли община введению более совершенных приемов обработки земли? Г. Воронцов написал целую книгу для того, чтобы доказать, что община не только не мешает этому, но, напротив, очень способствует. Как же доказывает он это положение?

«Хотя нельзя отрицать,—говорит он,—что некоторые из порядков общинного владения землей в черноземной полосе, выработанные в предшествующую историю под влиянием различных условий, оказываются находящимися в противоречии с требованиями возвышения сельско-хозяйственной культуры, возникшими в новейшее время, но следует вместе с тем признать, что община не остается безучастной к этим требованиям, и случаи принятия ею тех или других мер обеспечения хозяевам более или менее продолжительного владения участками считаются многими сотнями или даже тысячами. По высказанным соображениям, никаким образом нельзя утверждать, что применение удобрения в черноземной полосе сделается общераспространенным явлением лишь после того, как влиянием извне община будет принуждена изменить многие из своих распорядков»*).

Что касается черноземной полосы, где давно уже вошло во всеобщий обычай удобрение полей, то и здесь «община принимает различного рода меры для того, чтобы обеспечить своим членам известную степень продолжительности пользования одним и тем же участком земли с целью побуждения их к лучшему уходу за нею... Сроки, обыкновенно устанавливаемые с этой целью для переделов земли, настолько продолжительны, что ими вполне обеспечивается улучшение земледельческой культуры и в отношении лучшей обработки почвы, изменение экстенсивных севооборотов в интенсивные, введение посева трав, корнеплодов, лекарственных и огородных растений и т. п.» **).

Что длинными сроками переделов вполне обеспечиваются названные улучшения, это подтверждается, по мнению нашего автора, примером многих государств Запада, где «развитие самых интенсивных систем хозяйства было достигнуто еще при менее благоприятных условиях, так как эти системы были применены арендаторами, владевшими чужой землей, приблизительно в течение того же времени, каким (г. Воронцов хочеть сказать: в течение которого) пользуется своим участком русский крестьянин-общинник, и рисковав-

*) «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве». С.-Петербург 1892, стр. 127.

**) «Прогрессивные течения». стр. 154—155.

шими, по окончании арендного контракта, быть вовсе изгнанными с места и, во всяком случае, не имевшими ни малейшей уверенности в том, что возделываемая ими земля хотя частью перейдет к их детям» *).

Наконец, г. Воронцов указывает на огородников Ростовского уезда Ярославской губернии, которые ведут очень интенсивное хозяйство, а между тем очень крепко держатся за общину **). Пример ростовских огородников кажется г. Воронцову особенно убедительным; он совершенно укрепляет нашего автора в той мысли, что общинное владение землею «прекрасно уживается с самыми интенсивными системами хозяйства».

Все это очень хорошо, но, к сожалению, неосновательно.

Во-первых, сравнение русского крестьянина-общинника с западно-европейским фермером несостоятельно по той простой причине, что положение первого совсем не похоже на положение последнего ***).

Во-вторых, если бы даже и было основательно это поразительно легкомысленное сравнение, то оно в лучшем случае доказало бы только то, что община *могла бы, при известных условиях*, и не мешать сельско-хозяйственным улучшениям. Иначе сказать, оно все-таки ни на одну минуту не вывело бы нас из области *возможности*. Но речь идет не о *возможной* общине в какой-то фантастической *возможной* стране, а о *действительной* русской общине, существующей при совершенно определенных *действительных* русских усло-

*) Там же, стр. 155.

**) Там же, стр. 157—159.

***) На это указал уже г. А. И. Скворцов, возражая г. Постникову. „Сравнение общинного хозяйства с арендным неправильно, ибо хотя в том и другом случае мы имеем дело с срочным пользованием, но разница положения арендатора и общинника громадна. Во-первых, при *аренде* срочность и *срок пользования есть результат соглашения* участвующих в договоре сторон и, сообразно сроку и вообще условиям аренды, устанавливается и плата за пользование; а когда арендатор—крупный капиталист, как в Англии, то не может быть и речи о том, что плата вынуждается необходимостью для фермера арендуемого участка. Наоборот, при общине *срок* пользования или совершенно не определяется, или же *определяется* независимо от согласия отдельного члена *волею большинства*; недовольный установленным сроком не может, подобно фермеру, уйти и искать себе земли в другом месте на условиях, более соответствующих его желаниям. Плата же за пользование в нашей общине не зависит даже и от воли целой общины, а определяется совершенно внешними условиями. Во-вторых, определение срока пользования признается английскими фермерами недостаточным для обеспечения культуры и они требуют, а кое-где уже добились, системы вознаграждения уходящего фермера за неиспользованные им улучшения почвы. Введение системы таких вознаграждений при нашем общинном хозяйстве совершенно невозможно по той простой причине, что тот, к кому переходит улучшенный участок, обыкновенно не имеет для этого средств, да и у общины нет для этого никаких рессурсов". „Экономические причины голодовок в России", 1894, стр. 82—83.

виях. И вот эти-то определенные, действительные русские условия и ставят сельско-хозяйственные улучшения *в противоречие с общиной*.

Только очень наивные или сильно заинтересованные в искажении истины люди могут, рассуждая о желательных улучшениях в нашем современном крестьянском земледелии, умалчивать о том, что в настоящее время есть множество крестьян, решительно не имеющих экономической возможности не только *улучшить* свое хозяйство, но даже просто *поддержать* его на той низкой ступени, на которой оно стояло прежде. Нечего и говорить о так называемых *бесхозяйных*, которые уже, конечно, не перейдут к интенсивной обработке собственных полей, и число которых везде составляет у нас очень значительный процент общего числа домохозяев. Но все безлошадные и однолошадные, все эти «нули целых», «дроби» или кандидаты в нули и дроби,—какие улучшения могут предпринять они в том, что, как бы в насмешку, называется их *хозяйством?* Возьмем хоть обсеменение полей лучшими сортами зерна. Это еще не бог знает какое улучшение хозяйства, и требует оно сравнительно ничтожных затрат. Но как вы хотите, чтобы эти сравнительно ничтожные затраты сделаны были людьми, которые *совсем не имеют никаких семян для посева? Не до жиру, быть бы живу*,—совершенно справедливо скажут вам такие люди, а ведь имя им легион. Резвернем хоть «*Статистический ежегодник Московской губ. за 1890 г.*», т.-е. за год, *предшествовавший* неурожаю. Там на стр. 44—45 первого отдела мы встречаем такие выдержки из корреспонденций, относящихся к посеву яровых:

«Недостаток овса оказался большой; по дороговизне его приобретали не все. Картофель занял большую часть земли; он был почти у всех, да и покупался-то он не дороже 10 коп. мерка» (Бронницкий уезд, Рождеств. вол., свящ. С. А. Веселовский).

«Как и прежде, исправные домохозяева соблюли семена на посев, а горевые обращались, по обычаю, к своим благодетелям, платя им по 4 рубля и даже с полтинкой за тот сорный и плохой овес, который они же, крестьяне, осенью вручили в уплату по 2 руб. 20 коп. и по 2 р. 50 к.» (Бронницкий у., Ульянинск. вол., свящ. М. А. Суворовский).

«Крестьяне каждую весну нуждаются в овсе, приобретая его большею частью в кредит до 1 октября. За четверть в восемь мер платится по 4 руб. 50 коп., сверх сего поработать во время по-

коса,—обыкновенно косить одно утро» (Бронницкий у., Лобановск. вол., управл. А. С. Финогенов).

«Заем семян всегда у нас преобладает, так как полученное лишнее от урожая продается, и на эти деньги делается иногда выгодный, иногда невыгодный оборот. В конце года крестьяне обыкновенно занимают с большим процентом у местных кулаков» (Клинский у., Борщевской волости, диакон С. М. Львов).

«Две трети домохозяев обсеялись своими семенами, взятыми из общественного хлебного магазина, остальные приобрели зерно займом...» (Рузский у., Ащерин. вол., кр. Ф. П. Петров).

То же самое повторяется, конечно, ежегодно и в других местностях. Вот, напр., что происходило в 1889 году в разных уездах Саратовской губернии.

Царицынский у. В Литовской вол. «у бедняков не хватило семян, преимущественно пшеницы, на 1117 десятин». В селе Александровке «у многих семян не хватило, отчего уменьшились яровые посевы и многие сеяли из половины».

В Ольховской вол. «в семенах был недостаток; покупали у зажиточных крестьян и землевладельцев; часть полей пустовала; некоторые сеяли исполу».

Хвалынский уезд. «Почти все корреспонденты утверждают, что в настоящем году по уезду был большой недостаток в семенах».

Вольский уезд. «Из 28 корреспондентов 2 указывают, что население при посеве яровых обошлось семенами своего урожая; в остальных же недостаток своих семян пополнялся займом до урожая, забором в кредит и покупкой на наличные на базарах. Кредит, впрочем, играл выдающуюся роль» и т. д. *).

Человек ясно видит, что лучше ему было бы засеять свой участок яровой пшеницей или овсом. Но своих семян, положим хоть овса, у него нет, а на покупку не имеется денег, и вот он засевает свое поле картофелем, благо продается он «не дороже 10 коп. мерка». Иному все-таки удается раздобыть в долг овса, но овес оказывается «сорным и плохим». Между тем, богатый или даже просто зажиточный крестьянин покупает *на наличные деньги* хорошие семена, которые с лихвой возвратят ему его затрату **).

---

*) «Сельско-хозяйственный обзор Саратовской губ. за 1889 г.», выпуск первый, Саратов 1890, стр. 64—68.

**) В Московской губ. зажиточные крестьяне довольно часто покупают новые сорта семян.

В Неверхинской вол. *Кузнецкого* уезда крестьяне покупали семена «товариществами и целыми обществами, за круговой порукой, с отсрочкой уплаты до 1-го октября» *). Покупка в долг целым *обществом*, без всякого сомнения, выручает из затруднения даже и бедняка. Но ведь местами покупали не обществами, а *товариществами*, что далеко не одно и то же. При покупках, равно как и при арендах, товариществами складываются между собою домохозяева приблизительно одинаковой степени зажиточности; бедняки, «горевые», устраняются. Допустим, что товариществам удается раздобыть хороших семян, значительно лучших, чем те, которые употреблялись прежде. Что выходит? Хозяйство «горевых» падает, хозяйство зажиточных улучшается; вследствие этого расстояние между бедными и зажиточными все более и более увеличивается. Г. Воронцов прекрасно знает это—потому что кто же этого не знает?—и все-таки радостно твердит одно: община не препятствует хозяйственным улучшениям. Что это: злая насмешка над «горевыми» крестьянами, или наивность того героя сказки, который на свадьбе поет вечную память, а на похоронах пускается плясать в присядку?

Г. Воронцов много говорит о распространении между крестьянами улучшенных сельско-хозяйственных орудий. Мы нимало не сомневаемся в том, что эти орудия распространяются. Даже в таких местностях, где распространение их незначительно, бывают случаи приобретения крестьянами конных молотилок, стоящих до 400 рублей **). Но ведь не «горевые» же хозяева покупают эти дорогие машины? Надо думать, что не они: им таких машин не «осилить». Не осилить им даже порядочного плуга, стоящего 40—60 руб., или веялки, стоящей приблизительно столько же. Стало быть, и здесь должно повторяться уже указанное нами явление: *расстояние между бедняками и зажиточными домохозяевами, приобретающими усовершенствованные орудия, все более и более возрастает.* Так это и говорят исследователи, не считающие нужным вводить в заблуждение своих читателей.

«Распространение среди крестьян улучшенных земледельческих орудий,—справедливо пишет г. М. Рева,—только тогда могло бы служить признаком общего прогресса крестьянского хозяйства, если бы новые орудия вполне или хотя приблизительно соответствовали

*) «Сельско-хозяйственный обзор Саратовск. губ. за 1889 г.», стр. 66.
**) См. «Сборн. статист. сведен. по Екатерин. губ.», выпуск третий, Славяносербский уезд, Екатеринослав 1886 г., отдел 1-й, стр. 221.

цене старых, которые ими заменяются. Лишь при такой приблизительной равноценности усовершенствованные земледельческие орудия могли бы делаться достоянием возможно большего количества крестьянских хозяйств, могли бы способствовать массовому повышению культуры крестьянских полей. Но хорошо известно, что в действительности этого нет, и потому в данное время распространение среди крестьян улучшенных земледельческих орудий указывает не столько на крестьянский хозяйственный прогресс вообще, сколько на усиление экономической розни между крестьянами. Это не парадокс, это истина, понять которую не трудно» *).

Нам могут заметить, что, попадая в деревню, усовершенствованные сельско-хозяйственные орудия служат часто не только своим покупщикам, но и многим соседям. Это правда. Но разве собственники сельско-хозяйственных орудий *даром* отдают их в пользование соседей? Не только не даром, но берут за их наем иногда страшно высокую плату. «В с-це Петрово-Красноселье снимают веялки по 1 руб. в день; веялка кр. Пызина, купленная за 50 руб., в год окупила себя и дала барыша 20 р.» **). Что же это означает? Это означает, что распространение между крестьянами усовершенствованных сельско-хозяйственных орудий часто бывает равносильно распространению в их среде способов мелко-буржуазной наживы. Ну, а эти способы едва ли много способствуют упрочению устоев!

Это не все. Собственники сельско-хозяйственных орудий *отдают их в наем* другим домохозяевам. Но не всякий домохозяин в состоянии *нанять* эти орудия: не всякий может платить, напр., по рублю в день за пользование чужою веялкой. Вот почему и выходит, что между тем как богатые крестьяне местами пользуются теперь превосходными орудиями, бедняки вынуждены довольствоваться *самыми допотопными*. В Славяносербском уезде «довольно значительное распространение получил способ найма богатыми домохозяевами паровых и—реже—конных молотилок». А бедняки остаются при традиционных «*катках-германах*», которых приходится к тому же «на несколько хозяев по одному» ***). *Богатый становится еще богаче; бедный—относительно еще беднее.* Это именно и говорит г. Рева.

В Новоузенском уезде земским статистическим исследованием найдено у 529 хозяев: плугов—1267, веялок—157, сортировок—11,

*) «Киевский крестьянин», стр. 37—38.
**) «Сборн. статист. свед. по Славяносербскому уезду», отдел 1-й, стр. 221.
***) Там же, стр. 221.

соломорезок—2, конных граблей—64, косилок—133, сеялок—27, жнеек—84, конных молотилок—205, паровых молотилок—23.

В Николаевском уезде, где записывались лишь крупные машины, у 144 домохозяев оказалось: косилок—86, жнейка—1, конных граблей—10, конных молотилок—98, паровых молотилок—4.

Что скажете вы, читатель, о столь «прогрессивном» течении в самарском крестьянском хозяйстве? Положим, что вы придете от него в восторг и воскликнете: ведь вот не мешает же община распространению среди крестьян усовершенствованных орудий! Мы охотно разделим ваш восторг, но в то же время мы спросим вас,— а сколько тысяч бесхозяйных приходится в названных уездах на эти *сотни* «умственных мужичков», вооружившихся усовершенствованными орудиями? А сколько *батраков* нанимают умственные мужички? А сколько огромных хуторов, этих настоящих ферм, завели умственные мужички на своих *купчих* и арендованных землях? А сколько чужих наделов обрабатывают они своими усовершенствованными орудиями?

В названных уездах Самарской губернии есть хутора, занимающие сотни, тысячи и даже *десятки тысяч* десятин земли и имеющие сотни и даже *тысячи* голов скота *). Хуторяне во многих случаях продолжают числиться общинниками и умилять сердце г. Воронцова своим «стремлением к общине, как к форме быта». Это напоминает некоторых *крупных фабрикантов* Московской губернии, остающихся в крестьянских обществах и даже получающих надельную землю. В виду таких фактов, всякий не совсем неспособный к мышлению человек согласится, что наши старые «устои» совершенно не в состоянии предупредить возникновение и широкое развитие тех экономических противоречий, которых хотели бы избежать наши народники. Но эти последние имеют очи и не видят, имеют уши и не слышат. Они—со своим протопопом Аввакумом, г. Воронцовым, во главе—упрямо твердят: какая прелесть эти устои!

*) Так, хутор Устинов, Никол. у., имеет более 4 тысяч десятин арендованной земли и 190 голов скота; хутор Вдовин, Новоузенского уезда—17.220 десятин купчей земли, 16.600 десятин арендованной и 1.557 голов скота. Очень, очень «прогрессивное течение»! Не о таком ли воссоединении крестьян с землею говорит г. Воронцов в ноябрьской книжке «Нового Слова»? Такое воссоединение действительно гораздо многозначительнее другого, которое местами имеет место в России (так, напр., в Московской губ. кое-где распахивают теперь давно заброшенные пустыри), но которое ни от чего нас не спасет, потому что на один случай «воссоединения» приходятся сотни случает разрушения крестьянских хозяйств. Да и надолго ли воссоединится с землею «пустырник»? Богатый же хуторянин, раз завладев ею, не легко выпустит ее из рук.

И как пышно они развиваются! Правда, в голосе их слышится подчас, как, напр., у г. Сазонова, грустная нота сомнения. Но их грусть не устраняет глубочайшего комизма их положения. Когда мы читаем их разглагольствования на тему об «эволюции общинной мысли», мы невольно вспоминаем некоего Карла Карловича Фишера, «дядюшку», фигурирующего у Н. Михайловского в его очерках «В перемежку». Этот дядюшка постоянно повторял, не помним уже какую именно, нелепую поговорку, произнося ее на особый манер; так попугай произносит иногда заученную фразу,—говорит г. Михайловский:—грустно и некстати. Вот именно так и наши народники твердят об «эволюции общинной мысли» *грустно и некстати.*

Усовершенствование крестьянского сельского хозяйства увеличивает расстояние между состоятельными членами общины, с одной стороны, и несостоятельными—с другой. А это ведет к разложению общины, потому что немыслима солидарность между людьми, экономическое положение которых очень различно, а интересы часто противоположны. Следовательно, если община действительно не препятствует *сельско-хозяйственным улучшениям, то тем хуже для общины, потому что тем скорее пробьет час ее гибели.*

Но не препятствует успехам сельского хозяйства только существующая в голове г. Воронцова *возможная* община, члены которой, по своей экономической состоятельности, по своему развитию и по своей предприимчивости, не уступают английским фермерам. *Действительная* же русская община, очень далекая, как известно, от такого «идеала», довольно сильно задерживает названные успехи.

Какими бы яркими красками вы ни разрисовывали будто бы «независимые» от внешних условий нравственные свойства крестьянина, он не станет удобрять то поле, которое должно перейти от него при предстоящем переделе. Известно, что как только в *действительной* русской деревне распространяется убеждение в неминуемости передела, *удобрение полей прекращается* до тех пор, пока новое распределение земли не обеспечит, хоть на несколько лет, хоть сколько-нибудь прочно, владение ими. Это значит, что общинное землевладение затрудняет даже такое сравнительно незначительное «улучшение» хозяйства, как удобрение полей, уже теперь местами безусловно необходимое. Г. Воронцов знает это, но он утешает себя тем соображением, что удлинение сроков переделов «вполне обеспечивает улучшение земледельческой культуры».

Как же, посредством чего «обеспечивает»? Посредством приговоров, устанавливающих сроки переделов. Много ли значения имеют в глазах крестьян такие приговоры? Если верить г. Воронцову, то очень немного, потому что, как он уверяет нас в другом своем сочинении, «критическая мысль» крестьян *не останавливается даже перед формальным правом*, когда передел кажется выгодным большинству домохозяев (см. выше). Но в таком случае, т.-е., если верить г. Воронцову, выходит, что приговоры, удлиняющие сроки переделов, ничего ни обеспечивают (т.-е., что не надо верить г. Воронцову), и что зажиточные крестьяне, опасаясь «критической мысли» менее состоятельных домохозяев, должны, при переходе к улучшенной системе земледелия, стать в *критическое* отношение к общине. Другими словами, улучшение земледелия восстановит против общины именно тех крестьян, которые будут иметь наиболее средств для усовершенствованной обработки полей. Дело «устоев» оказывается, таким образом, очень мало «обеспеченным».

Сами крестьяне во многих местах указывают на переделы, как на важное препятствие удобрению полей. Но г. Воронцов не придает значения этим отзывам крестьян. По его мнению, если местами крестьяне не удобряют своих полей, то это происходит единственно потому, что они не убеждены в пользе удобрения; ссылаются же они на переделы так себе, между прочим, по той причине, что надо же на что-нибудь ссылаться. Некоторые местные исследователи рассуждают в этом случае подобно г. Воронцову. «*Критическая мысль*» г.г. «интеллигентов» становится в «*критическое*» *отношение* к «*критической мысли*» крестьян, как только эта последняя отворачивается от «*идеалов*» интеллигенции.

Если бы г. Воронцов и ему подобные были хоть немного склонны к последовательному мышлению, то они спросили бы себя: а может быть и общинное землевладение существует вовсе не потому, что за него стоит «критическая мысль» крестьян? Может быть, эта мысль и в этом случае только оправдывает существующий факт? Может быть, она с неменьшей убедительностью будет отстаивать *подворное* владение, когда община разложится под влиянием новых хозяйственных условий? Но последовательность никогда не была отличительным свойством мышления г. Воронцова и ему подобных.

Если приговоры, касающие сроков переделов, мало «обеспечивают» участки зажиточных крестьян от покушений на них со стороны менее состоятельных домохозяев, то, конечно, законодательная

деятельность правительства может много сделать в смысле такого обеспечения. Перед этого рода «формальным правом» «критическая мысль» крестьян поневоле должна «остановиться». Вот почему закон, установивший двенадцатилетний срок для переделов, бесспорно устранил некоторые невыгодные для земледелия стороны общинного землевладения. Но какое влияние окажет этот закон на прочность общины? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы предложим читателю другой, а именно: *содействует ли удлинение сроков переделов росту неравенства между общинниками?*

Если *нет*, то значит общинное землевладение не имеет никакого значения для благосостояния народной массы, и мы не понимаем, почему так много шумят о нем г.г. народники.

Если *да*, то всякое удлинение сроков переделов равносильно усилению неравенства в общине, и в таком случае нас удивляет г. Воронцов, указывающий на это удлинение, как на новое торжество общины.

Полагаем, что читатель и без наших разъяснений видит, почему удлинение сроков переделов должно вести к усилению неравенства в общине. Точно так же и без наших разъяснений поймет он значение закона, установившего двенадцатилетний срок. Закон этот далеко не «обеспечивает», разумеется, богатому крестьянину результатов всех тех улучшений, которые он мог бы предпринять на своем участке: ведь через двенадцать лет у него все-таки могут отнять по крайней мере часть улучшенного поля. Но этот закон вполне «обеспечивает» такое накопление неравенства между общинниками, при котором дальнейшая судьба всякой данной общины может оказаться сомнительной. Когда настанет время законного передела, у бедняков не будет, может быть, ни *силы*, чтобы добиться его, ни *охоты* его добиваться: ведь мы уже знаем, что бесхозяйные мало интересуются переделами. Выходит, стало быть... выходит, что и с этой стороны *тем хуже для общины*.

В своей защите общинного землевладения наши народники никогда не блистали логичностью аргументации: они до сих пор не привели еще ни одного, решительно ни одного, довода, в основе которого не было бы логической ошибки. Но никогда нелогичность этих добрых и почтенных людей не блистала столь яркою звездою, как в споре об отношении сельско-хозяйственных улучшений к общинному землевладению. Тут что ни шаг, то самое вопиющее нару-

шение самых общеизвестных правил логики. Вот образчик их удивительной аргументации.

Г.г. народники обращают взоры на крестьянское хозяйство тех местностей России, в которых нет общинного землевладения. В этих местностях крестьянское землевладение стоит на такой же или почти на такой же ступени, как и там, где существует община. Следовательно, умозаключают они, *не община препятствует* и т. д.; следовательно, вопрос решен в пользу общины. Спрашивается, на сколько позволительно такое умозаключение?

В местностях подворного землевладения существует много причин, препятствующих успехам крестьянского земледелия. Одна из очень важных прекрасно выяснена г. Рева.

«Подворный крестьянин,—говорит он,—в возможности пользоваться своей землей стеснен несколько меньше, нежели крестьянин общинник, но все же стеснен настолько значительно, что стесненность эта является одной из весьма серьезных причин слабости урожаев на крестьянских полях. Подворный крестьянин, владея своим наделом среди наделов других крестьян, не может пахать его раньше других своих односельцев, особенно, если вопрос идет о вспашке на пар. Если он вздумает итти против обычая и вспашет свое поле раньше, общественная сельская «череда» (стадо) так утопчет ему эту пахоть, что ее все равно придется перепахивать вновь, на что у крестьянина этого может уже не оказаться ни времени, ни средств».

«Все в тех же интересах выпаса скота подворный крестьянин должен и сеять, и убирать посеянное с поля одновременно со всеми остальными односельчанами. Кто запоздает с уборкой или с возкой своего хлеба с поля, тот пусть извинит, но его хлеб непременно потерпит серьезный ущерб и от дневной пастьбы «череды», и от ночного выпаса лошадей. Нередко случается так, что в одну ночь гибнет весь урожай запоздавшего со свозкой крестьянина и он получает тогда только лошадиные объедки» *).

При таких условиях, действительно, невозможно делать какие-нибудь улучшения в сельско-хозяйственной системе; трудно даже и вообще вести сносное хозяйство. Эти условия *должны быть и будут устранены, если только суждено сделать хоть несколько серьезных шагов вперед крестьянскому земледелию.* Но что же из этого следует? Следует то, что и при подворном владении могут явиться непреодо-

*) «Киевский крестьянин», стр. 30—32.

лимые или почти непреодолимые препятствия для улучшения сельского хозяйства крестьян или даже для простого поддержания его на уже достигнутой незначительной высоте. *Но это и все.* Умозаключать отсюда, что община не препятствует «улучшению земледельческой культуры», по меньшей мере странно. У *Прокопенка* хронический бронхит. Следовательно, рассуждаете вы, у *Петрова* нет ревматизма. Это неожиданно, но не убедительно. Ведь, очень возможно, что на самом-то деле Петров страдает *и бронхитом, и ревматизмом.* В таком случае и лечить его надо *от обеих болезней сразу.* Нечто подобное и говорят так называемые народниками противники общинного землевладения, – по крайней мере, многие из них: общинное владение вредит интересам земледелия; но недостаточно устранить его, надобно, кроме того, избавить земледельца от множества тех стеснений, которые затрудняют улучшение земледельческой культуры даже в местностях подворного владения. *Этих* людей не собьешь с позиции указанием на отсталость сельско-хозяйственных приемов у крестьян, не знающих прелестей общины.

Г. Воронцов, который в третьей главе своей книги «*Прогресивные течения*» широко пользуется указанным приемом алогического мышления, идет еще дальше в своем восстании против логики. Он хочет доказать не только то, что община *не мешает* успехам сельского хозяйства, но что она, напротив, очень *благоприятна им.*

«Соглашаясь с мнением, что, стесняя личную инициативу община, сравнительно с подворно-хуторским владением, может задержать *начало* улучшения, мы должны вместе с тем признать за нею преимущества (даже сравнительно с идеальным типом подворной собственности) в деле дальнейшего *распространения* последнего. Эти преимущества заключаются в следующем. Человек, хозяйственная деятельность которого совершенно свободна, не имеет надобности убеждать других в пользе преобразования, в которое сам верит, так как осуществление последнего зависит единственно от него. Кто же связан в этом отношении волею соседей, тот неизбежно приходит к необходимости попытаться повлиять на последних: при всяком случае он будет толковать о необходимости принять известную меру, кажущуюся полезной ему, но не пользующуюся кредитом среди его однообщественников, и его проповедь увенчается большим или меньшим успехом»*).

*) «Прогрессивные течения», стр. 173–174.

Итак, прямая, до сих пор никем не подмеченная выгода общинного землевладения заключается в том, что оно на некоторое время превращает инициатора из человека, *практикующего* улучшенные сельско-хозяйственные приемы, в человека, *пропагандирующего* их. Она устанавливает нечто в роде *натуральной повинности в пользу пропаганды усовершенствованной земледельческой культуры.* Г. Воронцов забыл прибавить, что когда пропагандист перетянет на свою сторону большинство членов общины—отсталое меньшинство закоренелых рутинеров можно будет *«высечь на сходе»*. Мы уже знаем, что такая операция проделывается подчас не без пользы для «эволюции общинной мысли» крестьян, поддавшихся искушениям индивидуализма. Надо надеяться, что полезной окажется она и для исправления сельско-хозяйственных понятий общинников.

Всякий поверхностный путешественник, попав в Рочестер, найдет, по замечанию Диккенса, что улицы этого города могли бы быть менее грязны. Глубокомысленному мистеру Пикквику рочестерская грязь подала повод для самых отрадных размышлений; он увидел в ней новое указание на сильное торговое движение в городе. Мы можем с гордостью сказать, что по части глубокомыслия наш соотечественник г. Воронцов ни мало не уступает почтенному герою Диккенса.

Если бы г. Воронцова не увлекало соревнование с мистером Пикквиком, то он без труда понял бы, что для пропаганды сельско-хозяйственных, да и всяких других улучшений, особенно в русской крестьянской среде, важнее всего *пример*. Отсюда он с такою же легкостью умозаключил бы, что так как стеснения, налагаемые общинным замлевладением, мешают новаторам употребить этот наиболее убедительный прием пропаганды, то улучшение земледельческой культуры стесняется существованием общины.

Далее. Если бы г. Воронцова не вводило в заблуждение то же соревнование, то он решился бы хоть раз, хоть на одну минуту забыть засевшую в его голову *возможную* общину и вспомнить о существовании в России *действительной* общины. Мы уже знаем, что в этой действительной общине многие члены не имеют решительно никаких средств не только для усовершенствованного земледелия, но даже для самой допотопной обработки и для обсеменения своих полей. Вы можете сколько угодно убеждать этих бедняков в преимуществах рациональной земледельческой культуры,— они не перейдут к ней просто с силу своей бедности. И если тот или другой упря-

мый петербургский доктринер может не обращать внимание на это обстоятельство, то сами крестьяне, люди практики, а не резонерства, *вынуждены* считаться с ним.

И они, действительно, считаются: беднота устраняется от пользования землей, наделы скопляются в руках зажиточных крестьян. И чем сильнее даст себя почувствовать необходимость сельско-хозяйственных улучшений, тем дальше подвинется этот процесс, *тем хуже будет для общины.*

Г. Воронцов может пренебрежительно относиться к «критической мысли» крестьян всякий раз, когда она станет в противоречие с выводами его собственной «критической мысли». У нас нет поводов для столь пренебрежительного отношения ко взглядам крестьян; мы не связаны доктриной, и потому мы приглашаем читателя вдуматься вместе с нами в следующее явление.

Всюду, где крестьяне практикуют усовершенствованные приемы земледелия,—напр., хоть *травосеяние*,—они охотнее применяют их на *усадебных* или на «*купчих*», чем на подлежащих переделам *надельных* землях. Об этом свидетельствуют не только «противники» общинного землевладения, но и самые горячие его сторонники.

«Крестьяне различно ведут земледельческое хозяйство на каждой категории земель, находящихся в их пользовании,— говорит г. Дмитренко.—Самый главный и ценный продукт сельско-хозяйственного крестьянского производства—пшеница—занимает самый высокий процент (71%) в посевах других растений на собственной купленной земле. Более или менее вероятной причиной такого явления будет лучший способ ведения полевого хозяйства на этого рода землях. Крестьяне дорожат этой землей, как собственностью, дают ей большее число лет отдыхать под толокой, так что посевы пшеницы на ней дают самую большую вероятность на урожай. Так у государственных крестьян купчей земли 2698,8 д., из них пашется 702,5 дес., т.-е. меньше $^1/_3$ части всей площади; у усадебников из 124,2 дес. пашется только 40 дес. Значительно ниже процент пшеницы (58,6%) между посевными растениями на арендованных землях, хотя в то же время он выше на целых 12% площади под пшеницей на надельной земле. Крестьяне считают свою надельную землю самой неурожайной, вследствие ее истощения и невозможности перейти к более обеспечивающим урожаи формам систем полеводства, а арендованные помещичьи земли находятся в отдыхе большее число лет сравнительно с надельными и потому представляют более возможности на

оплату труда, вложенного в производство пшеницы. В отношении хлебов малоценных, иначе—хлебов продовольственных, существует обратное явление. Ржи сеется на купленной земле в два раза меньше, чем на арендованной и надельной. Ячменем крестьяне занимают на надельной земле самую большую площадь (18%), на арендованных же и собственных землях ими засевается на 7—8% меньшее пространство. С посевом овса то же явление. Ячмень и овес на надельных землях почти в три раза родят лучше, чем рожь и пшеница; поэтому станет вполне понятным, почему крестьяне находят более выгодным занимать посевом этих хлебов более высокий процент надельной площади, чем собственной и арендованной. Все остальные растения крестьяне предпочитают сеять не на надельной земле» *).

Ясно, что славяносербские крестьяне не хотят ждать того блаженного времени, когда исчезнут препятствия, мешающие ныне тщательной обработке надельных земель; ясно также, что не довольствуются эти крестьяне словесной пропагандой более разумных приемов земледелия. Они стараются приобрести собственные земли, которые и подвергают затем наиболее тщательной обработке. Нельзя будет удивляться, если, привыкнув смотреть на «собственную» землю, как на землю, поставленную в наиболее выгодные условия в смысле возделывания, крестьяне вздумают покончить с общиной **).

Приобретать частную поземельную собственность могут только зажиточные домохозяева, обыкновенно пользующиеся большим влиянием в своей среде. Когда такие домохозяева станут в отрицательное отношение к общине, ее дни будут сочтены. А так как прогресс сельско-хозяйственной техники уже теперь заставляет зажиточных

*) «Сборн. стат. свед. по Славяносербскому уезду», отд. 1-й, стр. 205—206.

**) Это мы видим в Таврической губернии. «В Нижних Серогозах, Рубановке, Геническе и Юзкуях (Мелитопольский уезд) община очень крепка, однако, и там идут толки о подворном владении по наличным душам. В Серогозах большая часть достаточных крестьян желает уничтожения периодических переделов и перехода к подворному владению. «Тогда,—говорят они,—каждый свою землю будет пахать лучше и ее можно выкупить, внеся в казначейство 7 рублей за десятину», благодаря чему земля освободится от оброчной подати. То же соображение о выкупе заставляет мечтать и крестьян с. Рубановки о переходе к подворному владению. В с. Юзкуях некоторые крестьяне желают возвратиться к ревизской раскладке, но таких немного. Гораздо больше таких крестьян, которые, отвергая ревизскую раскладку, высказывают желание уничтожить периодические переделы и перейти к подворному владению. Указывают два мотива: «подворный участок можно нарезать в одном углу; его можно продать и уйти в Черноморию или на берег Азовского и Черного моря ловить рыбу». Стремление к прочному и устойчивому подворному владению проглядывает и в приговоре ефремовского сельского схода от 27-го июля 1882 г. и т. д. «Сбор. стат. свед. по Таврич. губ»., том I, часть II стр. 57—58.

домохозяев вкушать от древа познания добра и зла, т.-е. сознавать преимущества подворного владения, то ясно, что «эволюция» народной мысли *уже* приняла неприятное для г.г. народников направление *).

Пример ростовских огородников, которые, ведя очень интенсивное хозяйство, в то же время будто бы очень крепко держатся за общину, ясно показывает основательность наших опасений. Названные огородники,—как мы узнаем от того же г. Воронцова (стр. 158),—внимательно следят за тем, чтобы ни один из членов общины не запускал своего участка, и в последнее время стали даже *запрещать сдачу земли в аренду, отбирая на общество наделы тех лиц, которые сами их не обрабатывают*. Скажите, читатель, во что обратится русская поземельная община, если, волею судеб и состоятельного крестьянства, вся, столь многочисленная ныне, беднота, не имеющая никакой возможности обрабатывать свои наделы, лишена будет права сдавать их в аренду? Во что бы ни обратилась она, мы твердо знаем одно: *такая община будет, пожалуй, удовлетворять вкусам г. Воронцова и зажиточных кулачков-домохозяев, но для бедноты станет уже совсем, совсем бесполезной*. Центр тяжести интересов «горевых» крестьян целиком окажется *вне общины*, и этим крестьянам придется вступить в жестокую борьбу с нею, как с союзом мелких сельских буржуа, беззастенчивых, беспощадных, свирепых везде, где дело коснется их заветной «кубышки» **).

---

*) «Насколько сильно влияет на воззрение крестьян возможность приобрести «вечную» землю, можно судить уже потому, что во всех селениях Веселовской волости стремление к ревизской раскладке проявилось одновременно (1882 г.) в тот момент, когда прошел слух о продаже 22.000 десятин земли княжен Оболенских мелкими участками и в рассрочку при помощи крестьянского банка. Понятно, что те крестьяне, которые имеют в виду купить участки, должны стремиться к такой форме владения, которая позволила бы им продать надельную землю и сесть на купленные участки, а не вести два хозяйства в разных местах, что сопряжено с лишними расходами и с лишней тратой времени. Такая форма и есть подворное владение». Там же, стр. 63.

**) Что касается собственно ростовских огородников, то они, по крайней мере, некоторые из них, находятся в совершенно исключительных условиях. Так, в селе Поречье, которое служит одним из главных центров огородничества, из 2.066 десят. надельной земли огородами и постройкой занято *лишь 284 десятины*, а остальные—*лугом и выгоном* (а частью находятся в пустошах). Что луг и выгон находятся в общинном землевладении,—это неудивительно, но мы сильно сомневаемся, чтобы часто переделялась земля, занятая огородами. Если не ошибаемся, в Поречье держится ревизская *разверстка*. Почти половина мужского населения Поречья ежегодно уходит *в отхожие промыслы*. Копанье гряд на огородах у многих домохозяев *производится наймом*. Между «общинниками»-поречанами встречаются такие капиталисты-предприниматели, как Устинов, бр. Пыховы, Абрамов, Коркунов, Королев и др., а рядом с ними существует-таки порядочная беднота, хотя Поречье—вообще зажиточное село. (См. «Труды Комиссии по исследованию,

«Противуобщинная тенденция,—говорит г. Воронцов,—развивается главным образом на почве малоземелья, а интенсирование земледелия, требуя сосредоточения труда и средств хозяина на меньшей площади и дозволяя ему получать с небольшого участка достаточный доход, парализует невыгодные экономические последствия малоземелья и этим ослабляет недовольство переделами земли, вытекающее из необеспеченности населения, принужденного довольствоваться крайне недостаточным наделом» *).

Во-первых, когда крестьянин сделает значительные затраты на улучшение своего участка и на покупку нужного для его обработки живого и мертвого инвентаря, он, за самыми малыми исключениями, непременно станет врагом тех переделов, благодаря которым уменьшатся размеры его поля и, следовательно, окажется бесполезной часть его затрат. Допустим даже, что такой крестьянин не откажется уступить часть своего надела другому домохозяину, который, с своей стороны, отдаст ему часть своего надела, когда у него окажется убыль в «душах». Но и тот и другой домохозяин со всей силой своей энергии восстанет против отвода земли новым, подрастающим «душам», так как подобный отвод, уменьшая количество земли, приходящейся на каждую душу, равносилен «интенсированию» малоземелья, страшного для крестьянина всегда и еще более страшного тогда, когда земледелие становится очень доходною статьей. Стало быть, при таких условиях от общины, во всяком случае, останется или только одно воспоминание, или только одно имя.

Во-вторых, допустим, что мы ошибаемся; допустим, что основательно совершенно неосновательное рассуждение г. Воронцова. Что же из него следует? Из него следует то, что если бы хозяйство всех нынешних крестьян-общинников мгновенно превратилось из *экстенсивного* в *интенсивное*, то, может быть, общине и не грозила бы опасность. Но подобное превращение мгновенным быть не может, для него требуется время и, кроме времени, еще одна безделица: *значительные денежные средства*. Таких средств нет у огромнейшей

кустарной промышленности в России», выпуск XIV, приложение к Iотд. труд. ком.; сообщение *Н. П. Столпянского*: «Промыслы в селе Поречьи-Рыбном» и т. д.). Если сердце г. Воронцова веселит даже и такая община, то экономическое развитие России будет все более и более его радовать. Но только зачем г. Воронцов вводит в заблуждение читателей: ведь от старых «устоев» в Поречье, а может быть и у других ростовских огородников не осталось и следа; это типическое *селение мелких буржуа*, занимающихся частью возделыванием земли, а частью обрабатывающей промышленностью.

*) «Прогрессивные течения», стр. 159.

части русского крестьянства; следовательно, на путь «интенсирования земледелия» может вступить только меньшинство, состоящее из зажиточных домохозяев. Раз выступит это меньшинство на указанный путь, его хозяйственные нужды станут в резкое и непримиримое противоречие со старыми порядками землепользования и землевладения, т.-е. со старой общиной. Вот почему нужна колоссальная доза наивности для того, чтобы, подобно г. Воронцову, не ожидать от «интенсирования земледелия» ничего, кроме приятностей.

Впрочем, г. Воронцов очень неприхотлив по части общины. Гоголевский повар полагал, что было бы кушанье горячо—вкус в нем, верно, какой-нибудь да будет. Г. Воронцов полагает, что была бы община—польза от нее произойдет во всяком случае. По его словам, община теперь «находится в полном цвету» в Московской губернии, в той самой губернии, где, как это засвидетельствовал еще покойный Орлов, «мир», в глазах деревенской бедноты, «*является обузою, бичем, тормозом*». При такой невзыскательности нашего автора неудивительно, что он, несмотря на некоторые колебания и сомнения, в конце концов, все-таки твердо верит в будущее общины.

В заключение, небольшая литературно-историческая справка. Мы видели, как старательно размалевывает г. Воронцов засевшую в его голове *возможную* общину и как целомудренно набрасывает он покрывало на язвы *действительной* русской общины. Лет пятнадцать тому назад он поступал не так. *Возможную* общину он и тогда превозносил, конечно, по мере возможности и дарования, но он не скрывал недостатков *действительной* общины. Вот, напр., что говорил он о ней в то доброе старое время.

«Община распадается, как добровольный союз, остается «общество» в административном смысле, группа лиц, насильно связанных круговой порукой, т.-е. ответственностью каждого за ограниченность сил всех плательщиков и неспособность фиска понять эту ограниченность. Все выгоды, когда-то доставляемые общиной, исчезли; остались лишь неудобства, связанные с принадлежностью к «обществу»*).

Недурно говорил тогда г. Воронцов! Отчего не говорит он так в настоящее время? Должно быть, опять потому, что старость не радость. Говоря это, просим иметь в виду, что мы разумеем не личный возраст нашего неклассического экономиста, а старчество всего того направления, к которому он принадлежит.

*) «Экономический упадок России»; «Отечественные Записки» 1881 г., кн. 9, стр. 149. Статья эта вошла в книгу «Судьбы капитализма».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кустарная промышленность

Теперь мы знаем, насколько правильно оценивает г. Воронцов «формы, вырабатываемые коллективной мыслью» народа в области землевладения. Посмотрим, что сообщит он нам о тех же формах в области промышленного труда.

Г. Воронцов—горячий сторонник кустарных промыслов. Он видит в них много выгод для производителей; главнейшая из них—связь промышленных занятий с земледелием.

«Доходы от хлебопашества обеспечивают кустарю удовлетворение первейших потребностей, что позволяет ему не спешить с продажей изделий, если цены последних слишком низки, или уменьшить стоимость продукта производства ниже нормальной его ценности для успешной конкуренции с городским мастером. Обладание лошадью дает кустарю возможность сбывать свой товар за пределы местного рынка, не прибегая к посредничеству скупщика. То же обстоятельство в совокупности с привычкой к тяжелому труду позволяет кустарю чередовать занятие промыслом с извозом, лесными заработками и другими видами труда и таким путем предупреждать чрезмерное падение цен кустарных изделий, неизбежное в том случае, если бы промысел составлял единственное поле приложения его труда. Итак, занятие хлебопашеством придает кустарю устойчивость, какой лишен мастер, знающий только свое ремесло и ничего больше; промышленник-земледелец выигрывает в борьбе с безземельным; хлебопашество, следовательно, поддерживает промысел... Если занятие обоими видами труда выгоднее сравнительно со специализацией на почве промысла, то спрашивается, что же заставит кустаря порывать с земледелием? Естественно предположить, что, напротив того, он будет стремиться к упрочению своего положения в качестве земледельца... И в общем такое заключение оправдывается действительностью: мелкая обрабатывающая промышленность в России про-

должает быть связанной с земледелием; типическим представителем промысла является не безземельный горожанин, а крестьянин-хлебопашец» *).

Так ли все это? Нет ли каких погрешностей в «формах» и в содержании мыслей г. Воронцова, заключающихся в приведенном отрывке?

Во-первых, точно ли кустарь, благодаря «доходам от хлебопашества», может *«не спешить с продажей своих изделий»*?

Московские статистики отвечали на этот, далеко не новый, вопрос утвердительно. Они думали, что обеспечение наделом составляет главное преимущество сельских кустарей над городскими производителями. Приведя их мнение, г. Воронцов спешит его опровергнуть.

«Большая часть сельских жителей, занимающихся промыслом, — говорит он,—тоже не в состоянии долго ждать запроса на продукт со стороны рынка, а вынуждена продавать его тотчас по приготовлении, хотя бы и значительно дешевле его нормальной стоимости» **).

Выходит, что «доходы от хлебопашества» позволяют кустарю «не спешить с продажей изделий», но не позволяют ему «долго ждать запроса со стороны рынка». Несмотря на эти «доходы», большая часть кустарей вынуждена продавать свои произведения «тотчас по приготовлении, хотя бы и значительно ниже» и т. д. Тут в «формах» мысли г. Воронцова обнаруживается значительная неясность, а в ее содержании—полная противоречивость. Но послушаем еще г. Воронцова: может быть, дело объяснится.

«Кроме того,—продолжает он,—сбыт продуктов, предназначенных для отдаленного рынка, находится в руках скупщиков, которые обыкновенно сами определяют цены, по каким они принимают изделия кустарей» ***).

Нет, мы не ошиблись: «доходы от хлебопашества», действительно, не позволяют кустарю «не спешить» и проч. Так думает г. Воронцов вопреки мнению г. Воронцова. И этого мало. Г. Воронцов решительно отвергает мнение того же почтенного автора, утверждающего, что «обладание лошадью дает кустарю возможность сбывать свой товар за пределы местного рынка, не прибегая к посред-

*) «Очерки кустарной промышленности в России», СПБ. 1886, стр. 204—205.
**) «Очерки», стр. 12—13.
***) Там же, стр. 13.

ничеству скупщика». Какая уж тут «возможность», когда «сбыт продуктов, предназначенных для отдаленного рынка, находится в руках скупщиков»!

Давно уже сказано, что всякое царство, «раздельшееся на ся», погибает. Это очень печальная судьба! Нам хотелось бы думать, что она не угрожает по крайней мере тем писателям, которые «разделяются на ся», подобно г. Воронцову.

Но не унывайте, читатель! Если справедливо, что терпение все превозмогает, то можно, значит, добиться толку и от г. Воронцова, несмотря на его очевидное «разделение на ся».

«Кустарь-земледелец, имея некоторое обеспечение в сельско-хозяйственном промысле, ценит свой труд дешевле горожанина; если же борьба производителей будет иметь результатом слишком сильное падение цен продукта,—селянин бросает промысел, обращает больше внимания на хозяйство, берется за извоз и т. д. Городской житель значительно более стеснен в выборе занятий, так как земледелия он не знает, лошади не имеет. Тихвинские мещане, напр., с упадком судоходства, поддерживавшего разные их промыслы, пробовали так и сяк добывать хлеб и везде встречались с непреодолимой конкуренцией сельских жителей». «Пробовали они ходить на засеки к лесопромышленникам, но были оттиснуты крестьянами, всегда имеющими возможность взять против мещан низшую заработную плату уже потому, что они имеют и свой дом, и кусок хлеба. На лесных работах зарабатывает хорошо тот, кто имеет лошадь—крестьянин ее имеет, а мещанин нет. Значит, и этот промысел закрыт для мещан, а других нет». В виду сказанного, плохое состояние главного промысла отражается на горожанине значительно тяжелее, чем на селянине; поэтому он и остерегается вступать в соперничество с сельским жителем и вместо работы на рынок избирает труд на заказчика *).

Теперь дело несколько выясняется. Хотя «доходы от хлебопашества» и не позволяют кустарю-крестьянину «не спешить» и проч., но они позволяют ему довольствоваться «*низшей заработной платой*». Это, конечно, очень большое преимущество, но для кого? Так как сбыт кустарных изделий, по собственным словам г. Воронцова находится в руках скупщиков, то надо думать, что именно этим последним и приносит больше всего выгоды та «низшая заработная

*) Там же, стр. 13—14.

плата», которой могут довольствоваться кустари, благодаря «доходам от хлебопашества». Но в таком случае сторонник мелкой кустарной промышленности, г. Воронцов, сходится с апологетом крупной капиталистической промышленности, г. Менделеевым. «Русский рабочий,—говорит наш химик,—будучи в некоторой степени обеспечен земельным наделом и сравнительною дешевизною хлеба и других основных условий жизни, смотрит на всякий заработок вне земледелия, а особенно на зимний и фабричный, как на прямой барыш, и если есть хотя какое-либо соревнование в предложении услуг, берет его за незначительное вознаграждение, тем более, что иначе придется остаться без дела» (sic!) *).

«Обеспеченность» русского рабочего земельным наделом дает г. Менделееву повод для самых отрадных размышлений по части будущей судьбы русского капитализма. «Так как ценность труда в России дешевле, чем в большинстве стран Запада,—фантазирует он,—то заводско-фабричной деятельности России предстоит несомненное оживление и такой рост, который должен дать мировой торговле множество товаров, в усиленной выработке которых народный труд и капитал найдут новый источник для усиления благосостояния страны, не менее важный, чем доставляемый земледельческою деятельностью» **).

Если принять в соображение, что у нас, по словам того же химика, «число лиц, долженствующих искать заработков вне земледелия, уже весьма велико», и что, следовательно, эти ненужные в земледелии «лица» уже не обеспечиваются наделом даже «в некоторой степени», то выходит, что грядущее благосостояние нашей страны будет основано исключительно на «низкой ценности труда», т.-е. на отсутствии благосостояния в среде рабочих. С непривычки такой вывод может показаться очень странным, но он ни мало не удивит человека, знакомого с экономической литературой: г. Менделеев поет старую песню Бастиа и прочих вульгарных экономистов, несколько видоизменяя ее напев применительно к музыкальным требованиям российского «патриотизма». Наши предприниматели уже теперь оказываются тонкими ценителями этой, занесенной к нам с безбожного Запада, песни и хорошо понимают выгоды «обеспечения» русского работника «земельным наделом». По замечанию г. Шульце-Гевер-

*) «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», СПБ. 1893., введение, стр. 47, примечание.

**) Там же стр. 46—47, в тексте.

ница,—немецкого профессора, знающего русский язык и во время своего пребывания в России хорошо ознакомившегося с нашими промышленными кругами,—у нас «никто не защищает с такою горячностью, как промышленники, учения о том, что сельская община, оплот против возникновения пролетариата, есть важнейшая и драгоценнейшая особенность России» *). Все это вполне понятно и со стороны предпринимателей, и со стороны г. Менделеева. Но каким образом мог затрубить в одну трубу с ними г. Воронцов, человек, выдающий себя за противника капитализма и его теоретиков—буржуазных экономистов?

Я думаю, что здесь тонкая и больше политическая причина, сказал бы гоголевский Амос Федорович. Почтенный судья был бы совершенно прав.

Г. Воронцов убежден, что, «так как... всякие предвидения делаются лишь с известной степенью вероятности и при дальнейшем ходе дела обстоятельства могут сложиться не в пользу предсказания; так как затем сила, с какою люди тащат историю в разные стороны, зависит, между прочим, от энергии сознательных борцов за то или другое направление движения, вследствие чего всякое приращение энергии в известном направлении отразится и на равнодействующей сил, то уловленная законосообразность явления, иначе говоря, подмеченное преобладающее направление движения,—если оно возбудит энергию лиц, тащащих историю (?) по другим линиям (?),—может сделаться причиной того, что явление повернется в эту сторону»**).

Это отрадное убеждение, к сожалению, выраженное слогом будочника Мымрецова, и есть та тонкая причина, которая заставляет г. Воронцова противоречить самому себе и насиловать всем хорошо известные факты. Ему хочется *потащить историю по линии* своего идеала. Ради этой великой цели он не останавливается перед такими пустяками, как логика и справедливость. Пусть со временем скажут, что г. Воронцов противоречил и себе, и действительности; что он враг капитализма, говорил подчас языком самых рьяных его защитников,—если эти его грешки «возбудят энергию» народников и тем избавят Россию от капитализма, то великая цель все-таки будет достигнута, благосостояние русского народа все-таки будет обеспечено. А это все, что нужно г. Воронцову: по всему видно, что он,

*) «Preussiche Jahrbücher», Febr. 1894, S. 357—358.
**) «Наши направления», СПБ. 1894, стр. 160.

давно уже решился принести свою литературную славу в жертву интересам отечества...

Ты знаешь, кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.

Когда вышла наделавшая не мало шума книга г. Николая —она «*Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства*», г. Воронцов поспешил заявить, что этот «прекрасный труд» дал новое освещение «экономической стороне» развиваемой им, г. Воронцовым, теории *). Впоследствии из книги «*Очерки теоретической экономии*» мы увидели, что г. Н. —он «не рассматривал некапиталистического течения в экономической жизни, как самостоятельного фактора последней, и потому его выводы неполны, подлежат ограничению и дополнению» (стр. 233). Надо думать, что именно в качестве «дополнения» к «Очеркам» г. Н. —она наш автор издал в начале нынешнего года книжку «*Артель в кустарном промысле*».

Артель в кустарном промысле! Это, конечно, и есть тот «самостоятельный» некапиталистический фактор нашей экономической жизни, которого не рассматривал г. Н. —он. И если этот фактор дает сильно чувствовать себя уже в настоящее время, то, вероятно, и сам г. Н. —он пожалеет, что не «рассмотрел» его в своих «Очерках». В чем же, однако, проявляется действие этого интересного фактора?

По словам г. Воронцова, оно проявляется: 1) в существовании семейных артелей и во временном сотрудничестве кустарей под давно знакомой крестьянину формой «помочи»; 2) в артельном приобретении сырья и совместном сбыте изделий; 3) в артельном пользовании мастерскими и другими приспособлениями; 4) в существовании производительных артелей как в местных, так и в отхожих промыслах.

Рассмотрим прежде всего семейные артели и «помочь».

На ряду с главою семьи в кустарном производстве участвуют также женщины и дети. Вот вам семейная ассоциация. Кроме того, «родственные связи облегчают образование союзов также для преследования частных целей в каком-либо промысле, а иногда являются прямой причиной существования таких союзов». Сказанное имеет место, напр., в тех случаях, когда при разделе промысловой семьи мастерская и т. п. оставляется в общем пользовании разделившихся.

*) Там же, предисловие, стр. VI.

Таким образом произошли некоторые светелки в ткацком районе Филипповской волости Покровского уезда Владимирской губ. Упадок ткацкого промысла вызвал здесь образование общих, принадлежащих родственникам, светелок, явившись побудительной причиной к тому, чтобы, ради сокращения расходов на отопление и облегчение надзора за материалом, родственники-ткачи соединялись для работы в одной мастерской. Из 15 общих мастерских в районе производства мелких вещей из стекла в Дмитровском уезде Московской губернии три принадлежат родным братьям, в двух соединились отец с сыном и два брата. Работа в общих мастерских названного района производится каждым кустарем при особом горне; но некоторые камушники устраиваются вдвоем при одном горне, выгадывая таким образом «на угольях». Наконец, «в гвоздорезном промысле Бисертского завода Красноуфимского уезда есть несколько семей, где отец и сыновья или братья работают парами и выделываемые ими гвозди сдаются скупщику сообща, а следуемая за них плата делится между членами пары поровну» *).

Когда мы прочли эти строки в книге г. Воронцова, нам припомнился баобаб (Arbor gigantea!), росший у Тартарэна в горшке от резеды. В самом деле, местами родственники имеют общие мастерские; они работают в них, правда, каждый особо, но иногда отец с сыном или брат с братом «устраиваются вдвоем». Это несомненное торжество артельного принципа, это бесспорнейший баобаб! И вместе с тем, как бесспорно скромны его размеры. Ведь для него слишком велик даже горшок от резеды; ему слишком просторно даже в мастерской с несколькими горнами; он не идет дальше «устройства вдвоем», да и то только «местами»!

И заметьте, как странно происхождение нашего баобаба. Мастерские, находящиеся в общем пользовании нескольких родственников, являются результатом *раздела промысловых семей*. Другими словами, они существуют не потому, что развивается артельный принцип, а потому, что принцип индивидуализма делает новые захваты. Нечего сказать, глубоко сидят корни дерева-гиганта!

Кустарное производство есть во всяком случае производство на сбыт, *товарное производство*. Развитие же товарного производства наносящее смертельный удар первобытным кровным союзам, подрывает также и семейную общину русских крестьян (а следовательно и

*) «Артель в кустарном промысле», стр. 5—7

кустарей), что давно было указано у нас множеством исследователей и не раз художественно изображено Г. И. Успенским *). Г. Воронцов, вероятно, и сам хорошо знает это, но он столь же хорошо знает и то, что если, изнасиловав и исказив факты, он в надлежащей степени возбудит «энергию» г.г. народников, то они «потащат историю» по любезной ему «линии». Цель оправдывает средства.

Переходим к «помочи» или «временному сотрудничеству» кустарей. Не желая ни на иоту умалять значение доводов г. Воронцова, мы предоставим ему, в длинной выписке, самому защищать свое дело.

«Применение в кустарном промысле взаимопомощи в работе распространено всего больше в тележном производстве при гнутье полозьев саней или ободьев колес... а также при гнутье дуг. В Нижегородской губернии применение артельного труда при гнутье санных полозьев известно для трех промысловых районов из числа шести, в которых промысел существует в сколько-нибудь заметных размерах... Гнутье полозьев производится на особых станках и требует участия 8—10 человек; и вот в Ардатовском, Арзамасском и Сергачском уездах оно совершается помочами. По окончании работы помочане в первых двух уездах получают угощение. Дужники Ардатовского уезда производят гнутье дуг при помощи соседей. В Щигровском уезде Курской губернии дужники (всех их 140 человек) гнут дуги руками, для чего требуется участие 5—6 человек. В виду этого малосемейные кустари соединяются вместе и помогают друг другу. В уездах Белгородском, Корочанском и Новооскольском (общее число дужников 613), где сгибание производится при помощи ворота, «соседские» товарищества составляются из 3—4 человек. У каждого «сусида» артель работает не более одного дня (8—10 часов) в неделю. Тележники Вятского уезда, работая почти без участия наемного труда, при операциях, требующих сотрудничества нескольких лиц...

*) «Промысел не имеет никакого влияния на сплочение семей; большие нераздельные семьи стали теперь большою редкостью. Два брата еще живут вместе; примеров трех нераздельных очень мало. В будущем туземцы предсказывают еще более частые разделы, часто приводя их в связь с промыслами». («Промыслы Московской губ.» *Андрея Исаева*. Том 2-й, Москва, 1876, стр. 72). «Промыслы содействуют частым разделам и расчленяют некогда крупные семьи... По мнению промышленного люда, стремление к разделу неразрывно связано с развитием промышленной жизни. При полной (вероятно опечатка: первой) воможности иметь порядочный заработок от промысла, молодой человек старается отделиться от семьи и основать собственное хозяйство, чтобы тем свободнее располагать рабочей силой» (там же, стр. 161). Не даром г. Воронцов указывает на «упадок промысла», как на причину появления общих светелок.

собирают помочь за угощение. Помочью же, вероятно, производится сгибание колес (требующее участия 6—7 человек) и в Уржумском уезде. Могилевские тележники для сгибания колес приглашают за плату или для бесплатной работы соседей. Сгибание ободьев колесниками Четкаринской волости Камышловского уезда Пермской губернии производится при помощи посторонних лиц, или за плату по одной копейке с выгнутого ската каждому работающему, или «в отработку», т.-е. с обязательством, в свою очередь, оказать ту же услугу, когда таковая понадобится. При гнутье полозьев в санном промысле в с. Дружно-Бордымском Манчажской волости Красноуфимского уезда требуется участие трех работников и, при отсутствии в семье кустаря стольких лиц, он уговаривается с другими одиночками о взаимной помощи в производстве этой операции. Гнутье полозьев санниками с. Сучкино Нескафтымской волости Кузнецкого уезда (150 кустарей) производится помочью человек из 12, которые могут загнуть в день до 30 полозьев. Колесники Полтавской губернии и с. Чернетчины Сумского уезда Харьковской губернии производят сгибание колес помочью» *).

Внимательно ли слушали вы, читатель, г. Воронцова? Если да, то вы очень хорошо сделали, ибо на цитированных нами страницах он собрал факты, громче других говорящие о распространении соседской «помочи» в кустарной промышленности. Дальше доводы его уже не столь убедительны. Он сам признает, что «уже значительно реже встречается применение помочи в других промыслах»**). Следовательно, тем вдумчивее должны мы отнестись к тому, что происходит в тележном производстве. Но что же собственно происходит здесь? Малосемейные кустари помогают друг другу в известных операциях иногда в «отработку», а иногда за деньги. Само собою понятно, что помощь за *денежную* плату никакого отношения к торжеству артельного принципа иметь не может Но и взаимная помощь «в отработку», как она существует теперь, свидетельствует разве лишь о полнейшем бессилии этого принципа. В самом деле, не замечательно ли, что он чаще всего применяется в такой чрезвычайно отсталой, можно сказать совершенно первобытной отрасли кустарной промышленности, как производство телег и саней, где операции, требующие сотрудничества нескольких лиц, совершаются подчас просто «руками»? Ведь если бы

*) «Артель в кустарном промысле», стр. 9—11.
**) Там же, стр. 11.

этот принцип имел какие-нибудь шансы развития в современной нашей кустарной промышленности, то мы, конечно, встретились бы с ним и в тех ее отраслях, которые сделали хоть какие-нибудь, хоть незначительные шаги на пути технического прогресса. Но именно в этих-то отраслях мы и не встречаем его. «Несмотря на все старания,—говорит г. Исаев,—мне не удалось найти какое-либо общение между промышленниками (речь идет о металлических кустарных промыслах). Единственное исключение я встретил у подносчиков. В деревне Хлебниковой есть три лица, совершенно друг другу чуждые и ведущие дело вместе... За исключением одного этого случая, общения между промышленниками мне подметить не удалось: всякий работает на себя, все бредут врознь» *). Такое же впечатление произвел на г. Исаева и мебельный кустарный промысел, где господствует «полная раздробленность и где всякий действует в одиночку, сам по себе, как бы не сознавая всей полезности действия сообща, могущего умножить силу каждого... всякий видит врага в изготовителе однородных товаров, относится к нему с недоверием, считает его виновником умаления своих барышей» и т. д. **). То же в гончарном промысле: «Я не заметил большого общения между промышленниками. Среди горшечников я встретил некоторое общение в пользовании горном. Многие из них, работая меньшую часть года, не имеют собственных горнов и обжигают посуду в горнах соседей. Платить за право обжигания не приходится; но угощение владельца горна чаем обязательно; дрова обжигающие приносят свои. В дозволении владельца горна, даваемом соседу, горшечники видят прямую для него выгоду: если он будет обжигать вскоре после обжигания соседом, то потребуется меньше топлива, так как горн будет уже разогрет. На этом, сколько мне известно, и ограничивается *общение* (курсив г. Исаева); но и в нем преобладает интерес, а не товарищеское начало» ***).

Нам остается, значит, утешаться тележным промыслом да фактами, подобными тому, который обязательно сообщает нам г. Воронцов и который имеет иногда место в бумаго-ткацком промысле Медынского уезда: приготовление основ требует участия 4—5 лиц; и вот, когда

*) «Промыслы Московской губернии» т. II, стр. 71—72. «Вообще дух ассоциации вовсе не так общ нашему сельскому народонаселению в деле промышленности, как это иногда думают». (*А. Корсак*, «О формах промышленности вообще и о значении домашнего хозяйства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России». Москва 1861, стр. 294).

**) Там же, т. I, вып. I, стр. 85.

***) Там же, т. II, стр. 161.

«одна баба удерживает основу в натянутом положении, держа за клубок, две другие держат рядку и две последние вертят навой» *). Но еще раз, неужели это не баобаб в горшке от резеды? И неужели г. Воронцов может без хитрой улыбки писать о подобных «течениях» в жизни кустарей, как о каком-то самостоятельном факторе русского экономического развития? Или все это нужно единственно для возбуждения энергии г.г. народников, как известно, очень невзыскательных по части доказательств **).

Но пойдем дальше, взглянем на артельное приобретение сырья и на совместный сбыт изделий. Слово принадлежит г. Воронцову. «При отсутствии правильно организованных кредитных учреждений для мелкого промысла и зависимости, в какой находятся кустари в отношении кредита от скупщиков их изделий, являющихся в то же время и поставщиками для них сырого материала, при безграмотности кустарей и существующей между ними разъединенности и взаимном недоверии (вот вам и артельный принцип!) — организация в их среде союзов для оптовой закупки дорогого сырья на более или менее отдаленных рынках представляется делом весьма трудно осуществимым... Впрочем, в литературе иногда попадаются известия о существовании артельных закупок кустарями и дорогого сырья» ***).

Итак, по части оптовой закупки дорогого сырья дело обстоит очень плохо, и г. Воронцов говорит о ней в минорном тоне. Но какие же это известия «попадаются иногда в литературе»?

Кузнецы г. Тихвина в прежние времена, когда промысел их был широко распространен, закупали нужный им материал в Петербурге, отправляя туда в складчину доверенное лицо. Теперь, вследствие упадка промысла, покупка материала происходит на месте, по мелочам и единолично. «Кожевники в Черниговском уезде... обыкновенно приобретают материал единолично. Только случайно, когда «наскочат» на маленькую партию несколько хозяев, они покупают ее вместе и затем или делятся приобретенным добром, или «сплачивают друг другу по чести или с отступным» или, что еще реже, вместе вычинят партию и поделятся барышом». Читатель-народник торжествует: вот, наконец, компании, вместе покупающие сырье, вместе обрабатывающие его и делящие

*) «Артель в кустарном промысле», стр. 11.

**) Замечательно, что даже и тележный промысел изменяет г. Воронцову. Читатель помнит, что в Нижегородской губернии применение артельного труда при гнутье санных полозьев известно лишь в трех районах из шести. О, arbor gigantea! О, горшок от резеды!

***) «Артель в кустарном промысле», стр. 16—17.

лишь барыши! Но знает ли он, как велики такие компании, представляющие к тому же краткое явление? «Такие компании обыкновенно состоят из двух хозяев-соседей или родственников» *). Выходит, что мы и здесь имеет дело с баобабом тарасконского героя.

Бесполезно пестрить наши страницы новыми выписками из книги г. Воронцова. Факты, которые удалось ему собрать, привели его самого к тому заключению, «что, хотя соединение кустарей для совместного приобретения нужного им сырья встречается нередко, тем не менее оно не может быть считаемо явлением распространенным» **). Это как будто несколько противоречивый вывод: с одной стороны,—«нередко», а с другой—«распространенным считаемо быть не может». Но здесь надо принять в соображение обычную неуклюжесть языка г. Воронцова, которая особенно увеличивается тогда, когда ему приходится оспаривать самого себя. В данном случае «*нередко*» значит у него «*редко*» и даже—*очень редко*, как читатель сам может убедиться из слов г. Воронцова, непосредственно следующих за только что приведенными. Вот эти слова: «Но еще реже наблюдается кооперация производителей в целях более выгодного сбыта их изделий». Ясно, что и совместная покупка сырья «наблюдается» *редко*. Но как бы редко ни случалась она, на нее следует обратить большое внимание, так как она хорошо выясняет значение «артельного» принципа, искомого г. Воронцовым. Вот несколько примеров.

Шубники Полтавской губернии, «сложившись по сотне и меньше рублей и отправив одного из товарищей за товаром, по доставлении последнего, распределяют его между участниками... Если кто-либо из участников внес на покупку овчин сумму, несколько превышающую долю каждого из остальных товарищей, то после раздела последние «додают верхив»,т.-е. уделяют из своей части овчинами или уплачивают деньгами то, что они получили «сравнительно с ним лишнего» ***).

«Смушки, продающиеся в г. Переяславле «парами» в 200 шт. по цене 180—200 рублей за сотню, обыкновенно покупаются компанией из 2—3 хозяев, при чем, если приобретение делается в кредит с уплатою при покупке по 1 руб. за штуку, то на остальную сумму выдается одним из участников вексель» и т. д. ****).

---

*) Там же, стр. 17.
**) Там же, стр. 33.
***) Там же, стр. 18—19
****) Там же, та же страница.

«Из бондарей Вятской губернии только немногие зажиточные кустари покупают лес участками, иногда складываясь вдвоем, втроем; большинство же кустарей приобретают его по мелочам на базарах. Нечто подобное следует сказать и о древоделах (тележники, сундучники и т. п.) слободы Воронцовки Воронежского уезда, где лесные участки приобретаются более зажиточными производителями, артелями в 5—10 человек... Вследствие этой операции дерево обходится от 50 коп. до 1 руб., вдвое дешевле базарной цены» *).

Какова общая черта таких «компаний»? Они составляются из людей приблизительно одинаковой степени зажиточности и требуют подчас от своих участников довольно значительных денежных средств, целых сотен рублей **). Такими средствами бедные, «горевые» кустари, конечно, не располагают. Следовательно, вступать в компании могут только наиболее обеспеченные из кустарей. Оптовая покупка сырья очень выгодна: благодаря ей материал обходится иногда вдвое дешевле (см. выше), чем при покупке по мелочам. Следовательно, участники компаний оказываются в гораздо более выгодном положении, чем те бедняки, которых ни в какую компанию не примут именно по причине их бедности. Следовательно, тут происходит то же самое, что мы уже видели при «товарищеских» арендах земли и покупках семян: расстояние между бедняками, с одной стороны, и людьми зажиточными, с другой—увеличивается; происходит то самое слоение обывателей деревни, на которое мы уже не раз указывали выше. Следовательно, *чем больше распространялись бы и чем выгоднее для их участников оказались бы все эти «товарищества» и «компании», тем хуже было бы для тех старых «устоев», которые защищает г. Воронцов.* Наш автор может, себе в утешение, только повторить, что подобные компании «наблюдаются» в среде кустарей *очень редко.—Тем хуже для «артели в кустарном промысле»*, скажем мы ему.

Поищем теперь поучительных фактов по части артельного пользования мастерскими.

«Приступая к группировке данных, относящихся к рассматриваемому явлению,—говорит г. Воронцов,—нельзя не заметить, что применение артельного начала к пользованию мастерской или другим приспособлением недвижимого характера наблюдается не в тех

*) Там же, стр. 20.

**) Личный взнос каждого участника в артелях бочаров Симбирской губернии доходит до 200 р.; *«лица, не имеющие требуемой суммы, поступают в артель в качестве наемных рабочих»*. Там же, стр. 160.

промыслах, занятие которыми требует сравнительно больших расходов, а в отраслях производства, которые могут вестись с небольшими затратами. Так в кожевенном, напр., или скорняжном деле, при дорогом сырье, артельного пользования приспособлением для промысла почти не встречается. В гончарном же производстве (грубой посуды), материал для которого стоит минимальной суммы, артельное пользование горнами для обжигания посуды распространено, вероятно, не менее, нежели пользование единоличное*).

Здесь мы опять видим то, что видели в деле соседской «помочи»: чем бо́льших затрат требует известный промысел, тем более несостоятельной оказывается «артель». Это уже само по себе знаменательно. Но это не все. Главная беда в том, что даже и в дешевых производствах артельное пользование мастерскими представляет собою уже знакомый нам баобаб в горшке от резеды. Г. Воронцов в изобилии сообщает нам «факты» такого, напр., рода: «В Рязанской губернии несколько кустарей пользуются иногда для обжигания кирпича одной печью»; «горны для обжигания кирпича кустарями Казанской губернии очень часто принадлежат не одной семье, а двумтрем и больше кирпичникам»; «в Козьмодемьянском уезде... очень часто одна печь принадлежит нескольким семьям» (стр. 74): «артельных парниц насчитывается в д. Прокудиной (промыслом занимается 21 двор) 4, д. Хомянской (промысловых семей 17) 3, Каменке (22 промысловых семьи) 3» (стр. 70). Совершенная ничтожность всех этих «фактов» производит удивительно комичное впечатление в связи с той невозмутимой серьезностью, которую сохраняет г. Воронцов в своем изложении. Комизм дополняется еще тем обстоятельством, что наш автор без всякого разбора валит в одну кучу явления совершенно противоположного характера. Вот, напр., мы узнаем от него, что, «по данным от средины 70-х годов, гвоздарь г. Твери, имеющий кузницу на несколько человек, отдает свободные места другим мастерам за «стряску» и «ожимок» (кусок железа, выковываемый каждым кузнецом ежедневно из мелких частичек, остающихся в горну при накаливании железа...) иногда с присоединением денежной платы в размере 50 коп.»**). При чем тут *«артель в кустарном промысле»?* Или вот еще интересный «факт». «В Бердянском уезде Таврической губернии обществом с. Андреевки в половине 70-х годов устроен кирпичный завод... Общество нанимает подрядчика за

*) Там же, стр. 42—43.
**) Там. же, стр. 61.

5 руб. от тысячи выжигаемого кирпича; рабочих подрядчик нанимает от себя *). Если в этом случае мы и имеем дело с артелью, то, конечно, с артелью совсем особого рода: ведь нанимаемые подрядчиком рабочие в нее не входят. Но г. Воронцову это все равно: как только «факт» имеет отношение к «обществу», хотя бы общество состояло из эксплоататоров, г. Воронцов зачисляет его по ведомству «артели в кустарном промысле». Благодаря этому, число «фактов» растет, а «тащащие историю» народники, всецело поглощенные своим трудным делом, так же точно не замечают невинных хитростей своего теоретика, как не заметил Чичиков хитрости Собакевича, занесшего Елизавету Воробья в список мертвых душ мужского пола.

Что местами кузнецы-кустари работают у нас по нескольку человек в одной кузнице, что горшечники пользуются иногда общим горном и т. д.,—это не подлежит ни малейшему сомнению. Но умозаключать отсюда к сильному развитию артельного духа между кустарями по крайней мере неосторожно. Мы уже знаем, как отзывается об этом пресловутом духе г. Исаев, изучивший его проявления *на месте*, а не в кабинете. Теперь прибавим, что «артельные» мастерские не мешают кустарю работать в одиночку, своими собственными орудиями и над своим собственным материалом. Притом же общие мастерские часто обязаны своим происхождением обстоятельствам, имеющим очень мало отношения к артельному духу. Вот, напр., как появились артельные кузницы в гвоздарном промысле Нижегородской губернии.

«Первое время по возникновении промысла шиповки (кузницы) ставили самостоятельные хозяева, которые держали у себя 12—18 работников и работали наемным трудом. Но когда промысел распространился и кузнецы познакомились с характером производства, вошло в обыкновение только арендовать у хозяев место в шиповке, а промысел вести на свой страх, самому покупать или забирать сырой материал, самому его сбывать**). Иногда в уже выстроенные шиповки стали вкупаться другие владельцы, платя от 3—6 рублей, смотря по удобству места, и таким образом вырабатывалась форма артельного владения помещением. Позднее шиповки стали прямо ставиться артелями человек в 14 — 18. Помещение (т.-е. кузница), горн, мех,

*) Там же, стр. 74—75.

**) Не надо думать, что гвоздари сделались, благодаря этому, самостоятельными производителями. Они работают на скупщиков и, значит, только переменили хозяев.

угли в таких артельных кузницах общие, но *кузнечные принадлежности: пенек, молот, гвоздильня, насечки—свои*» (курсив наш)*). Интересно, что кузнецы называют свои артельные кузницы *сутырными*: сутырничать на местном языке значит спорить, заводить тяжбы, как поясняет г. Плотников **).

Уже на основании предыдущего можно ожидать, что не много насчитает г. Воронцов *производительных* артелей *между нашими* кустарями. Так оно и есть на самом деле. Сам г. Воронцов вынужден признать, что в большей части кустарных промыслов *сотрудничество* возникает не путем соединения нескольких самостоятельных производителей, а посредством *«мелких капиталистических предприятий»* (курсив наш). Однако, он находит несколько счастливых исключений из этого общего правила. Именно в каменоломном деле «требуемое условиями производства объединение трудящихся часто достигается образованием добровольных и самостоятельных артелей» ***). То же самое замечается и при добыче «старателями» золота на Урале. Наконец, смолокурение и витье веревок ведется иногда также артелями, состоящими из нескольких человек. Насколько невелики и мало распространены такие артели,—видно из собственного изложения г. Воронцова. Об артельном витье веревок он говорит нам вот что: «В северной части Ардатовского уезда Нижегородской губернии веревочно-прядильный промысел существует в селах Саконах и Липовке Саконской волости и дер. Быковке и Н. Лазаревке Мечасовской волости... *Наемных рабочих здесь 65 человек, а артель составляется из 2—3 семейств.* В Кузнецком уезде Саратовской губернии артельная организация веревочного промысла существует в двух деревнях. В с. Верхнее Аблязово Анненковской волости промыслом занимается 37 человек. Веревочники обыкновенно заводят один стан (стоимость в 10 руб.) вдвоем или втроем» ****).

*) „Кустарные промыслы Нижегород. губ.“ Составлено М. А. Плотниковым. Нижний-Новгород, 1894 г., стр. 210—211.

**) Там же, стр. 211 «Кузня со всеми принадлежностями и инструментами обходится от 40 до 50 руб. Такая дороговизна ее создала артельную постановку кузницы и артельную работу в ней. Но работая артелью, человек 6—8, в общей кузнице при артельном угле, каждый имеет свою наковальню и работает самостоятельно, нередко с помощником за свой счет (sic). Настоящей артели, „схватки“ в смысле общей выработки и дележа выручки, нет. „Переворуешь друг у друга“ говорят недоверчивые гвоздари“. *Плотников*, там же, стр. 206. Дайте таким „артельщикам“ кредит, о котором так много говорят теперь народники; дайте им возможность заводить *собственные, отдельные* кузницы, и от артели у них не останется даже следа.

***) Артель в кустарном промысле, стр. 97.

****) Там же, стр. 156.

Читатель видит, что и веревочно-прядильный баобаб с удобством поместится в горшке от резеды. Артели для добывания смолы и сидки дегтя столь же величественны, как и веревочно-прядильные артели. «При господствующем ныне печном способе смолокурения, таковое производится в котлах, казанах или корчагах. При этом для производства операции выкурки нет надобности участия (читатель уже привык к слогу г. Воронцова и охотно извинит его неуклюжесть) в ней многих лиц, и потому промысел может вестись самостоятельно, при помощи только членов семьи кустаря. Тем не менее, по некоторым, не всегда, впрочем, определенным данным, смолокурение иногда ведется артелями» *). А данные эти такого рода. «Новейшее исследование промыслов Вятской губернии, произведенное земством, не обнаружило (!) существования артельной выкурки дегтя или смолы. Артельное смолокурение пользуется некоторым распространением в Пермской губернии. Так, в Шогринской волости Ирбитского уезда существует артель из пяти смолокуров... По исследованию в начале 90-х годов, в Петропавловской, Енапаевской и Мостовской волостях Красноуфимского уезда насчитывается 88 смоло-дегтярных заводов, в том числе 60 дегтярных, 2 смолокуренных и 28 смешанных... Артельных заводов 19, принадлежащих 39 смолокурам; 16 артелей имеют по 2 члена и 3 артели по 3 члена **). Не много артелей и не велики они! Но и эти микроскопические производительные артели, как муха в молоке мелькающие там и сям в кустарном промысле, при первой надобности и возможности прибегают к *наемному труду и становятся крошечными артелями предпринимателей* ***). «Самостоятельный фактор» народной экономической жизни быстро превращается, таким образом, в *капиталистический*.

Артельное добывание камня и каменного угля очень облегчается тем обстоятельством, что оно ведется обыкновенно на общинных землях. Но так как мы уже знаем, в каком положении находится теперь наша община, то можем легко представить себе, «насколько устойчив артельный принцип» даже и в этих отраслях производства. «Горевой» хозяин должен во всем уступать зажиточной деревенской добродетели, так как условия сдачи под артельную обработку общинной земли зависят от сельских обществ, в которых заправилами являются именно зажиточные и богатые домохозяева. При этом само со-

*) Там же, стр. 148.
**) Там же, стр. 149.
***) См. сообщение г. Козаченка на стр. 148—149 той же книги.

бою подразумевается, что сельские общества, при сдаче земель, руководствуются расчетом выгоды, а вовсе не отвлеченными соображениями о желательном развитии своей «общинной мысли». Случается, что они прямо спекулируют на землю этого рода. Так, в с. Георгиевском Славяносербского уезда «общество арендует за 5,000 рублей у г-жи Муравьевой участок земли и уже от себя сдает право разработки шахт (каменноугольных) по разной цене каждой артели*). С своей стороны артельщики имеют право «разбить свой пай на части и продать или передать другому одну из них на известных условиях» **).

Словом, денежное хозяйство на каждом шагу и самыми различными способами дает здесь чувствовать свою силу. Даже там, где общество предоставляет каждому своему члену право заложить шахту и работать в ней, как и сколько он хочет, право это сохраняется лишь до тех пор, «пока не находятся предприниматели-капиталисты, желающие взять у общества эту землю под разработку» ***). Очевидно, при таких условиях артельный «принцип» имеет мало шансов на развитие.

Об артелях в отхожих промыслах можно умолчать по той причине, что огромнейшее большинство их работает на хозяев и таким образом артельная организация только сберегает предпринимателю издержки по надзору за работниками ****).

Несмотря на пресловутый *общинный дух*, будто бы столь свойственный русскому крестьянину, мы далеко отстали от «*индивидуалистического*» Запада в деле практического применения кустарями и

*) „Сборник статист. свед. по Екатеринославской губ." Вып. 3-й, стр. 409.
**) Там же, стр. 415.
***) Там же, стр. 408.
****) До какой степени это справедливо, показывает, между прочим, только что цитированный нами третий выпуск „*Сборника статист. свед. по Екатеринославской губ.*" Из него видно, что конторы рудников в Донецком бассейне не только предпочитают нанимать рабочих артелями, но и платят каждому члену артели *высшую плату* сравнительно с рабочими, нанимаемыми по-одиночке. „Если принять во внимание расходы администрации на каждого углекопа, то окажется, что рудник держит при работах артелями значительно меньше администрации, а, следовательно, и расход на нее становится меньшим" (стр. 366).

Артельный труд наемных рабочих применяется в некоторых отраслях промышленности и в Англии (напр., в доках). Но искусившиеся в деле защиты своих интересов (как продавцы рабочей силы), английские рабочие смотрят на него очень неодобрительно (with much disfavour). См *D. F. Schloss*, Methods of industrial remuneration, second edition, London, 1894, chap. VIII, стр. 61 и след.

Эти строки были уже написаны, когда мы прочитали, в октябрьской книжке Нового слова, статью г. Воронцова: „*Артели для подрядных и наемных работ*". Эта пока еще неоконченная статья имеет целью показать широкое распространение

ремесленниками принципа кооперации. Так, напр., в Англии уже в сороковых и пятидесятых годах нынешнего столетия кустари-суконщики стали заводить на кооперативных началах крупные механические мастерские. В Германии производительные товарищества особенно распространены были между саксонскими ткачами: в Россгайме, Гроссенгайме, Мейсниге, Каменце и т. д. Саганские суконщики уже в 1810 году положили основание своему, впоследствии сильно развившемуся, производительному товариществу. Пропаганда Шульце-Делича дала, как известно, новый и сильный толчок всему этому делу, которое, разумеется, не разрешило и не разрешит «социального вопроса», но во всяком случае ясно показало, что для развития кооперативных стремлений экономический прогресс гораздо важнее «спасительной неподвижности» русских славянофилов и народников *).

Спасительная неподвижность, которая, по предположению славянофилов и народников, должна была сохранить в своей силе «общинный дух» нашего народа, на самом деле привела в совершенно противоположному результату. В настоящее время кустари совершенно неспособны не только к успешному ведению, но даже просто к пониманию кооперативного дела. «Во время объезда мебельной области,— говорит г. Исаев,—мне приходилось во многих селениях вести с столярами речь об их житье-бытье, о разных сторонах их промышленной жизни, указывать на все неудобства их положения и спрашивать о тех мерах, которые, по их мнению, всего будут полезнее для устранения неудобств. Желая слышать суждения столяров, я начертывал перед ними складочное товарищество, указывая на все преимущества подобного ведения дел перед настоящею разрозненностью. Столяры, видимо, интересовались этим делом, но им обыкновенно не давалось его понимание. Как ни просто велась речь с моей стороны, как ни бесхитростны были выражения, оказывалось, что слушатели смешивали складочное товарищество или с комиссионерством, или с заказами от

артельного духа в русском трудящемся населении. Но эта его цель достигается так же мало, как и цель всех прочих писаний нашего автора. Статья показывает главным образом бессилие „артельного духа“ в его сношениях с капиталом. Недурно доказывает она также и выгодность артельной организации наемного труда для предпринимателей. Г. Воронцов приводит довольно поучительные в этом смысле „факты“. Мы не станем передавать их здесь, полагая, что высказанный нами взгляд на артели наемных рабочих не нуждается в новых доказательствах.

*) О производительных товариществах см. *Г. Шмоллера*: „Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert“. Halle. 1879, стр. 583 и след.; его лекцию: Die Entwickelung der deutschen Weberei im 19 Jahrhundert. Berlin, 1875 а также: Промышленные товарищества во Франции и Германии *Андрея Исаева*. Москва 1879.

казны. Особенно мудреным находят они счетоводство и отчетность, с которыми должны вестись дела товарищества, и не понимают, как за это взяться, как контролировать его операции. Из среды самих же поселян доходили до меня немногие голоса, говорившие о том низком уровне развития, который может затормозить новое начинание. В деревне Букареве один столяр, человек очень разумный и развитой, выше большинства лиц своего сословия, рассказывал мне, как он, прочитав где-то в календаре об успешном ходе дел промышленных товариществ в Германии, Франции и Англии, вздумал излагать это среди своих односельчан и убеждал их также завести что-либо наподобие товарищества, склада и т. п. «Слушали они меня, слушали,— говорит он,—да и назвали меня чудным человеком, потому что я-де затеваю дело какое-то новое и небывалое; чем больше я им рассказывал, тем больше они махали руками и подсмеивались» *).

— Это происходит от неразвитости кустарей,—скажут г.г. народники.—Когда распространится между ними образование, они легко будут справляться с теми самыми трудностями кооперативного дела, которые теперь кажутся им совершенно непреодолимыми.

—Справедливо,—ответим мы.—Но для распространения образования нужно время, а за время, нужное для распространения образования, наши старые «устои», равно как и ими порождаемый «дух», до такой степени сойдут на-нет, что вам уже нечего будет и спасать с вашими спасительными мероприятиями.

Что такое кустарь? Обыкновенно наши «интеллигенты» представляют его себе самостоятельным производителем, который, правда, подвергается сильной эксплоатации со стороны скупщиков, но зато сам никого не эксплоатирует и потому совершенно чужд всех грехов капитализма. Это до такой степени распространенное представление, что г. Воронцов считает нужным оттенить его неправильность. «Не следует полагать, говорит он, что обыкновенным типом кустарной производительной единицы, при отсутствии договорной артели, является одиночка-производитель» **). Действительно, «*не следует полагать*», тем более не следует, что, по известному уже нам замечанию г. Воронцова, в большей части кустарных промыслов *сотрудничество достигается путем возникновения мелких капиталистических предприятий*. Г. К. Вернер, исследовавший 1889—90 г.г. кустарные промыслы Богородского уезда, определяет кустаря так: *кустарь есть*

*) «Промыслы Московской губ.», том первый, выпуск первый, стр. 91—92.
**) «Артель в кустарном промысле», стр. 4.

сельский промышленник, не порвавший связи с землей и работающий при помощи семейных и наемных рабочих (числом не свыше 16) для рынка, а не по заказу случайного заказчика *).

Прежние исследователи кустарных промыслов Московской губернии не придерживались подобного определения, а лучше сказать, не руководствовались ровно никаким определением: «у Исаева и в других трудах статистического отделения в числе кустарей показаны промышленные заведения с 20, 30, 50 и даже 500 рабочими» **). Само собой понятно, что сельский промышленник, эксплоатирующий, не говорим уже 500 или даже 50, а хотя бы только 10—12 наемных рабочих, единственно по недоразумению может считаться чуждым грехов капитализма. На самом деле это *мелкий буржуа*, маленький капиталист, много терпящий от конкуренции крупных предпринимателей, но тем старательнее выжимающий соки из тех, кого нужда заставляет служить у него *по найму*. «Интеллигент», толкующий о помощи кустарям, и не подозревает, что предлагаемые им будто бы антикапиталистические «мероприятия» прежде всего пойдут на пользу именно мелким сельским капиталистам. Это целая *трагикомедия!*

Чтобы дать читателю возможность судить, какую роль играет мелкая сельская буржуазия в кустарных промыслах более развитых местностей России, мы укажем на положение дел в Богородском уезде Московской губернии.

1. Изделия из глины

а) Производство кирпича

Кустарное производство кирпича в Богородском уезде по многим причинам падает. За время от 1880 до 1890 года заметно сократилось и число мелких кирпичных заводов и общее число занятых в них рабочих. По сведениям статистического отделения Московского Губернского Земства, в 1880 г. в уезде числилось 220 мелких заводов при 1413 рабочих, а г. Вернер насчитал там всего 131 заведение с 867 рабочими. Тем не менее, в 1890, как и в 1880 году, кустарное производство кирпича было *мелким капиталистическим промыслом*. Вот цифры, хорошо выясняющие его характер.

---

*) «Кустарные промыслы Богородского уезда», стр. 3, в «Статист. Ежегоднике Московской губ. за 1890 год».

**) Там же, стр. 3–4.

	Число заводов		Число рабочих	
	в 1880 г.	в 1890 г.	в 1880 г.	в 1890 г.
Васильевская вол.				
с. Васильево	5	5	67	60
д. Вишнякова	16	15	192	180
с. Кудиново	43	30	425	290
д. Каменка	2	1	9	5
с. Черенково	3	3	34	35
д. Белая	24	16	297	80
д. Сафонова	4	3	26	18
д. Исаково	3	3	16	15
Итого	100	76	1.066	683
Теренинская вол.				
д. Ефимова	21	15	88	57
с. Теренино	9	3	20	7
д. Логинова	6	1	11	2
д. Савостьянова	15	4	37	9
д. Горбачиха	19	13	47	31
д. Козлова	27	7	55	14
д. Бывальня	2	2	4	4
д. Стремянникова	2	—	4	—
д. Назарова	2	1	14	10
д. Щекутова	2	2	7	7
Итого	105	48	287	141
Игнатьевская вол.				
д. Улитина	8	3	40	28
д. Саурова	1	1	6	6
д. Евсеева	4	3	14	9
Итого	13	7	60	43
Всего	220	131	1.413	867

В среднем, на каждый кустарный кирпичный завод приходится около 6,5 рабочих. Придерживаясь языка г. Воронцова, мы скажем: ясно, что сотрудничество достигается здесь посредством *найма рабочих* *).

*) Все эти данные, равно как и нижеследующие, поскольку они относятся к Богородскому уезду, мы заимствуем у г. К. Вернера: «Кустарные промыслы Богородского уезда».

Производство глиняной и полуфаянсовой посуды.

Оно составляет главный заработок крестьян Гжельского района. «В этом районе, к которому относится северо-западная часть Карповской волости, горшечное производство давно уже перешло в фарфоровую и фаянсовую промышленность, принявшую капиталистический характер». Сравнительно с 1876 г., когда г. Исаев исследовал этот промысел, «общее число горшечных заведений несколько уменьшилось, но они стали крупнее; в 1876 г. на одно заведение приходилось 4,1 рабочих, а теперь—7,3».

Раскраска фарфоровой и фаянсовой посуды

По словам г. Вернера, промысел этот только с большой натяжкой может быть назван *кустарным*. «Обыкновенно крупный фабрикант сам не занимается раскраской посуды, а сдает эту работу (за определенную сдельную плату) отдельному предпринимателю, который уже от себя строит мастерскую, покупает краски и нанимает рабочих». Число рабочих у подобного предпринимателя доходит часто до 25 и даже 30. «Еще сравнительно недавно крестьяне раскрашивали посуду у себя в домах... Но уже в начале семидесятых годов вся раскраска замкнулась в мастерских, которые постепенно приняли довольно солидные размеры». В 1876 г. на одно заведение приходилось 7,8 рабочих, а в 1890 г.—10,2. «Необходимо при этом заметить,—прибавляет г. Вернер,—что мы посетили Гжель тотчас после Пасхи, когда еще не все мастерские были в ходу и в самый разгар кризиса; притом и мастерки всячески старались уменьшить в своих показаниях число рабочих. По всей вероятности, в действительности мастерские еще крупнее.

2. Изделия из металлов

Производство различного рода изделий из меди, латуни и олова

Оно распространено в 14 селениях Новинской волости, в местности, известной под именем «*Загарья*», и в 5 селениях Ильинской волости, лежащих в южной части «Гуслицкого» района. Сравнение данных, относящихся к 1876 г., с одной стороны, и к 1890 г., с другой, показывает, что как в Загарье, так и в Гуслицах число мастерских несколько уменьшилось. «Уменьшение это произошло в первом из этих районов отчасти от перехода кустарных заведений в крупные (так, в Алферове у Ив. Фед. Шувалова теперь до 50 рабочих, у

Шелуханова более 16, у Лукинова 18, в Перхурове у Ив. Тяпкова 17 рабочих и т. д.), отчасти вследствие сокращения числа самых мелких заведений, принужденных прекратить производство. Во втором районе, на ряду с сокращением числа самых мелких заведений, возникли и крупные. В общем, кустарные мастерские стали несколько крупнее... Наем сторонних рабочих... сильно распространен».

Производство канители из медной проволоки

Оно распространено в селениях Ивановской и Новинской вол.

Кузнечный промысел

Распространен по всей территории уезда, но имеет, впрочем, скорее ремесленный, чем кустарный характер.

«Характерная особенность всех трех промыслов данной группы заключается в дороговизне сырья, необходимого для производства. Кустарь, для того, чтобы быть самостоятельным и не подпасть в экономическую зависимость от скупщика, должен располагать сравнительно большим оборотным капиталом». Неудивительно, поэтому, что *наемный труд* на кустарей-*хозяев* сильно распространен в этих промыслах.

3. Изделия из рога, копыт и кожи

Приготовление гребней из бычачьих рогов

Оно распространено в одном с. Хотеичи, где существует уже более 200 лет, и охватило все село. «Всех гребенных *кустарных* (т.-е. имеющих менее 16 рабочих) мастерских в Хотеичах мы насчитали 23,—говорит г. Вернер; из них в одной мастерской 2 рабочих, в 4-х—3 и 4 рабочих, в 8-ми—5 и 6 раб., в 5-ти—от 7 до 9 раб., в 1-й—12 раб. и в 4—от 14 до 16 раб.; всех рабочих в кустарных мастерских 178, но, кроме того, столько же, если не больше, работают на дому и в *мастерских крупных производителей*» (курсив наш).

Нужно ли оттенять то обстоятельство, что промысел этот, как и все предыдущие, имеет характер *мелкого капиталистического промысла?*

Производство пуговиц из копыт и бараньих рогов

Оно сосредоточено в южной части Ильинской волости, где находится 23 пуговичных заведения с 109 рабочими. Как видим, наем-

ный труд играет довольно значительную роль и в этом промысле. Да оно и неудивительно, потому что, по расчету г. Вернера, пуговичнику для одного устройства мастерской на 3 рабочих необходимо около 300 рублей. Такими средствами могут располагать только зажиточные крестьяне-«промышленники».

Кожевенное производство

Встречается в Ильинской, Запонорской и Дарховской волостях. «Промысел этот только по числу работников принадлежит к мелкой промышленности; по оборотному же капиталу, необходимому на производство, он далеко превосходит средства среднего крестьянина. Устройство завода на 200—500 кож требует по крайней мере до 500 рублей основного капитала и вдвое и втрое больше оборотного»

Сапожное производство

Сильно распространено по всему уезду. Кроме сельских ремесленников, г. Вернер насчитал 27 более или менее крупных кустарных мастерских. Всех работников, занятых шитьем в этих мастерских, 215 человек. Вот как распределяются они между мастерскими разной величины:

с	2	работниками	1	мастерская
»	3 и 4	»	5	»
от	5 до 7	»	7	»
»	8 » 10	»	7	»
»	11 » 13	»	2	»
»	14 » 16	»	5	»

Комментарии ненужны.

4. Ткачество

«Мелких ткацких заведений, имеющих от 1 до 16 станов, мы насчитали,—говорит г. Вернер,—413 с 4.011 станами, при чем мы вовсе не считали тех крестьян, которые работают на фабрикантов и на конторы из хозяйской пряжи и часто даже на хозяйском стане. Таких станов, по данным статистического бюро, насчитывается не менее 18 тысяч».

Вообще в этом промысле всецело господствует так называемая домашняя система крупного фабричного производства.

5. Мелкие промыслы

В эту рубрику г. Вернер отнес несколько малораспространенных в Богородском уезде промыслов: иконописный, декоктный, портняжный, шитье шапок и картузов и изделия из дерева. Экономическое значение этих промыслов для уезда ничтожно. Но и в них эксплоатация наемного труда играет уже довольно значительную роль: так, в декоктном промысле существует всего 3 местерских; в одной из них в 1890 г. было 3 рабочих, в другой—8, а в третьей—10; в портняжном промысле на каждую мастерскую приходилось около 7 (6—8) рабочих и т. д.

Богородский уезд—едва ли не самый промышленный изо всех уездов Московской губернии. Тем не менее, не надо думать, что преобладающий в нем мелко-капиталистический характер кустарной промышленности представляет собою что-нибудь исключительное. В других уездах Московской губернии мы видим то же самое. Так, в малопромышленном *Можайском* уезде кустарная промышленность имеет все признаки мелко-капиталистического производства. «Под именем кустарно-капиталистического производства мы разумеем,—говорит г. Погожев, ознакомившийся с ним *на месте*,—те разнообразные переходные формы мелких промыслов, которые, с одной стороны, носят еще на себе характерные черты кустарной промышленности, но, с другой, требуют обладания известным торговым кредитом и небольшим капитальцем для самостоятельного ведения дела. С другой стороны, такие переходные формы исподволь усваивают себе все главнейшие атрибуты собственно капиталистического производства in sensu strictiori» *). Кустарно-капиталистические заведения Можайского уезда представляют собою небольшие фабрички и заводы, на которых работает от 3—4 до 24—30 наемных рабочих. Впрочем, и эти заведения быстро исчезают. Исследование г. Погожева застало Можайский уезд «как раз в конечном периоде уничтожения фабрикой мелкого кустарного и кустарно-капиталистического производства» **).

В *Волоколамском* уезде почти нет других кустарных промыслов, кроме мелкого кустарного ткачества. В этом промысле, по словам г. Погожева, ясно видно, «каким путем возникают одна из другой...

*) «Санит. исслед. фабричн. завед. Можайск. Волоколамск. и Звенигородск. уездов» Москва 1882, стр. 4.

**) Там же стр. 3

переходные формы от кустаря-крестьянина, работающего у себя в деревне, в отдельной от жилой избе, хотя и при ничтожном участии наемных рабочих, и до более или менее крупного мастерка, сперва служащего лишь посредником между местными рабочими и богатым фабрикантом-давальцем, а затем исподволь вырастающего в самостоятельного предпринимателя, обладающего сравнительно независимым кредитом и собственным капитальцем» *).

Очень многие из этих фабричек возникли сравнительно недавно, в семидесятых годах. Но уже ко времени санитарного исследования Волоколамского уезда, т.-е. к началу восьмидесятых годов, они начали быстро «усваивать себе все главнейшие атрибуты капиталистического производства».

Впрочем, если некоторые из бывших кустарей быстро превращаются в довольно крупных фабрикантов (напр. Савков, Старшинов, Власов), то другие, повидимому, уменьшают размеры своего производства. В 1879 году *общее число рабочих*, занятых на мелких фабриках, оказалось *меньше*, чем было в 1871 году, хотя число фабричек значительно увеличилось. Это очень интересное явление, и мы удивляемся, почему до сих пор никто из народнических публицистов не указал на него, как на новый пример печальных *«судеб капитализма в России»*. Чем вызвано было это явление и к чему ведет оно на самом деле? Слушайте.

«Дело в том, что высокая земская оценка, на которую единогласно сетуют все местные промышленники, а равно и трудность борьбы с крупными предпринимателями в Москве и ближайших к ней местностях, произвели раздор и неравномерность условий конкуренции среди местных ткацких мастерков. Именно, одни предприниматели вынуждены были значительно сократить размеры своего производства и понизить до невероятного минимума заработную плату ручных ткачей, тогда как другие промышленники, закрывая свои фабрички и раздавая основы на дома крестьянам-ткачам, получают не малую прибыль от производства, пользуясь дешевой рабочей силой, но в то же время не платя ни земского оценочного сбора, ни промысловых налогов. Понятно, что такую фабричную контору, каких очень много в Волоколамском, Богородском и других уездах, устроить гораздо легче, дешевле и выгоднее, чем выстроить и поддерживать отдельную фабричку. Этим об'ясняется то странное об-

*) Там же, стр. 4.

стоятельство, что у некоторых местных фабрикантов нет ни одной самостоятельной фабрички, но зато на них работают по 200—300 и более станков в отдельных крестьянских избах» *).

Таких виртуозов наживы очень не мало. «Вообще говоря, некоторые волости Волоколамского уезда представляют одну сплошную ткацкую фабрику, отдельными частями которой владеют несколько предпринимателей, более или менее сильных, более или менее держащих в крепких тисках все местное население» **).

Во избежание повторений, мы не будем останавливаться на Звенигородском уезде, где, по словам того же исследователя, «мелкие ткацкие мастерки, выдержав упорную борьбу за существование...., обнаруживают резкое стремление к переходу от кустарно-капиталистического производства к сравнительно крупному ручному ткачеству» ***).

В Дмитровском у. обнаруживаются, может быть, яснее, чем где-нибудь, современные судьбы *кустарной промышленности в России*. Кустарные промыслы (напр., ткацкий, позументный и др.) давно уже усвоили там мелкий капиталистический характер. Так, по сведениям Матисена, в 1871 году там было 160 ручных ткацких фабричек, на которых работало 1.300 человек. К началу восьмидесятых годов многие из этих фабричек, под влиянием конкуренции со стороны крупных предпринимателей, закрылись; другие уступили место уже знакомым нам конторам, раздающим работу крестьянам на дом; наконец, третьи превратились в небольшие самоткацкие фабрики, уже ровно ничего общего не имеющие с кустарным производством ****).

Та же история с позументным промыслом. Именно, весьма многие из прежних мастерков, вырабатывавших позумент и галун, прекратили производство, или же превратились в простых ткачей, работающих по найму у более счастливых мастеров, постепенно превратившихся в довольно крупных предпринимателей *****).

---

*) Там же, стр. 71—72.

**) Там же, стр. 72, примечание.

***) Там же, стр. 129.

****) *А. Погожев.* «Санит. изслед. фабричн. завед. Дмитровского уезда». Москва 1883, стр. 4 и 5.

*****) Там же, стр. 5 и 247, примечание.

Это мы слышим не от одного г. Погожева. Вот что говорил, почти одновременно с г. Погожевым, г. И. Вернер, описывая кустарное ткачество Московской губернии «Большинство ныне существующих фабрик средней величины возникли из кустарных изб: владельцы кисейных, гардинных и одеяльных фабрик Волоко-

Хотите знать, как обстоит кустарное дело в *Подольском* уезде той же губернии? Вот что сообщает нам о нем г. Дементьев: «...Этот вид обрабатывающей промышленности все более и более принимает характер капиталистического производства, обещая в недалеком будущем совсем превратиться в ряд более или менее крупных заводов и фабрик»... «Уже при огульном счете,—продолжает г. Дементьев,—т.-е. когда всякий работник, раз он самостоятельно, на свой страх, занимается каким-либо мастерством, считается представителем отдельной промышленной единицы, уже и при таком счете все-таки нельзя не заметить, что некоторые из кустарных промыслов, напр., шляпный и канительный, носят в сущности характер мелких фабрик. На каждую шляпную мастерскую приходится в среднем выводе по 7,5 рабочих, из которых 6,4 наемные, и только 1 принадлежит к семейству хозяина или есть сам хозяин. То же самое следует сказать относительно канительных и щеточных (мастерских). Из частного описания осмотренных заведений, причисляемых обыкновенно к кустарным... видно, что почти все признаки, характеризующие промышленное заведение, как фабрику,—налицо» *).

В Коломенском уезде фабричная промышленность развивалась довольно быстро. За период времени от 1843 до 1883 года (года исследования этого уезда г. Дементьевым) «*число фабричных рабочих*

ламского уезда (оборот некоторых достигает нескольких сот тысяч рублей) и до настоящего времени крестьяне; предки их работали за станами, деды заводили светелку или становились посредниками между ткачами и крупными производителями, а отцы основывали небольшую фабрику. Громадные механические заведения Горской волости, Коломенского уезда также ведут свое начало от кустарной избы; значительная шерстяная и одеяльная фабрика Егорова в Клинском уезде еще в 30-х годах настоящего столетия представляла собою небольшую светелку, в которой владелец ее, отец настоящего владельца, работал за станом наравне с другими ткачами; даже настоящий владелец состоит членом крестьянского общества той деревни, в которой расположена фабрика; значительные бархатные фабрики Канаевых и Нахалова в Богородском уезде принадлежат также крестьянам, деды которых работали на фабрике Соловьева в том же уезде. Громадные бумаготкацкие предприятия Алешинской волости Бронницкого уезда, обусловленные значительным развитием ткачества в окружающих селениях, сосредоточены в руках нескольких предпринимателей, до сих пор пользующихся крестьянским наделом; в свое время они были мастерами, а теперь на некоторых из них работают до 1.500 крестьян-ткачей. «Парчевые фабрики Рудакова, Колониных, Вшивкиных, бумаго-ткацкие Балашова, Тряпкина, Мироновых—все были кустарными светелками, все принадлежат и теперь крестьянам и, наконец, все тесно связаны с существующим в окружности кустарным ткачеством». Сборн. стат. свед. по Московской губ., отд. хоз. стат., том VII, вып. III. Промыслы Московской губ., выпуск V. Москва 1883, стр. 27—28. Из. кустарей же вышли и многие крупные фабриканты Владимирской губ. См. у *В. Ф. Свирского*: «Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии». Владимир на Клязме 1890, стр. 15 и др.

*) «Санит. исслед. фабр. завед. Подольского у.» Москва 1883, стр. 1, 14, 17.

более чем удвоилось» *). Вместе с абсолютным увеличением числа фабрик и заводов шел процесс концентрации производства. Так, по Самойлову, в 1843 году на каждую фабрику в среднем приходилось по 61 рабочему, а по исследованиям г. Дементьева, предпринятым сорок лет спустя, фабрика в среднем имела от 106 (при наименьшем) до 140 (при наибольшем количестве) рабочих. Некоторые из самых больших фабрик этого уезда (напр., наследников Елиз. Моргуновой 320—360 раб.; Ив. Демина—750 раб., Щербаковых до 1.450 раб., других Щербаковых до 1.500 раб., Василия Моргунова сыновей—более 2.000 рабочих) *начали дело, как небольшие кустарно-капиталистические мастерские*. «...И те самые условия,—замечает г. Дементьев,—которые благоприятствовали их развитию и росту, были залогом гибели менее счастливых их конкурентов» **). Мелкие кустарные фабрички быстро исчезали: 12 таких фабричек с 194 станами закрылись в короткий промежуток времени 1878—1882 годов. Крупные капиталисты, с одной стороны, наемные рабочие, с другой,—вот во что превращается теперь слой мастерков и мелких фабрикантиков, некогда выделившихся, благодаря своей относительной зажиточности, из «толпы» кустарей, не располагавших ничем, кроме своей рабочей силы.

Это тот самый процесс «дифференциации деревенского населения», на который мы уже указывали, говоря об общине. Только здесь он, благодаря новым условиям, приобретает новый вид и новую силу. Нечего и говорить, что имущественное неравенство, возникающее и быстро растущее между крестьянами, *как промышленниками*, с своей стороны способствует усилению неравенства между крестьянами, *как земледельцами*. Вот почему неравенство этого последнего рода в промышленных губерниях достигает значительно бо́льших размеров, чем в местностях отсталых, не знающих ни кустарных промыслов, ни сколько-нибудь усовершенствованной обработки земли ***).

*) «Санит. исслед. фабрик и завод. Коломенск. у.» Москва 1885, стр. 6.

**) Там же, стр. 283.

***) Крахмальные заводы могут устраиваться только теми крестьянами, которым удается захватить более или менее значительное количество земли. Вот почему *кустарные* крахмало-заводчики обыкновенно скопляют в своих руках огромную часть надельной земли своей «общины». В д. Цибино, Бронницкого у., «194 душевых надела или 44,5% всей земли, нарезанной на 166 домохозяев, находятся в руках всего только 18 заводчиков, при чем на каждого из них приходится по 10,7 душевых наделов, между тем как 52 исправных домохозяев владеют всего 172 наделами, или по 3,3 на двор». Сборн. статист. свед. по Москов, губ., отд. хоз. ст. том VII, вып. I. Промыслы Моск. губ. Выпуск III, Москва 1882 г. стр. 42.

«Кустарь, работающий на фабриканта за здельную плату,— справедливо говорит г. Прилежаев,—уже перестает быть кустарем... Это... domestic system, домашняя система крупного производства, всецело относящаяся к предпринимательской форме производства. Здесь кустарничество уже умерло» *). Точно так же *умерло кустарничество* и в тех промыслах, где преобладает *система наемного труда в мелких мастерских*. Конечно, странно было бы упрекать г. Воронцова и ему подобных в том, что они, громя крупное капиталистическое производство, скромно умалчивают об эксплоататорских грешках мелкой, *«кустарной»*, буржуазии: у всякого свой вкус, у всякого свои пристрастия. Единственное, что мы могли бы в этом случае напомнить г. Воронцову,—это его обещание не облекать общечеловеческую идею в классовую одежду. Но когда нас уверяют в том, что промышленность, в которой все более и более распространяется наемный труд и «домашняя система», представляет собою *«народное хозяйство»*, чрезвычайно близкое к чьим-то «идеалам» и способное вывести нас на путь самобытного экономического развития; когда нам указывают на нее, как на гордость и надежду России, как на панацею от бедствий, идущих к нам с лукавого Запада, тогда мы кротко спрашиваем,—кого обманывают, кого хотят обмануть г.г. Воронцовы: самих ли себя, нас ли с вами, читатель, или же тот «народ», об экономическом *«освобождении»* которого они так велеречиво рассуждают?

Конечно, нам могут возразить, что не везде же кустарная промышленность пришла в такое положение, в каком мы находим ее в Московской губернии; что даже и в этой губернии есть промыслы, еще не вовлеченные в процесс капиталистического развития. На это мы ответим, во-первых, что более развитые местности России только показывают, какая экономическая судьба ожидает местности отсталые, а во-вторых, что не вовлечены до сих пор в процесс капиталистического развития только те промыслы, *для занятия которыми требуются самые ничтожные средства производства*. Как только необходимый размер этих средств возрастает по тем или другим причинам, как только *капитал* вступает в свои права, он тотчас же ведет за собой свои неизбежные *капиталистические* последствия.

Вот несколько примеров. Кустари-кожевники Курской, Харьковской, Полтавской и—отчасти—Черниговской губ. являются еще в

*) «Что такое кустарное производство?» С.-Петербург 1882. стр. 175

значительной степени самостоятельными производителями, типичными кустарями, как выражается исследовавший их житье-бытье г. Шевлягин. Каждый из них работает по большей части лишь с собственной семьей, в той же хате, где живет, и вообще гораздо более находится под властью земли, нежели промысла. «Капитализация» сделала еще мало успехов, хотя местами (напр., в Ахтырке) она и там уже дает себя чувствовать. Не то в Нижегородской губернии. Здесь «мелкая кожевенная промышленность в значительной степени потеряла кустарный характер, который она имела в сравнительно недавнее время, и приняла характер мелкой заводской промышленности... Здесь уже довольно много крупных кожевенных заводов, имеющих наемных рабочих. Последних вообще здесь значительно больше, чем самостоятельных мелких кустарей. Развитие крупных заводов сильно ограничило число последних и оставило им только выделку самых низких сортов товара для местного потребления» *). Словом, здесь, в этой более промышленной местности, *великий Пан* уже умер в кожевенном промысле. Весь вопрос теперь в том, долго ли протянется его существование на отсталом юге России.

Кустари Вятской губ., занимающиеся выделкой корзин и производством разного рода изделий из лыка и коры, нуждаются в сравнительно ничтожном *«основном капитале»* (от 1 руб. до 15 руб.). Наемный труд почти неизвестен в этом промысле: «всеми этими работами занимаются сами хозяева со своими семьями, учеников и работников не держат» **). А вот в сапожном промысле, где требуются уже несколько более дорогие, хотя, в сущности, все еще дешевые инструменты и материал, появляются уже мастерские с наемными рабочими ***). В скорняжном тулупно-овчинном промысле появляются уже довольно крупные *кустарные заводы*. Наконец, в кожевенном

*) «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», II,С.-Петербург, 1894, стр. 241 и 243—244.

**) «Труды коммисии по исследованию кустарной промышленности в России». Выпуск XI. С.-Петербург 1884, стр. 218. Впрочем, выделка бураков падает вследствие недостатка бересты. Бросившие свой промысел бурачники поступают рабочими на кожевенные заводы. Лапотный промысел, требующий, как известно, немного «основного капитала», тоже падает местами частью от вздорожания *лыка*, а частью оттого, что развращаемые цивилизацией крестьяне неохотно обуваются теперь *в лапти*. Это ужасно жаль! Нам всегда казалось, что именно в самобытном *лапотном* промысле могли бы широко осуществиться самобытные «идеалы» лучшей части наших народников

***) Там же, стр. 368.

и клееварном промыслах наемный труд становится преобладающим *). Великий Пан умирает!

Таковы-то судьбы нашей «народной» промышленности: ей суждено частью исчезнуть в борьбе с крупными фабриками, частью быть поглощенной ими, а частью перейти в мелкую капиталистическую промышленность. И эти судьбы, повторяем, в значительной степени уже исполнились.

Великий (т.-е. собственно маленький) Пан умирает! Это обстоятельство должно будет рано или поздно отразиться на миросозерцании наших интеллигентных защитников «народных» интересов. У нас вошло в обычай твердить, что капитализм развивался и развивается у нас крайне искусственно **) и что он, несмотря на все усилия правительства, охватил у нас лишь незначительную часть промышленности, «объединив» ничтожное число рабочих. Оставляя в стороне вопрос о числе рабочих, занятых у нас в крупной промышленности (об этом мы поговорим в другой раз), мы заметим здесь, что наша кустарная промышленность, *развиваясь самым «естественным» путем*, с своей стороны успела привести под власть капитала огромное число наемников. Результаты «естественного» развития нашей обрабатывающей промышленности сливаются, таким образом, с результатами ее «*искусственного*» развития; и там и здесь наемный труд, и там и здесь крушение старых «устоев», и там и здесь *торжество капитала*.

Одним из важнейших отличительных признаков нашего экономического развития было в течение целых столетий отсутствие того отделения города от деревни, которое дало такой сильный толчок развитию производительных сил на западе Европы. В 1861 году г. Корсак, основываясь на статистических данных, относящихся к 1856 г., показал, что у нас в *самых промышленных губерниях пропорция городского населения меньше средней для целой России*. Так, между тем как в Орловской губ. городское население составляло 9,77%, в Харьков-

*) В кожевенном промысле Слободского уезда «только на маленьких заводах сами хозяева и их семьи занимаются промыслом, на всех же остальных нанимаются работники»... (там же, стр. 313). Клееварный промысел Вятского уезда весь сосредоточен на довольно крупных «кустарных» заводах, причем сами «заводовладельцы лишь наблюдают за ходом работ, которые исполняются наемными рабочими» (там же, стр. 90).

**) Хотя и странно называть искусственным развитие такого способа производства, который, с одной стороны, вызывался насущнейшими потребностями государства, а, с другой,—при данных обстоятельствах,—не мог быть заменен никаким иным способом, но об искусственности русского капитализма много говорит уже вообще очень дельный и здравомыслящий писатель г. *Корсак* в своей книге: «О формах промышленности».

ской—10,72%, в Киевской—10,88%, в Таврической—18,38% и в Херсонской—21,35%, в Ярославской оно не превышало 8,2%, во Владимирской—5,87%, в Московской (за исключением Московского уезда)—6,37%*). Это в высшей степени важное обстоятельство; оно показывает, до какой степени деревня играла у нас в промышленном отношении роль города, и насколько неосновательны те, столь обычные у нас, соображения о нашем экономическом состоянии, которые основываются на малом развитии у нас городского населения. Малое развитие городского населения бесспорно надолго задержало развитие наших производительных сил. Но оно не помешало сделаться *наиболее промышленными* тем самым губерниям, в которых пропорция городского населения была *наименьшей*. Точно так же оно не помешает и разложению старых азиатских устоев нашей деревни, появлению в ней новых, *более подвижных* и потому более *прогрессивных* отношений производителей в общественно-экономическом процессе производства,—словом, ее *европеизации;* напротив, оно придаст этому процессу огромную непреодолимую стихийную силу.

Как влияет кустарный промысел на земледелие? Г. Воронцов уверяет, что превосходно. Но г. Воронцов говорит это «грустно и некстати». Как думают другие исследователи? Они дают на этот счет самые противоположные ответы: одни говорят, что очень плохо, другие, подобно г. Воронцову,—что очень хорошо. Интереснее всего то, что и те и другие подкрепляют свои мнения совершенно бесспорными данными. Выходит, что промысел влияет на земледелие и дурно и хорошо в одно и то же время и в одной и той же местности. На первый взгляд это представляется нелепым противоречием.

Но при более внимательном отношении к делу противоречие это легко разрешается. Надо только помнить, что кустарь во многих и многих случаях нимало не похож на того «самостоятельного производителя», каким его привыкли изображать наши народники. Вот, напр., не угодно ли вам прочитать следующие строки из одного исследования В. С. Пругавина.

«Бумаго-ткацкий промысел вызвал здесь к жизни мастерков и светелочников, более или менее обособившихся теперь среди крестьянства в особый слой зажиточных крестьян-промышленников... Сельское хозяйство находится у них в сравнительно очень удовлетворительном состоянии; из 195 светелочников-земледельцев лишь один обраба-

*) «О формах промышленности», стр. 210—211.

тывает землю наймом, а бесхозяйных среди них совсем нет; 99,3% светелочников обрабатывают землю сами и содержат почти вдвое больше скота, чем масса населения» *).

Есть ли у вас какие-нибудь основания для того, чтобы заподозрить правдивость показаний г. Пругавина? Мы думаем, что нет, и потому говорим: вы должны согласиться, что *промыслы хорошо влияют на земледелие*. Затем мы приглашаем вас послушать г. Исаева, который, конечно, также заслуживает полного доверия с вашей стороны.

«Правда, есть хозяева, составляющие небольшое меньшинство, у которых хорошее состояние хлебопашества прямо зависит от успешного хода промысла; вы найдете у такого хозяина и больше скота, и больше удобрения, и лучшие жатвы; но эти примеры единичны. Большинство же, не извлекая из промыслов доходов больше, нежели нужно для покрытия издержек по содержанию их семей, ничего не влагают в землю... Если промысел мало содействует улучшению земледелия, то нельзя не подметить, что в некоторых местах он даже прямо содействует упадку. Это замечается в некоторых местностях Богородского уезда, где многие крестьяне оставляют земледелие и посвящают себя промышленным занятиям» **).

В цитированных нами строках у г. Исаева речь идет о влиянии на земледелие *металлических* промыслов. В описании других промыслов мы находим у него тот же взгляд. «Что промысел ничего не принес земледелию—очевидно, говорит он о *Гжели*, районе гончарного производства. Если у крестьян-промышленников и есть какие-нибудь излишки от ведения промысла, то они затрачиваются не на улучшение земледелия, а на какие-либо другие предметы: или на расширение производства, или на самостоятельное ведение промысла, если это мастер, или же на улучшение одежды, пищи» ***).

Как же согласить это свидетельство с противоположным ему свидетельством г. В. Пругавина? Ясно, что это противоречие можно разрешить, лишь становясь *на точку зрения развития*. Кустарные промыслы, как известно, возникли в тех местностях, где земледелие не приносило крестьянам достаточного дохода. Малодоходность земледелия непременно должна была выразиться в плохом состоянии

*) «Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда, Владимирской губ.», Москва 1884, стр. 62.
**) «Промыслы Московской губ.» том второй, стр. 77
***) Там же, стр. 165.

крестьянского хозяйства. Когда кустарный промысел являлся новым источником дохода*), домохозяева, естественно, воспользовались лишней копейкой для увеличения своего инвентаря и вообще для устранения тех слабых сторон земледелия, которые особенно сильно дали почувствовать себя в прежнее время. Крестьянское сельское хозяйство несколько улучшилось. Вот, напр., в Нижегородской губернии «из числа надельных дворов, занятых ложкарным промыслом, не более 21,7% (4,6% целиком, а 17,1% частью) сдают свою пашню, тогда как по всему уезду процент надельных дворов, сдающих свои наделы, равен 38,3% (7,6% целиком, а 30,7% частью). Таким образом, отношение дворов, сдающих наделы, ко всему числу их в ложкарном промысле даже благоприятнее для земледелия, чем в среднем по уезду для надельных дворов вообще»**). Когда исследователь подмечает такое явление, он так и говорит: промысел *поддерживает* земледелие, а не *подрывает его*. Исследователь прав. Тем более прав, что на подмеченном им явлении дело не останавливается. Из общей массы кустарей постепенно выделяется слой мелких предпринимателей, подобных тем мастеркам и светелочникам Юрьевского уезда, о которых говорит в выписке, сделанной нами выше, г. Пругавин. Эксплоатируя наемный труд своих односельчан, слой этот, местами имеющий все признаки значительной зажиточности, ставит свое сельское хозяйство *на очень прочную ногу*. Исследователь опять подмечает это и даже иногда строит на этом основании целую «*программу*» помощи кустарям, поднятия крестьянского земледелия и т. п. Пока программа эта красуется на бумаге (в жизнь ни одна из этих программ пока еще не переходила), логика товарно-капиталистического производства помаленьку делает свое дело. Занятие промыслом из *второстепенного* делается *главным* источником дохода крестьян данной местности. Несмотря на свойственный крестьянину консерватизм, центр тяжести его интересов приурочивается уже не к земледелию, а к промышленности ***). Излишки, получающиеся от

*) «Вообще говоря, можно категорично констатировать тот факт, что большинство кустарных промыслов возникло сравнительно в недавнее время, несколько десятков лет назад, что даже те промыслы, которые в том или другом районе существуют, как говорят, «исстари», особое развитие и наибольшее распространение получили только с начала нынешнего столетия». *В. С. Пругавин.* «Кустарь на выставке 1882 года», стр. 51.

**) Плотников, «Кустарные промыслы Нижегородской губ.», стр. 142.

***) Г. Прилежаев справедливо оспаривает странное мнение г. Исаева («Промыслы Моск. г.», т. I, в. 1-й, ст. 68), что подсобность промысла дает ему возможность не признавать законов народно-хозяйственной науки. «Посмотрите на так называемые подспорные занятия российских наших крестьян,—говорит г. Приле-

ведения промысла, затрачиваются, как мы это видели в Гжели, уже не на улучшение земледелия, а на расширение промысла: *мастеров* превращается в *фабриканта*, а затем и в настоящего *фабриканта*, т.-е. крупного *предпринимателя*. Для такого предпринимателя улучшение его крестьянского хозяйства не может иметь уже ровно никакого интереса. «Очевидно,—говорит г. Исаев,—если земля считается здравомыслящими горшечниками (речь идет о горшечниках Гжельского района) ценным имуществом, заслуживающим хотя бы того небрежного ухода, который завещан отдаленными предками, то фарфоровый заводчик не придает ей никакого значения и считает ее слишком ничтожным имуществом сравнительно с капиталами, заключающимися в его фабричных строениях, сырых материалах и товарах. Говорить о значении для заводчика земледелия—то же, что говорить о значении подгородной дачи для купца, торгующего в городе» *).

Совершающийся в среде кустарей процесс слоения отражается и на их отношении к общине. «В чисто земледельческой местности,—говорит г. Исаев,—главнейшая собственность, земля, принадлежит не отдельному лицу, а общине, и каждый член ее привык видеть себя только временным держателем того или другого участка. Среди крестьян-промышленников выступают на сцену другие элементы, принадлежащие ему, как полному, неограниченному, личному собственнику. Ведя дело независимо от своих товарищей по ремеслу, появляясь на рынке со своим товаром, исключительно на себе неся всю ответственность за его недоброкачественность, равно как и получая все от него барыши, промышленник переносит то же воззрение и на землевладение. Привыкнув к свободному распоряжению своим движимым имуществом, своими подносами, шандалами (г. Исаев говорит здесь о металлическом промысле), крестьянин-промышленник хотел бы столько же свободно располагать и землею. Действительно, в некоторых местах, напр., в Троицкой волости, у подносчиков стремле-

жаев,—вы на каждом шагу видите, что из них извлекается больше, нежели из земледелия, так что по количеству приносимого дохода эти промыслы вовсе не составляют «travail du temps perdu», а являются в бюджете крестьянского двора главным источником дохода. земледелие же делается второстепенным; постоянно бывает, что кустарь круглый год занимается только своим промыслом, земля же его обрабатывается бабами, наемными батраками, сдается в аренду, или, наконец, пустует, так что кустарь является земледельцем только de jure, а не de facto. В этих случаях, если строго держаться теории подспорности, промысел не может уже быть называем кустарным». Цит. соч., стр. 80—81.

*) Цитир соч., т. II., стр. 165.

ние к личной поземельной собственности видно в редких переделах угодий: после освобождения крестьян участки остались за теми же держателями, которым они достались в 1861 году»*).

Итак, кустарный промысел, очевидно, содействует разложению общины. Но заметьте, что это не всегда, а лучше сказать, что это бывает *только до поры до времени*. В той же самой Московской губернии, в которой кустари, занимающиеся металлическим промыслом, обнаруживают отрицательное отношение к переделам, гончары Гжельского района *переделяют землю*, напротив, *очень часто*, иногда каждые 2—3 года. «Казалось бы,—справедливо замечает г. Исаев,—что в таком промышленном раойне, как Гжель, где большая часть доходов извлекается из движимого частного имущества, где поселянину особенно часто приходится действовать на правах неограниченного собственника, у крестьян должна была родиться склонность и к частному землевладению, но этого на самом деле нет». Отчего же нет? «Я полагаю,—говорит г. Исаев,—что в крестьянах эта *склонность не развита именно в силу небольшого значения земледелия в их бюджете*» **). Выходит, что если гжельцы и не против переделов, то единственно потому, что община *уже* не имеет для них практического значения: как источник дохода, земля почти перестала существовать для большинства домохозяев. Выше мы видели, что в Саратовской губернии к переделам относятся безразлично (т.-е. с одинаковой легкостью высказываются, смотря по обстоятельствам, и за переделы, и *против* них) домохозяева тех общин, где обладание душевым наделом не представляет ни большого интереса, ни большого убытка. Теперь, в Гжели, мы видим подобное же равнодушие, вызванное подобными же причинами. О Саратовской губернии нам известно также, что там равнодушие к переделам замечается в тех общинах, где много *бесхозяйных*. В Гжельском районе равнодушно относятся к земле богатые кустари-заводчики. *Крайности сходятся*.

До сих пор у нас шла речь о той части кустарей, которой удается нажить кое-какой капиталец, которая состоит из мастерков и фабрикантов. Но, ведь, появление этого слоя обусловливается разорением большинства кустарей, превращением их из *самостоятельных производителей в работников по найму*. Как относится к земле этот обездоленный слой производителей? Первоначально он так же судо-

*) Там же, стр. 77—78 Напоминаем, что исследование г. Исаева появилось в 1876 году.

**) Там же, стр. 165. Курсив наш.

рожно держится за землю, как и за промысел. Но ему все труднее и труднее становится нести непосильную для него тяготу крестьянского хозяйства. Все большая и большая часть представителей этого слоя переходит в разряд тех «дробей», тех «нулей целых», положение которых так художественно изобразил Г. И. Успенский. Все яснее и яснее видят эти «дроби», что им не справиться с землею. Наконец, они совсем забрасывают земледелие, возвращаясь к нему лишь во времена промышленного застоя.

Один из фабрикантов-крестьян Покровского уезда, Филипповской волости следующими живыми красками изображает земледелие местных кустарей-ткачей: «Землепашец!—с Пасхи бросит фабрику, на Фоминой примется ладить соху да борону. Ладит, ладит недели две, за сбрую примется... Наберет кое-где семян,—посеял... Много ли? Две меры ржи, да две гречи... Удружил! Пришло Успенье... Сколько намолотил? Четверть ржи да четверть гречи. Покель молотил, и свой хлеб, а кончилась молотьба, и хлеба нет!..»*). Правда, крестьяне-фабриканты вообще «косо посматривают на землепашество»: оно отвлекает рабочие руки от ткацкого промысла. Но г. Харизоменов замечает, что картина, нарисованная фабрикантом, «к сожалению, представляет не одну только пародию на действительность»... «Не фабриканты только, но и сами крестьяне (напр. села Филипповского) совершенно откровенно, хотя и не без горечи, смеются над своим хлебопашеством» (стр. 93).

В районе села Кимры (Тверской губернии) «сапожный промысел составляет до такой степени исключительное занятие местных жителей мужского пола, что все полевые работы, кроме сенокоса, а также в зимнее время и возка дров, отправляются преимущественно женщинами. Только в сенокос, с Петрова до Ильина дня или до первого Спаса, мужчины оставляют свои занятия сапожным мастерством, помогают женщинам во всех работах по кошению сена и в то же время делают, так сказать, осмотр всему своему домашнему хозяйству, занимаясь в нем необходимыми исправлениями и улучшениями. Но в самом селе Кимры и на это время мужчины не освобождаются от занятий по сапожному мастерству, а занимаются им, исключая праздничных дней, круглый год: земли же свои, по большей части, отдают в арендное содержание или из-полу, или на других условиях, какие кому покажутся выгодными. Во все время года, исключая празд-

*) «Промыслы Владим. губ.», выпуск III, стр. 90.

ничные дни, каждодневно работники, а также и мальчики занимаются сапожным мастерством не менее 14 часов в сутки, с 5 часов утра до 8 часов вечера, давая себе льготы только один час на обед. При таком распределении времени едва ли кто-нибудь будет в состоянии исполнить какие-либо другие работы по хозяйству *до* и *после* работы по сапожному мастерству» *).

В Нижегородском уезде «исконным занятием всех кожевников является земледелие; тем не менее, кожевенный промысел представляется столь выгодным, что мало-по-малу оттесняет собой земледелие на второй план. Татарсковские кожевники заняты производством круглый год, для полевых же работ нанимают работников» **).

В некоторых обществах бывших государственных крестьян Ростовского и Мышкинского уездов гончарный промысел есть почти единственный источник существования крестьян. Холуйские иконописцы Владимирской губ., Вязниковского у. не только не занимаются хлебопашеством, но редкий из них умеет запрячь лошадь. В селе Великом Ярославской губ., в с. Безводном Нижегородского у., в с. Богородском Горбатовского у., в Павловском кустарном районе, в Уломском гвоздарном районе Череповецкого у. и т. д., и т. д. о земледельческом хозяйстве кустарей почти не может быть и речи. Наши народолюбивые «противники капитализма» и сторонники соединения промыслов с земледелием прекрасно знают все это. Но они стараются отговориться от неприятной действительности, указывая на *исключительность* положения кустарей, забросивших земледелие.

«В большинстве случаев,—говорит, например, г. Н. Езерский,—упадок земледелия вызывается какими-нибудь причинами, заключенными в нем самом,—ничтожностью наделов, плохим качеством почвы, обременительностью платежей...» ***) Г. Езерский прав. Но мы напомним ему его же собственное положение: «чем меньше дает земледелие, тем больше должно быть в данной местности кустарей»,

*) «Материалы для изучния кустарной промышленности и ручного труда в России», часть первая, СПБ., 1872 г., стр. 172.

**) *Плотников*, «Кустарные промыслы Нижегор. гу[illegible]», 229.

В игрушечном промысле Моск. губ., за исключением Сергиевского посада, «мы не видим ни одного случая, когда бы человек, имеющий *надельную* землю, не обрабатывал ее». Прекрасно! Новое доказательство правильности народнических рассуждений. Однако, «если размер производства не позволяет лично заниматься обработкой земли, то производители металлических игрушек нанимают себе *земляных* рабочих. Таким образом, в производстве металлических игрушек промысел и земледелие идут рука об руку». («Промыслы Моск. губ.», вып. II, составил *И. Боголепов*, стр. 83). Это тоже недурно, но при чем здесь старые «устои»?

***) «Кустарная промышленность и ее значение в народном хозяйстве». Москва 1894, стр. 48.

мы напомним ему приводимые им же слова Гацисского: «не родит земля хлеба—родит кустаря; родит хлеб—на кустаря неурожай» *). Это значит, что если б наш крестьянин был хорошо обеспечен землей, то у нас, может быть, и совсем не развилась бы кустарная промышленность. Но мы говорим не о *возможных*, а о *действительно* существующих условиях русского экономического развития. А при этих последних условиях нельзя не считаться с тем фактом, что довольно значительная часть кустарей *уже* забросила земледелие, а другая и не менее значительная близка к тому, чтобы его забросить.

К тому же земледелие забрасывается кустарями не только по причинам, не имеющим к промыслу прямого отношения. Вот что говорит на этот счет сам г. Езерский: «Только высокий заработок от последнего (т.-е. от промысла) или долгая привычка к нему в силах убить в кустаре интерес к своему наделу: скорняки под Арзамасом могли бы иметь свой хлеб весь год, но многие (до 1/3) не обращают должного внимания на землю, при том степень заботы о ней в каждой семье определяется привычкой к тому или другому роду занятий: в Морозовке, где промысел возник лишь 15—20 л. назад и ведется лишь в 1/3 домов, земледелием занимаются больше, чем в Кирилловке и других селениях, поголовно промышляющих скорняжничеством. Подобно этому, обилие выгодных промыслов отвлекает жителей Чернорецкой волости Балахнинского уезда от земли, несмотря на ее плодородие. Даже временное процветание промысла может нанести ущерб земледелию, как то было с пуговичниками Богородского уезда в 1877—1878 годах» **).

Как видите, дело происходит не совсем так, как хотелось бы изобразить его сторонникам соединения промысла с земледелием. Достаточно даже временного процветания промысла, чтобы кустари забросили земледелие. Другими словами, как только промысел оказывается в состоянии прокормить кустаря,—кустарь бросает земледелие. Это давно известно людям, внимательно относящимся к нашему народному быту. «*Общее правило то, что чем выгоднее промысел, тем продолжительнее и срок занятия им*»,—говорил еще г. Корсак ***). Но это значит, что *кустарь держится за*

*) Там же, стр. 39—40.

**) Там же, стр. 49.

***) «О формах промышленности», стр. 232, курсив наш. В Яранском у., Вятской губ., часть экипажников занимается промыслом круглый год, между тем как другая, более значительная, посвящает ему лишь около 100 дней в году. («Труды комиссии по исслед. куст. пр.», вып. XVI, стр. 167 (5043). Мы уверены, что круглый год занимаются промыслом те кустари, которые имеют лучшие заработки.

землю только до тех пор, пока и земельный его надел, и промысел держат его, каждый с своей стороны, в полуголодном состоянии. Хотят ли г.г. народники увековечить такое положение дел?

Связь кустарных промыслов с земледелием составляет, говоря вообще, необходимое следствие той поземельной политики русского государства, о которой мы говорили в главе об общине. Посаженный на землю и обязанный платить за нее высокие платежи, крестьянин естественно старается обработать ее, чтобы не платить «спуста» *). Кустарь, забросивший земледелие, не сделается общим правилом до тех пор, пока не разорится окончательно русский крестьянин или русское государство не откажется от своей традиционной поземельной политики. Но к чему приводит нас наше пресловутое соединение промысла с земледелием?

1) К тому, что кустари-крестьяне, несмотря на то, что промысел иногда поддерживает земледелие, в общем обрабатывают свои наделы самым первобытным образом.

2) К тому, что кустари-крестьяне жалкими орудиями труда, с огромным напряжением сил производят чрезвычайно жалкие изделия.

Иначе сказать:

1) К плохой обработке земли.

2) К жалкой обрабатывающей промышленности. Или, еще короче,—к *жалкому состоянию наших производительных сил, в результате которого неизбежно является жалкое положение производителей* **).

Прекрасный результат, ради которого стоит потрудиться «друзьям народа».

Г. Воронцов, отстаивая соединение промысла с земледелием, упрямо твердит, что только при этом соединении наш крестьянин может быть занят в течение целого года. Он доказывает это целым рядом примерных расчетов. Но если, работая целый год, наш крестьянин произведет лишь то, что при других условиях производ-

*) «Причина такой привязанности коренится, конечно, в многовековой привычке народа к земледелию, которая находит поддержку во многих условиях современной жизни: владение землей, несущей значительные платежи, и сельскохозяйственным инвентарем уже затрудняет крестьянину переход в класс промышленных рабочих». *Езерский*, цит. соч., стр. 46—47.

**) «Там, где производители городской и деревенский встречаются рядом, влияние кустаря, конечно, гибельно для первого»—говорит г. Езерский (стр. 66). Гибельно—потому, что кустарь сбивает плату до невозможного минимума. Печальное преимущество!

ства,—а, следовательно, и при других отношениях производителей,—потребовало бы труда во много раз меньшего, то *ничего, кроме народной нищеты, из этого не выйдет*...

Во второй главе мы сказали, что наши старые общественные отношения производителей ставят много препятствий на пути нашего экономического развития. Теперь прибавим, что пресловутое соединение промысла с земледелием есть одно из них. Ему мы в значительной степени обязаны тем слабым развитием покупательной силы нашего населения, которое многие относят на счет капитализма. Мы страдаем не от развития капитализма, а от недостаточного его развития. Пора бы понять это всем тем, которые так долго и так постоянно «плачут» у нас «над цифрами», как выражался Г. И. Успенский.

«По мере того, как кустари сосредоточиваются на промысле,—говорит г. Езерский,—специализируется и земледелие: соседи их, не занимающиеся ремеслом, арендуют у них заброшенные участки, соединяя в своих руках количество земли, достаточное для успешного ведения полевого хозяйства... Во всяком случае, эта централизация представляет важное явление в деревенской жизни; если она обезземеливает часть сельского населения, то интересы самого земледелия могут от нее только выиграть, так как, благодаря ей, те, в чьих руках сосредоточивается земля, получают возможность вести правильное хозяйство, извлекать из нее такой доход, какого она не могла бы дать, будучи разделена на прежние мелкие участки. Не нужно забывать, что здесь дело идет не о замене мелкой культуры крупною, а только о соединении слишком дробных участков в такие, которые допускают правильное хозяйство» *).

В других местах своей книги г. Езерский повторяет, вслед за Харизоменовым, что именно *средний промышленник сильнее всех других держится за землю*. Это справедливые и в то же время многозначительные слова. Они показывают, кого именно имеют в виду, к чьим интересам приспособляют свои «программы» наши нынешние защитники старых «устоев».

Как бы там ни было, но современное положение нашей деревни таково, что твердить о хорошем влиянии промыслов на земледелие значит насмехаться над той массой бесхозяйных крестьян, которая все более и более увеличивается в настоящее время. Г. Воронцов,

*) Цит. соч. стр. 50—51.

избравший *целью своей жизни идеализацию мелкого буржуа деревни*, может совершенно игнорировать судьбу этой массы. У него кустарь непременно «*обладает лошадью*»: ясно, что безлошадные совсем *выходят* из его поля зрения. Но человек, дорожащий интересами деревенской бедноты, не может не считаться с тем процессом дифференциации в среде кустарей, который очень далеко зашел уже и в настоящее время и который имеет все шансы пойти гораздо дальше в будущем *). Такой человек без труда поймет также, что, напр., кимрский сапожник или павловский замочник, вовсе незанимающийся земледелием, не согласится с г. Воронцовым, который уверяет что «доходы от хлебопашества обеспечивают кустарю удовлетворение первейших потребностей» и потому позволяют ему довольствоваться «*низшей заработной платой*».—Наша «*плата*» действительно низка,—сказал бы такой сапожник или замочник,—но берем мы ее вовсе не потому, что имеем будто бы, независимо от промысла, «кусок хлеба». Наша бедность действительно велика, но чтобы хоть немного помочь нам, вы, «интеллигенты», должны прежде всего понять наше истинное положение, а не повторять на наш счет старые стереотипные фразы, давно уже потерявшие всякое значение. Очень возможно, что вы добрые и хорошие господа, горячо любящие тот воображаемый вами народ, с которым вы так носитесь. Но ваше народолюбие приносит нам гораздо больше вреда, чем пользы.

Кустарь, работающий на деревенского «мастерка», «фабриканта» или на крупного капиталиста-скупщика, фактически стал тем самым пролетарием, появления которого в деревне так боятся наши народники. Каково положение такого пролетария sui generis? Пусть и на этот вопрос отвечают люди, исследовавшие положение дел на месте.

«Что касается до ткачей и вообще рабочих в светелках и кустарных избах, то положение их далеко не завидно. Труд их оплачивается дешевле, чем на крупных фабриках, и иначе и быть не мо-

*) В Вороновской вол. Под. у., Моск. губ. (центр кружевного промысла) с 1869 по 1877 г. общее число лошадей, коров и мелкого скота *увеличилось*; но в то же самое время *увеличилось и число домохозяев, вовсе не имеющих скота*. В 1869 г. процентное отношение безлошадных к числу всех домохозяев равнялось 22,3%, в 1878 г. оно дошло до 23,2%, в 1869 г. процентное отношение бескоровных к числу всех домохозяев равнялось 17,3, а в 1877 г.—20. Рядом с этим увеличилось число домохозяев, не обрабатывающих землю (Сб. ст. св. Моск. г., т. VI., вып. II, Промыслы Моск. губ. вып. II. «Круж. пр.», стр. 9 – 10). Это возрастание благосостояния *меньшинства* рядом с упадком экономической «самостоятельности» большинства—общераспространенное у нас явление.

жет: только дешевизна рабочих заставляет капиталиста дробить производство и разбрасывать его по всей площади уезда. Не будь этой погони за дешевым трудом, производство давно бы сконцентрировалось в большие фабрики. Средний дневной заработок ткача, вырабатывающего бумажные ткани, не превышает 25—30 коп. или около 6—6 р. 50 к. в месяц, в то время как на фабриках он вырабатывает 12—14 руб.. Продолжительность рабочего дня у кустаря также длиннее, чем у фабричного... Truck-system, преследуемая фабричными инспекторами на крупных фабриках, находится в полной силе на мелких фабриках и светелках, понижая и без того скудный заработок ткача. Словом, с внешней стороны положение кустарного ткача хуже фабричного. Но зато первый имеет то громадное преимущество перед фабричным, что ткачество не отрывает его от земли. А это такое громадное преимущество, что уже ради этого следует поддерживать кустарное производство» *). Последние фразы характерны для г. Вернера. как для человека, зараженного предрассудками народников. Они так наивно откровенны при этом, что—против воли г. Вернера—совершенно разоблачают утопический характер «*борьбы*» народников «*с капитализмом*». Низкая заработная плата, продолжительный рабочий день, truck-system—все это лишь «*внешняя сторона*» для г. Вернера. *Суть* же заключается в том, что кустарный промысел не отрывает крестьянина от земли. Мы уже знаем, как относится промысел к земледелию. Но если бы даже мы и не знали этого, то легко было бы видеть, что люди способные смотреть на самые насущные экономические потребности, как на простую, если вовсе не *пустую, внешность*, в «друзья народа» не годятся. Но это мы замечаем мимоходом. По существу же дела, интересующего нас в настоящую минуту, свидетельство г. Вернера относительно сильнейшей эксплоатации кустаря сравнительно с фабричным рабочим тем драгоценнее для нас, чем дальше отстоит его точка зрения от нашей, и чем менее, поэтому, сказанное им может быть заподозрено в преувеличении ради предвзятой доктрины.

Другой исследователь, г. А. Погожев, так описывает взаимные отношения кустарной бедноты, с одной стороны, и мастерков и фабрикантов—с другой.

«Вообще между мелкими мастерками и рабочими не заключается при найме никаких письменных условий. По словам некото-

*) *К. Вернер.* «Кустарные промыслы в Богородск. у.». стр. 42—43.

рых мастерков, рабочий может когда захочет бросить работу, забравши вперед деньги, а с другой стороны, еще больший произвол существует и в отношениях самих мастерков к своим рабочим. Подати за своих односельчан мастерки уплачивают обыкновенно прямо от себя старостам и старшинам, а впоследствии рабочие зарабатывают деньги, отданные за них в уплату недоимок, при чем, в случае, если должник уйдет искать заработка в других местах, то кредитору предоставляется лишь возможность получить с него по исполнительному листу по 3 руб. в месяц. Денежных штрафов и взысканий с рабочих не бывает, ибо, по словам одного мастерка, «и рад бы взять, да не из чего вычитать», так что приходится ограничиться бранью или увольнением виновного рабочего. Но едва лишь мастерок начинает входить в силу, упрочивает за собою кредит и место сбыта, т.-е., другими словами, из мелкого мастерка, часто самого работающего на фабричке вместе со своими детьми, становится маленьким фабрикантиком, как одновременно с этим расширяются пределы эксплоатации рабочих и усиливаются жалобы последних на своих хозяев... Одним словом, каждая такая фабричка представляет маленькое, но до мелочей точное подобие крупной мануфактуры, а часто даже превосходит последнюю, ибо мастерок нередко держит в своих руках все местное население, тогда как крупный фабрикант *иногда, хотя и очень редко, опасается рискнуть остаться без рабочих* (курсив г. Погожева), если слишком круто будет обращаться с фабричным людом» *).

Г. А. Погожев едва ли не единственный в своем роде русский исследователь. Он заметил, наконец, того слона, которого не хотели и до сих пор не хотят заметить другие русские исследователи. Он понял, что крупная фабрика имеет перед мелким полукустарным «заведением» по крайней мере одно неоспоримое преимущество: собранная на ней трудящаяся масса приобретает некоторую силу отпора, между тем как на мелких фабричках такая сила не существует, и потому там эксплоатация совершенно беспредельна. Только напрасно г. А. Погожев так доверчиво отнесся к словам мелких мастерков, которые выставляли ему себя чуть ли не жертвами своих наемных рабочих. Во-первых, слишком знаменателен уже этот довод: и рад бы взять, да не из чего вычитать. Почему же не из чего? Ведь де-

*) «Санит. исследов. фабрич. завед. Можайск., Волоколамск. и Звенигородск уездов», стр. 92.

лаются же вычеты из заработной платы фабричных рабочих. Тут как будто что-то не договорено или г. Погожевым, или теми мастерками, слова которых он приводит. Но что же могло быть недоговорено в этом случае? Только одно: нечего взять с рабочего потому, что и без того очень уж низка его заработная плата. Другими словами, «мастерок» так хорошо обделывает рабочего *прежде*, чем тот успевает тем или иным способом провиниться, что, когда является, наконец, повод к наложению на него штрафа, в его кармане оказывается абсолютная пустота, и мастерку остается только «*ругаться*». Г. Погожев прибавляет, что мастерок может также «уволить виновного рабочего». Но г. Погожев забыл, что, по его же собственным словам, мастерки *платят за своих рабочих подати*, которые те зарабатывают после своим трудом. «Уволить» задолжавшего рабочего значит потерять деньги, внесенные за него в волостное правление,—что, разумеется, вовсе не в интересах мастерка. Поэтому на самом деле мастерки не «*ограничиваются*» бранью или увольнением рабочего, а обращаются в то же волостное правление, которое, как известно, располагает многими, весьма внушительными средствами исправления «рабочего». Одним из этих средств является указанный нами выше факт *сечения* задолжавших кустарей по жалобам их нанимателей. Жаль, что г. Погожев не осведомился у беседовавших с ним мастерков, прибегают или не прибегают они к воздействию на рабочего через посредство волостного правления. Очень может быть, что они откровенно сознались бы ему в этом. А если бы и не обнаружили они столько откровенности, то г. Погожев мог узнать правду от рабочих или, наконец, сообразить, что явления, несомненно имеющие место в Покровском уезде Владимирской губернии, наверное повторяются при прочих равных условиях и в Волоколамском уезде Московской губернии. А что в данном случае условия равны, т.-е. что кустари и там, и здесь закабаляются мастерками, это видно из слов самого г. Погожева *).

Сами рабочие прекрасно знают, что для них лучше и выгоднее работать на крупного предпринимателя, чем на деревенского мастерка или фабриканта. Поэтому они при первой возможности поки-

*) «В настоящее время почти все работники (в роговом «кустарном» промысле Московской губ.) находятся в долгу у хозяев; цифра долга одного работника иногда доходит до 100—150 руб., тогда как прежде... редко превышала 50 рублей. Раз задолжавши хозяину порядочную сумму, работник редко или, вернее, совсем не находит возможности произвести уплату долга».—«Промыслы Москов. губ». вып. I, составили В. Орлов и И. Боголепов, Москва, 179, стр. 261.

дают мелкие светелки, чтобы пристроиться на крупных фабриках. «Достойно внимания,—говорит г. Погожев,—что... все местные крестьяне, при малейшей возможности, стремятся уйти на фабрики, ближайшие к Москве, неохотно и ненадолго оставаясь на местных (мелких, полукустарных) льно-прядильных фабриках: факт этот... объясняется... причинами, из которых достаточно будет указать лишь на значительную разницу в заработной плате на местных фабриках и на ближайших к Москве» *). В Судниковской волости того же уезда «большинство взрослого мужского населения уходит на другие, более крупные фабрики, так что на долю местных мастерков и мелких фабрикантов остаются, так сказать, *оборыши*: большей частью пожилые женщины и те из рабочих-мужчин, которым почему-либо нельзя уйти на сторону. Отсюда понятно, что постоянных рабочих на данной фабрике почти совсем не бывает, ибо всякий рабочий, пожив некоторое время на фабрике (т.-е. опять-таки на мелкой, полукустарной фабрике), направляется в Москву» **).

На мелких бумаго-ткацких фабриках Коломенского уезда «за станами работают всегда только женщины, притом редко замужние, обыкновенно же девушки в возрасте от 13 до 18 лет». Шпули для ткачих «мотают чаще всего члены их семей—старухи, дети» ***). Это тоже своего рода «оборыши», с которыми хозяин может делать все, что хочет. «Несмотря на малый заработок, с ткачих взыскиваются еще и штрафы. Конторы (с которыми имеют дело мастерки), не стесняясь, штрафуют «за плохую работу» мастерков, а эти последние с лихвой выбирают вычтенное с ткачих... Нам нередко приходилось слышать на многих из описываемых (т.-е. полукустарных) фабрик, что ткачиха поработает с месяц и «сбежит» (стр. 289).

Как видит читатель, сами рабочие решают вопрос, «где лучше», в пользу крупных фабрик. Но «интеллигентные» исследователи, пренебрегающие «внешнею стороною» дела, смотрят на этот вопрос

*) «Санитарное исслед. фабр. завед. Рузского уезда», стр. 75—76.
**) Там же, стр. 80.
***) *Дементьев*, «Санит. исслед. фабр. и зав. Коломенского у.», стр. 287—Страшная эксплоатация детского труда играет огромную роль как в западно-европейской «домашней», так и в нашей кустарной промышленности (для Германии см. *W. Stieda*, «Literatur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie», Leipzig. 1889; у нас любое исследование). Г. Воронцов, верный своей задаче скрашивать печальную действительность, изображает дело так, как будто дети кустарей, «шутя и играя», учатся работать и «сами пристают к родителям», чтобы их заставляли трудиться. (*«Очерки кустарной промышленности»*, стр 106). «Привлекательная работа», о которой мечтал Фурье, открыта, наконец, в нашей кустарной промышленности. Жаль только что она продолжается иногда до 16 часов в сутки!

другими глазами. Их ненависть *к крупному* капиталистическому производству заставляет их идеализировать быт рабочих, эксплоатируемых *мелкими* предпринимателями. Едва ли не более других усердствует по части этой идеализации уже цитированный нами г. Дементьев. Правда, он, подобно прочим исследователям, не мог не заметить, что заработная плата ниже на мелких фабриках, чем на крупных *). Не мог он также не увидеть, что на мелких полукустарных фабриках не принимается решительно никаких мер, способных хоть немного ослабить вредное действие чересчур продолжительной работы **). Тем не менее, вот к какому выводу приходит он, описывая санитарное состояние рабочих и вредные условия производства на мелких ручных фабриках Коломенского уезда.

«Все эти условия оказывают, однако, на рабочих мелких ткацких фабрик, повидимому, не более, если не менее вредное влияние, чем известные уже из прежних описаний условия на рабочих больших мануфактур. Мы говорим—повидимому, ибо недостаток антропометрических данных по мелким фабрикам не позволяет сделать надлежащего цифрового сравнения, которое тотчас бы решило или во всяком случае значительно уяснило бы вопрос; другой путь его решения—подробная разработка заболеваемости и смертности в ткацких округах по сравнению с таковою же среди рабочих больших мануфактур в настоящее время совсем неосуществима. Что касается нас лично, то вид тех рабочих мелких ткацких фабрик, которых приходилось встречать, заставляет нас признать их в лучшем санитарном состоянии, чем самоткачей на больших мануфактурах. Этим они, без сомнения, обязаны двум очень важным условиям. Первое из них то, что они часть года, иногда довольно значительную—до 6 месяцев, проводят на полевых и домашних работах, и это-то главным образом и парализует те вредные условия, которым они подвергаются в течение зимы. Второе—ткачи мелких ручных фабрик—не автоматы больших мануфактур, обязанные во что бы то ни стало по свистку быть на своем месте и простоять у машины столько-то часов; они свободно располагают собою и своим временем: они отдыхают, когда

*) «Наименьший заработок на фабриках Подольского уезда мы нашли как для мужчин, так и для женщин и малолетних,—сознается он,—на маленькой бумаго-ткацкой фабрике, носящей полукустарный характер».—«Санит. исследов. фабрич. завед. Подольск. уезда», стр. 83).

**) «Никаких учреждений для рабочих и даже таких простых необходимостей, как ретирады, на описываемых фабриках нет». *Дементьев*, «Исслед. Коломенского у.», стр. 289.

устанут или когда хочется, они не насилуют себя, и их жизнь не сдавлена со всех сторон железным кольцом фабричных распорядков *).

Оставляя в стороне, как совершенно недостойную, басню о том, что рабочие, закабаленные мастерками и фабрикантами, «свободно располагают собою и своим временем, отдыхают, когда устанут или когда хочется» и т. д., мы заметим, однако, что полевые летние работы действительно должны освежающим образом действовать на кустарей, изнуренных однообразным и чрезмерным трудом в зимних рабочих помещениях. В этом заключается несомненная выгода соединения промысла с земледелием. Но эта выгода покупается слишком дорогою ценою усиленной эксплоатации кустарей, эксплоатации, которая, с своей стороны, доводя до ничтожных размеров их заработок, лишает всякой возможности сколько-нибудь прочно затыкать многочисленные дыры их земледельческого хозяйства. Современный кустарь—не мастерок и не фабрикантик—бьется в настоящем безвыходном круге. С одной стороны, его земледельческое хозяйство положительно не в состоянии прокормить его с семейством, и потому он буквально голодает в тех случаях, когда его промысловый заработок падает вследствие застоя в промышленности. С другой стороны, его промысловый заработок, *гораздо более низкий, чем плата фабричного рабочего*, не приносит никакой серьезной поддержки ему, как *земледельцу*, и его хозяйство все более и более падает! **) Поэтому, все более и более уменьшается превозносимая народниками выгода соединения промысла с земледелием, соединения, которое, в свою очередь, все более и более отходит в область предания вследствие возрастающей сдачи крестьянами своих наделов ***). «Население всех волостей Верей-

*) Там же, стр. 292—293.

**) «В 18 селениях Филипповской вол. (Покровск. уезда Владимир. губернии), где развилось шелковое кустарное производство, на 818 лошадных дворов приходится 412 дворов без лошадей» (цит. исслед. г. Харизоменова, стр. 79). Безлошадные составляют таким образом 33,6% общего числа дворов этой волости, вопреки отвлеченному положению г. Воронцова, гласящему: кустарь обладает лошадью. В Кленовской вол. Подольск. у. Моск. губ., «при наделе 3,2 дес. на ревизскую душу, крупного скота (лошадей и коров) приходится лишь 0,6 головы; на одного домохозяина приходится лишь 0,7 лошади и 0,9 коровы (вот они «нули целых»)... Домохозяев, не имеющих лошадей, насчитывается до 40/0, а не имеющих коров до 350/0»и т. д. («Промыслы Моск. губ.», вып. I, стр. 228). В какое положение попадают безлошадные кустари, см. в том же выпуске «Промыслы Москов. губ.», стр. 22.

***) «Массовая сдача наделов стала постоянным... явлением... значительное число надельных домохозяйств надо считать фактически безземельными». («Аренда крест. надел.», «Русская Мысль», март 1893). Причинами возрастающей сдачи наделов автор цитируемой статьи, г. К., считает малоземелье и недостаток скота: «затрачивать целый сезон на обработку клочка земли, выручкой с которого нельзя

ского уезда—говорит г. Погожев—недостаточно вознаграждается за свой земледельческий труд... Отсюда становится понятным, что все крестьянское население Верейского уезда постепенно забрасывает земледелие»... *) Таковы факты. Ввиду этих фактов народники только и умеют, что твердить о выгодах соединения промысла с земледелием и о полезности, и о приятности «полевых работ». Святая простота! **)

Замечательно, что между тем, как народники с ужасом смотрят на превращение мелкой кустарной (т.-е., вернее, уже полукустарной) промышленности в крупную фабричную, сам рабочий «народ» решительно предпочитает фабрику «светелке». Мы уже говорили выше, как часто в этих последних работают только «оборыши». Теперь приведем напечатанную в «Статистическом Ежегоднике Московской губернии» за 1890 г. корреспонденцию одного *крестьянина* (Бронницкого уезда), почти с ненавистью и злорадством говорящего о мелком полукустарном производстве.

«В нашей местности имеются более или менее крупные кустари и все они в настоящее время остались, как рак на мели; товар их вовсе с рук не идет... Столбовым фабрикантам товара их и даром не надо. Вследствие сего невольно пришлось им на время прикончить свой кустарный промысел, да и *ткачам неохота на них почти даром работать* (sic!); платили кустари ткачам за штуку клетчатой шотланки или камлота из плохого материала в 73 арш. 69 коп. и менее, которой самый бойкий ткач срабатывал в неделю не более двух штук на 1 руб. 20 коп., тогда как от столбовых фабрикантов работают тик из лучшего материала за штуку в 40 арш. 90 коп. и 1 руб. 20 коп.; средней руки ткач срабатывал три штуки в неделю на 2 руб. 70 коп

даже прокормиться, невыгодно»... В Петербургской губ. сдают землю именно малоземельные. В Вятской, Полтавской, Екатеринославской губ. сдача обусловливается недостатком скота. В Московской губ. даже богатые крестьяне не находят иногда возможным тратить время на обработку надела (см. стр. 1—2). Вот вам и «полевые работы!»

*) «Санит. исслед. фабр. завед. Верейского уезда», стр. 22.

**) В Павлове, несмотря на дурные гигиенические условия, существующие на фабрике г. Кондратова, «рабочие имеют вид более веселый и довольный, нежели самостоятельные кустари». (*А. Субботин*, «Поездка по кустарным районам и кустарные артели». С.-Петерб. 1893, стр. 26). В Туле «многие кустари уже давно обратились в наемных рабочих, распродали свои инструменты и даже свои избы и стали наниматься к другим кустарям за 30—40 к. в день. Как ни ужасно их положение с теоретической точки зрения, так как они из самостоятельных кустарей обратились в наемных рабочих, но на практике самостоятельные кустари иногда даже завидуют им» и т. д. (Там же, стр. 45). Вот она приятная независимость наших самостоятельных производителей! Признаемся, мы не видим ничего «ужасного» в том, что они избавляются, наконец, от ее *ужасного* ярма.

и 3 руб. 60 коп. Конторы выдают за работу деньги исправно, не навязывая какие-нибудь недоброкачественные по высокой цене харчи, как делают кустари».

Когда мы прочитали эту корреспонденцию, мы спросили себя: что произошло бы, если бы такое сообщение написал какой-нибудь «*явный*» противник «устоев» из интеллигенции? Его обвинили бы в пристрастии к «столбовым фабрикантам», его назвали бы «апологетом власти денег», и уж конечно редакция «Ежегодника» забраковала бы его корреспонденцию, как неточную и недостоверную. Но автор сообщения—крестьянин и притом, как замечает редакция, крестьянин, «хорошо знающий условия работы». Показание такого человека отвести труднее, чем показание «интеллигента». И вот редакция «Ежегодника» не только печатает это показание, но и признает, что отмеченная им разница в мелком и фабричном ткачестве «во всех... отношениях не в пользу первого». И действительно—«не в пользу»! До такой степени не в пользу, что автор корреспонденции, почти с любовью говоря о «столбовых фабрикантах», резко противопоставляет интересы «*кустарей*» интересам «*ткачей*», т.-е. трудящейся массы. На языке корреспондента-*крестьянина кустарь* значит злейший эксплоататор. На языке наших народников кустарь значит «самостоятельный производитель». Чье определение больше соответствует действительности?

Выгода соединения промысла с земледелием сводится теперь, как мы знаем от самого г. Воронцова, к возможности для работника довольствоваться низшей заработной платой. Как ни полезны для организма «полевые работы», но и они могут стать источником его болезненного изнурения, если физическая сила, затраченная на эти работы, не будет восстановляться хоть сколько-нибудь питательной пищей *). Ну, а низкая заработная плата, которую, по словам г. Воронцова, всегда имеет возможность взять кустарь, как известно, не дает много средств для покупки питательной пищи. Вот почему в нашей народной жизни встречаются иногда удивительные парадоксы. Везде на Западе считается аксиомой, что заболеваемость и смертность

*) В щеточном промысле Моск. губ. «рабочие обыкновенно нанимаются на год, но при этом *выговаривают* иногда себе свободы на две—на три летних недели, именно—«на время покоса». («Промыслы Моск. губ.», вып. I, стр. 30). Мы ничего не имеем против такого рода каникул, но полагаем, что из-за их приятности не стоит держать кустаря-щеточника в том жалком положении, в котором он находится благодаря своему званию *экономической амфибии*. В кружевном промысле Моск. губ. некоторые женщины «*откупаются*» *у своих семей от обязанности* выходить летом в поле. См. исслед. г-жи Горбуновой во 2-м вып. «Промыслов Моск. губ.» (стр. 20).

в промышленных округах выше, чем в земледельческих. Русская экономическая действительность превращает эту аксиому в положение, которое нужно еще доказать и которое доказать едва ли возможно. Вот что узнаем мы на этот счет от г. Эрисмана.

«По данным Осипова о распределении смертности по церковным приходам Московского уезда, относящимся к пятилетию 1868—1873 г.г., мы видим, что хотя приходы с высокой смертностью и являются довольно рассеянными по уезду, но все-таки сильная смертность более сосредоточивается в северо-западном, северо-восточном и юго-западном углах его, т.-е. именно в местах почти полного отсутствия фабричной промышленности... Смертность в 50—55 на тысячу жителей, принятая Осиповым, как средняя смертность для всего уезда, встречается в 35,18% из всех приходов и в 29,73% из приходов с фабричными заведениями; смертность ниже средней мы находим в 37,7% всех приходов и в 40,59% фабричных приходов; выше же средней смертность оказывается в 26,9% из первой группы приходов и в 29,7% из второй. Последние цифры как бы указывают на менее благоприятные санитарные условия в промышленных частях уезда, но такой вывод становится невозможным ввиду того, что между фабричными приходами находится больший процент с наименьшей смертностью, нежели между всеми приходами вообще» *).

Итак, сильная смертность более сосредоточивается в земледельческих приходах Московского уезда. Выходит, стало быть, что пресловутые «полевые работы» не спасают крестьянина от вредоносного влияния тех санитарных условий, которые особенно сильно дают себя чувствовать именно в земледельческих округах Московского уезда. Как хотите, а это поразительный вывод, способный привести в замешательство любого из западных ученых. И он тем более становится поразителен, чем внимательнее всматриваемся мы в таблицы смертности по разным местностям Московского уезда. *Самые фабричные его волости:* Пехорская, Ростокинская, Мытищинская «*имеют либо среднюю смертность, либо относятся к разряду с наименьшей смертностью*» **). Один этот факт способен разрушить, как карточные домики, все жалобы народников на вредные последствия капитализма в России. Народники чувствуют это и потому стараются ослабить значение этого факта с помощью разных, более или менее остроумных, предположений. Так, напр., они не раз указывали на то обстоятель-

*) «Санит. исслед. фабрич. зав. Москов. у.», ч. 1-ая, Москва, 1882, стр. 55—57.
**) Там же, стр. 58, курсив наш.

ство, что значительная часть заболевших на фабриках рабочих увольняется и уходит на родину, если не попадает в городские больницы. В случае смертельного исхода их болезни, такие рабочие не обозначаются в церковных книгах тех приходов, где они работали, и таким образом цифра смертности этих приходов понижается. Это—справедливое соображение, и г. Эрисман не оставляет его без внимания. К несчастью, соображение это не исчерпывает вопроса. В самом деле, больные дети не покидают тех приходов, в которых они заболели. Поэтому, если бы санитарные условия промышленных местностей Московского уезда были хуже тех же условий в местностях земледельческих, то это прежде всего отразилось бы на смертности детей: она непременно была бы выше в фабричных приходах. Но этого на самом деле нет. Разница по отношению к детской смертности между всеми приходами вообще и теми из них, в которых много фабрик, не замечается. «Скорее можно было бы усматривать некоторое преимущество на стороне фабричных приходов,—говорит г. Эрисман.—...Вообще наибольшая детская смертность сосредоточивается на севере и преимущественно на северо-западе уезда (Дурыкинская волость), где вовсе нет фабричного производства»*).

По весьма понятной причине г. Эрисману очень трудно освоиться с этим выводом. Он относится к нему с большим сомнением. Он указывает на некоторые отдельные фабричные приходы с весьма значительною детскою смертностью. Но эти исключения не опровергают в его глазах общего правила, которое он формулирует такими словами:

«В общем итоге, насколько можно судить по материалу, обработанному Осиповым, оказывается, что фабрики не имеют резкого влияния на процент общей или детской смертности в соответственных частях уезда, и, как ни пагубна обстановка несчастного ребенка, родившегося в душной атмосфере фабричных казарм, надобно, очевидно, сознаться, что и в крестьянской избе маленького гражданина встречают такие же неблагоприятные условия, предрешающие печальную участь доброй половины нарождающегося поколения в первый же год его жизни»**).

С своей стороны мы повторяем, что как ни хороши с гигиенической точки зрения «полевые работы», но в современной России за-

*) Там же, стр. 58—59.

**) Там же, стр. 59. Г. Эрисман говорит (там же, стр. 184), что на фабриках Московского уезда рабочие помещаются в спальнях непозволительно тесно. Надобно заметить, впрочем,—прибавляет он,—что... рабочие живут на фабриках. «повидимому, не менее просторно, чем у себя дома в избах».

нимающегося ими «гражданина» окружает такое множество неблагоприятных условий, что полезное физиологическое действие этих работ сводится почти к нулю. Поэтому, смешны те люди, которым хотелось бы, между прочим, в интересах гигиены, задержать превращение нашей кустарной, т.-е. *мелкой* капиталистической промышленности, в таковую же *крупную* промышленность. Слишком уж незначительны те преимущества, которые могут быть утрачены при этом превращении, и слишком велики выгоды, которые, наверное, приобретает при этом рабочий класс.

Первая из этих выгод заключается *в возможности более правильного надзора над крупными фабриками.* На этих фабриках гораздо легче обеспечить рабочим более гигиенические условия труда, чем в маленьких полукустарных заведениях. Уже и в настоящее время оказывается, что в Московском уезде на крупных фабриках на каждого рабочего приходится в мастерских более кубического пространства, чем на мелких. «В этом отношении,—замечает г. Эрисман,—подтверждается вывод, сделанный мною по поводу описания фабричных заведений Клинского уезда, а именно, что, в общем, абсолютной величиной мастерских определяется и их относительная величина» *). Правда, наши народники и от этого несомненного факта отговариваются тем соображением, что на мелких фабриках сильнее естественная вентиляция через стены и т. п. Это соображение неоднократно высказывал, напр., г. Дементьев. Чтобы читатель мог судить, насколько оно основательно, мы заимствуем у того же г. Дементьева описание мастерских в шляпном промысле Подольского уезда, имеющем полукустарный характер.

«Содержание мастерских вообще крайне грязное, они метутся только несколько раз в год (у г. Дементьева за этими словами следует в скобках вопросительный знак и замечание: «по словам рабочих». Что значит это замечание? Хочет ли сказать г. Дементьев, что слова рабочих не заслуживают доверия? Почему же?); пазы бревенчатых стен и все находящиеся в мастерской предметы—все покрыто пухом; на полу масса сора, отбиваемого лучками от пуха... волоса, состригаемого с меха... выстриженных и брошенных обрезков меха, и т. д... Результатом такого устройства и содержания мастерских выходит то, что тяжелый, застоявшийся и отравленный воздух мастерских полон пыли и пуха. Количество же воздуха на каждого рабочего при всем разнообразии величины мастерских... только ред-

*) Там же, стр. 181.

ко превосходит 1 куб. саж., до $1^1/_4$ (maximum), обыкновенно же менее этого и до 0,4 куб. саж. Еще хуже устройство стиров... *)

Избавляем читателя от описания «стиров» и спрашиваем его: что поделаешь при таких условиях «естественной вентиляцией»? Ясно, что здесь нужен строгий санитарный надзор, *а этот надзор несравненно удобнее на крупных фабриках, чем в полукустарных мастерских.*

Обыкновенно нашей народолюбивой интеллигенции рабочий представляется не более, как жалким существом, отупевшим от беспрерывного шума станков и беспробудного пьянства в немногие, выпадающие на его долю, часы досуга. Г. Дементьев, долго изучавший наш фабричный быт, так прямо и величает рабочих *пропоицами* **). Мы совсем не отрицаем того, что русские,—да и не одни русские,—рабочие, к сожалению, пьют подчас много. Но неужели те добрые и хорошие «*господа*», которые, занимаясь своими санитарными исследованиями, имели возможность хорошо ознакомиться с рабочими, заметили в них только склонность к вину, только «*известную слабость русских писателей*»? Неужели они не открыли ни одной светлой черты в характере нашего фабричного рабочего? Как не открыть,—открыли! Но характер фабричного рабочего, несмотря на свои светлые черты, противоречит «идеалам» народников, а потому народники, говоря о нем, вообще предпочитают рисовать его одними черными красками. Так как мы давно уже освободились от народнических предрассудков, то мы можем взглянуть на дело более беспристрастно, а потому и более справедливо.

Просим читателя обратить внимание на следующую таблицу, относящуюся к Богородскому уезду Московской губернии.

Группа волостей.	Процентное отношение грамотности к наличному населению.	
	Муж.	Жен.
1) Весьма промышленные	38,41	6,8
2) Сравнительно промышленные	36,63	5,27
3) Сравнительно малопромышленные	35,69	3,84
4) Малопромышленные.	31,83	2,92
Среднее для всего уезда.	35,75	4,76

*) «Санит. исслед. фабр. завед. Подольского уезда», стр. 360—361.

**) «С другой стороны, и волостное начальство предпочитает всегда получать все повинности от фабрикантов, ибо непосредственно от рабочих, крайне распущенных и пропоиц, оно не в состоянии собрать и десятой доли».—«Фабрика, что она дает населению и что она у него берет», Москва, 1893, стр. 155. Речь идет о рабочих фарфоро-фаянсовых фабрик Моск. губ.

Исследователь, у которого мы заимствуем эту таблицу, совершенно правильно заключает из нее, что «*чем более развита в той или другой волости фабрично-заводская промышленность, тем более распространена грамотность среди местного населения*» *). Это чрезвычайно интересное и важное явление. Оно как будто показывает, что, вопреки уверениям г.г. народников, развитие промышленности приносит с собою не только пьянство и «распущенность» рабочих. Но, может быть, оно вызвано какими-нибудь случайными причинами, не имеющими прямого отношения к развитию промышленности? Как объясняют его наши исследователи? Определеннее всего высказывается по этому поводу г. Эрисман, который, указав на то, что в 1881 г. в Московском уезде оказалось *вдвое* больше грамотных, чем было их не далее как в 1869 году, замечает: «Без сомнения, мы здесь имеем перед собой результат полезной деятельности *земства*, обращающего, как показывают отчеты уездной управы, усиленное внимание на распространение школ в уезде. Впрочем, земству содействуют в этом отношении те, правда немногочисленные, фабриканты, которые устроили при своих фабриках начальные школы» **). Насколько сильно содействие фабрикантов земству, видно из того же исследования г. Эрисмана, где на стр. 145 той же первой части мы читаем: «Училища составляют чрезвычайно редкое явление на фабриках Московского уезда; их насчитывают во всем уезде не более шести» ***). К тому же «работающие на фабриках дети посещают школу весьма редко: на основании имеющихся данных можно притти к тому заключению, что таких детей учится во всяком случае не более 100 чел., что составляет 6,7% всего количества работающих на фабриках Моск. уезда детей моложе 14 лет, число которых приблизительно равняется 1.500 человек» ****). Итак, не фабрикантам обязаны фабричные рабочие тем, что между ними быстро развивается грамотность. Земства делают в этом отношении несравненно больше. Но при отсутствии у нас *обязательности* даже первоначального образования, усилия земств пропали бы даром, если бы само население не имело потребности в образовании. Потребность эта чувствуется теперь, вообще говоря, всей нашей трудящейся массой, но сильнее всего она обнаруживается

*) *Погожев*, «Санит. исслед. фабрич. зав. Богородск. уезда», стр. 29. Курсив принадлежит г. Погожеву.

**) Цитированное исследование, часть I-ая, стр. 214—215.

***) Правда, два (но только два!) фабриканта принимали, кроме того, участие в расходах по близлежащим земским школам.

****) Там же, стр. 145.

именно в *промышленных* местностях. На фабриках Московской губ. работает, как известно, множество рабочих различных губерний. При опросах этих рабочих оказалось, что процент грамотных между ними тем выше, чем промышленнее та губерния, к которой они принадлежат. Впереди всех идет в этом отношении Владимирская губ., потом Московская, Тверская, Тульская, Рязанская. Меньше всего распространена грамотность между рабочими сравнительно земледельческих губерний—Калужской и Смоленской. В Богородском уезде г. Погожев исследовал, по данным подворной переписи 1883 года, распространение грамотности *по отдельным волостям*. И тут оказалось, что *чем промышленнее данная волость, тем выше в ней процент грамотных не только между фабричными рабочими, но и во всем вообще населении* *). Г. Погожев склонен искать причину этого в том, что «фабриканты в настоящее время открывают училища не по принуждению, а по своей доброй воле» **). В Богородском уезде фабриканты действительно больше заботятся о школах, чем, напр., в Московском. Но, во-первых, *неработающие* на фабриках крестьянские дети редко имеют доступ в фабричные школы, а между тем мы видим, что с развитием промышленности процент грамотности поднимается *не только* в среде фабричных рабочих. Во-вторых, г. Погожев сам опровергает свою догадку, сообщая нам, что «в Богородском уезде большинство рабочих приобретало знание грамоты вне школы (самоучкой), а также в земских школах, тогда как в фабричных школах обучалось всего лишь 8,6%» ***). Ясно, что в деле распространения грамотности между рабочими фабриканты почти не при чем. Но это не все. Во время исследования между рабочими оказалось только 27,89% обучавшихся в сельских школах, между тем как *самоучкой* обучалось 36,97%; кроме того, 9,46% выучились грамоте у лиц «духовного звания»,

*) То же самое явление замечается и в других местностях России. „Г. Бычков составил для 110 обследованных уездов табличку, из которой видно, что с увеличением процента распаханного пространства с 6—40 до 76—86 уменьшается процент грамотных с 14,8 до 5,8 процента. Если, таким образом, с увеличением чисто-земледельческого населения в данной местности понижается грамотность, то, это может быть об'яснено не тем, конечно, что земледельцу не нужна грамотность... а только тем, что сознание в ее пользе менее распространено среди истых земледельцев-крестьян. Точно так же в Бековской волости Сердобского уезда, отличающейся по своей торгово-промышленной деятельности, количество грамотных в $2^1/_2$ раза больше, чем в остальных селениях уезда. К тому же выводу приходят исследователи Острогожского, Воронежского, Ново-Оскольского и других уездов". *Ц. В. Вахтеров.* „Условия распространения образования в народе", „Русская Мысль", май, 1895, стр. 170 и 171.

**) Цит. исслед., стр. 188.

***) Там же, стр. 193.

т.-е. по собственному побуждению и без всякой помощи со стороны земства или фабрикантов *). Отсюда следует, что если фабричный рабочий не остается в той темноте, в которой целую тысячу лет прожил русский земледелец, то этим он обязан прежде всего самому себе, и что если, тем не менее, г.г. народники хотят видеть в нем только «*пропощу*», то это происходит единственно от их собственной слепоты и их староверческого упрямства.

Правда, г. Погожев замечает, что по отдельным возрастным группам преобладание того или другого источника грамотности выражается далеко не равномерно. В пожилых возрастах преобладают обучившиеся самоучкой, в возрасте же до 18 лет обнаруживается преобладание школьного обучения **). Но это нисколько не ослабляет сделанного нами вывода. В последние десятилетия число школ у нас значительно увеличилось. Молодые рабочие, прежде обучавшиеся самоучкой, теперь идут в школы. Это так же естественно, как, напр., то, что молодой «интеллигент» не изучает анатомию дома, если имеет возможность ходить в анатомический театр. Но земские и фабричные школы только удовлетворяют,—когда удовлетворяют,—той потребности, которая обнаружилась уже раньше их сколько-нибудь значительного распространения под влиянием новых условий нашей экономической жизни ***). У Г. И. Успенского прозябающий под «*властью земли*» крестьянин Иван Ермолаич, находя, что ему нужно обучить грамоте своего сына Мишутку, сам не знал хорошенько, зачем это нужно. Автор, подпавший под влияние «*стройных земледельческих идеалов*», тоже не умел вразумить его на этот счет: «поэтому, в разговорах об учении мы с Иваном Ермолаичем только твердили одно: «надо!». «Надо, надо!», а сущность и цели Ивану Ермолаичу неизвестны, непонятны, а я уж ленюсь разъяснить их, да и призабыл, чем именно это *надо* следует оправдать». Наконец, сам Мишутка решительно не хочет итти в школу. Таково действительно было отношение к «учобе» в то доброе время, когда прочен был наш старый, дорогой народникам экономический порядок, а с ним и «старые земледельческие идеалы». И если мы теперь видим в тру-

*) Там же, та же страница.

**) Там же, стр. 195.

***) Говорим: «когда удовлетворяют», потому что и во время исследования г. Погожевым фабричных заведений Богородского уезда процент детей и подростков, обучившихся *самоучкой*, был очень значителен: в возрасте моложе 10 лет он равнялся 40, от 10 до 12 лет—15,9; от 12 до 14 лет—17,7; от 14 лет до 18 лет—25,1.

дящейся массе совершенно обратное к ней отношение*), то этим мы обязаны именно крушению старого экономического порядка и развитию ненавистного народникам капитализма**).

«Народ на фабриках,—как бы сказать,—*посамодеятельнее*, потароватее, чем в деревне. И понимает лучше, чем деревенские». Так говорил г. Рубакину рабочий, случайно встреченный им на железной дороге («Взыскующие града» из «Наблюдений над русским читателем»). Интересно, что статья г. Рубакина напечатана в том самом архинародническом органе («Новое Слово», октябрь), который так сказать по долгу службы должен оплакивать распространение у нас фабричного производства. Пусть читатель сопоставит с этим отзывом рабочего о рабочих хоть ту характеристику нашего фабричного населения, которая находится в ходатайствах Имп. Вольн. Экон. Общества об изменениях в таможенном тарифе: «Уже в 1812 году, по свидетельству очевидцев, простолюдины Москов. губ. считались самыми развратными в России людьми» и т. д. (стр. 171 и след.).

Между нашими фабричными работницами грамотных несравненно меньше, чем между работниками. Это—печальное наследие доброго старого времени и «*стройных земледельческих идеалов*», осуждавших женщину на полное подчинение мужчине: ведь еще Аристотель сказал, что раб не должен иметь больше ума, чем это требуется ему для понимания приказаний своего господина. Сделав рабочую женщину объектом своей эксплоатации, капитализм разрушил ее старое семейное положение и фактически поставил ее в более независимые отношения к мужчине. «Ум» ее господина—мужа—уже не играет почти никакой роли в ее существовании; поэтому, ей нужен теперь *собственный ум*, а для приобретения ума нужна *грамота*. И вот рабочая женщина начинает учиться, и учиться даже с бо́льшим усердием, чем мужчина. Если в 1881 году, по сведениям г. Эрисмана, грамот

*) «По словам одного мелкого мастерка в позументном производстве, в прежнее время малолетние садились за работу ранее 12 лет, а теперь это очень редко встречается, ибо, по мнению самих рабочих «мальчику нужно еще прежде грамоте выучиться, а там и за работу можно сажать». *А. Погожев.* «Санит. исслед. фабр. завед. Дмитровск. уезда», стр. 22.

**) Просим читателя не забывать закона (как любят у нас выражаться), установленного г. Погожевым: «распространение грамотности прямо пропорционально большему или меньшему развитию в данной волости фабрично-заводской промышленности». Другой «закон», установленный тем же исследователем, гласит так: «грамотность фабричного населения не идет параллельно общей цифре грамотности данного уезда, но получает значительный перевес, благодаря отчасти приливу сторонних элементов из пришлых рабочих, отчасти тем особенностям, в которых находится рабочее население наиболее крупных мануфактур». «Санит. исслед. фабричн. завед. Богородск. уезда», стр. 190.

ных мужчин между фабричными рабочими оказалось вдвое больше, чем было их в 1869 году, то между женщинами грамотность за тот же период «увеличилась более, чем втрое» *). В деле женского образования, в противность виденному нами между мужчинами, сельские и фабричные школы играют преобладающую роль. Так, напр., процент самоучек между грамотными работницами Богородского уезда (24,4) много ниже, чем между грамотными работниками (36,97); процент же обучившихся в фабричных школах равняется у них 39,11 для сельских школ и 22,38 для школ фабричных, против 27,8 и 8,59 у мужчин. Оно и понятно. Грамотных между работницами пока еще мало; поэтому немного помощи могут оказать они тем своим подругам, которые хотели бы научиться грамоте вне школы. Мужчины же и до сих пор, вероятно, отчасти сохранили старый взгляд на женщину, как на существо, которому грамота «ни к чему». И потому вряд ли часто помогают они женщинам-«самоучкам». Им остается, значит, только итти в школы.

Наши народники убеждены, что рабочую женщину ожидает на фабрике половой разврат и только половой разврат. Они не видят ее начинающегося умственного пробуждения, ее фактического освобождения от власти мужчины **). Прогрессивная сторона переживаемого Россией экономического переворота остается здесь, как и везде, совершенно незамеченной ими. И потому они способны только оплакивать судьбу фабричного пролетариата подобно тому, как оплакивают ее до сих пор некоторые добродушные западные мещане и оплакивали в тридцатых и сороковых годах социалисты-утописты.

Но мы совсем позабыли о г. Воронцове. Сейчас мы вернемся к нему. А теперь, на основании всего вышесказанного, повторим за г. Прилежаевым (см. цит., соч. стр. 202): «*Постепенное вытеснение кустарничества другими, более совершенными формами производства есть явление прогрессивное, согласное с интересами развития и благосостояния человеческой личности в обществе*».

---

*) *Эрисман*, цит. исслед., часть I-я, стр. 214.

**) «Бедная женщина-ткачиха идет на фабрику за отцом и мужем, работает наряду с ними и независимо от них. Она такой же кормилец семьи, как и мужчина... Бросая мужа, ткачиха вряд ли сильнее будет чувствовать материальную нужду...» *Харизоменов*, «Промыслы Владимирской губ.», вып. 3-й, отд. I, стр. 113.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Самодеятельность населения, как рычаг общественной эволюции

«Народничество, как направление мысли культурного общества,— говорит г. Воронцов,—присуще лишь таким странам, в которых народная масса удалена от влияния на ход общественных дел и активными деятелями в общественной жизни являются лица культурного слоя» *).

Из этого следует, что в странах, подобных России, где народничество развилось так пышно, «самодеятельность населения» может стать «рычагом общественной эволюции» лишь в более или менее отдаленном будущем. В настоящее время, для оценки народничества, надо прежде всего дать себе отчет в том, каковы те главнейшие задачи, которые, по мнению теоретиков этого учения, должны быть разрешены «лицами культурного слоя».

По словам г. Воронцова, практическое осуществление народнических pia desideria «требует умственного под'ема массы, который поэтому и поставлен, как главная задача переживаемого момента **).

Следовательно, главная задача современного народничества нам известна: народники стремятся к умственному под'ему массы. Это, разумеется, превосходно, и ни один благомыслящий человек не возразит против столь похвального намерения. Правда, могут сказать, что, распространяя в массе просвещение, народники в то же время распространят в ней значительную часть тех предрассудков, которые наполняют их собственные головы. Но и это скорее кажущаяся, чем действительная опасность. Пусть припомнит читатель, чем кончались во «Власти земли» Г. И. Успенского беседы «интеллигентного» народника с обстоятельным мужичком Иваном Ермолаевичем: этот последний не слушал, очевидно, не хотел слушать и *зевал самым ужас-*

*) «Наши направления», стр. 3.
**) Там же, стр. 7.

ным образом. Опыт показывает, стало быть, что распространение в нашей *народной* массе предрассудков «лицом культурного слоя», зараженным *народничеством,* является делом в высшей степени сомнительным. А ввиду этого остается только рукоплескать просветительным планам г. Воронцова и его единомышленников. Пусть учат они народ; он воспользуется приобретенными от них *знаниями* для усвоения *идей более здравых и более современных, чем восточные «идеалы» наших народников.*

Но г.г. народники собираются не только учить народ. Они собираются также «бороться с капитализмом». Более того: если верить им, то они давно уже «борются» с этим чудовищем, с этим львом, рыкающим и ищущим кого поглотити. Как же «борются» они с капитализмом?

Разными способами. Самым действительным и «идеальным» считается распространение производительных артелей в области кустарного производства и—самоновейшая новинка!—земледелия.

Производительным артелям, обязанным своим существованием «самодеятельности» русской интеллигенции, г. Воронцов посвятил целое сочинение, которое называется: «*Артельные начинания русского общества*» (С.-Петербург, 1894).

Сочинение это написано, если не ошибаемся, с целью нравственного поддержания и ободрения лиц, «тащащих историю» в желательном для г. Воронцова направлении. Но—как это всегда случается с трудами нашего автора—впечатление, производимое «Артельными начинаниями русского общества», диаметрально противоположно тому, которое г. Воронцов хотел вызвать. Это поистине *страшная книга!* Автор ее, точно усердный кладбищенский сторож, неутомимо ведет вас от одной могилы к другой, монотонно называя вам имена и даже сообщая краткие жизнеописания покоящихся в них «артельных начинаний». Мы не сторонники учения народников, но признаемся, когда мы читали новую книгу неистощимого г. Воронцова, нам от души жаль было этих добрых людей, несомненно имевших самые добрые намерения и, несмотря на это, потерпевших жесточайшее фиаско. И мы говорили себе: как же, однако, сурова, как зла об'ективная логика действительности! Как беспощадно, как неукоснительно разбивает она суб'ективные иллюзии наших лиц культурного класса!

В 1869 году Тверская губернская земская управа, указав земскому собранию на то трудное положение, в каком находилось население Тверской губ., предложила принять меры к поднятию произ

водительности народного труда путем устройства производительных артелей в разных отраслях кустарной промышленности. Собрание приняло предложение управы и в 1870 г. приступило к устройству артелей, начав с *гвоздарного промысла*. Если читатель хочет знать как шло,—т.-е., вернее, хромало на обе ноги,—почтенное дело помощи этому промыслу, то ему надо прочитать стр. 45—52 книги г. Воронцова. Мы укажем только его результаты.

«В августе месяце 1875 года заведывающий кузнечными артелями г. Демидов заявил управе, что, по его мнению, затрачиваемые на поддержание гвоздарных артелей суммы расходуются непроизводительно». «Все неудачи артели произошли оттого, что она открыта в то именно время (1872 г.), когда кустарная гвоздарная промышленность, совершенно теперь отжившая, начала уже отживать. С введением в гвоздарную промышленность машин, кустари, при весьма высокой цене на железо и при крайнем упадке цены на гвоздь, были доведены до того, что, носясь по целым дням с выработанным ими в течение недели гвоздем, сбывали его все-таки в убыток. В это время им было предложено устроить артель. Не зная даже, что такое артель, они приняли предложение, лишь бы выйти из крайнего положения. По получении ссуды крестьяне тотчас же почти половину ее поделили между собою, а затем, принимая гвозди сами у себя, клали им цену, гораздо большую сравнительно с торговцами, потому что взглянули на это дело, как на помощь им со стороны управы. Это убеждение у многих удержалось до сих пор». В заключение г. Демидов предложил управе прекратить поддержание Васильевской артели и освободившиеся средства употребить на разработку торфа *). Управа согласилась с мнением г. Демидова и ликвидировала гвоздарные артели, сложив часть причитавшегося на них долга.

Столь же скоро и столь же печально закончили свое бренное существование и другие артели, основанные на инициативе тверского земства в среде кустарей. В 1871 г. образовалась артель сапожников в д. Городне Весьегонского уезда: «Эта артель получила от земства ссуду в 300 руб., но вскоре распалась, не уплатив «долга». В 1874 г. распалась, «*вследствие несогласия между ее членами*», Васютинская артель кузнецов; в 1877 г. губернская управа «решила прекратить до более благоприятных обстоятельств» артельное производство сапогов в Осташкове; в 1883 г. решено оставить на произвол судьбы смоло-

*) Артельные начинания, стр. 52.

куренные артели, «пред'явив в то же время к неисправным плательщикам (т.-е. к кустарям, не возвращавшим земских ссуд) иск у мирового судьи» и т. д. Словом, каждый год приносил с собою новое крушение «артельного принципа». В результате—*ничего, кроме траты земских денег, полученных с тех же крестьян, и исполнительных листов на бывших артельщиков,* с которых, в виду их безвыходной бедности, часто не могла взыскать ни копейки самая усердная полиция. А между тем, деятельность тверского земства по развитию артельного производства представляет собою, как говорит г. Воронцов, нечто исключительное в смысле «размеров» и «систематичности». Можете представить себе, как велики были успехи «артельного принципа» в других губерниях!

Но едва ли не наиболее поучительной изо всех других попыток этого рода является попытка распространения в крестьянской среде артельного сыроварения. Люди, начинавшие это дело, глубоко верили в его великое значение. «Мне памятно это время,—торжественно повествует г. С. Дерунов.—Я живо припоминаю надежды лучших земских людей, какие они возлагали на устройство артелей (речь идет о Ярославской губ.). Памятны также толки крестьянские. Народ точно по инстинкту чувствовал, что затевается дело хорошее; что это дело может, до некоторой степени, поправить его горемычное житье-бытье. Народ был вполне уверен, что плохие его коровушки будут хорошими, что из тощих они сделаются тучными. Крестьяне с удовольствием узнали, что польза от сыроварения будет значительная и что она разделится поровну между артельщиками»... *).

Ну и как же пошло, как кончилось это будто бы великое дело?

«Открытые в Тверской губернии артели существовали недолго, а новые... открывались туго. В 1871 г. из 11 открытых Н. В. Верещагиным артелей сохранилось только три. Сам Н. В. с 1869 г. решил не открывать новых артелей, пока не приготовит настоящих сыроваров, а впоследствии обратил свое внимание на другую губернию» **).

«Имея за собой опыт развития артельного сыроварения в Тверской губернии, организаторы этого дела в Ярославской губ. могли избежать многих ошибок, допущенных в первом случае» ***).

---

*) Цитировано на стр. 33 «Артельных начинаний».
**) Там же, стр. 29.
***) Там же, стр. 31.

Могли,—но или не избежали, или наделали новых ошибок, потому что с 1873 года и в Ярославской губернии артельные сыроварни «стали закрываться одна за другой» *).

Подобная же участь постигла артельное сыроварение и в Новгородской губернии. В Гдовском у. Петербургской губ. открыта была г. Бландовым, при содействии земства, артельная сыроварня, но... «вместо ожидавшейся прибыли получился убыток в 250 руб., и артель распалась» **). Такие же попытки были сделаны на Дону и на Кавказе, «но, по неудовлетворительности получавшегося продукта, сыроварни терпели убытки и были закрыты» ***).

В настоящее время во всем нашем обширном отечестве можно насчитать всего лишь несколько *артельных* сыроварень. Это, очевидно, не то, к чему стремились инициаторы артельного сыроварения. Печальный исход их дела сильно охладил широкие порывы этих пылких людей. «В виду сказанного естественно, — говорит г. Воронцов,—если организаторы русского сыро- и маслоделия, бывшие в то же время и наиболее энергичными представителями идеи артели, г.г. Бирюлев, Бландов и Верещагин, обратили главное внимание на приспособление новой отрасли промышленности к общим хозяйственным условиям нашей страны, осуществление же идеи артельной организации промысла отложили до того времени, когда он твердо станет на ноги в техническом и торговом отношениях. Когда же этот момент наступил, названные лица оказались находящимися во главе крупных и важных предприятий учебного и коммерческого характера, а общественная атмосфера весьма мало благоприятствовала появлению новых представителей идеи артельного производства» ****).

Итак, начали насаждением «артельного принципа», кончили «предприятиями коммерческого характера». Это своего рода предостережение для всех тех, которые до сих пор увлекаются у нас названным «принципом». Больше ничего и не вышло из пресловутого артельного сыроварения.

Впрочем, нет, это не совсем так! Вышло еще кое-что, о чем писал покойный А. Энгельгардт в «Отечественных Записках».

«Нам говорят, что там, где устроились сыроварни, недоимок нет. Я этому охотно верю. Разумеется, хозяева, получая деньги за молоко,

*) Там же, стр. 34.
**) Там же, стр. 36.
***) Там же, стр. 37.
****) Там же, стр. 41.

будут исправнее платить повинности, будут больше пить водки (следовательно, более платить акциза), может быть, будут лучше одеваться. Но, с другой стороны, с устройством артельных сыроварен, уменьшится потребление крестьянами молока, вследствие чего *увеличится смертность детей*» *).

Так вот, пришли не только к «предприятиям коммерческого характера», но и к ухудшению пищи крестьянских детей, вследствие которого, действительно, должна была возрасти их *смертность*.

О, дети, дети, как опасны ваши лета!

Мы говорим это не о тех детях, которые лишены были молока вследствие возникновения артельных сыроварень, а о тех, которые заводили сыроварни, да еще о тех, которые рукоплескали их затее. Это были, несомненно, довольно опасные дети.

Г. Воронцов, говоря об артельных сыроварнях, позабыл упомянуть о статье Энгельгардта. Это понятно. Но мы считали себя обязанными напомнить о ней. Организаторы артельного сыроварения шли в комнату, а попали в другую. *И то же самое непременно произойдет со всеми нашими сторонниками «артельного принципа»*. И не может не произойти. При современных наших экономических условиях *артель непременно должна превратиться в свою собственную противоположность*. Из этого общего правила возможны, конечно, некоторые маленькие исключения. Но ведь маленькими исключениями «побороть капитализм» решительно немыслимо.

Г. Воронцов, конечно, не согласится с нами. Печальная история артельных злоключений странным образом приводит его к тому выводу, что артельному принципу предстоит чуть не полное торжество в нашем отечестве. Он, вместе с г. Калантаром, жалуется на то, что «и литература, и практика были очень поспешны в выводах, и дело, так торжественно начатое, привлекшее столько искренних симпатий со стороны общества, осуждено на забытие без всякой серьезной критики, без попыток отделить временное и случайное от постоянного». По его мнению, как и по мнению г. Калантара, «дело осуществления артельного сыроварения еще впереди, как оно ни пало низко в глазах практиков, считающих всякий новый голос за артельное сыроварение детским лепетом» (стр. 41). Ввиду этого мнения нашего «авторитетного» экономиста, полезно будет попытаться «отделить временное и случайное от постоянного», т.-е. спросить себя: в чем

*) *А. Энгельгардт.* «Вопросы русского сельского хозяйства», «Отечеств. Зап.» 1872 г., февраль, стр. 150.

же заключаются причины тех неудач, которые постигли «артельные начинания русского общества», относящиеся к концу шестидесятых и началу семидесятых годов.

Что касается артельных сыроварень, то на наш вопрос отвечает г. С. Дерунов, прекрасные слова которого о времени первых попыток насадить артельное сыроварение мы привели выше. «Может быть, эта самая торопливость, эта энергия в деле, бесспорно полезном, но еще новом, требовавшем более строгого выбора и осмотрительности, и способствовала впоследствии распадению артелей, — говорит этот красноречивый и пылкий человек.—В члены артелей вошли такие лица, которые, мало понимая артельное дело, были притом и не вполне благонадежны как с нравственной, так и с экономической стороны: у них часто вовсе не было излишнего молока для сыроварения. В старосты выбирались также не артельные люди, а люди себе на уме» *).

Г. Воронцов приводит *без всяких возражений* эти слова красноречивого г. С. Дерунова; стало быть, он с ним согласен. А если согласен, то его отношение к «артельному принципу» выступает в новом свете. В таком случае, задачей организаторов артелей является: 1) устранение из них «людей себе на уме», которые превратили бы артели в простые «коммерческие предприятия»; 2) недопущение в них лиц «неблагонадежных в экономическом отношении», т.-е., выражаясь не возвышенным языком г. Дерунова, а подлым штилем политико-экономической прозы, всех тех бедняков, с которых, по народному выражению, «взятки гладки». Нечего и говорить, что устранение этого люда значительно облегчит развитие на Руси артельного дела. Но вот беда: ведь с его устранением сами артели превратятся в простые «коммерческие предприятия»! В них будет процветать,— если будет процветать,—тот самый «хозяйственный мужичек», который и теперь уже хорошо знает, где раки зимуют.

«Новейшее артельное движение среди русского общества не имеет идеалистического характера увлечения идеей кооперации, отличающего движение шестидесятых годов»,—говорит г. Воронцов в статье: «Артели для подрядных и наемных работ» («Новое Слово», октябрь 1895, стр. 72). Справедливо! Современные наши носители артельного принципа, действительно, не похожи на своих предшественников. Они могут сказать о себе словами Фауста:

*) Цитир. на 33 стр. Артельных начинаний».

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust!

В каждом нынешнем стороннике артелей живет, во-первых, душа Дон-Кихота, а во-вторых—душа Санчо-Пансы. Дон-Кихот кричит: *«заведу артели»*. Санчо-Панса рассудительно прибавляет: *«при чем устраню неблагонадежные в экономическом отношении элементы»*. В конце концов благоразумный Санчо, разумеется, берет верх над пылким рыцарем печального образа. Das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu*).

По словам г. Воронцова, со второй половины 80-х годов «появилось опять стремление к внесению артельного начала в область мелкого производства, но уже не в виде увлечения идеей массы общества, как в первый период пореформенного времени, а в форме заботы об этом со стороны деловых людей, соприкасающихся с нуждами кустарей и пытающихся дать ответ на возникающие в данной сфере запросы» **).

Мал золотник, да дорог! Не много теперь людей, насаждающих артельный принцип, но это деловые люди, не имеющие «идеалистического характера», отличавшего деятелей шестидесятых годов. Теперь артельный принцип, наверное, пойдет семимильными шагами!

Уже и теперь есть не мало задатков его широкого распространения. «По исследованию г. Клачко, в 1884 г. в Петербурге существовало две артели: женская брошюровочная и переплетная, состоявшая из 9 полноправных членов; столярная, основанная в 1869 г. и состоящая из 3-х членов, заведывающих тремя мастерскими, в коих

*) Что Санчо одолевает Дон-Кихота, показывает еще пример Царевококшайской земской управы. Эта управа решила поддерживать смолокурные артели... Казанское губернское земство в 1880 году выдало Царевококшайскому на 20 лет 10.000 рублей беспроцентной ссуды и «смолокурное дело» пошло в ход. Но... «дело в том, что до 1884 года ссуды возвращались кустарями весьма исправно; с этого же года в возмещении ссуд стали замечаться затяжки, так что земской управе весьма часто приходилось прибегать к пред'явлению исков (знакомая история!) против неисправных должников. Такое положение дела зависело отчасти от того, что в состав артелей прокралось много лиц в имущественном отношении неблагонадежных (Ох, уж эти неблагонадежные! Всегда они прокрадутся во всякое хорошее «начинание» народолюбивой интеллигенции!); кроме того, явилось известное число артелей совершенно фиктивных, члены которых, прикрываясь лишь договором о составлении артели для выработки тех или других лесных изделий, брали из ссудной кассы деньги совершенно для иных целей (торговли и т. п.). Поэтому земская управа стала вообще гораздо строже относиться к выдаче ссуд. Имущественное состояние артелей (sic) и цель получения ссуды стали проверяться тщательнее» и т. д. («Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», том III, стр. 21) Словом, теперь управа решила руководствоваться принципом: если ты имеешь много, то тебе еще дадут, если же мало, то и это очень малое возьмут (для помощи артелям). Теперь, наверное, процветут артели!

**) «Артельные начинания», стр. 17.

работают по найму 30 человек; артель имеет собственный магазин» *).

Петербургская столярная артель устроена, повидимому, более в духе Санчо, чем в духе Дон-Кихота: 30 наемных рабочих на 3-х человек «*артельных*» предпринимателей! Но зато женская, кажется, верна истинному духу артели. И притом состоит она не из 3-х, а из 9,—подумайте только, девяти! —«полноправных членов». Ясно, что скоро придет конец петербургскому капитализму.

Наши артельные начинания окончились неудачей не только потому, что начинатели заражены были «идеалистическими» стремлениями. Нет, причина неудачи лежит гораздо глубже. Она заключается в неспособности современного русского производителя к артельному ведению дела. Г. Воронцов не замечает этой неспособности. Напротив, он полагает, что русский народ есть избранный народ артельного принципа. Но в его же собственной книге можно найти не мало данных, подтверждающих нашу мысль. Вот что читаем мы, например, на стр. 75 «Артельных начинаний».

«Имея... в виду, что наши кустари образуют невежественную массу, почти не могущую на первых порах учредить правильный контроль за действиями доверенных лиц в столь сложном деле, представляется необходимым, чтобы правление артели, кроме знания своего дела, отличалось еще особенной добросовестностью, удерживающею его от злоупотребления своим положением, или чтобы оно находилось под неусыпным контролем какого-либо постороннего учреждения».

Комиссия по исследованию кустарной промышленности в России, составляя проект устава для Воткинской артели, «не упустила из виду, что в большинстве товариществ подобного рода причина неуспеха заключается в отсутствии руководителей» и т. д. **).

В Тульскую кустарную артель вошли: начальник оружейного завода, вице-губернатор, председатель казенной палаты, председатель губернской земской управы, несколько горных инженеров и т. д., и т. д. Решено было, что участие в артели этих посторонних лиц полезно между прочим, «в том отношении, что, будучи вполне беспристрастными в обсуждении различных вопросов, эти лица парализуют возможное влияние на дела артели нескольких крупных мастеров,

*) Там же, стр. 66.
**) Там же, стр. 78.

которые без их участия могли бы обратить артель в орудие своих личных целей» *).

Словом, «самодеятельность» нашего кустарного населения в этом случае равняется нулю. Если артели местами и держатся, то главным образом потому, что их поддерживает вмешательство «*посторонних учреждений*» или не менее посторонних лиц, в роде г. *Штанге*, посвящающего не мало времени Павловской артели, или г. *Морозова* и других *капиталистов*, довольно щедро помогающих деньгами г. Штанге в его «*борьбе с капитализмом*». А это значит, что артельные организации строятся лишь... на песце «суб'ективных» добродетелей русской интеллигенции. Но этот песок непрочная опора, тем более, что и «интеллигенция»-то не имеет уже «идеалистического характера» интеллигенции шестидесятых годов.

«Если земледельцы-общинники,—говорит, г. Воронцов,—получают некоторое воспитание, облегчающее их соединение в качестве самостоятельных хозяев для целей промыслово-кустарного заработка, а ремесленники специалисты экономической организацией своего промысла предрасполагаются не к солидарности, а к розни, то фабричные и заводские рабочие находятся в такой обстановке, в которой хотя бы они и не приобретали способности к самостоятельному ведению общего предприятия, зато приучаются работать вместе, делать одно общее дело. По этой причине, при известных условиях, среди этих рабочих может легко зародиться мысль об устройстве артельного предприятия и, при известной комбинации обстоятельств, такая мысль может получить осуществление» **).

Это мнение г. Воронцова несколько напоминает известное соображение некоторых людей относительно пользы «фабричного котла». Мы не станем рассматривать здесь, насколько основательно это соображение вообще, и насколько правильно поняли его люди, поносившие его—

При всем честном собраньи
Басурманской разной бранью.

Заметим только, что, к сожалению, и заводские артели идут у нас пока очень плохо. Г. Воронцов, разумеется, набрасывает покры-

*) Там же, стр. 80. На Старском стеклянном заводе, по словам г. Субботина, многие вопросы, довольно мелкие по существу, оказались тем не менее не под силу для разрешения артели и члены ее обращаются, как дети, к директору конкурса, напр., с просьбою объяснить им, как считаться за поставленные хлеб и мясо, как рассчитываться с бывшим старостой». («Поездка по кустарным районам и кустарные артели», стр. 71).

**) Артельные начинания», стр. 73.

вало стыдливости на их слабые стороны. Но в тех источниках, на которые он, между прочим, ссылается, встречаются очень поучительные страницы. Вот, например, что узнаем мы от г. В. И. Каталея о чернятинской артели, основанной по инициативе г. Стукалича на стеклянном заводе в д. Стари (Чернятино то-ж).

«Выплачивая, в среднем, артели за ящик стекла по 12 р., контора сама сбывает этот товар, приблизительно, по 14 р. за ящик, и всю прибыль таким образом сохраняет за собою. Цена, платимая артели за готовый товар, устанавливается применительно к ценам, по которым обходился конторе товар, когда работы производились поденщиками. Следовательно, Чернятинская артель промышленною артелью, в тесном смысле этого выражения, названа быть не может. Самостоятельной хозяйственной единицы она из себя не представляет; это скорее способ раздачи заводом работ на издельном начале, так как ни риска потерпеть убыток, ни возможности выручить прибыль, сопряженных со всяким самостоятельным производством и находящихся в зависимости от колебания рыночных цен на сырье и фабрикат, эта артель (иметь?) не может... Значительные выгоды представляют подобные артели для хозяина завода, т.-е., в данном случае, для конкурсного управления. Они дают возможность до минимума сокращать администрацию завода, предоставленного артели, ограничиваясь приставлением к заводу лишь лиц, назначение которых сдавать артели сырые материалы и принимать готовый товар» *).

По этому же типу устроена и артель на чугунно-литейном заводе в с. Любохне (тоже один из бывших мальцевских заводов).

Чтобы ликовать по поводу появления таких артелей, надо обладать очень значительным запасом наивности.

Г. Каталей заявляет, что «совсем иною по существу представляется артель, учрежденная тоже в районе бывших мальцевских заводов и также в недавнее время, именно артель кустарных мастеров села Людинова Жиздринского уезда Калужской губернии». Как видно из его же описания этой артели, она, действительно, довольно сильно отличается от двух вышеупомянутых. Эта артель, по словам г. Каталея, «не есть самостоятельная ассоциация рабочих-кустарей, а простое товарищество на паях. При таких условиях и слово артельщик правильнее было бы заменить словом пайщик» **). Цель учре-

*) «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», т. I стр. 312—313.

**) Там же, стр. 313 и 315.

ждения этой артели «заключалась в желании притти этим путем на помощь правлению бывших Мальцевских заводов в деле возобновления работ на Людиновском заводе» *). Похвальная цель! Но какое отношение имеет она к «борьбе с капитализмом»?

Что местами дела той или другой артели могут пойти, как исключение, недурно, это не подлежит сомнению. Но чтобы умозаключать отсюда, что производительные кустарные артели с'едят капитализм, подобно тому, как тощие фараоновы коровы с'ели тучных коров, для этого надо обладать чисто маниловской фантазией. Вот почему люди, обладающие простым здравым смыслом, смотрят на будущность артелей по меньшей мере скептически.

«Кустарные артели, за немногими исключениями, не прививаются в России,—говорит г. А. Субботин.—Мы видели это на артелях тверского земства, которые были устроены в начале семидесятых годов. Артели могут развиваться только тогда, когда есть значительный оборотный капитал, поддержка извне, участие посторонних влиятельных лиц, а главное интеллигентные идейные руководители. Если этих условий нет, то дело грозит разрушиться, как это мы видели на Павловской складочной, Камско-воткинской, отчасти также на Людиновской и других артелях. Держится только Тульская артель в виду исключительных благоприятных условий, потому что в ней участвуют влиятельные лица и действует несколько интеллигентных руководителей».

«Артели кустарей,—продолжает тот же исследователь,—не имеют большой будущности, так как они не могут выделить из себя руководящего элемента главным образом для расширения коммерческих сношений, для завоевания рынков, для противодействия скупщикам, т.-е. для тех форм воздействия, для которых требуется более широкий взгляд, опыт и умение, чем какие имеются у простых мастеровых. Самые бедные и обездоленные кустари не могут участвовать в артелях, ибо не имеют возможности ждать платы за свои изделия ни одного дня и не в состоянии уплатить членского вступного взноса» **).

Тот же г. Субботин совершенно справедливо замечает, что «все подобные меры, как устройство артелей, основание образцовых мастерских, музеев, технических школ, складов и т. п. в конце концов

*) Там же, стр. 314. В октябре 1891 г. Людиновская артель окончательно пришла в упадок. (См. *А. П. Субботина*, «Поездка по кустарным районам» и т. д.).

**) «Поездка и т. д.», стр. 72—73.

помогают вовсе не тем, кто больше всего нуждается в помощи, так как беднейшие кустари не в состоянии пользоваться благами этих организаций; помогают же они только менее нуждающимся, положение же самых несчастных кустарей может еще больше ухудшиться от подобных образцовых учреждений; ими воспользуется одна группа кустарей, которая и явится на рынке новым конкурентом для остальных» *).

Чтобы названные меры не привели к подобным результатам, надо, по мнению г. Субботина, чтобы «они охватывали не отдельные группы кустарей, а целые районы; в частности относительно артелей желательно, чтобы в состав их входили все кустари данной местности» **).

Когда это будет, мы не знаем, т.-е., откровеннее сказать, мы знаем, что этого *совсем не будет*. А пока этого не будет, до тех пор останется справедливым то положение г. Субботина, что *так называемая помощь кустарям есть на самом деле лишь помощь одному более зажиточному слою кустарей, т.-е. в сущности помощь мелкому капитализму*.

В последнее время наша «передовая» печать стала с гордостью указывать на *сельско-хозяйственные* крестьянские артели. О них говорил г. Карышев в «Русском Богатстве», на них, как на особенно знаменательное явление, сослался г. Кудрин в том же журнале. Г. Кудрин—человек молодой: его имя в первый раз встречается в литературе. Ему простительны, стало быть, ребяческие увлечения и обобщения. Но от *зрелых* людей можно было бы ожидать иного отношения к вопросу о сельско-хозяйственных артелях.

Сельско-хозяйственные крестьянские артели существуют у нас в Шадринском уезде Пермской губ. и в Александрийском—Херсонской. В этом последнем уезде артели возникли лишь в начале 1895 г., и все, что о них известно до настоящего времени, это их устав, написанный, очевидно, не их участниками, а их «*интеллигентным*» организатором. Устав очень длинен: в нем 53 параграфа. В нем очень много моральных рассуждений на толстовскую тему: *чем люди живы*. Это отчасти *устав*, а отчасти—*нотация*. Что касается распределения продуктов артельного производства, то оно несколько напоминает распределение их в фурьеровском фаланстере: *не обижен труд, не обижен и капитал*; только *талант* оставлен без надлежащего

*) Там же, стр. 73—74.
**) Там же, стр. 74.

вознаграждения. Конечно, мы желаем полного успеха нашему *херсонскому* quasi-фурьеристу, но сомневаемся, чтобы этот успех превзошел более чем скромные практические успехи *французских* фурьеристов. Что касается шадринских артелей, то о них можно прочитать в брошюре г. А. Соломона: «*Крестьянские сельско-хозяйственные артели*» (С.-Петербург, 1895). Чтобы судить об их экономическом значении, достаточно принять в соображение несколько цифр. Весною 1892 г. в Шадринском уезде было 23.992 семейства (115.780 душ об. п.) *безхозяйных* (37,8% всего крестьянского населения уезда). К осени того же года в том же уезде считалось около 50 артелей. Г. Соломон имеет сведения по 38 артелям: 27 из них были организованы весной и летом 1892 г., а 9—весною 1893 г. В первых было 136 членов, состав семей которых равнялся 776 душам обоего пола; в среднем артель состоит из 5 членов. В артелях, основанных в 1893 г., членов было – 51, с семейным составом в 270 душ. Г. Соломон полагает, что «*в числе мер под'ема экономического благосостояния крестьян*» крестьянские сельско-хозяйственные артели «*занимают не последнее место*». Мы не станем спорить с г. Соломоном: очевидно,—он убежденный гомеопат. Мы приведем только его отзыв о внутренней жизни шадринских артелей.

«В жизни артелей за отчетное время имели место и несогласия между отдельными членами артелей, обусловливаемые главным образом непониманием своих же выгод, желанием воспользоваться чем-либо из артельного имущества в ущерб остальным членам артелей. Артель, нередко являясь бессильной разобраться в том или другом недоразумении, обращалась обыкновенно к артельному попечителю. Многие из последних, будучи и сами людьми мало интеллигентными, у которых нередко бывали и личные счеты с тем или другим из спорящих, не всегда могли стать на об'ективную почву и этим часто оказывали отрицательное влияние. Но на-ряду с этим правильное понимание попечителями своих обязанностей всегда способствовало успешному ходу артельного предприятия, как это показала практика.

«Из отрицательных сторон отметим еще и недобросовестное отношение артельных старост, которые, в особенности при невнимательном отношении попечителя, пользуясь своим положением, иногда удерживали у себя лошадей дольше, чем следовало, иногда вовсе не давали лошадей своим товарищам, отдавая их в чужую работу, плату за которую присваивали себе, чем часто оказывали, конечно, вредное влияние на дела артелей. Таковы те немногие результаты, с какими

знакомит крайне ограниченный, но не лишенный интереса опыт применения артельного начала в крестьянском сельском хозяйстве» *).

Совершенно такие же «*отрицательные стороны*» видели мы в жизни *кустарных* артелей, основывавшихся на земские деньги. В числе причин, *погубивших* кустарные артели, эти стороны «*занимают не последнее место*» **).

Но довольно о *производительных* артелях. Наши народники охотно славословят эти артели. Тем не менее, даже в их «программе» дело сколько-нибудь широкой организации таких артелей отодвигается в более или менее отдаленное и, во всяком случае, чрезвычайно туманное будущее. В настоящее же время «хлопоты» их направлены главным образом в сторону доставления кустарям дешевого кредита, устройства ассоциаций для покупки сырья, организации сбыта кустарных изделий, улучшения техники кустарного производства и т. п. «Все наши лучшие и компетентнейшие исследователи кустарной промышленности,—говорит г. Плотников,—сходятся во мнении, что артельная форма, будет ли это в заготовке сырого материала, в самом производстве или в сбыте товара, представляется наиболее важной и коренной мерой к поддержанию и упрочению сельской промышленности и надежнейшим оплотом для кустарного производства в борьбе его с эксплоатирующими посредниками и скупщиками. Но с этой формой, как известно из горького опыта, следует обходиться с крайней осторожностью, так как всякая неудачная попытка насаждения артели при неблагоприятных для ее устойчивости местных и других условиях ведет только к полному дискредитированию этого прекрасного учреждения, к торжеству разных скупщиков и местных «хозяйчиков» и к дальнейшему ухудшению положения массы кустарей... Более целесообразным является не образование артелей там, где до тех пор их не было, но постепенное развитие уже существующих артелей и зачатков артельной организации» ***). Зачатки такой организации существуют, по мнению г. Плотникова, в смолокуренном, кузнечном и «других» промыслах. Но он сам замечает, что во всех этих промыслах артельное начало имеет лишь «*крайне неполное при-*

*) «Крестьянские сельско-хозяйственные артели», стр. 14—15.

**) В семидесятых годах кто-то—если не ошибаемся г. Златовратский,—сравнивал нашу общину с рубахой, в которую тяжелые «внешние условия» вгоняют несколько человек сразу. Шадринские артели—это даже не рубаха, а просто *рубище*, под которым ютится от непогоды несколько голяков. Если только пройдет непогода, если голяки перестанут быть голяками, они немедленно распростятся с рубищем, и тогда—прости, прощай «*артельный дух*».

***) «Кустарные промыслы Нижегородской губ.», стр. 54—55.

менение» (курсив наш). Понятно, что на этих *«крайне неполных»* зачатках далеко не уедешь и что народники и сами не могли бы придавать значение своей «борьбе с капитализмом», если бы она ограничивалась культивированием подобных зачатков. Поэтому г. Плотников выдвигает на первый план *дешевый кредит, упорядочение и расширение сбыта, устройство профессиональных школ и т. п.* Так же поступает и г. Пругавин, как известно, один из «столпов» народничества. Он рекомендует «расширение площади земельного владения» кустарей, а затем сводит «все остальные меры» помощи к следующим «категориям»: 1) распространение среди кустарей общего и технического образования, 2) доставка им сырого материала и 3) облегчение условий сбыта*). Правда, г. Пругавин советует также *«наконец»* помогать кустарям в приобретении дорогих орудий на артельных началах. Но г. Пругавин и сам не верит в возможность широкого развития у нас *артельного* кустарного производства. Это видно из следующего его заявления. «Без сомнения, будущее принадлежит крупному производству. Задача промышленного прогресса должна состоять лишь в том, чтобы овладеть этой формой на началах коллективизма. Но это—лишь великая цель, к которой мы стремимся и при осуществлении которой приходится считаться с целым рядом фактически создавшихся в стране условий экономического и общественно-политического характера» **). Из этой оговорки следует, что *«пока»* народникам *«приходится»* поддерживать почти исключительно мелкое «самостоятельное» производство. Г. Воронцов в сущности держится того же мнения. «Известны примеры попыток... внести в мелкое производство артельную организацию. Эти попытки в большинстве случаев оказались бесплодными, между прочим потому, что инициаторы задавались широкой целью охватить артельной организацией всю промышленную жизнь мастера, не обращая внимания на то, что века разрозненной деятельности кустарей не могли не отразиться на их характере, сделав его малоспособным к широкому применению принципов кооперации, и что нужно постепенное воспитание массы» и т. п. ***).

Если бы старания народников увенчались сколько-нибудь значительным успехом, то они, несомненно, облегчили бы некоторому

*) «Кустарь на выставке 1882 года», стр. 54.
**) Там же, стр. 50
***) «Очерки кустарной промышленности», стр. 113. Знаменитый *артельный дух оказывается*, как видите, *несостоятельным*.

слою кустарей борьбу с крупными предпринимателями и ослабили бы его зависимость от скупщиков и вообще всякого рода посредников. Но какому именно слою? *Наиболее зажиточному, тому, который и теперь частью переходит, частью, как мы видели, уже перешел в ряды покупщиков чужой рабочей силы.* «Хлопоты» народников привели бы в этом случае к тому же, к чему приводит крестьянский банк и распространение улучшенных сельско-хозяйственных орудий между крестьянами: *и без того очень значительное слоение деревенского населения приняло бы тогда еще большие размеры; богатые стали бы еще богаче, и уже по одному этому бедные стали бы, по крайней мере относительно, еще беднее.* В последнем счете восторжествовали бы те самые «мастерки» и «хозяйчики», с которыми собираются бороться г.г. народники. Но это еще не все. Откуда взялись бы те средства, которые нужны для осуществления народнических планов помощи кустарной промышленности? Их пришлось бы искать в *народном кармане.* На практике здесь дело свелось бы к тому, что деньги взяты были бы главным образом с самой бедной части крестьянского населения, а воспользовалась бы ими только его наиболее зажиточная часть. Вот вам еще одно основание для того, чтобы богатые стали еще богаче, а бедные еще беднее. И вышло бы так, что народники помогли бы не трудящейся массе, во имя которой ведутся их «хлопоты», а именно эксплоататорам этой массы.

Вот яркий пример для пояснения нашей мысли. Г. Плотников горячо стоит за помощь кустарям вообще, и за помощь нижегородским кожевникам, в частности. По его словам, кустарное кожевенное производство терпит от конкуренции петербургских заводов, от недостатка свободных капиталов, от невозможности дешевых закупок, от недостатка казенных заказов, и т. д. «Только обширный, по возможности дешевый кредит,—говорит он,—мог бы поднять и поставить... промысел на надлежащую высоту» *). Положим, что «хлопоты», г. Плотникова увенчались успехом, что у кустарей-кожевников явились и казенные заказы, и дешевый кредит. Что вышло бы из этого? Сам г. Плотников говорит, что в этой области кустарного дела *преобладает наемный труд*; из его книги,—да и не только из *его* книги,—видно, что кустарное кожевенное производство есть в сущности *мелкое заводское производство.* Ясно, стало быть, что «дешевый» и «обширный» кредит только облегчил бы *мелким* капиталистам-завод-

*) Там же, стр. 227.

чикам Нижегородской губ. борьбу с *крупными* заводчиками-капиталистами Петербурга. А между тем, помощь этим «*кустарям*» взята была бы из народного кармана.

В № 139 «Русских Ведомостей» 1895 года мы прочитали следующее известие:

Петербург. При кустарном комитете министерства земледелия работала комиссия по снабжению кустарей сырыми материалами. Комиссия состояла из председателя проф. Исаева и членов: М. И. Аргамаковой, С. А. Давыдовой, г.г. Арсеньева, Лоранского, Пономарева и Тихонова. Ближайшее участие в делах комиссии принимал Д. А. Тимирязев; окончив занятия, комиссия внесла в кустарный комитет следующия предложения: 1) снестись с казенными и частными горными заводами относительно продажи кустарям на возможно льготных условиях железа, стали, меди; 2) ходатайствовать перед министерством путей сообщения о продаже не крупным скупщикам (sic), а преимущественно кустарям, тех остатков железа и стали, которые в большом количестве накопляются в распоряжении железных дорог; 3) открыть в Павлове Нижегородской губернии склад для облегчения кустарей в приобретении сырых материалов, необходимых для изготовления кузнечно-слесарных изделий; 4) ходатайствовать перед лесным казенным управлением о продаже из казенного леса самых мелких участков на сруб и об устройстве в некоторых местах лесосушилок для первоначальной обработки материала, необходимого в древоделъных промыслах; 5) ходатайствать об открытии кредита из Государственного банка для проведения этих мер. Кустарный комитет принял эти предложения.

Кажется, не надо быть пророком, чтобы предсказать, что от осуществления мер, одобренных названной комиссией, выиграют прежде и больше всего «*некрупные скупщики*».

Правда, № 142 той же газеты принес нам известие другого рода. Этот № сообщил, что министерство финансов разработало вопрос об устройстве мелкого кредита, и что, согласно проекту министерства, ссуды будут выдаваться только тем кустарям, *которые не имеют наемных рабочих*. Это очень хорошо. Но, во-первых, осуществление этого проекта встретит почти непреодолимые трудности по той простой причине, что наемный труд играет теперь уже очень большую роль в кустарном производстве, и что на практике поневоле придется считаться с этим явлением, а, во-вторых... во-вторых, надо принять в соображение следующее:

«Переход от феодального способа производства (к капиталистическому) совершается двояким образом. Производитель становится купцом и капиталистом, в противоположность с тем, что имеет место в земледельческом натуральном хозяйстве и в средневековом городском ремесле, связанном цеховым строем. Это самый решительный путь. Но иногда купец непосредственно овладевает производством. Исторически и этот путь тоже является переходным. Но сам по себе он вовсе не ведет к перевороту в старом способе производства, который он скорее сохраняет и удерживает, как свое необходимое предварительное условие. Так, вплоть до половины текущего столетия фабрикант во французской шелковой промышленности и в английском вязальном и кружевном производстве был только по имени фабрикантом, а в действительности простым купцом, оставлявшим ткачей работать при условиях старого раз'единенного производства, и господствовавшим над ними только в качестве купца, на которого они и работали... Не изменяя способов производства, эта система только ухудшает положение непосредственных производителей, превращает их в простых наемных рабочих и пролетариев, положение которых хуже, чем положение производителей, прямо подчиненных капиталу, и присвоивает себе их прибавочный труд, опираясь на старый способ производства». Эта система *еще не настоящий капитализм*. Она с ним несовместима, и потому, являясь препятствием к его развитию, она исчезает, когда производство становится *капиталистическим в истинном смысле этого слова*.

Господство «купца», зависимость производителя от *скупщика* доходит у нас во многих отраслях кустарного производства до последней крайности. Именно это господство, с одной стороны, сохраняет в этих отраслях старый, лучше сказать, совершенно допотопный способ производства, а, с другой—наполняет надеждой сердца г. Воронцова и ему подобных.

— Пока еще сохранились старые способы производства,—рассуждают эти господа,—ничто еще не потеряно: хорошая организация кредита и продажи изделий уничтожит власть скупщиков, и тогда народное производство вновь приобретет свою первобытную чистоту, тогда у нас опять будут самостоятельные производители, которые и пойдут прямым путем к артельному способу производства.—Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и притом чаще всего дело делается совсем не так, как сказывается сказка. Уничтожение власти скупщиков, улучшив материальное положение кустарей,

дало бы огромный толчек усовершенствованию *техники* кустарного производства, успехи которой задерживаются теперь крайней бедностью производителей. А усовершенствование техники и было бы огромным шагом в направлении к *настоящему капитализму*. В производительные артели вошла бы в самом лучшем случае только небольшая часть кустарей, да и та, прочно ставши на ноги, превратилась бы, как это мы не раз видели на Западе и даже в России, в особую разновидность предпринимателей *). Остальная же часть прямо пошла бы к *«сотрудничеству» путем наемного труда*. Иначе сказать, в этой остальной части господство *купца* сменилось бы господством *капиталистов-предпринимателей*, вышедших из среды самих кустарей. Товарное производство, с его зависимостью производителя от отдаленного обширного рынка, необходимо несет с собою такие большие шансы неравенства, которых не устранить никаким кредитом. Это обстоятельство, вероятно, и имел в виду нынешний союзник народников, г. Н.—он, когда он разрушал народнические иллюзии на счет чудесного действия кредита. Вот что писал г. Н.—он.

«Кредит, будучи основан на товарном производстве, не для собственного потребления, капиталистическом, и будучи вместе с тем «механизмом, специально предназначенным для сосредоточения капитала», находясь, следовательно, в прямом противоречии с производством некапиталистическим, не может, конечно, служить ему *основой развития*. Если чему он служит, так это развитию кулаков во всех видах, но никак не может служить производителю, будь этот производитель единичным лицом или общиной, все равно. Поэтому все проекты, стремящиеся улучшить материальное положение производителя, основанные на кредите, не только не могут улучшить этого положения, но, совсем напротив, улучшая положение немногих, ухудшают—большинства. Борьба двух способов производства на поприще кредита представляется поэтому борьбой, крайне желательной для капитализма, так как именно на этом поприще он вооружен jusqu'aux dents; такая борьба только увеличивает и без того широкую арену

*) Вот, например, мало ли носились наши народники с знаменитой Воткинской артелью кузнецов. Сарапульское земство не скупилось на ссуды этой артели. И что же? «В последнее время в печать проникают известия о некоторых признаках, знаменующих собою упадок артели и *возрастающее неполноправие ее членов*» (курсив наш). (Волжский Вестник». 1889 г., №№ 251 и 252, цитир. у г. Плотникова, «Промыслы Нижегородской губ»., стр. 78). А известно ли г.г. народникам, как шли дела в тульской артели?

капитализма, убивая вместе с тем и последние остатки противоположного ему способа производства» *).

Из всего этого ни мало не следует, конечно, что *не нужно* помогать кустарям, не нужно бороться против власти скупщиков. Наоборот, *очень нужно*. Ослабление—не говорим полное уничтожение, потому что это, к сожалению, дело несбыточное—их власти будет очень полезно трудящейся массе. Но полезно именно тем, что оно *приведет, наконец, к господству настоящего капитализма с его не только дурными, но и хорошими последствиями, а не тем, что оно устранит будто бы капитализм, как этого ожидают народники.*

Наши народники во многом напоминают славянофилов. Интересно, поэтому, сравнить народническую идеализацию «*народного производства*» с той идеализацией нашей «*народной бытовой силы*», которая отличала славянофильские воззрения.

«*Село*—вот, скажем кстати, заглавие того ученого труда, к которому мы призываем наших статистиков, экономистов, политиков, юристов и пр. и пр.,—писал И. С. Аксаков,—село с его сельскою промышленностью, торговлею, ремесленным, фабричным и заводским производством, село пашенное, село торговое, село с неот'емлемым от него общинным обычаем, общинным самоуправлением. Разрушим ли мы эти вместилища, эти резервуары народной бытовой силы? эти центры народной жизни, которые способны и к развитию, и к просвещению,—для того, чтобы, с одной стороны, создать крупную личную собственность для нескольких единиц, а, с другой, чтобы скопить в городах бездомное, бессильное население?»**).

И. С. Аксаков не хотел *крупной личной собственности* и скопления в *городах* бездомного населения. Поэтому он идеализировал *село*, не подозревая, что сельская торговля и *сельская фабричная промышленность* неизбежно ведут к развитию той крупной личной собственности и того бездомного населения, появление которых ему хотелось бы предупредить.

Наши народники тоже хотели бы предупредить развитие у нас крупной личной собственности со всеми ее последствиями. Поэтому они тоже идеализируют «*село*». Но они уже поняли значение фабричной промышленности. Поэтому они хотят «*села*» *без фабрики*. Они не подозревают, что «село» заключает в себе—и *помимо фаб-*

*) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», стр. 76.

**) «День», 1865 г., ст. от 6 и 12 марта, перепеч. в «Полном собрании сочинений» И. С. Аксакова.

рики — множество противоположных интересов, движение которых необходимо должно привести, в последнем счете, к полному торжеству «личной крупной собственности».

Идеализируя «село» с фабрикой и пр., И. С. Аксаков фактически становится выразителем интересов *нашей крупной буржуазии.*

Идеализируя «село» без фабрики, но с мелкой кустарной промышленностью, наши народники фактически стали выразителями интересов *нашей мелкой буржуазии.*

В качестве выразителя интересов крупной буржуазии И. С. Аксаков хотел, чтобы «все, непосредственно содействующее нашему материальному благосостоянию, было главным, если не исключительным, предметом законодательных забот и стремлений».

Под материальными заботами он понимал главным образом *развитие железных дорог, покровительственный тариф и т. п.*

Современный наш покровительственный тариф является в глазах народников одною из главных причин народного обеднения. Они ненавидят его от всей души. Но не надо думать, что они *по принципу* воюют с покровительственным тарифом. Нет, в качестве выразителей интересов мелкой буржуазии, они осуждают его лишь постольку, поскольку он обогащает *крупных капиталистов.* А сам по себе он кажется им не только не вредным, но даже необходимым для поддержания и развития «народной промышленности». Вот, например, посмотрите, как относятся к нему нижегородские защитники кустарей.

«Что касается ходатайств об изменении тарифа в пользу Нижегородской кустарной промышленности, то земство прибегало к ним неоднократно... Горбатовское земство, считая одной из главных причин плохого сбыта кустарных павловских изделий понижение тарифа на ввозные стальные изделия и повышение его на сталь, в 1884 году постановило ходатайствовать перед правительством о возвышении тарифа на ввозимые из-за границы стале-слесарные и замочные изделия и понижении тарифа на заграничную сталь. Ходатайство Горбатовского уездного земства увенчалось успехом... Подобное ходатайство было отправлено в 1888 году Нижегородским уездным земством; желая притти на помощь Безводинским кустарям, выделывающим удочку, оно просило правительство возвысить пошлины на привозные удочки» *).

*) *Плотников,* цит. соч., стр., 97.

Как это понятно само собою, у нас нет решительно никаких оснований ожидать, что подобного рода ходатайства не станут повторяться в будущем, в виду «нужд» каких-нибудь отраслей кустарного производства. Совершенно наоборот. С иностранной конкуренцией невозможно было бы бороться нашей кустарной мелкой буржуазии. Поэтому защитники «народного производства» вынуждены будут держаться за то самое «покровительство отечественной промышленности», которое они так часто и так неосторожно проклинают. Они называют покровительственный тариф тяжелым налогом на потребителя. Мы видим теперь, что их раздражает, в сущности, не налог, а то обстоятельство, что этот налог обогащает *крупных капиталистов, а не мелкую буржуазию.*

Та же история повторяется и с *железными дорогами*. Железные дороги, чрезвычайно сильно содействуя развитию товарного производства, столь же сильно разрушают старые «устои». Поэтому народники нередко оплакивают их разрушительное действие. Но в своих заботах о «народном производстве» народники наталкиваются на необходимость расширения сбыта кустарных изделий. Железные дороги облегчают сбыт. Поэтому те же народники должны высказываться за железные дороги. Это мы и видим, напр., в уже цитированном нами сочинении г. Пругавина «Кустарь на выставке». «Сюда (т.-е. в число мер помощи кустарям) войдут все меры, имеющие целью сблизить кустаря с местами закупки сырого материала и рынками сбыта товаров (кредит, пути сообщения...)»,—говорит г. Пругавин (стр. 14).

Наконец, совершенно тоже видим,—а еще более увидим,—мы и в вопросе о *рынках*. Погоня крупных предпринимателей за рынками вызывает в идеологе мелкой буржуазии чувство, близкое к омерзению. Поучительные примеры риторического выражения такого чувства можно было бы привести из истории просветительной французской литературы XVIII столетия. Но если мелкий производитель не ремесленник, если он сам работает на обширный и более или менее отдаленный рынок, то и для него как нельзя более выгодно увеличение этого рынка. Поэтому его идеолог, защитник «народной промышленности», начинает «хлопотать» и о рынке. Так, наши народники подумывают уже о сбыте кустарных изделий за границу и—замечательное дело!—вопрос о заграничных рынках в этом случае сразу принимает в их рассуждениях совершенно новый вид. Когда речь идет о завоевании заграничных рынков для произведений нашей *крупной* промышленности, народники твердят, что это дело совсем

безнадежное, что «куда уж нам» и т. п. Но те же самые народники твердо уверены, что *кустарной* (т.-е. *мелкой* капиталистической) промышленности очень легко найти сбыт для своих изделий за границей.

«Высшим выражением товарного производства служит заграничный сбыт кустарных изделий,—говорит г. Воронцов.—Его имеют по преимуществу продукты только что описанной области (т.-е. центральной промышленной области), хотя иногда туда посылают свои изделия кустарные округа, лежащие в стороне от развитых в промышленном отношении областей. Нам известен сбыт за границу следующих продуктов кустарного производства: мехов арзамасского скорняжного района (увозятся в Грецию, Турцию и др.), сапог шитых в Выездной слободе того же уезда и в Кимрском округе. Кожи Богородского района (Нижегородской губ.) идут за границу, а после некоторой переработки возвращаются назад под именем гамбургского товара. Нижегородская деревянная посуда доходит до Англии и Франции на западе, Сибири и Индии на востоке. Ювелирные изделия Костромской губ. встречаются в Средней Азии и Индии; тульские самовары—в Персии; мелкие изделия из стекла московских камушников—в Бухаре. В Среднюю Азию сбываются гончарные гжельские изделия, ножи и замки павловского слесарного округа, льняные и бумажные ткани владимирских кустарей, кружева московских плетей и т. д.» *).

Г. В. Пругавин соблазняет нас перспективой широкого развития в Сибири столь любезного Воронцову товарного производства. «Сибирь, по отношению к соседним дикарям и рынкам Азии, должна когда-нибудь играть роль мануфактурного рынка»,—говорит он **).

Покровительственный тариф, кредит, железные дороги, расширение внутреннего рынка и завоевание заграничных—такова серьезная, деловая, нефантастическая часть программы наших защитников «*народной* промышленности». Она почти совершенно тождественна с программой сторонников крупного капиталистического производства. Народническая «формула»: *село минус фабрика* приводит нас на практике к тому же, к чему привела нас формула Аксакова: *село с его фабричным и заводским производством*.

Мы сказали, что в каждом из наших народнических «противников капитализма» сидят два человека: Дон-Кихот и Санчо-Панса.

*) «Очерки кустарной промышленности», стр. 78. Плетеями называются работницы, занимающиеся плетением.

**) «Кустарь на выставке», стр. 44.

Дон-Кихот говорит: я ниспровергну капитализм. Санчо-Панса прибавляет: а пока что поддержу мелких капиталистов и наделаю как можно больше неприятностей крупным. Этот диалог вообще довольно комичен. Но иногда он доходит до степени высокого, истинно-художественного комизма. Образчиков *такого* комизма надо искать, разумеется, прежде всего у «авторитетного» г. Воронцова. В своих «Судьбах капитализма» г. Воронцов высказал ту мысль, что «раньше, чем артельная организация охватит механическую отрасль промышленности, последняя, вероятно, перейдет в казенное заведывание» (стр. 66). Он довольно яркими красками расписал последствия такого перехода. К сожалению, им тотчас же овладели тяжелые сомнения. «Но не утопия ли все это?—скажет читатель.—Исправится ли дело с переходом в руки казны; сделаются ли его руководителями люди талантливые, способные организовать производство по всем правилам техники; будет ли администрация заводов заботиться о благосостоянии рабочего и не станет ли она, напротив того, урезывать всякий его кусок с целью наполнения собственного кармана; таким образом, процесс накопления капитала не переменит ли только внешнюю оболочку, и капиталист-казнокрад не займет ли место современного дельца?».

Г. Воронцов-Дон-Кихот хлопочет о переходе механической промышленности в казенное заведывание. Г. Воронцов-Санчо-Панса, принимая на себя вид «читателя», замечает: это было бы хорошо, но ведь, пожалуй, заведется казнокрадство. В ответ на это замечание г. Воронцов-Дон-Кихот разражается следующей тирадой: «Да, читатель! Если бы завтра исполнилось то, что мы проектируем, то именно по твоему бы и вышло. Хищные инстинкты так сильны в современном обществе, что в той или иной форме, а ближайшее будущее принадлежит им. Но это-то хищническое направление общества и послужит препятствием скорому выполнению нашего проекта, ибо указанная переорганизация промышленности поведет к уничтожению обычных приемов, которыми до сих пор хищничество питалось, а там еще жди, когда и как выработаются новые орудия хищения и попадут ли они в твои руки! Современные руководители хищников, повторяем, воспрепятствуют перемене, ближайшим результатом которой было бы изменение формы хищения.

«Указанное преобразование промышленности тогда проявит свои благодетельные последствия, когда изменится все направление нашей общественной жизни, когда сделается общепризнанным, что

руководство капитала и связанные с ним привилегии составляют зло русской жизни и что прогрессивное развитие страны возможно лишь при отсутствии всяких стеснений для проявления народной деятельности и при строгом преследовании общественными учреждениями принципа пользы рабочего населения, принципа, не затемняемого никакими другими более или менее почтенными формулами. Тогда отыщутся и ныне отсутствующие честные и талантливые деятели, которым может быть поручено преобразование нашего капиталистического производства в государственное и артельное» *).

Хорошо говорит Дон-Кихот! Но—сказать ли?—ведь он, в сущности, уступает, он соглашается с Санчо. Он утешает его тем, что его «программа», программа «рыцаря Печального Образа», осуществится еще очень не скоро. Санчо торжествует.

Дон-Кихот говорит: я поборю капитализм. Санчо прибавляет: а пока что я и капитал приобрету, и невинность соблюду. Как осуществляется на практике программа почтенного Санчо, показывает пример г-жи Костинской, на который указал когда-то г. Каблуков в одном из своих статистических исследований Московской губернии. Г-жа Костинская, купив себе имение, вместо того, чтобы притеснять соседних крестьян, связала себя с ними узами самой нежной дружбы. Она не эксплоатировала их, а, напротив, всегда старалась помочь им в затруднительных обстоятельствах. Крестьяне много выиграли от этого, да и г-жа Костинская оказалась не в убытке. Хозяйничая на 130 десятинах, она не только содержит себя и семью, но и имеет возможность «давать прекрасное воспитание своим детям». По поводу этого примера, описанного покойным В. И. Орловым, г. Каблуков—тоже один из «врагов капитализма»,—указав (в первом выпуске пятого тома «Сборника статист.сведен. Московской губ.»)на противоречие интересов крупных землевладельцев, с одной стороны, и крестьянства—с другой, замечает: «Что же касается иной постановки дела, исключающей такую противоположность и содействующей цветущему положению как крестьянского, так и частного хозяйства, то на возможность ее указывают не только различные общие положения и мнения некоторых хозяев-практиков, но даже и живой пример хозяйства В. В. Костинской в Подольском уезде» (стр. 175—176).

Г. Воронцов думает, что «случай (указываемый г. Каблуковым) вовсе не может служить примером для всех хозяев, так как он го-

*) «Судьбы капитализма», стр. 68.

раздо более, чем на эгоистическом расчете, основан на таких личных свойствах человека, какие встречаются крайне редко. Кроме умственных качеств, необходимых для организатора новой системы земледелия (!), г-жа Костинская обладает, очевидно, редкими нравственными достоинствами, она одна из тех личностей, вне народа стоящих, о которых мы говорили выше, как о способных (при известных условиях) сделаться инициаторами, пойти по новому пути, рука об руку с народом»*).

Мы охотно соглашаемся с тем, что г-жа Костинская — дама почтенная во всех отношениях. Но мы спрашиваем себя и других: да разве же ее «пример» есть пример «борьбы с капитализмом»?

В мартовской книжке крайне враждебного «капитализму» «Русского Богатства» за 1895 г. некто г. Н. Соколовский, в статье, озаглавленной: «В одном из захолустьев», пропел целую хвалебную песнь нашей «городской интеллигенции», местами начинающей выступать теперь на поприще сельского хозяйства. Все хорошо у этих сельских хозяев нового типа: и орудия труда, и скот, преимущественно коричневый, «ангельнской породы», и даже «не лишенный щегольства вид мыз... с окружающими их молодыми садами и цветниками». Рабочий день на таких *интеллигентных* мызах короче, а заработная плата значительно выше, чем в хозяйствах старомодных эксплоататоров. Словом, от выступления «городских интеллигентов» в качестве сельских хозяев рабочий «остался в выигрыше» во всех отношениях. Так говорит г. Соколовский. Нам хочется думать, что он ничего не преувеличивает, и мы сами готовы петь хвалу новоявленным культуртрегерам, но... разве эти мызы «борьба с капитализмом»?

Г. Н.—он, в душе которого поселился, как известно, панический страх перед «капитализмом», мечтает об организации русского земледелия и русской обрабатывающей промышленности на основе общинного землевладения. Можно очень многое возразить против тех соображений г. Н.—она, которым он обязан своим паническим страхом перед Западом... то бишь—перед капитализмом. Но нельзя не признать, что г. Н.—он, по своему, последовательный человек: раз об'явив войну капитализму, он помирится не на интеллигентных мызах со скотом ангельнской породы, а разве что на фурьеровских фаланстерах. Пока наша сельская община не превратится по щучьему велению в фаланстер, г. Н.—он останется Кассандрой, сотканн-

*) «Судьбы капитализма», стр. 171.

ной из недоразумений. А вот г. Соколовский тяготеет к интеллигентным мызам и к ангельнскому скоту. Г. Н.—он воюет (не пугайтесь, однако, читатель: воюет лишь на словах) с капитализмом вообще. А г. Н. Соколовский воюет с теми «чуйками», с теми представителями торгового капитала, которые слишком дешево платят за ангельнский скот, взрощенный на «интеллигентных» мызах. Г. Н.—он стоит за соединение земли с земледельцем. А г. Соколовский стоит за водружение двуглавых орлов на границах крестьянских наделов, так как «в отсутствии двуглавых орлов по границам крестьянского землевладения кроется, между прочим, одна из причин возникновения на деревенской почве, в той или другой форме, слухов «насчет земельки» и «новых правов». Без двуглавого орла крестьянской общине пока не верится, чтобы ее вотчина была отмежевана окончательно. «Быть еще нарезке по новым душам»,—утешает себя мужик в наступившем малоземельи» (стр. 100). В лагере наших «противников капитализма» г. Н.—он прекрасно играет роль Дон-Кихота. А г. Н. Соколовский не менее блистательно изображает Санчо. Это различие ролей не мешает, разумеется, им обоим мирно уживаться на страницах одного и того же «передового» журнала.

Заметим, однако, что экономические Дон-Кихоты столь чистой воды, как г. Н.—он, составляют между русскими «противниками капитализма» величайшую редкость. Притом же г. Н.—он и не совсем народник. Некоторые говорят даже, что он «марксист».

Г.г. народники «борются» не с капитализмом вообще, а только с крупным капитализмом, да еще с некоторыми грубыми, хищническими разновидностями капиталистического накопления. С каждым из народников делаются судороги, когда он слышит слова: прибавочная стоимость. Но в действительности народники восстают только против некоторых отдельных способов присвоения прибавочной стоимости. Mutatis mutandis, наши народники в экономической области хотят как раз того же самого, чего хотели очень многие из тех французских просветителей, которых г. Воронцов, вслед за г. Кареевым, презрительно называет служителями буржуазии*). Говоря это, мы вовсе не думаем упрекать г.г. народников, выставляя их литературными «молодцами» мелкой буржуазии. Совсем напротив. «*Идеалы*» наших народников очень дики. Но их практические стремления очень

*) Пусть почитает г. Воронцов книгу Гельвеция «De l'Homme»: он найдет в ней много неожиданного.

полезны. Если бы осуществились эти их стремления, то от этого очень много выиграла бы наша культура, потому что наш капитализм сделал бы огромный шаг вперед. Единственное, в чем мы упрекаем г.г. народников, это несоответствие их «идеалов» с их практическими стремлениями. Пора нашим народникам вспомнить завет древней греческой религии и философии: пора им *познать самих себя*. Раз придут они к такому самопознанию, они бросят, как никуда негодную ветошь, свои допотопные «идеалы» и станут весьма полезными культурными деятелями. И тогда русский капитализм скажет им сердечное «русское спасибо» даже за их, вообще говоря, очень неудачные «артельные начинания».

Когда будет все это? Мы не знаем. А пока нельзя не заметить, что печальна та литературная эпоха, когда г.г. Воронцовы считаются *авторитетными* исследователями.

От издателей

(«Работник» № 1—2)

Лет около десяти тому назад друзья и почитатели Г. И. Успенского праздновали двадцатипятилетие его литературной деятельности. Г. И. Успенский был очень любим передовою частью русской читающей публики. Неудивительно, поэтому, что он получил с разных сторон много горячих поздравлений. Но между этими поздравлениями было одно, которое, наверное, удивило очень и очень многих людей из «интеллигенции»: оно пришло *от кружка петербургских рабочих*. Это не могло не показаться удивительным. Наши народники очень «сочувствуют» рабочим, они «твердо верят в народ», но они до сих пор смотрят на русский рабочий класс, как на ребенка, которого, правда, надо учить старательно и как можно больше, но от которого нельзя ожидать почти ничего ни теперь, ни в ближайшем будущем.

А между тем рабочий класс есть именно та сила, которая одна только и способна положить конец торжествующему теперь у нас застою. До тех пор, пока эта сила не придет в действие, останутся бесплодными все, иногда по истине героические попытки нашей интеллигенции добиться свободы.

И эта сила уже начинает приходить в действие. В продолжение царствования Александра III ни в одном из наших общественных классов не происходило такой живой работы мысли, ни один из них не обнаружил такой огромной жажды знания, такого лихорадочного стремления к свету, как именно рабочий класс. Восьмидесятые годы не без основания считаются у нас очень печальной эпохой в истории «интеллигенции». Слово «восьмидесятник» стало почти бранным словом, означающим молодого человека, чуждого всяких широких умственных интересов, всякой серьезной мысли об общем благе, думающего

только о личной пользе, о собственном житейском благополучии Восьмидесятые годы были временем упадка нашей «интеллигенции». Но эти же годы были временем умственного подъема русского народа и, прежде всего, передового отряда этого народа, наших промышленных рабочих. Одного этого довольно, чтобы ободрить всех истинных друзей народа и показать им, что их дело теперь гораздо ближе к своему торжеству, чем оно было когда-нибудь прежде.

Русский рабочий класс лихорадочно стремится к знанию. Но рабочий не студент, который может целиком отдаться книгам. Чтобы жить и учиться, рабочему надо иметь заработок, а чтобы иметь заработок, ему надо *продать свою рабочую силу* «хозяину»-фабриканту или вообще предпринимателю. Чем менее развит рабочий класс, тем хуже он понимает свои интересы, тем покорнее несет он то ярмо, которое надевает на него «хозяин». И наоборот. Чем сильнее начинает шевелиться мысль рабочего, чем больше света попадает в его голову, тем лучше понимает он свое положение, а чем лучше понимает он свое положение, тем энергичнее восстает он против хозяйских прижимок, тем чаще пытается он сбросить хозяйское иго. Вот почему вместе с ростом сознания рабочего класса растет также и число стачек и вообще всякого рода столкновений рабочих с предпринимателями. Всякий новый шаг на пути умственного развития рабочих сопровождается новым нападением их на царство капиталистической эксплоатации.

Многочисленные стачки прошлого года показали, что наш рабочий класс не составляет и в этом случае исключения из общего правила, что его умственное пробуждение означает и у нас начало великой освободительной, *революционной* борьбы с капитализмом, борьбы, которая уже давно ведется на Западе и которая освежит, наконец, нашу общественную жизнь, как освежает гроза застоявшийся воздух.

Борьба с эксплоататорами, неизбежно сопровождающая умственное пробуждение рабочего класса, в свою очередь является новым источником его умственного и нравственного развития. Она лучше всякой книги выясняет рабочим, в чем заключаются их интересы и до какой степени эти интересы противоположны хозяйским интересам. Она показывает им, что они *не добьются ничего, пока будут действовать в одиночку, что они непременно должны поддерживать друг друга, если не хотят быть побеждаемы на каждом шагу, что для торжества над темной силой капитала нужно сознательное*

объединение трудящихся. Она является лучшей школой, какую только можно придумать для рабочих.

Эта школа чрезвычайно быстро расширяет взгляды рабочих. Притесняемый кулаком или помещиком (часто это одно и то же), угнетаемый безвыходной нуждой, крестьянин твердо надеется на царя. Он верит, что вот-вот, не сегодня так завтра, царь поймет, наконец, как тяжело живется крестьянину и явится ему на помощь. Разумеется, эта надежда остается и останется всегда напрасной: «батюшка-царь» ровно ничего не делает и не может сделать для своих «детушек». Но крестьянину очень трудно убедиться в этом. В своей деревне он как бы отрезан от всего мира. Он знает только свое поле, свой сельский сход, свое волостное правление да еще соседнего «барина». Ему совершенно неизвестна действительная роль царя в нашей общественной жизни. Рабочий находится в совсем другом положении. Если он и приносит с собой на фабрику свои деревенские предрассудки, то сама жизнь скоро разбивает здесь эти предрассудки. Иногда достаточно одной стачки, чтобы показать рабочим, до чего нелепо видеть в царе защитника народных интересов. Ярославская стачка прошлого года послужила, как известно, поводом для *кровопролития*. Напав на безоружных рабочих, царские солдаты положили на месте несколько человек. Эта блестящая победа над «неприятелем» так обрадовала царя Николая II, что он поспешил послать *царское спасибо молодцам-фанагорийцам* (т.-е. фанагорийскому полку, стрелявшему в рабочих). Тут уж никакие сомнения невозможны; тут уже и слепой видит, что царь стоит не на стороне рабочих, и мы уверены, что многие и многие из ярославских,—да и не только ярославских,—рабочих с неподдельным чувством повторили бы (если бы знали их) энергичные слова немецкого поэта Гейне:

Проклятье ему, королю всех счастливых,
Не жаль ему нас, бедняков терпеливых,—
Последний он грош отнимает у нас,
«Стрелять по собакам»—он отдал приказ...*).

Умственное пробуждение рабочих, неизбежно ведущее их к борьбе с предпринимателями, т.-е. борьбе *на экономической почве*, также неизбежно приводит их к столкновениям с нынешним царским

*) Из стихотворения «Ткачи», написанного в сороковых годах после кровавого усмирения ткачей в Силезии.

правительством, т.-е. к борьбе за политическую свободу. Царская полиция всегда является и будет являться самым неизменным и самым надежным союзником фабрикантов. Как ни тяжелы те опыты, которые приходится переживать рабочим, они, в последнем счете, чрезвычайно благодетельны, потому что они развивают *политический смысл* трудящейся массы и на место забитых *обывателей*-рабов, покорно подставляющих свою спину под царские, хозяйские и полицейские удары, ставят *граждан*, сознающих свое достоинство человека и умеющих сознательно бороться за свое освобождение.

Борьба за политическое освобождение России ведется не со вчерашнего дня. Издавна уж были в ней люди, всей душой ненавидевшие деспотизм и горячо преданные делу свободы. Но благородные усилия этих людей оставались напрасными, потому что *народ не поддерживал их*. Темный и невежественный, забитый и обманутый, он не только равнодушно смотрел на гибель своих защитников, но часто радовался ей, считая врагов *царского деспотизма* врагами *народного освобождения*. Дело свободы не может восторжествовать до тех пор, пока ему не сочувствует народная масса. И если бы русский народ не способен был отделаться от своего рокового заблуждения, то надо было бы признать, что России суждено остаться страною вечного рабства. Но то движение, которое теперь уже происходит в русской рабочей среде, то движение, которое, только что начавшись, так сильно пугает царских чиновников и заставляет их умножать и без того бесчисленную армию шпионов, это рабочее, *это народное* движение ручается нам за то, что и наш народ способен понимать свои интересы, что и мы, русские, не пасынки истории, что и у нас взойдет, наконец, солнце свободы.

Г. И. Успенский, по поводу упомянутого выше письма к нему от кружка петербургских рабочих, поздравил русских писателей с *новым грядущим читателем*.

Мы радостно приветствуем начало рабочего движения в России, поздравляем всех врагов деспотизма с новым грядущим борцом за политическую свободу.

Революционная мысль, зреющая *в рабочей среде*, есть революционная мысль, зреющая в *среде народной*. Русский рабочий есть кость от кости и плоть от плоти русского народа. Как ни отличаются условия жизни *рабочего* от условий жизни *крестьянина*, но рабочий гораздо ближе к крестьянину, чем представитель «*интеллигенции*». Раз начавшееся в рабочей среде революционное движение

вовлечет в свое русло значительную часть беднейшего крестьянства, и тогда придет конец тем гнусным порядкам, которые составляют горе русской земли и благодаря которым все образованные народы Запада смотрят на нас, русских, с чувством *сожаления и презрения*.

Вот почему мы говорим, что рабочий класс есть именно та сила, которая одна только и может двинуть вперед Россию.

Старая царская Россия заслужила ненависть всех образованных народов, потому что она давно уже взяла на себя роль *всемирного жандарма*. Где бы ни начиналось освободительное движение, хотя бы это было в полном смысле слова за тридевять земель, в тридесятом царстве (напр., в 20-х годах нашего столетия в Испании), русское правительство тотчас било тревогу и приводило в движение свои дикие полчища. Старая царская Россия была вернейшим другом и прочнейшей поддержкой *всех деспотов, всех сторонников застоя*.

Новая революционная, *рабочая* Россия становится на сторону *революционеров всех стран*. Печатаемые в нашем сборнике адреса петербургских и московских рабочих к французским пролетариям по поводу Парижской Коммуны 1871 года как нельзя более ясно показывают, что именно в лице рабочих русский *народ* мог впервые войти в семью образованных наций в качестве младшего брата, умеющего горячо сочувствовать всем радостям и всем горестям, всем победам и всем поражениям своих старших братьев.

К этой-то новой рабочей России, составляющей нашу радость, нашу гордость и нашу надежду, и обращаемся мы со своим скромным изданием. Мы целиком посвятим его интересам рабочего класса. Мы не навязываем своих взглядов нашим читателям-рабочим. Мы не берем на себя роль руководителей. Нам хотелось бы только принести посильную пользу тем обездоленным, но бодрым и смелым труженикам, которые борются на нашей далекой и несчастной родине за свое экономическое и политическое освобождение. Страницы нашего непериодического издания,—если ему суждено продолжаться,—будут открыты всем рабочим, желающим воспользоваться им для обсуждения своих задач и выражения своих стремлений. Но мы твердо убеждены, что чем яснее сознают наши читатели свои задачи, чем они лучше поймут смысл своего положения, тем решительнее станут они под знамя *социальной демократии*. Под этим знаменем ведется освободительная борьба рабочих всего образованного мира. Другого знамени не может быть и для русских рабочих.

Мы наперед знаем, что много потерь и поражений придется нам занести в нашу летопись: чем сильнее будет развиваться наше движение, тем больше будут ожесточаться его враги. Это неизбежно. Без жертв не дается никакая победа. Но как бы велики ни были те жертвы, которые русский рабочий класс должен будет принести своему великому делу, мы ни на минуту не усумнимся в его будущем торжестве. Вопреки всем усилиям своих врагов, русский рабочий народ освободит и самого себя, и всю Россию...

Придет пора, окрепнут крылья,
Младые силы подрастут,
Вскричат орлы и цепь насилья
Железным клювом расклюют!

Новый поход
против русской социал-демократии

„Окружили мя тельцы
мнози и тучны..."

Псалмопевец

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая брошюра написана в ответ на те жестокие нападки и на те ожесточенные обвинения, которые в течение последних 7—8 месяцев с разных сторон сыпались на русскую социал-демократию. Автор несколько запоздал с выпуском. Произошло это частью по его болезни, а частью потому, что он долго не решался взяться за перо. Ему не хотелось полемизировать с врагами, которые, убедившись, что им не победить русских социал-демократов с помощью теоретических доводов, пытаются задержать ее теперь уже всем очевидные, огромные успехи посредством совершенно неосновательных измышлений и ни с чем несообразных искажений истины. В спорах с *такими* врагами слишком мало поучительного; *такая* полемика всегда была противна пишущему эти строки. Но его товарищи находили, что русским социал-демократам, равно как и их братьям в других странах, иногда нельзя избежать и такой полемики. Автор не мог не согласиться с ними. Но он очень жалеет, что ему в этой брошюре пришлось иметь дело с очень мало интересными противниками. Пусть не взыщет читатель: других взять было негде, а на нет, как известно, и суда нет.

I

Обскурантизм в революции

«Есть люди, которые, раз остановившись на чем нибудь, уже не двигаются вперед, и в другую эпоху, в мир новых страстей и убеждений переносят с собой запоздалый восторг к идеям старого времени».

В. Г. Белинский.

Очень не одобряет русских социал-демократов какой-то «старый народоволец» в своем открытом письме к народовольцам—издателям «Летучего Листка». Письмо это напечатано в последнем двойном (6—7) № «Материалов для истории русского социально-революционного движения» и снабжено интересным примечанием от редакции. Нам придется сказать несколько слов об этом примечании. Но это—ниже, потом; теперь же нам хочется познакомить читателя с полемическими приемами и революционными взглядами «старого народовольца».

Отметим, прежде всего, взгляд на значение «*печатного слова*».

«Большого агитационного или организаторского значения я печатному слову не придаю,—говорит наш автор,—я думаю, что *один акт* может больше содействовать объединению революционных элементов, чем сотни «манифестов» и печатных программ. Большое значение имеет революционное слово *во время борьбы*, комментируя и популяризируя ее, но вызвать ее оно не может».

В каком смысле можно говорить об организационном значении печатного слова? Кто вздумал бы уверять, что революционные организации непосредственно создаются «манифестами» и «печатными программами», тот наговорил бы большого вздору: манифесты и программы ничего не сделают там, где еще нет элементов для революционной организации. Но там, где такие элементы существуют, манифесты и программы могут очень сильно содействовать их об'еди-

нению, «комментируя и популяризируя» мысль о необходимости организации. И в этом смысле значение печатного слова не только велико, но прямо огромно. Неужели «старый народоволец» может сомневаться в этом?

Он полагает, что в деле агитации и организации «один акт» важнее сотни манифестов и программ. На это мы заметим, что «акт» «акту»—рознь, и что бывают «акты» не только бесполезные, а прямо вредные для того самого дела, которое они должны были бы двигать вперед. Достаточно припомнить нелепые «акты» анархистов. «Печатное слово» важно, между прочим, потому, что оно помогает людям взвешивать значение того или другого «акта». Как же можно противопоставлять революционное действие — революционному слову, «акты»—манифестам и печатным программам?

А кроме того, надо заметить еще и вот что. Бывают такие *программы и манифесты*, которые по своему влиянию на ход революционного движения оказываются несравненно важнее многих и многих «актов». С этим не согласится разве только анархист, помешанный на «propagande par le fait» (пропаганда действием). Долго ли ходить за примером? Можно с полною уверенностью сказать, что написанная Марксом программа Международного Общества Рабочих важнее всех действительных и возможных, всех прошлых и будущих «актов» г. «старого народовольца». То же относится и к «Манифесту Коммунистической Партии», да и мало ли еще к каким произведениям революционной литературы!

Что общественная борьба вызывается не революционной литературой, а развитием общественных сил, которое *отражается* также и в *литературе*,—это всем известная истина. Но кто на этом основании умаляет значение «печатного слова» в деле революционной борьбы, тот тем самым показывает, что он еще не переварил этой всем известной истины, и что для него совсем еще не ясно отношение между общественной жизнью и общественной мыслью, между социальным развитием и развитием литературы.

Впрочем, «старому народовольцу» нельзя верить, когда он говорит: я не придаю большого агитационного и организаторского значения печатному слову. Надо помнить, что «слово» этого писателя является лишь очень и очень несовершенным орудием его мысли, которая, в свою очередь, не отличается логичностью. В выписанных нами выше строках «старый народоволец», заявив, что агитационное и организаторское значение печати не велико, тотчас же дает понять читателю, что это не верно. Из его собственных слов выходит, что

печать имеет очень большое значение во время борьбы, «популяризируя и комментируя ее». Но ведь *это значение* революционной печати, как комментатора и популяризатора борьбы, и *есть ее агитационное и организаторское значение;* «популяризируя и комментируя» борьбу, она усиливает симпатии к борцам в окружающей среде и привлекает к действующей организации новые силы. Выходит, что «старый народоволец» придает *очень большое* значение «печатному слову».

Почему же он утверждал противное? Как видно, единственно потому, что у него язык плохо слушается головы. Это очень неудобно и для автора, и для его читателей. Но это беда поправимая. Внимательное отношение к «печатному слову», т.-е. попросту чтение хороших писателей, да еще, пожалуй, ежедневное упражнение в писании *сочинений* (сначала на более простые и легкие темы) сделают настоящие чудеса в этом случае.

«Но,—продолжает наш автор,—не признавая за печатным словом *творческого, об'единяющего* *) значения (должно быть он хочет сказать: творческого и об'единяющего, ибо творить и об'единять не одно и то же.—*Г. П.*), я думаю, что разрушительное, *разлагающее* (курсив везде принадлежит нашему автору) значение оно может иметь и большое: занимаясь, например, только анализом и относясь только критически к жизненным явлениям, или разбрасываясь и выставляя противоречащие одна другой задачи, оно может, если не *убить* в зародыше, то парализовать надолго начинающееся общественное движение, которое само, *стихийно*, может быть, набрело бы на настоящую дорогу».

В другом месте своего письма «старый народоволец» замечает, что «плодотворна только та критика, в основе которой лежат какие-нибудь *положительные* начала», и что «критика, с которой революционеры восьмидесятых годов стали относиться к программе партии Народной Воли, имела самые гибельные для революционного движения результаты».

Видите: «печатное слово» и «критика» не способны «*творить*», но зато очень способны «*разлагать*» и уже успели сильно навредить нашим революционерам. Вот какие это опасные вещи! Нет, что ни говорите, а без цензуры обойтись трудно, да и цензоров надо назначать с большим *рассмотрением*. Лучше всего было бы отдать

*) Курсив во всех выписках принадлежит г. «старому народовольцу».

печатное слово и критику под надзор того щедринского генерала, который, получив образование в кадетском корпусе, от времени оное позабыл, сохранив лишь чистоту сердца. Этот не позволил бы зашалить ни «критике», ни «печатному слову».

Скажите, ради всего святого, виновато ли печатное слово, когда люди «разбрасываются» и преследуют противоречащие одна другой задачи? Не ясно ли, что «печатное слово» не имеет в таких случаях никакого творческого значения, что не оно создает путаницу, существующую в головах людей и имеющую *гораздо более глубокие причины*. Доказательство налицо. Разве «печатное слово» создало тот хаос, который царит в голове «старого народовольца»? Совсем напротив: хаос произошел именно потому, что этот народоволец был,— как это заметно по всему,—слишком беззаботен насчет печатного слова. Зачем же сваливать с больной головы на здоровую?

Когда нерасположение к «печатному слову» высказывается людьми, состоящими на службе в Департаменте Препон и Препятствий, тогда всякий понимает, что это в порядке вещей, и нимало этому не удивляется. Но когда боязливое и подозрительное отношение к печати обнаруживает человек, называющий себя *революционером*, тогда поневоле спрашиваешь себя, протирая глаза,—да уж не во сне ли я это вижу? К сожалению, никакие сомнения на этот счет невозможны. «Старый народоволец» не только боится «печатного слова», но и совсем недвусмысленно поясняет, откуда у него явилась эта боязнь. Печатное слово страшно для него тем, что оно часто является *орудием «критики», анализа*.

«Плодотворна только та критика, в основе которой лежат какие-нибудь положительные начала». Прекрасно. Нельзя ли, однако, полюбопытствовать, откуда берутся «положительные начала»?

Составляют ли они плод божественного откровения? Или доводятся до сведения алчущих истины обывателей заботливым начальством через полицейские участки? Или как-нибудь еще иначе? Что говорит на этот счет «старый народоволец»?

Критика, которую он имеет в виду и которая кажется ему гибельной, есть *«критика старой программы»*, т.-е. критика программы так называвшейся партии Народной Воли. Люди, занимавшиеся такой критикой, по его уверению, *«ничего положительного за душой не имели»*. «Без сомнения, самая возможность такого исключительно критического течения,—говорит он,—есть уже симптом упадка революционного настроения; но, в свою очередь, эта критика, подрывая

окончательно веру в старое и не заменяя его ничем новым, сильно содействовала разложению *объединенных традицией недавней борьбы* элементов, убивала энергию и решимость, где они еще сохранились, парализовала всякую революционную инициативу у отдельных лиц и групп».

Неприятная это была критика, если только правду говорит о ней наш автор. Но правду ли говорит он? Как раз над теми строками, которые мы только что выписали, мы находим в его письме следующее место:

«Разбирается она (старая программа) с самых различных точек зрения и вывод всегда—отрицание этой программы: одни видят главный недостаток в ее социалистичности, что отпугивает от партии либералов, другие, напротив, видят корень зла в ее недостаточной социалистичности, в ее преимущественно политическом характере, что делает к ней равнодушным «народ» и т. д.».

Это значит:

1. Что люди, критиковавшие «старую программу», имели свои *определенные точки зрения*, т.-е., другими словами, опирались на какие-то «*положительные начала*».

2. Что это неправда, будто критики, разрушая старое («старую программу»), «*не заменяли его ничем новым*». Как же не заменяли? Если одна часть их хотела устранить из «старой программы» ее «*социалистичность*», а другая часть—ее «*политический характер*», то ясно, что все *эти* критики имели «за душой» нечто довольно определенное.

3. Что наш автор противоречит себе.

Что же за напасть такая на него? Почему он никак не может справиться с своим собственным языком? Одна из причин этого печального явления указана нами выше, другая состоит в следующем:

Единственным «положительным началом», достойным этого имени, является, в глазах нашего автора, то «начало», на котором основывалась партия Народной Воли; единственное «новое», кажущееся ему чем-то действительным, а не простым призраком, не фантастическим плодом злоупотребления «анализом», есть «*новое* издание *старой* программы старых народовольцев», т.-е. *старая погудка на старый лад*. Правду говорит Белинский: «Есть люди, которые, раз остановившись на-чем нибудь, уже не двигаются вперед, и в другую эпоху, в мир новых страстей и убеждений переносят свой запоздалый восторг к идеям старого времени». Ну, а это

тоже известная вещь, что когда *староверы* разбирают идеи *нового времени*,—они невольно попадают в самые нелепые положения и в самые вопиющие противоречия.

Естественно, поэтому, что все несогласно-мыслящие кажутся г. «старому народовольцу» людьми, не имеющими ничего положительного за душой, и что он отрицает существование у них определенных взглядов даже в том случае, когда сам же указывает некоторые, довольно определенные признаки этих взглядов.

Естественно также, что всякую критику, не опирающуюся на положительные начала доброго старого времени («народовольческого» периода нашего революционного движения), он считает «гибельной» для революционного движения.

До появления так называвшейся партии Народной Воли была *история мысли*, после появления этой партии история мысли прекратила свое течение. «Народовольцам» семидесятых годов и можно, и должно было критиковать программу своих предшественников—народников общества «Земля и Воля». Революционеры девяностых годов нравственно обязаны кидать далеко от себя оружие «анализа» всякий раз, когда оно святотатственно коснется «положительных начал» «старой программы». Это должны иметь в виду все революционеры, а в особенности кружки, выступающие теперь «под знаменем Народной Воли». Этим кружкам нечего ломать голову над критикой наших революционных идей. За них уже все обдумано людьми, некогда — давно, давно—написавшими программу так называвшейся партии Народной Воли. Борьба, которую вели эти люди с правительством, сделало их программу священной и неприкосновенной в глазах всякого порядочного революционера. Революционеры девяностых годов должны топтаться на одном месте именно потому, что революционеры семидесятых годов очень энергично стремились вперед. Кто говорит об ошибках? Разве могли ошибаться люди, погибшие в геройской борьбе с правительством? Не только не могли ошибаться сами, но своей гибелью наперед искупили все несомненные логические и все возможные грамматические ошибки автора разбираемого нами письма г. «старого народовольца». Таково действие революционной благодати. Кто осмелится усумниться в ней, того мы немедленно обвиним в неуважении к великим теням.

Г. «старый народоволец» не любит «критиков».

У всякого свой вкус. Но не знаем, по какой странной ассоциации идей нам вдруг припоминается теперь один старый николаевский

солдат, с которым мы провели много приятных часов в детстве. Старый «служивый» восхищал нас фантастическими рассказами о походах и сражениях, в которых русские, разумеется, всегда оказывались победителями. Это чрезвычайно лестно было нашему детскому патриотизму. Мы не уставали слушать. Но не совсем приятное впечатление получали мы, когда речь заходила о военной дисциплине (он называл ее кратко «сциплиной»).

«А сциплину знаешь?—гремел он, воображая перед собой провинившегося солдатика,—служба не что-нибудь и не как-нибудь; чин чина почитать должон, а главное—не разговаривай». И он при этом так свирепо вращал глазами, что нам делалось страшно, и мы уходили от него, грустно рассуждая на ту тему, что вот, мол, всем бы хороша была военная служба, если бы не это неумолимое «не разговаривай». Старый служивый пересаливал.

Вот так же пересаливает и г. «старый народоволец». Неужели он думает, что его бессвязные разглагольствования о злоупотреблениях «анализом» остановят ту живую и энергичную работу мысли, которая, судя по «Листку Нар. Воли», происходит в некоторых революционных кружках, пока еще не решившихся порвать с «традицией» Народной Воли? Неужели он полагает, что выводы, к которым приводит эта работа и которые все более сближают *«молодых народовольцев» с социал-демократами*, потеряют свою убедительность под влиянием его окрика: «не увлекайтесь анализом, не разговаривайте, иначе я перестану вас называть своими товарищами. Если он в самом деле думает так, то он ошибается. Результат будет как раз противоположным тому, которого он ожидает. Молодые народовольцы еще яснее увидят умственное бессилие защитников старой «традиции» и под влиянием этого неприятного впечатления спросят себя: да что же общего у нас с ними, кроме сознания необходимости революционной борьбы? Неужели мы и в самом деле принадлежим к одной партии? Неужели узкие, сбивчивые, противоречивые взгляды людей, подобных «старому народовольцу», действительно выражают собою широкие задачи нашего движения? Неужели они являются единоспасающей революционной истиной? И неужели, наконец, обскурантизм не есть вернейший признак политического вырождения?

Это страшные вопросы. И чем чаще будут они возникать в головах молодых народовольцев, тем больше выиграет та партия, которую хотел бы стереть с земли наш ворчливый враг «анализа».

А возникать они будут тем чаще, чем настойчивее он будет продолжать свою литературную деятельность. Вот почему мы очень просим его почаще атаковывать нас на страницах ли «Материалов», или в каком-либо другом издании.

В самом деле, мы совсем не боимся «анализа». И не только того «анализа», с которым напал на нас «старый народоволец»— следующая глава покажет читателю, что этот якобы анализ никому не страшен,—а даже самого могучего, самого неотразимого анализа. Мы убеждены, что чем чаще будут подвергаться действию такого анализа «положительные начала» нашей программы, тем прочнее утвердятся эти начала и тем непоколебимее будет стоять эта программа. Критика есть опасный враг заблуждений, пустой, хотя бы и революционной фразы, но она есть надежнейшая опора *истины*. Она ее мать и повивальная бабка; она ее и друг-кормилец. Истина питается критикой.

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

В заключение этой главы мы позволим себе спросить, что думает о светобоязни «старого народовольца» почтеннейший П. Л. Лавров, некогда превозносивший «критическую мысль» при всяким удобном и даже неудобном случае? Светобоязнь заразительна. Беда, если автор «Опыта истории мысли» тоже заболел этой страшной болезнью. А ведь оно, пожалуй, на то и выходит. Г. Лавров участвует в редактировании «Материалов». А редакция «Материалов», печатая письмо «старого народовольца», заявила, что «его взгляды на прошедшее и настоящее русского движения отличаются не особенно значительными оттенками от тех, которые проводятся в этом издании» (т.-е. в «Материалах»). Стало быть, редакция согласна и со взглядами автора письма «старого народовольца» на роль, которую играла и которую должна играть критика в нашем движении (ведь вопрос об этом не есть вопрос оттенков). А если так, то прощай, «критическая мысль». Покойся, милый прах, до радостного утра, т.-е. до того блаженного времени, когда переведутся на русской земле беспокойные критики, слишком сильно колеблющие некие положительные начала некоторой старой программы.

II

Г. «старый народоволец» в борьбе с русской социал-демократией

Malborough s'en va-t-en guerre,
Dieu sait, s'il reviendra...

«Социализм не об'ективно-философское учение,—уверяет г. «старый народоволец»,—а учение *этическое* по преимуществу. Оно отвечает на известные нравственные запросы и потребности, оно налагает известные нравственные *обязанности* на своих адептов».

По здравой логике выходит, что об'ективно-философские учения не отвечают на нравственные запросы и не налагают на своих адептов нравственных обязанностей. Иначе, какой смысл имело бы противопоставление их «этическому учению»? Но если наш автор думает так, то он думает совершенные пустяки. Разве *этика* не входила, как необходимая составная часть, в «об'ективно-философские учения» древности и нового времени? И разве она не отвечала на известные нравственные запросы, не налагала нравственных обязанностей? Что скажет наш автор, например, о философии Гераклита Темного или Эпикура? Если мы не ошибаемся, это были «об'ективно-философские учения», которые, однако, совсем не игнорировали нравственных вопросов. А системы Шеллинга и Гегеля? А учение французских материалистов конца прошлого века? Кто скажет, что эти учения не были об'ективно-философскими? И кто не знает в то же время, что они «отвечали», «налагали» и проч.?

Французские материалисты поистине без умолку толковали о добродетели. Но их учение о нравственности имело особый характер. Справедливо было замечено, что оно сводилось к политике. Это обусловливалось его революционным духом. Наш «старый народоволец» готов свести социализм к учению о нравственности. По его словам, социализм есть учение этическое по преимуществу. Если сведение морали к политике означает широкий размах революционной мысли и сильный

под'ем революционного чувства, то сведение социализма к морали означает, наоборот, упадок и той, и другого, застой, если неполную *реакцию*. Это прекрасно подтверждается примером нашего «народовольца».

Мы уже видели, что он очень недоверчиво и даже прямо недоброжелательно относится к критике. Это происходит, конечно, потому, что он не умеет толково ответить на возражения, делаемые против его «старой программы» различными новаторами. Чувствуя свою слабость в этом отношении, он по необходимости начинает враждовать с критикой и высказывать презрительное равнодушие к «об'ективно-философским учениям»: что, мол, мне за дело до этих учений, если «старая программа» отвечает на мои нравственные запросы и налагает на меня хорошие нравственные обязанности. Понятно, что на такой почве спор становится невозможным и г. «старый народоволец» несколько отдыхает от беспокойства, причиненного ему неприятными «критиками». Это довольно удобно, хотя очень избито, так как практиковалось едва ли не со времен Адама едва ли не всеми староверами, попадавшими в затруднительное положение, благодаря развитию «критической мысли».

Нечего и говорить, что это неправда, будто социализм есть учение этическое по преимуществу. Это неверно даже по отношению к старому, утопическому социализму и уже совсем вздор в применении к новейшему, научному социализму—социализму Маркса и Энгельса. По всему видно, что г. «старый народоволец» имеет и о том, и о другом лишь самые смутные представления.

«Прежде всего, социализм—учение революционное и не допускает спокойного созерцания «естественного хода вещей»,—продолжает автор,—он *требует* сознательного вмешательства в этот ход вещей. Социализм стремится революционным путем изменить этот ход вещей, дать ему направление, связанное с minimum'ом страданий для масс».

«Прежде всего», о каком социализме говорит г. «старый народоволец»? Возьмем социализм Родбертуса. Стремился ли этот социализм изменить *революционным* путем ход вещей? А социализм Фурье? А социализм Кабе? А социализм Мабли? Пусть г. «старый народоволец» прочтет третью главу «Манифеста Коммунистической Партии»,—он увидит там, что социализм вовсе не есть «прежде всего» учение революционное. Какой же именно социализм имеет он в виду? Если—тот, который теперь безраздельно господствует в передовых слоях рабочего населения всего цивилизованного мира, т.-е. научный социализм Маркса и Энгельса, то нечего и говорить:

этот социализм есть несомненно учение революционное (хотя и не «этическое по преимуществу»). Он действительно требует сознательного вмешательства в естественный ход вещей. Но и о нем нельзя сказать, что он стремится революционным путем изменить этот ход вещей. Вовсе нет. Естественный ход развития экономических отношений буржуазного общества ведет к скоплению капиталов в немногих руках, к исчезновению мелкого производства, к торжеству предприятий, поставленных на широкую ногу: Ну, и что же? Разве социализм Маркса и Энгельса стремится изменить революционным путем этот ход вещей? Напротив, он опирается на него. Маркс и Энгельс считали вредными, нелепыми и реакционными всякие попытки задержать этот ход вещей, т.-е. «изменить» его быстроту. Пусть припомнит г. «старый народоволец», что говорится в «Манифесте Коммунистической Партии» о лицах, стремящихся повернуть назад колесо истории; пусть он преодолеет свое нерасположение к печати и прочтет «Развитие научного социализма» Фр. Энгельса. Там он увидит, до какой степени задачи современного революционного пролетариата предполагают, как свою фактическую основу, указанный выше «естественный ход вещей» в буржуазном обществе. Современные социалисты считают величайшею пошлостью всякого рода жалобные причитания по поводу того обстоятельства, что естественный ход вещей пошел именно по данному направлению, а не по какому-нибудь другому. Направление естественного хода вещей в буржуазном обществе есть именно направление к социализму. Скорбеть об этом могут только консерваторы и реакционеры, защитники всякого старья, враги освободительного движения человечества.

Что социализм старается довести до возможного минимума страдания масс, связанные с историческим развитием буржуазного общества, это справедливо*). Социализм борется с капитализмом. Но вопрос в том,—*каким образом* старается он достичь этой цели? Реакционный социализм, о котором говорится, напр., в «Манифесте Коммунистической Партии» и который, в несколько измененном виде, до сих пор имеет не мало приверженцев в Западной Европе, а еще больше в России, борется с капитализмом, стараясь

*) Впрочем, и это не верно, напр., по отношению к Бакунину, теорию которого можно рассматривать, как одну из разновидностей утопического социализма времен упадка. Не умея согласить «реформу» с «революцией», автор «Государственности и анархии» полагал, что всякое частное улучшение быта рабочих вредно, так как оно примиряет их с существующим порядком вещей. У него выходило, поэтому, что чем хуже, тем лучше.

задержать его развитие, оживить и укрепить старые формы экономических отношений, «повернуть назад колесо истории». Этот социализм действительно старается изменить направление «естественного хода вещей». Революционный же социализм Маркса и Энгельса поступает совершенно иначе. Он—в своей борьбе за непосредственные, ближайшие интересы рабочего класса—не только не старается задержать развитие капитализма, но, наоборот, является самым крайним и решительным врагом всего, что задерживает это развитие.

Благодаря этому, сторонникам революционного социализма приходится иногда выступать даже рядом с буржуазией. «В Германии,— писали Маркс и Энгельс в начале 1848 года,—коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против феодальной поземельной собственности и мелкого мещанства». Этого никак не могут переварить люди, лишенные всякой гибкости мысли, метафизики, рассуждающие по формуле: да-да, нет-нет, что сверх того, то от лукавого. «Как же так,—с удивлением спрашивают они,— социалисты, враги буржуазии, оказываются ее союзниками»? Но революционный социализм не смущается такими будто бы противоречиями. Он разрешает их самою практикой борьбы. Идя рядом с буржуазией там, где дело касается устранения старых, до-капиталистических отношений, он выступает против нее всюду, где речь заходит об ее собственном отношении к эксплоатируемой ею рабочей массе.

«Ни на минуту не перестает она (коммунистическая партия, игравшая в Германии конца сороковых годов ту же роль, которую играет теперь в России партия социал-демократов), ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Она хочет, чтобы общественные и политические условия, которые принесет с собою господство буржуазии, могли послужить немецким рабочим против той же буржуазии» и т. д. («Манифест Коммунистической Партии»).

Ничего этого не понимает, ничего этого не знает г. «старый народоволец», а потому и выходит, что его разглагольствования о борьбе за интересы страдающей массы, в лучшем случае, сводятся к совершенно бессодержательным фразам. Кто вздумал бы бороться с капитализмом, руководствуясь наставлениями «старого народовольца», тот как раз очутился бы в положении еще более старого чудака Дон-Кихота.

«Социализм не может возлагать своих надежд на педагогические способности капитализма».

Будто не может? Вы твердо в этом уверены, г. «старый народоволец»? Некоторые социалисты думают, кажется, иначе.

«Но она (буржуазия, создав современные могучие и все быстрее растущие производительные силы), не только выковала оружие, которое нанесет ей смертельный удар, она породила также людей, которые направят это оружие,—современных работников, пролетариев... Прогресс промышленности, носителем которого не может не быть буржуазия, ставит на место раз'единения рабочих посредством конкуренции—революционное об'единение их посредством ассоциации. С развитием крупной промышленности вырывается, следовательно, из-под ног буржуазии самое основание, на котором она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее поражение и победа пролетариата одинаково неизбежны».

Кому принадлежат эти еретические строки, дышащие верой в педагогические способности капитала?

Обратитесь к этическому социалисту П. Л. Лаврову, г. «старый народоволец», он скажет вам,—кому.

Если память ему не изменила, он скажет также вам, что в одном, очень поучительном для вас, месте «Капитала» (ведь вы слышали об этом сочинении?) говорится о рабочем классе, «который постоянно увеличивается (в численном отношении), *обучается*, об'единяется и организуется самим механизмом капиталистического процесса производства».

С своей стороны, мы порекомендуем вашему просвещенному вниманию следующее место из одной брошюры Энгельса.

«Только пролетариат, созданный современной крупной промышленностью, освобожденный от всех традиционных цепей,—между прочим, и от тех, которые привязывали его к земле,—и собранный в больших городах, способен совершить социальную революцию, которая положит конец всякой эксплоатации одного класса другим и всякому классовому господству. Прежние деревенские ткачи (речь идет о деревенских ткачах Англии.—*Г. П.*), имевшие свои собственные домики и очаги, никогда не были в состоянии не только исполнить такую задачу, но просто даже и понять ее» *).

*) «Ich habe unsere Vorschläge daraufhin geprüft, dass erstens die kapitalistische Entwickelung der Gesellschaft durch sie nicht gestört wird, dass zweitens sie nicht den Prinzipien unserer Partei widersprechen». (Protokoll des Parteitages zu Breslau, S. 117). Так говорил Бебель на Бреславльском конгрессе во время споров об аграрной программе. Этого местечка насчет отношения Бебеля к капитализму не заметили наши народники, которые одно время готовы были с ним «своими счесться».

Не довольно ли с вас, г. «старый народоволец»? Вы теперь, надо полагать, и сами видите, в какой просак вы попали, пустившись рассуждать о том, что может и чего не может социализм. К сожалению, нам еще нельзя расстаться с вами. Как ни скучно это, а мы должны итти за вами до конца.

Заявив, что социализм не может возлагать своих надежд на педагогические способности капитала, вы, г. «старый народоволец», прибавляете, что он, напротив, стремится обуздать его где можно. Мы надеемся, что теперь вам ясно, до какой степени нелепо это противопоставление («напротив»), теперь вы видите, что можно стремиться обуздать капитализм, возлагая в то же время надежды на его педагогические способности.

«На обязанности социалиста—не только пропаганда и пропаганда и организация рабочих для будущей революции,—продолжаете вы,—но и борьба вместе с рабочими массами против их угнетателей и эксплоататоров в *данное время*, добывание лучшего положения для рабочих в *настоящем*».

До сих пор вы говорили вздор, искажая учение социализма, которое вам очень мало знакомо. Теперь вы высказываете вещи, справедливые сами по себе, но получающие странный смысл ввиду тех обстоятельств, при которых вы их говорите.

Скажите, с какою целью настаиваете вы на том, что социализм старается завоевать для рабочих лучшее положение в настоящем? Очевидно, вы убеждены, что есть люди, которые не знают этого, или не согласны с этим. Какие же это люди? Так как орудие вашего могучего «анализа» направлено против русских социал-демократов, то ясно, что именно этим-то людям и неизвестно, по вашему убеждению, что социализм уже в настоящем желает завоевать для рабочих лучшее положение. Но как могло сложиться в вашей голове такое убеждение? Ведь, собираясь в поход против русских социал-демократов, вы дали же себе труд хоть немного ознакомиться с их программой и с их литературой? Вероятно, дали. Как ни велика ваша беззаботность насчет «печатного слова», но есть же и для нее пределы.

В своем письме вы касаетесь брошюр Плеханова, которые вы называете невинными. Одно из двух: или вы не читали этих брошюр, или вы читали их. Если не читали, то как же вы говорите о том, чего не знаете? А если читали, то вам известно, что Плеханов в своих невинных брошюрах писал, например, следующее:

«...Ближайшие экономические требования социал-демократов имеют на первый взгляд очень странное свойство: они и определенны, и неопределенны в одно и то же время. Они гораздо менее определенны, чем требования, например, такого человека, который раз навсегда решил, что уничтожение выкупных платежей и увеличение крестьянских наделов избавит Россию от всех социальных бед и напастей. Социал-демократы не говорят ничего подобного. У них нет ни капли веры в мелко-буржуазные панацеи. Они не продают целебных пилюль, не прописывают единоспасающих рецептов. Они говорят народной массе: «бей твоих эксплоататоров по их длинным, загребущим рукам и бери все, что сможешь взять в каждое данное время». Это, конечно, неопределенно, потому что нельзя сказать наперед, что же именно сможет взять народ в такое-то именно время. Но с другой стороны, это вполне *определенно*: не довольствоваться никакими уступками со стороны высших классов; всегда ставить перед народом максимум тех революционных требований, до которых он дорос в настоящее время; неустанно вести его вперед, вперед и вперед на завоевание неприятельской территории; не класть меча в ножны до тех пор, пока не будет она занята вся до последней пяди,—что может быть определеннее такой программы? Если она грешит чем-либо, то разве слишком большой определенностью. В ней нет ни широковещательных фраз, ни подслащенных недомолвок, предназначенных для примирения непримиримых, для установления братства между волками и овцами. Коротко, решительно и ясно указывается в ней не только окончательная цель—*полное экономическое освобождение трудящихся*,—но и ведущее к ней средство—*непрерывная, непримиримая борьба классов*. Партия, усвоившая эту программу, не потеряется ни при каких обстоятельствах: она всегда сумеет формулировать соответствующие данной минуте экономические требования, а, главное, она никогда не даст массе успокоиться на этих требованиях, она научит ее ставить новые, все более и более широкие требования, она заразит ее духом борьбы, духом революции». («О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», стр. 78—79.)

Неужели отсюда следует, что невинный автор невинных брошюр не знал, как должен относиться социалист к положению рабочих «*в настоящем*»? Кажется, не следует; кажется, что даже и ваша голова не могла сделать подобного вывода. Но в таком случае

мы опять спросим вас: зачем вы приписываете нам взгляды, которых мы никогда не имели? Мы вам скажем—зачем.

Упрямый старовер, вы, подобно многим и многим старичкам-«интеллигентам», ненавидите русских социал-демократов, осмеливших разбить некоторые «положительные начала» нашего старого гражданского катехизиса, еще сравнительно недавно бывшие общепризнанными в нашей оппозиционной и революционной среде. Вы рады были бы осмеять, покрыть позором, уничтожить нас. Но такая задача далеко превышает ваши силы. Чтобы бороться с нами, хотя бы и с обманчивой надеждой на успех, нужно не мало разнообразных знаний, нужна большая литературная опытность. А у вас нет ни знаний, ни опытности. В качестве «старого» революционного фронтовика вы знаете лишь свое «не разговаривай», возводимое вами в «этическую» догму. Но вы смутно сознаете, что в борьбе с нами на этом коне далеко не уедешь. И вот вы приписываете нам всякий вздор для того, чтобы потом его опровергнуть. Такой прием борьбы вообще крайне жалок. Но он становится еще более жалким, если принять в соображение, что вы и в этом случае пороху не выдумали, что вы лишь повторяете те нелепости, которые упорно приписывают нам совсем невежественные или полуобразованные газетчики и журналисты. Да и из этих нелепостей вы выбрали *самые нелепые*, именно—нелепости, касающиеся «естественного хода вещей» и нашей будто бы готовности поступить в услужение к капиталу. Впрочем, надо отдать вам справедливость. Это пристрастие к самым нелепым нелепостям свойственно вам вместе со всеми интеллигентными недоброжелателями русской социал-демократии. Мы давно уже заметили, что если кому-нибудь из наших врагов случится сделать нам неглупое возражение, этого не заметит никто из них, а когда кто придумает какую-нибудь вопиющую несообразность, то ее сейчас подхватят все те, кому почему-нибудь неприятны наши воззрения. Мы не раз спрашивали себя, чем об'ясняется это странное пристрастие к несообразностям? И не могли ответить себе иначе, как латинской пословицей: кого Юпитер хочет погубить, того он лишает разума *).

Г. «старый народоволец» прекрасно знал, что русские социал-демократы никогда не говорили вздора, который он им приписывает.

*) Печальнее всего то, что между недоброжелателями, приписывающими нам разного рода логические и политические нелепости, попадаются иногда искренние люди, говорящие вздор без всякой предвзятой цели, единственно вследствие свойственной им святой простоты. Этому горю пособить очень трудно. Говорят, впрочем, что некоторые кружки петербургских рабочих, скорбя о заблу-

Он знал, что всякий, кто хоть немного знаком с нашей революционной литературой, легко может уличить его во... во... в несправедливости. И вот он придумал военную хитрость. Он заявляет, что вообще не хочет касаться деятельности эмигрантов, так как имеет в виду исключительно революционное движение в самой России. Благодаря этому, одним движением руки устраняется почти вся литература, с помощью которой легко показать всю вздорность обвинений, возводимых нашим «старым революционным фронтовиком» на русских социал-демократов. Брошюры Плеханова, Аксельрода, статьи В. Засулич? Их можно презрительно обозвать невинными, но они написаны «эмигрантами», и потому наш суровый противник не обязан входить в их рассмотрение, хотя идеи, заключающиеся в этих статьях и брошюрах, вполне разделяются социал-демократами, действующими в России. Программа социал-демократов? Она напечатана за границей, на станке, принадлежащем эмигрантам,—на нее ссылаться нельзя, хотя, напечатанная там в виде *проекта*, она на *деле* принята всеми работающими в России социал-демократическими *) кружками. Очень хорошо. Очень ловко. Одно грустно: в последние 15 лет «анализ» так разрушительно действовал на россиян, что в настоящее время вряд ли кто из них поддастся на эту хитрость, по своей изумительной, неслыханной наивности достойной генерала Узорного в романе г. Немировича-Данченко «Волчья Сыть». К тому же сам генерал Узорный, пардон, сам г. «старый народоволец», как это мы увидим ниже, своей собственной десницей, в немногих строках, опроверг все возведенное им здание... неправды.

Игнорируя «эмигрантов», г. «старый народоволец» обрушивается на некоторых, как говорится у нас, легальных русских писателей, как бы считая их ответственными за неприятное ему поведение социал-демократов. Выходит нечто совсем нелепое. Г. «старый народоволец» хотел говорить о революционном движении в России, а вместо этого сделал экскурсию в область легальной литературы. Почему же это? На каком основании? Разве неприятные ему легальные писатели говорили от имени социал-демократов? Конечно, нет.

ждениях народнической интеллигенции, решили издать для нее ряд небольших брошюр, где будут изложены самым общедоступным образом основные положения социал-демократической теории. Говорят также, что очень скоро выйдет одна из таких брошюр, под названием: «Pons asinorum» (его, очевидно, придумал какой-нибудь интеллигент, сбившийся с пути истины).

*) И даже—ох, увы, увы, древлее благочестие—многими народовольческими, что особенно плохо действует на настроение духа г. «старого народовольца».

Этого не было и не могло быть. Так какой же смысл имеет его экскурсия? Мы скоро увидим это.

«Марксизм у нас не так нов, как это утверждают его новые апостолы, он давно известен всему интеллигентному русскому обществу, он и в литературе имел своих представителей, он и революционерам не был неизвестен (вам тоже, наш суровый друг?); для последних Маркс во многих отношениях был даже *авторитетом*». Далее г. «старый народоволец» указывает на покойного Зибера и «г. Н.—она семидесятых годов», как на марксистов, действовавших в легальной литературе.

Мы очень жалеем, что он не вдумался в значение этих им самим приводимых примеров. Они показывают, что можно разделять многие теоретические положения Маркса и в то же время еще не быть социал-демократом на практике. Никто не назовет таковым г. «Н.—она семидесятых годов». И не потому только не назовет, что в семидесятых годах за подписью Н.—она никаких сочинений не появлялось (хотя и это достаточная причина), а также и потому, что если бы тогда и вышло что-нибудь подобное первой части известных «Очерков», напечатанной в начале восьмидесятых годов, то было бы в высшей степени легкомысленно, на этом единственном основании, провозгласить их автора социал-демократом. Нет, чтобы заслужить это название, нужно понимать Маркса лучше, чем понимает его «г. Н.—он семидесятых» и других годов.

Зибер был восторженным последователем и нередко вполне верным истолкователем Маркса. Но если бы какой-нибудь литературный молодец стал, вследствие этого, называть его социал-демократом, то подобного молодца просто обозвали бы пустым и вздорным доносчиком.

Вот почему мы и не можем брать в серьез перескакиваний г. «старого народовольца» от революционных программ к легальной литературе. Если бы он серьезно вообразил, что социал-демократическая программа во всеуслышание излагается теперь легальными русскими писателями, то он не стал бы выдавать заподозренных им авторов. Он не доносчик. А если бы порыв негодования заглушил в нем чувство порядочности, то его остановил бы г. Лавров, можно сказать, с незапамятных времен занимающийся литературной деятельностью. Г. Лавров сказал бы г. «старому народовольцу», что он поступает нехорошо, и что до сих пор только Катков с братией занимались—да и то изредка—литературными доносами. Нет,

ссылок на легальных писателей решительно нельзя брать всерьез у нашего автора.

Умысел другой тут был—
Хозяин музыку любил...

Легальные писатели потому и *легальные*, что не выходят за пределы *мирного* решения общественных вопросов. Этим обстоятельством и решил воспользоваться наш хитроумный недруг. Ему хотелось окончательно пристыдить нас, заставив говорить за нас легальных писателей: вот, мол, какие же вы *революционеры*, когда с вами согласны эти *мирные* люди. Эта хитрость так очаровательна по своей детской наивности, что мы сами готовы рукоплескать «старому» ребенку.

Но ведь высказывались же в самом деле когда-нибудь русские социал-демократы, действующие в России? Ведь были же у них какие-нибудь, хотя бы рукописные или гектографированные, заявления, воззвания, брошюры? Как не быть, были. Вот что говорит о них г. «старый народоволец».

«Мне известны две брошюры, написанные, несомненно, молодыми марксистами. В обеих доказывается недостаточность одной словесной пропаганды для развития классового самосознания у рабочих, необходимость соединить ее с *каким-нибудь практическим делом*, в котором рабочие могли бы *чувствовать* свою солидарность, могли бы на деле отстаивать свои интересы. Брошюры эти по содержанию не представляют большого интереса (открытое письмо г. «старого народовольца» много интереснее), но они очень интересны, как знамение времени: они доказывают, что молодежь—по крайней мере, часть ее—*уже* отказывается присутствовать в качестве зрителя при «капиталистической эволюции», уже находит *недостаточными* те способы «развития классового самосознания»..., которые ей рекомендуют учителя. Молодежь уже находит, что пропаганда только *идейного социализма* не облегчит «мук родов».

Итак, неинтересные по содержанию брошюры говорили, что нельзя довольствоваться одною пропагандой социализма, что надо перейти к агитации. Стало быть, социал-демократы и прежде не присутствовали в качестве праздных зрителей при капиталистической эволюции, а распространяли между рабочими социалистические идеи (идейный социализм, как выражается на своем странном языке г. «старый народоволец»), старались развить классовое самосознание

пролетариев. Может быть «способы», которые они употребляли при этом, были недостаточны, но во всяком случае пропаганда велась, дело (по собственному признанию г. «старого народовольца»,—далеко небезопасное для занимающихся им) велось, и социал-демократы не думали, что «все делается само собою». Что же выходит? Выходит, что наш автор сначала возвел напраслину,—злую, хотя уже очень избитую напраслину,— на русских социал-демократов, а потом сам же и расписался в искажении истины. Нельзя не похвалить за это г. «старого народовольца».

Известные ему брошюры говорили о необходимости агитации. Это не новая мысль в нашей революционной литературе вообще и в нашей социал-демократической литературе в частности. На нее указывала еще «Земля и Воля», на нее указывал Плеханов в невинной брошюре, называющейся: «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» *). Справедливость этой мысли до такой степени очевидна, что *доказывать* ее, собственно, никогда не было надобности **). Но *указывать* на нее надобно было особенно в те моменты, когда, по тем или другим причинам, предвиделось сильное возбуждение народной массы. Между русскими социал-демократами, которые уже с половины восьмидесятых годов взялись за пропаганду своих идей между рабочими, едва ли был хоть один, не понимавший значения агитации. Но прежде обстоятельства мешали приступить к ней; приходилось довольствоваться пропагандой, и даже—в этом нет ничего невозможного—вдаваться в этом смысле в некоторую вредную односторонность. А потом наступило другое время: обстоятельства изменились. С одной стороны, социал-демократическое течение

*) «Пропаганда, собственно так называемая, утратила бы всякое историческое значение, если бы она не сопровождалась агитацией. Пропаганда сообщает правильные взгляды десяткам, сотням, тысячам людей. Но люди, обладающие правильными взглядами, только тогда становятся историческими деятелями, когда они имеют прямое влияние на общественную жизнь. А влияние на общественную жизнь современных цивилизованных стран немыслимо без влияния на массу, т.-е. без агитации (в варварских деспотиях дело обстоит иначе: там масса не имеет значения; но не о них мы говорим). Следовательно, агитация необходима для всякой партии, желающей иметь историческое значение. Секта может довольствоваться пропагандой в узком смысле слова. Политическая партия—никогда. Если бы надо было еще выяснять взаимное отношение агитации и пропаганды, я прибавил бы, что пропагандист дает *много* идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает *только одну* или *только несколько* идей, зато он дает их *целой массе лиц*, иногда чуть не целому населению данной местности. Но история делается массой. Следовательно, агитация есть цель пропаганды: я веду пропаганду затем, чтобы иметь возможность перейти к агитации». Стр. 58.

**) Она была у нас непонятной только блаженной памяти журналу и газете «Вперед».

в нашей революционной среде, сначала бывшее лишь скромным ручейком, постепенно разрастаясь, стало широким потоком, увлекающим за собою большинство сторонников прежде господствовавшего направления. А, с другой стороны,—и это гораздо важнее—само рабочее население России так выросло, так возмужало за последнее десятилетие, что возможность, даже необходимость социал-демократической агитации стала бить в глаза. О ней заговорили в социал-демократических кружках, о ней стали писать брошюры, при чем и тут некоторые ударились в крайность и стали чуть не с нетерпением говорить о пропаганде. Все это совершенно понятно и неизбежно. Все это составляет несомненное «знамение времени». Но мы боимся, что г. «старый народоволец» не совсем правильно истолковывает это знамение. Ему кажется, что оно предсказывает близкий конец «царствия» марксистов (стало быть, царствовали таки марксисты?). На самом же деле оно означает совсем, совсем другое. Уж если в прежнее время, занимаясь пропагандой, социал-демократы в сравнительно короткое время добивались «царствия» в нашей революционной среде, то что же будет теперь, когда они с таким громадным успехом взялись за агитацию? Их партия приобретает новую, ничем непреодолимую силу притяжения, и—кто знает?—может быть, сам г. «старый народоволец» пристанет к ним, говоря, подобно щедринскому генералу: «что же, я послужить не прочь», и тут же прибавляя: «только уж пожалуйста, вы, молодые люди, не злоупотребляйте анализом».

«Так как всякое дело, которое молодежь может делать в самодержавной России, *преступно*..., то не трудно предвидеть, куда приведет течение, выразителями которого являются авторы указанных брошюр: *оно неминуемо, неизбежно, в самом недалеком будущем, вновь поставит лицом к лицу русских социалистов и русское самодержавие*, или надо допустить, что история прекратит свое течение, что люди перестанут жить и чувствовать».

Голова г. «старого народовольца» так устроена, что даже правильные мысли, попадая в нее, превращаются в заблуждения. Агитация поставит русских социал-демократов лицом к лицу с русским самодержавием. Это и так, и не так. Что агитаторы на каждом шагу будут сталкиваться с нашим полицейским государством, а, следовательно, и самодержавием, это само собою разумеется. Но ведь с этим государством сталкивались уже и те социал-демократы, которые вели одну пропаганду. Ведь сам же автор говорит, что у

нас всякое дело преступно. Отсюда следует, что отличительный признак нового, начавшегося теперь фазиса нашего социал-демократического движения заключается вовсе не в том, что он поставит *социал-демократов* лицом к лицу с правительством. А в чем же? А вот в чем.

В то возбужденное, горячее время, когда только и можно думать об агитации, с полицейским государством сталкиваются не одни агитаторы, в данном случае социал-демократы, а *вся волнующаяся рабочая* или вообще *народная масса*, которая и проходит, таким образом, ничем незаменимый курс политического воспитания. В результате явится ненависть массы к абсолютизму и массовое движение против него.

Мы видим совсем недвусмысленные «знамения», показывающие, что уже начался этот новый фазис нашего движения. Но мы решительно не можем понять, каким образом он положит конец «царствию» социал-демократов и воскресит «старую программу». Чтобы льстить себя подобной надеждой, нужна привычка к мышлению на выворот, вопреки всем законам логики и всем внушениям здравого смысла.

В самом деле, почему г. «старый народоволец» умозаключил, что близко новое торжество «старой программы»?

О, это совершенно невероятный путь!

Мы уже знаем, что, по справедливому на этот раз мнению нашего автора, «на обязанности социалиста (лежит) не только пропаганда и организация рабочих для будущей революции, но и борьба вместе с рабочими массами против их угнетателей и эксплоататоров в *данное время*, добывание лучшего положения в *настоящем*». Другими словами, социалисты обязаны вести агитацию в рабочей массе во имя ее ближайших интересов. Г. «старый народоволец» придает огромное значение этой обязанности. «Так понимали свою задачу все западно-европейские социалисты; так понимал свою задачу и сам Маркс в 40-х годах»,—говорит он. Его негодование против русских социал-демократов обусловливается тем, что они забыли эту действительно важную задачу. (Правда, они ее не забывали, как это прекрасно знает и сам г. «старый народоволец», но не в этом теперь дело). На основании всего этого можно подумать, что уж он-то, г. «старый народоволец», никогда не упустит ее из виду, что он ни на минуту не перестанет бороться с капитализмом ради улучшения быта рабочих «в настоящем». Но—увы, — это не так. Посмотрите, куда гнет г. «старый народоволец».

«Так понимали свою задачу и русские революционеры семидесятых годов. Но, наталкиваясь во всех своих практических начинаниях на непреодолимые препятствия, выдвигаемые абсолютизмом, они, естественно, направили свои силы против этого первого и самого сильного врага. Борьба с ним началась стихийными, изолированными актами; но скоро приняла систематический характер; на борьбу с абсолютизмом направились все главные силы революционеров. Такова история возникновения партии «Народной Воли» с ее преобладающим политическим характером».

Из этого следует, что правительство вынудило наших революционеров забыть то, что лежит «на обязанности социалистов», и отказаться от борьбы с капитализмом ради «добывания лучшего положения для рабочих в настоящем».

Пока эту обязанность позабывали только временами и пока это забвение проявлялось «стихийными, изолированными актами», до тех пор только еще подготовлялась почва для возникновения партии «Народной Воли». А когда совсем позабыли указываемую г. «старым народовольцем» обязанность, тогда явилась, наконец, эта партия «с ее преобладающим политическим характером». Нечего сказать, хорошо рекомендует ее г. «старый народоволец».

«Но,—продолжает он,—ведя чисто*) политическую борьбу с самодержавием, народовольцы всегда оставались социалистами, боролись во имя социалистического идеала».

Эти слова как будто несколько исправляют впечатление, производимое на непредубежденного читателя предшествовавшими им строками. Но это не надолго. В самом деле, положим, что народовольцы всегда помнили «обязанность социалиста». Но ведь они не исполняли этой обязанности, «ведя чисто политическую борьбу». Положим, что *правительству* в этой борьбе приходилось плохо, но это не мешало *капитализму* делать все новые и новые завоевания. Положим, что каждый удар, нанесенный правительству народовольцами, был нанесен во имя «социалистического идеала». Но ведь это нисколько не изменяло фактического значения ни одного из этих ударов. А каково же было их фактическое значение? На этот счет слова г. «старого народовольца» не оставляют никакого сомнения: эти удары были актами «чисто политической борьбы», т.-е. борьбы, чистой от социализма, и, следовательно, не имели никакого прямого

*) В «Письме» стоит «часто», но это, очевидно, опечатка.

отношения к тому, что лежит на «обязанности социалиста». Выходит, что если *в душе* народовольцы и помнили эту обязанность, то *на деле*, «ведя чисто политическую борьбу», они *забывали о нем*. Опять скажем: прекрасно аттестует свою партию г. «старый народоволец».

После этого понятно, почему наш сердитый недоброжелатель полон самых радужных надежд. Вероятно, он рассуждает так. Теперь социал-демократы не только говорят об агитации, но и много агитируют. Они не забывают теперь обязанности социалиста. Это прекрасный знак. Агитация поведет их к столкновению с правительством, а столкновение с правительством заставит их повести чисто политическую борьбу, т.-е. позабыть обязанность социалиста; а это только и нужно для воскресения «старой программы».

Удивительная, однако, эта *обязанность, о которой надо помнить единственно затем, чтобы забыть как можно скорее*. Неужели «так понимали свою задачу все западно-европейские социалисты»? Неужели так понимал ее «и сам Маркс в 40-х годах»? Ох, путаете вы, батюшка г. «старый народоволец» *).

Впрочем, если он и путает, то не больше, чем многие другие защитники наших старых революционных взглядов. Логика таких защитников, как и вообще логика староверов, выделывает подчас стран-

*) Кстати. На стр. 526 того номера «Материалов», где помещено письмо г. «старого народовольца», в небольшой статейке: «Хроника революционной борьбы» находится следующее примечание: «Как курьез отметим, что г. Плеханов, докладчик от русской «делегации», заявил, между прочим, что партия «Народной Воли» боролась исключительно за политические права. Наш товарищ Е. А. Серебряков, не получив слова для опровержения этого нелепого заявления, счел лишним свое дальнейшее присутствие на конгрессе, о чем и известил бюро письменно». Значит, *нелепо* утверждать, что партия «Народной Воли» боролась исключительно за политические права. А вот г. «старый народоволец» уверяет, что партия вела чисто политическую борьбу. Стало быть, его взгляд нелеп? Прекрасно. Но взгляды г. «старого народовольца» на «прошедшее и настоящее русского движения отличаются не особенно значительными оттенками» от взглядов редакции «Материалов». Как же понимать сие? Удивительно ясные «взгляды» у редакции «Материалов».

Плеханов на конгрессе сказал, что партия «Народной Воли» лет 15 тому назад вела славную борьбу с самодержавием. Что же «нелепого» в этом «заявлении»? Ред. «Материалов» вообще нехорошо осведомлена о том, что́ происходило на Лондонском конгрессе. Напечатанная ею «Хроника революционной борьбы» говорит, что когда на конгрессе читалось приветственное письмо г. Лаврова, то «чтение отдельных мест этого письма было встречено бурными аплодисментами всего конгресса». *Это не верно. Письмо г. Лаврова вовсе не было прочитано*, о нем только упомянули в числе других приветственных писем и телеграмм. «Бурные аплодисменты» относились, поэтому, не к отдельным местам письма г. Лаврова, а ко всей массе полученных конгрессом приветствий.

ные штуки. Вот, напр., эти защитники любят поставить нам на вид, что в России «мало рабочих» и что мы, социал-демократы, будто бы не обращаем внимания на крестьянство. Вы думаете, что г.г. защитники собираются «раствориться» в крестьянской среде, подобно народникам начала 70-х годов? Отнюдь нет. Это поставило бы их в вопиющее противоречие со «старой программой». В самом деле, партия «Народной Воли» никогда не задавалась целью прямого воздействия на крестьянство. «Привлечение в организацию отдельных лиц из крестьянства, способных к ней примкнуть, конечно, всегда признавалось очень желательным... Но что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы (партии «Народной Воли») совершенной фантазией и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов»*).

Кажется, ясно? Зачем же твердят г.г. защитники старых революционных взглядов, что Россия—крестьянская страна и что у нас мало рабочих? Единственно затем, чтобы махнуть рукой и *на крестьян, и на рабочих*. Так как Россия крестьянская страна, и так как безрассудно опираться на рабочих, которых у нас очень мало, то будем беспристрастны и рассудительны: обопремся на одну интеллигенцию. Это не очень логично, но... не все же логика да логика, господа; не забывайте, что социализм вовсе не есть «об'ективно-философское учение».

*) «Календарь Нар. Воли», истор-литерат. отд., стр. 129, прим.

III.

Г.г. Лавров и „старый народоволец“ о программных вопросах

«Да тут чудасия, мосьпане».
(Эпиграф, заимствуемый у Гоголя).

Г. «старый народоволец» уповает на «*общество*». Но не подумайте, что он проникся взглядами людей, советующих нашим социалистам прикомандироваться на время к либералам. Избави бог! На языке г. «старого народовольца» слово: «общество» имеет совершенно особый смысл. Оно означает «не тот или другой класс, а более активные элементы, рассеянные во всех классах». Пожалуйста, заметьте это, потому что очень легко запутаться в этой новой терминологии. Сам г. «старый народоволец» иногда путается в ней. Вот посмотрите. «Говоря об агитационном значении террора,—замечает он едва несколькими строками ниже данного им определения «общества»,—я не хочу сказать, что он революционизировал все наше общество, но он пробуждал к жизни, направлял на борьбу все активные элементы». Так как под словом «общество» надо разуметь «активные общественные элементы, рассеянные во всех классах», то приведенная нами фраза о терроре совершенно равносильна следующей: «Я не хочу сказать, что террор революционизировал все активные общественные элементы, рассеянные во всех классах, но он пробуждал к жизни, направлял на борьбу все активные общественные силы». Вы понимаете, читатель? Мы не понимаем. Но это ничего, ведь и сам автор не понимает, будучи сбит с толку своей новой терминологией. Когда он освоится с нею, тогда ему, вероятно, удастся уяснить себе и другим, какое общественное значение имел террор, практиковавшийся партией «Народной Воли».

Чувствуя, что рассуждения его очень сбивчивы и совсем не убедительны, г. «старый народоволец» переходит на другую почву: он принимается пророчествовать, что,—как известно всем обществен-

ным элементам, рассеянным во всех классах,—много легче, чем рассуждать.

«Нельзя ни минуты сомневатья в том, что мы живем накануне образования новой социально-революционной партии, *первой и главной задачей которой будет борьба с самодержавием.*

«Не знаю, как будет называться новая партия, но ее *положительная* программа по существу ничем не будет отличаться от программы Народной Воли, поскольку последняя продиктована *самой жизнью* (а условия жизни не изменились, разве только реакция увеличилась), а не фразерами, желающими блеснуть своею псевдоученостью; поскольку она выработана *живыми* людьми, социалистами-*борцами*, а не плод безжизненных доктринерских логических выкладок «об'ективных мыслителей», которые *на досуге* иногда предаются в своем кабинете размышлениям и о грядущих судьбах любезного отечества.

«1. Новая партия главные силы направит против абсолютизма.

«2. Новая партия будет представлять новую компактную организацию, ибо враг слишком силен, чтобы с ним можно было бороться изолированными личными или групповыми силами.

«3. У нас нет *ни одного* политически развитого класса: партия будет рекрутироватья во всех классах общества (первое время—преимущественно среди интеллигентной молодежи).

«4. Революционные силы у нас немногочисленны: партия будет (пока существует абсолютизм) иметь *строго заговорщицкий характер*».

Пророчество хоть куда! Жаль только, что наш оракул, как видно, тоже не вполне ушедший от влияния «анализа» (и ты, Брут!) испортил его несколькими неуместными и, по его обыкновению, неудачными силлогизмами. Прочтите хоть бы вот тут. «У нас нет *ни одного* политически развитого класса: партия будет рекрутироваться во всех классах общества (первое время преимущественно среди интеллигентной молодежи)».

Партия будет рекрутироваться во всех классах общества, которое—как мы знаем—состоит из «более активных общественных элементов, рассеянных во всех классах». Это не складно, но понятно: автор опять запутался в своей новой терминологии. А вот это уже и совсем непостижимо. Партия будет рекрутироваться во всех классах, потому что у нас нет ни одного политически развитого класса. Вот так резон! Ну, а если бы наши крупные землевладельцы оказались

политически развитым классом,—неужели г. «старый народоволец», непримиримый «социалист», стал бы рекрутировать свою партию главным образом в их среде? А если наша буржуазия станет обнаруживать признаки политического развития,—неужели мы с г. «старым народовольцем» обратимся к ней с приглашением осуществить наши социалистические идеалы? Что это такое? Эх, г. «старый народоволец», и понадобились же вам эти проклятые силлогизмы. Пора бы уже знать, что они вам никогда не удаются.

Пойдем далее.

Главные силы новой партии будут вербоваться «на первое время» среди интеллигентной молодежи. Направятся эти силы «главным образом» против абсолютизма. А так как этих сил мало, то новая партия получит заговорщицкий характер. Допустим, что все это так именно и будет: с пророками не спорят, но не мешает все-таки подвести итог тому, что напророчил нам г. «старый народоволец». Перечитайте еще раз его предсказания и спросите себя, к чему сводятся они?

К студенческому заговору («первое время преимущественно среди интеллигентной молодежи») *против абсолютизма.*

Это называется—все позабыть и ничему не научиться.

Интересно, однако, знать, какими средствами наши молодые заговорщики будут добиваться своих целей? Об этом ничего не говорит «старый» оракул. Но, принимая в соображение, что программа «новой партии» по существу ничем не будет отличаться от «*старой* программы», надо думать, что в нее войдет пресловутый захват власти и террор, о котором с большим сочувствием говорит наш автор. Так как с пророками не спорят (их лишь осмеивают время от времени люди, злоупотребляющие «анализом»), то и мы возражать нашему оракулу не будем. Мы только спросим, вполне ли он уверен, что взгляды редакции «Материалов» (тоже состоящей из «старых народовольцев» или, по крайней мере, из людей, именующих себя таковыми) лишь незначительными оттенками отличаются от его взглядов?

Г. Лавров «всегда публично высказывался, что элемент терроризма, допущенный в эту («старую») программу, есть элемент, крайне опасный для партии». Точно также г. Лавров «всегда считал задачу захвата власти невозможной в какой-либо расчитанной программе действий» *). Значит, не надо ни террора, ни захвата власти.

*) См. статью: «П. Л. Лавров о программных вопросах» в № 4 Летучего листка группы народовольцев.

Согласен ли с этим наш оракул? А если—нет, то ведь это уже не «незначительный» оттенок? Желательно было бы выслушать новое пророчество касательно террора и захвата власти.

Положим, однако, что «новая партия» (со «старой программой»), послушавшись совета г. Лаврова, откажется и от террора, и от захвата власти. Тогда спрашивается, что же, собственно, будут делать молодые заговорщики? Г. Лавров советует им, с одной стороны, группировать рабочие силы для борьбы с капитализмом, а с другой—«сплачивать революционных личностей для борьбы с абсолютизмом». (Г. Лавров—обстоятельный мыслитель, поэтому у него всегда—сначала—с одной стороны, а потом—с другой). Но это не ясно, как и все ответы, которые он когда-либо давал на «проклятые» вопросы нашей революционной практики. Как же бороться с абсолютизмом, если новая партия откажется от террора? Должно быть путем *агитации* против него? Но где же именно надо вести эту агитацию? В обществе ли, как его определяет г. «старый нородоволец»? или в обществе, понимая это слово в обычном его значении? или, наконец, в рабочей среде? Если «во всех классах», то не знаем, удачна ли будет агитация в среде буржуазии во имя «социалистических идеалов» г.г. «старого народовольца» и Лаврова. А если в рабочей среде, то чем будет отличаться эта агитация от агитации «для борьбы с капиталом»? По нашему, повторяем, *борьба рабочего класса с капиталом на известной стадии своего развития неизбежно окажется в то же самое время и борьбой с абсолютизмом.* Мы думаем также, что для современных русских противников абсолютизма нет и не может быть другого сколько-нибудь действительного способа борьбы с ним, кроме агитации в рабочей среде. Г. Лавров, как видно, не согласен с нами. Иначе он не поставил бы деятельность в рабочей среде *рядом* с борьбой против абсолютизма. Неужели же он до сих пор не разделался с утопическим противопоставлением социализма политике? Видно, что—нет. Все его рассуждения о «программных вопросах» основаны как раз на этом противопоставлении.

«Социализм, как сознанная рабочими классовая борьба труда с капиталом, есть основное историческое явление нашего времени,—говорит г. Лавров.—Все остальные вопросы не могут и не должны быть поставлены иначе, как по отношению к этому основному явлению». Очень хорошо. Как же «ставит» г. Лавров вопрос о политической борьбе «по отношению к этому основному явлению»?

«Для России,—отвечает он,—борьба социалистическая не может

быть ведена с успехом и привести к торжеству рабочих ни помимо борьбы с абсолютизмом, ни поглощая все революционные силы исключительно этой борьбою».

Что это значит? Вот что.

У г. Лаврова еще лежит на совести старый завет утопического социализма: откажитесь от политической борьбы. Но в то же время он понимает, что русским социалистам нельзя не бороться с абсолютизмом. Как же разрешает он это противоречие? Так же, как разрешают эклектики *все* встречающиеся им противоречия. Он дает *два решения на один и тот же вопрос* и «ставит» их одно возле другого, одно после другого. Поелику социализм есть сознанная рабочими классовая борьба труда с капиталом, старайтесь вызывать и поддерживать такую борьбу: поклон в сторону «социализма». Но так как нельзя же обойтись и без борьбы с абсолютизмом, то позаботьтесь о том, чтобы классовая борьба (т.-е. социализм) не поглощала у вас всех революционных сил—поклон в сторону политической борьбы, приятная улыбка по адресу г. «старого народовольца». Раскланявшись, таким образом, на обе стороны, г. Лавров считает себя вправе смотреть на нас, социал-демократов, как на людей узких и односторонних. Мы от души радуемся широте его собственных взглядов, но ежедневно и усердно просим бессмертных богов предохранить нас от такой широты, как от величайшего несчастья.

Послушаем еще.

«Лишь партия, способная комбинировать рационально решение этих обеих задач или приблизиться, по возможности, к их одновременному решению, имеет шансы на прочный успех».

Как надо понимать это? А очень просто.

«С одной стороны» (г. Лавров—обстоятельный мыслитель), часть революционеров, фактически оставив социализм и позабыв известную обязанность социалиста, должна вступить в борьбу с абсолютизмом, подготовляя неизвестными нам путями—но только не террором и не захватом—его падение. Другая же часть их должна поддерживать классовую борьбу труда с капиталом (этим, как видно, надо забыть, что всякая классовая борьба есть борьба политическая), стараясь обладить дело так, чтобы торжество рабочих над их эксплоататорами совпало с падением абсолютизма. Чего же проще?

Одно тут непонятно. Для торжества труда над капиталом нужна организация рабочих; создать же такую организацию при нынешних

наших порядках очень трудно, «если не невозможно», как мы узнаем от г. Лаврова. Теперь, по мнению этого писателя, возможны только «зародыши» рабочей организации. Стало быть, нечего и толковать об *одновременном* решении двух задач. Стало быть, прав не г. Лавров, которому хочется и накормить козу, и спасти капусту, а наш почтенный «старый народоволец», категорически утверждающий, что «новая партия» должна «направить главные силы против абсолютизма, т.-е. вести чисто политическую борьбу».

Выходит, что как ни верти, а надо на время забыть «обязанность социалиста» для вернейшего торжества «социалистических идеалов».

Давно уже известно, что плохо приходится «социализму» в программах социалистов-*утопистов*, решающихся выступить на путь политической борьбы *).

Как бы там ни было, но г. Лавров все-таки советует революционерам направить часть своих сил на поддержку борьбы труда с капиталом. Г. «старый народоволец» убежден, что это ни к чему не поведет в современной России, где «*простая* стачка рассматривается законом, как преступление, где действует закон 1886 г. о найме сельских рабочих» и т. д. и где, наконец, даже «такие невин-

*) Иногда—до комизма плохо. В первом и единственном № газеты «Социалист» (Женева, июнь 1889 г.) в статье «По поводу одной программы», возражая «Свободной России», советовавшей социалистам временно превратиться в либералов, г. Кашинцев замечает, что социализму и в прежних программах отводилось у нас не слишком много места. По его словам, прежде мы точно грешили таким грехом, но уже давно и раскаялись. «Это было,—говорит он,—но было лишь в исходные моменты юношеского увлечения (sic!), которое при первых столкновениях с жизнью и с критической мыслью (!) начало уступать и очень скоро уступило свое место иному, чисто реальному пониманию общественных отношений, революционному миросозерцанию, оставшемуся в своих основах неизменным и по сие время (из этого видно, сколь полезна неприятная г. «старому народовольцу» критическая мысль *Г. П.*). Даже в первых опытах нелегальной литературы вопросам чистого социализма, теоретического и практического, отводилось сравнительно не много места (пожалуй, столько, сколько было нужно в интересах гуманитарной пропаганды для юношества...). Даже в период хождения в народ пропагандисты опирались главным образом «на указания народных бедствий настоящего, безобразия правительства, а не на социализм... И чем дальше, тем больше, пока, наконец, «Народная Воля» не решила вопроса и вполне определенно, в смысле борьбы с абсолютизмом». По здравому рассуждению отсюда следует, что «Народная Воля» окончательно свела социализм что называется на-нет, сохранив его даже и не «для юношества», а разве для «сущих младенцев» (как выражается священное писание). Но г. Кашинцев находит возможным хвалиться, что «мы» ни разу не почувствовали необходимости свернуть «свое» социалистическое знамя. Г. Кашинцев, если не ошибаемся, тоже народоволец,—не знаем только, какой: старый, средний или молодой. И в виду всего этого находятся люди, наивно убежденные, что народовольцы *впервые* правильно решили у нас вопрос политической борьбы. Куда там! Народовольцы никогда не могли понять, что противоположение чистого социализма «чистой» политике совершенно бессмысленно.

ные вещи, как чтение брошюр г. Плеханова, или устройство кассы взаимопомощи» ведут за собою продолжительное тюремное заключение. Сначала нас очень удивило это разногласие г. «старого народовольца» с г. Лавровым, который, однако, согласен с ним во взглядах на прошедшее и настоящее русского движения, расходясь лишь в *незначительных оттенках*. Потом, вдумавшись в это интересное психологическое явление, мы увидели, что в нем нет ничего непонятного. Г. Лавров согласен со старыми народовольцами, а старые народовольцы согласны с ним лишь в том, что касается «основных воззрений». Но партия «Н. В.» никогда не стояла на точке зрения пролетариата. Ну, а партия, не стоящая на точке зрения пролетариата, не может относить к числу основных своих воззрений взгляд на возможность более или менее широкого рабочего движения в современной России. Люди, принадлежащие к такой партии, могут считать себя согласными во взглядах «на прошедшее и настоящее» русского движения, хотя бы они и совершенно расходились во мнениях о собственно рабочем деле. Разногласия по этому вопросу относятся к числу «оттенков».

— Но, скажут нам, для г. Лаврова этот вопрос — *основной*, как он сам категорически заявил об этом.

— Из этого ничего не следует, ответим мы. Для г. Лаврова вопрос этот важен «*с одной стороны*», а «с другой» (со стороны «союза» со старыми народовольцами) он не имеет большой важности. Г. Лавров—обстоятельный мыслитель.

Смущало нас и то, что г. Лавров высказался о «программных вопросах» крайне туманно и сбивчиво. Неужели, спрашивали мы себя, нельзя было выражаться определеннее? И мы припоминали слова Вовенарга: la clarté est la bonne foi des philosophes. А потом мы увидели, что в данном случае это было невозможно. Мы спорим с г. «старым народовольцем» о том, *что делать* социалисту-революционеру в современной России. Но мы спорим об этом лишь потому, что мы народ не обстоятельный. Г. Лавров, в качестве обстоятельного мыслителя, считает нужным решить предварительно несколько других вопросов. Он говорит: «вопросы, которые нам следует решить в настоящую минуту, мне кажется, следующие: 1) Как нам представляется положение социально-революционного движения в России? 2) Как нам представляется отношение нашей группы к разным оттенкам русских социалистов-революционеров и оппозиционных групп вообще? 3) ..... 4) ....».

Как видите, г. Лавров считает нужным потолковать о том, *как нам представляются* некоторые важные явления. Только выяснив и определив свои *представления*, можем мы перейти к вопросам революционной практики. Нам очень нравится этот прием, и мы надеемся, что когда выяснятся и определятся *представления* г. Лаврова о том, что делается в России, тогда он, наверное, будет писать ясно, толково и убедительно. А пока потерпим. Чтож, и дольше того терпели.

Группа старых народовольцев, издающая «Материалы», с удовольствием отмечает «один знаменательный факт: большая часть программ, прокламаций и планов деятельности, обнародованных в последнее время или иным путем дошедших до нашего сведения, более или менее близки к старой программе «Народной Воли» конца семидесятых годов; предлагаемые изменения таковы, что они могли бы быть сделаны и прежними народовольцами, приняв в соображение изменившиеся обстоятельства» *). Г. «старый народоволец», который думает, однако, что в России «условия жизни не изменились, разве только реакция увеличилась», с своей стороны пророчествует, как мы уже знаем, о появлении *новой партии*, которая в сущности, будет совсем, совсем старой. Таким образом, в среде г.г. «старых народовольцев» господствует довольно радужное настроение. Это хорошо, хотя факты как будто и не соответствует такому настроению. С одной стороны, большая часть программ, планов и проч. очень близки к «старой программе», а с другой—сами народовольцы, действующие в России, так удалились от «старой программы», что их пришлось отлучать от церкви устами г. «старого народовольца», который «не решается» назвать их товарищами. Вот вам и большая часть программ. Что это пишут г.г. старые народовольцы?

Какой-то шутник сообщил им также, что в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» принимают участие «*многочисленные группы народовольцев*» Не знаем, поверили ли они этой шутке, но она напечатана на стр. 521 № 6—7 «Материалов». Если г.г. старые народовольцы действительно верят тому, что в названном Союзе много людей, разделяющих их взгляды, то мы должны их разуверить. *Таких людей в Союзе нет.*

Вообще, пора бы уже г.г. «старым народовольцам» отложить шутки в сторону и, по совету г. Лаврова, выяснить свои *предста-*

*) Об'явление об изданиях этой группы

вления. Неужели они и в самом деле воображают, что еще возможно воскресить «старую программу», в которую даже каждый из них, за исключением самых рьяных, «верит» теперь лишь с большими оговорками. Неужели они в самом деле думают, что теперь, когда в России *уже началось настоящее массовое движение рабочего класса*, и когда, таким образом, против абсолютизма, равно как и против всего старого русского порядка, встал новый, мощный и непримиримый враг, единственный враг, способный стереть его с лица земли,—неужели они думают, что им удастся привлечь к себе революционные элементы перспективой *студенческих заговоров*, подобных тем, о которых мечтает г. «старый народоволец»? Неужели они в самом деле надеются победить нас с помощью нелепых рассуждений г. «старого народовольца» или туманных, запутанных «представлений» г. Лаврова, одного из последних могикан «чистого» утопического социализма? Если—да, то их дело безнадежно плохо: они останутся политическими *детьми* хотя бы и трижды «старыми».

А те, работающие в России революционеры, которых не хочет признать своими товарищами г. «старый народоволец»,—неужели они еще долго будут бояться того последнего шага, который им—по признанию самих «старых народовольцев»—сделать необходимо? Неужели они еще долго не перестанут называть себя *народовольцами?* Фактически они *уже* не народовольцы, а *социал-демократы* Зачем же они держатся за старое название? Почему они хватаются за тень прошлого? Что такое теперь «Народная Воля»? Это коляска, от которой осталось разве лишь *одно колесо*. Спора нет, коляска была недурна в свое время, но оставшееся от нея колесо все-таки не экипаж, и в нем нельзя ездить. Конечно, можно попытаться построить новую коляску, по образцу прежней: на эти попытки и уходят усилия «старых народовольцев». Но действующие в России народовольцы (по крайней мере, многие из них и, конечно, самые *передовые*) не хотят строить коляску по старому образцу. Они уже не довольствуются колясками, им уже нужны железные дороги. И это очень хорошо; это показывает, что они не староверы. Но в таком случае надо иметь мужество назвать железную дорогу—железной дорогой, а не именовать вагоны колясками, а локомотивы—лошадьми. И что выигрывается таким насилием над словами? Ровно ничего, кроме путаницы понятий. А путаницы и без того у нас довольно. Задача молодых революционеров заключается не в том, чтобы усилить, а в том, чтобы устранить ее как можно

скорее. Некоторым молодым революционерам кажется, что отказ от клички «народоволец» является оскорблением памяти людей, некогда погибших в геройской борьбе с царизмом и называвших себя народовольцами. Но это мысль совершенно ошибочная и притом крайне обидная для памяти погибших борцов. Разве они были буквоедами; разве они не становились в критическое отношение к «старым *программам*» своего времени? Поверьте, *товарищи*, что эти борцы, имена которых для нас столько же святы, как и для вас, были людьми смелой мысли и энергичного действия, что они не пугались слов и что они первые сказали бы вам теперь: долой старинные наряды, прочь старые клички:

Новому времени новый костюм
Потребен для нового дела.

Приложение

ПОЧТИ О ТОМ ЖЕ

Говорят, несчастия ходят толпами. Должно быть, это правда. Ведь вот взять хоть бы русскую социал-демократию. На нее, как мы уже знаем, обрушился г. «старый народоволец». Казалось бы, довольно с нее и этого горя. Но она навлекла на себя также неудовольствие какого-то г. Н. Ч. и листка, именующего себя «Русский Рабочий». Нет, что ни говорите, а это верно: несчастия ходят толпами.

Г. Н. Ч. недоволен поведением нашей делегации на лондонском социалистическом конгрессе.

«Появление 8 делегатов от русских рабочих и социалистов в первый раз на лондонском конгрессе вызвало единодушный энтузиазм всех делегаций без различия национальностей и партий. В искренности сочувствия к русскому рабочему движению и особенно ввиду последних петербургских и других стачек не было никакого сомнения. Тем больнее было увидеть в рапорте представителя большинства русской делегации, Плеханова, бесцеремонное и узкое желание во что бы то ни стало присвоить все русское социалистическое движение своей организации». (Лет. Листки, № 35, стр. 6—7).

В чем же выразилось неприятное желание Плеханова?

«Вопреки тому, что тов. Серебряков представил мандат от народовольческих групп как в России, так и за границей,—вопреки всем известному факту, что народовольцы в России и прежде опирались на рабочие группы, а в последнее время работали рядом с соц.-демократами и даже печатали для них брошюры (5) в своих тайных типографиях,—Плеханов не постеснялся охарактеризовать эту организацию как «заграничный остаток старой «Народной Воли», 15 лет тому назад ведшей славную борьбу против самодержавия, но теперь не имеющей значения в движении».

Г. Н. Ч. известно, что народовольцы в России и прежде опирались на рабочие группы... Как же это—«*опирались*», когда признавали лишь то, что *рабочие важны для революции?* *).

Это последнее обстоятельство, вероятно, тоже известно г. Н. Ч. Ведь читал же он важный исторический документ, показывающий истинное отношение старой «партии Народной Воли» к «народу». Если не читал, то пусть прочитает.

Г. Н. Ч. известно также, что народовольцы в России последнее время работали вместе с с.-демократами и даже печатали для них брошюры. Ну, а известно ли г. Н. Ч., *какие именно народовольцы* работали с с.-демократами—те ли, которые придерживаются «древлего благочестия», или те, против которых гремит г. «старый народоволец», не решающийся даже назвать их своими товарищами? Если известно, то не потрудится ли г. Н. Ч. сказать нам, какие же именно народовольцы прислали мандат г. Серебрякову? Мы боимся, что г. Н. Ч. плохо знает те факты, о которых взялся рассуждать.

Видел-ли г. Н. Ч. мандат г. Серебрякова?

В мандате говорится:

«Группа старых народовольцев предоставляет Эсперу Александровичу Серебрякову право участвовать от ее имени в работах лондонского Интернационального Конгресса в качестве представителя не только группы старых народовольцев, но и нескольких московских и петербургских групп народовольцев...»

Что показывают эти строки? Они показывают, что г. Серебряков имел *прямое полномочие только от группы «старых народовольцев»*. Правда, он хотел представлять также и несколько московских и петербургских групп, но от этих групп он никаких полномочий не представил. Все его права в этом случае основывались лишь на разрешении, полученном им от «группы старых народовольцев». А эта группа, с своей стороны, не представила никаких доказательств того, что она имеет право собственным усмотрением назначать делегатов от «нескольких» других групп. Таким образом выходило, что г. *Серебряков явился представителем одной заграничной группы народовольцев*. Вообще говоря, это было недостаточное основание для его принятия; но—не в пример прочим—он был принят из уважения к памяти партии «Н. В.». Г. Серебряков не очень хорошо отблагодарил русскую делегацию за такое снисхождение к нему.

*) См. Календарь Нар. Воли», ст. «Подготовительные работы партии».

Плеханов не говорил, что старая «Н. В.», ведшая 15 лет тому назад славную борьбу против абсолютизма, *теперь не имеет значения*. Если бы на конгрессе зашла речь о нынешнем значении этой партии, то Плеханов не побоялся бы высказать свое мнение о ней. Но речь об этом не поднимал никто, да никто и не мог поднимать, потому что это было бы совершенно неуместно. Подчеркнутые нами слова остаются, таким образом, измышлением правдолюбивого г. Н. Ч.

Плеханов «охарактеризовал эту организацию»... *Какую* организацию, г. Н. Ч.? Мы знаем народовольческие организации, т.-е. более или менее крупные группы народовольцев, более или менее верных «старой программе», но организация Народной Воли нам неизвестна. Мы не «характеризовали» *этой* организации, потому что имеем привычку не говорить о вещах, нам неизвестных. Не правда ли, эта хорошая привычка, г. Н. Ч.?

Или, может быть, под «*этой организацией*» г. Н. Ч. подразумевает парижскую «группу старых народовольцев»? Такое толкование противоречило бы самому прямому и очевидному смыслу его слов, однако, мы готовы допустить его. Но в таком случае нам придется спорить с г. Н. Ч. о «значении» парижской группы народовольцев.

Плеханов сказал о ней, собственно, вот что.

«Мы приняли г. Серебрякова, представителя одной заграничной группы, которая, хотя и не имеет серьезных сношений с Россией, но состоит из людей, принадлежавших к партии, которая лет 15 тому назад вела славную борьбу с царским правительством»; этот комплимент *) Плеханова группе старых народовольцев был покрыт громкими рукоплесканиями.

Что же, г. Н. Ч., разве парижская группа старых народовольцев не есть нечто вроде «заграничного остатка» старой «Н. В.»? И разве вы станете утверждать, что эта группа имеет серьезные сношения с Россией, т.-е., вернее сказать, имела их около времени лондонского конгресса? Конечно, сношения всякой заграничной революционной группы с Россией должны оставаться *тайными*, так что посторонним людям иногда нельзя и судить о них. Но это только—*иногда*, потому что бывают случаи, когда большая или меньшая серьезность таких сношений бросается в глаза всякому опытному и толковому революционеру. Подумайте, г. Н. Ч.,—если бы парижская

*) *Комплимент*,—потому что на самом деле далеко не все члены парижской группы старых народовольцев принадлежали к старой партии «Народной Воли».

гр. ст. нар. имела, около времени конгресса, серьезные сношения с Россией, то дала бы она г. Серебрякову тот странный мандат, который он представил нашей делегации? Нет. Г. Серебряков—или кто другой—имел бы *прямые мандаты* от «нескольких» русских групп. А если бы русские группы нашли почему-либо неудобным давать такие мандаты, то парижская гр. ст. нар. представила бы доказательство того, что «несколько» групп просили ее назначить их делегатов. Но ни прямых мандатов, ни упомянутых, совершенно необходимых, доказательств представлено не было. Что же это значит? Будем надеяться, что теперь сам г. Н. Ч. сообразит, в чем дело.

«И когда Серебряков потребовал себе слова,—меланхолически продолжает г. Н. Ч.,—чтобы выяснить действительное положение своей партии по отношению к рабочему движению, то президент, по настоянию Плеханова, отказал ему в этом, и Серебряков письменно заявил бюро, что он не может принимать участия в русской делегации и уходит с конгресса».

Как же это мог Плеханов «*настоять*» на том, чтобы председатель конгресса—известный Зингер, вряд ли страдающий слабостью характера—отказал дать слово одному из делегатов? Какое право имел председатель уступить «*настояниям*» зловредного Плеханова? Нет, воля ваша, г. Н. Ч., тут у вас выходит не кругло. Позвольте об'яснить вам, в чем дело.

Бюро конгресса решило, что по вопросу о мандатах могут говорить, кроме докладчиков делегации, *только* те лица, мандаты которых будут об'явлены сомнительными («Право апелляции к конгрессу»). Мандат г. Серебрякова не принадлежал к числу таковых. Вот почему председатель и не дал ему слова. А г. Раппопорту (не принятому русской делегацией) председатель дал говорить, не смущаясь никакими «настояниями Плеханова», которых, впрочем, не было ни в первом, ни во втором случае. *Они измышлены правдолюбивым* г. Н. Ч.

«О другом своем партийном противнике, Раппопорте, представившем мандат от группы русских «социалистов-революционеров», которая издает за границей социалистический листок «Русский Рабочий» и находится в связи с такими же кружками в России,—Плеханов просто заявил конгрессу, что, подобно многим другим заграничным «кружкам» студентов идеологов, «этот кружок не имеет никакого значения, и если конгресс не желает создать русскому движению в будущем серьезных затруднений, то он должен отвергнуть Раппопорта».

Г. Раппопорт оказывается «партйным противником» Плеханова. Но Плеханов никогда не слышал о «партии», к которой принадлежит г. Раппопорт, и потому своим *партийным* противником он его считать не мог. Если мандат г. Раппопорта был дан ему его «*партией*», то эта партия с удобством могла бы усесться на небольшом диване. Плеханов и социал-демократическое большинство русской делегации действительно считали, что русским заграничным студентам нет надобности посылать своих делегатов на *рабочие* социалистические конгрессы. Это мнение их—с которым охотно согласился конгресс—остается и теперь неизменным, и мы наверное знаем, что оно и впредь не изменится. Г. Н. Ч. считает его, как видно, ошибочным. Чем же он опровергает его? Простым искажением истины. Не убедительно.

То, что мы, по свойственной нам деликатности, называем искажением истины, теперь в большом ходу в рядах наших «партийных противников». Крошечный листок «Русский Рабочий», издаваемый той крошечной группой, которая хотела иметь г. Раппопорта делегатом на всемирном рабочем конгрессе, тоже решил бороться против нас с помощью названного оружия: в странной, чтобы не сказать более, статейке—«Задачи русского рабочего движения» (октябрь 1896 г.) мы прочли следующее:

«Так, например, «представитель России»*) на бывшем в 1893 г. всемирном с'езде рабочих в Цюрихе, г. Плеханов, подал свой голос против того, чтобы аграрный вопрос земледельческих рабочих разбирался на Лондонском конгрессе».

Это неправда. И что это за «аграрный вопрос земледельческих рабочих»? Автору статейки следовало бы сначала научиться правильно писать, а потом уже пускаться в литературу. Или, может быть, он употребил это нелепое выражение не спроста? Может быть, он хотел кое-что затуманить, кой от кого скрыть свои истинные взгляды на аграрный вопрос? Впрочем, неуменье владеть русским языком составляет отличительную черту листка «Русский Рабочий», этого периодического лубочного издания для... «народа».

«А в своем докладе последнему Лондонскому конгрессу тот же г. Плеханов и его приверженцы пишут, что русским рабочим дескать еще рано задумываться над постановкой социалистического дела в

*) Слова: представитель России—стоят во вносных знаках. Это ехидно, но не ново, ибо заимствовано у «*Московских Ведомостей*».

деревне, что это дескать лежит в интересах самих русских рабочих, если они к своим братьям крестьянам будут поворачиваться спиною».

И *это неправда.* Не то говорит наш доклад.

Мы, конечно, не станем спорить с автором статейки «О задачах рабочего движения в России», но мы считаем себя обязанными изобличать его и его товарищей всякий раз, когда им случится разойтись с истиной. Боимся, что нам часто придется говорить о них.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКЛАД, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ РЕДАКЦИЕЙ РУССКОГО ЖУРНАЛА «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ» МЕЖДУНАРОДНОМУ РАБОЧЕМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ В БРЮССЕЛЕ В АВГУСТЕ 1891 ГОДА

Граждане!

Русские социал-демократы не представлены на конгрессе международной социал-демократии в этом году.

Их отсутствие не причинит вам никаких практических затруднений: наш голос не мог бы иметь большого значения в ваших решениях—или лучше сказать—он не имел бы *никакого* веса. Тем не менее мы считаем полезным изложить вам причины нашего воздержания.

Те из вас, граждане, у которых будет время и охота прочитать эти страницы, будут иметь возможность отдать себе отчет в действительном положении русского революционного движения, которое лет десять тому назад производило такой шум во всем цивилизованном мире.

Мы будем говорить откровенно, без излишней пощады, без громких фраз. Скрывать что-нибудь было бы вредно для нашего движения и недостойно вас, представителей всемирной социал-демократии.

Наша *обязанность* сказать вам правду, обязанность, которую нам тем легче исполнить, что наше настоящее положение далеко не печально. Наоборот, только теперь в экономической жизни России можно заметить явления, которые могут служить серьезным основанием для надежд всех противников существующего строя.

Наше политическое состояние отличается, как вам известно, ужасным правительственным деспотизмом, которому почти нет примера в истории; деспотизмом, который соединяет дурные стороны печальной памяти западного абсолютизма со всеми ужасами восточного деспотизма. Русский царизм опирается в одно и то же время и на открытия европейской науки, и на азиатское невежество крестьян. Он эксплоатирует науку для лучшей организации своих сил, он эксплоатирует невежество крестьян, считая себя правительством наиболее соответствующим *национальному духу* русского народа.

Можно легко понять, что этот пресловутый национальный дух есть только нелепый софизм, придуманный правительством, которое не может найти ничего лучшего для оправдания своего существования. Бесполезно доказывать, что ни один народ не может иметь органической склонности к этому позорному и жалкому существованию, которое составляет удел всех подданных его царского величества. Русский народ никогда не имел такой склонности. То, что правительство называет национальным *духом* народа, было только *отсутствием развития* этого духа, вызванным недостаточным экономическим развитием России.

Это недостаточное экономическое развитие рассматривается как очень симпатичное проявление нашего национального духа. Наши реакционеры-славянофилы, как и наши революционеры-бакунисты все в один голос прославляли его. И те и другие в своих теориях с одинаковым усердием противопоставляли его «буржуазному» развитию Запада. Россия избавлена от буржуазии, от пролетариата, от антагонизма классов и их борьбы,—твердили и те и другие. Следовательно, социальная революция, которая угрожает Европе, невозможна в России — говорили реакционеры. Следовательно, социализм у нас может не сегодня-завтра восторжествовать,—утверждали бакунисты. В теории это был единственный пункт расхождения между обеими партиями.

Было бы излишне доказывать вам, представителям революционного пролетариата, революционную роль, выпавшую на долю современного пролетариата в истории. Точно так же излишне доказывать, что там, где нет пролетариата, не может быть социалистического движения, достойного этого имени. Все вы знаете очень хорошо, что современный социализм есть только «теоретическое выражение пролетарского движения», как говорит Ф. Энгельс. Там, где нет пролетариата, социализм не имеет основания.

Если нужно доказывать наши утверждения, то это по поводу совершенно другого вопроса. Вас может быть удивляет, что подобная доктрина,—*социализм без пролетариата*,—может в наше время найти адептов среди революционеров какой бы то ни было страны.

Однако этот факт не покажется вам невероятным, если вы вспомните, что эти странные теории тесно связаны с пропагандой Бакунина. Вам, вероятно, знакомы противоречивые, туманные и метафизические доктрины этого человека, которого иногда считали замечательным диалектиком и который был только низкопробным софистом.

Лет десять тому назад Россия была цитаделью бакунизма. Благодаря пропаганде бакунистов, самое название социал-демократ казалось

позорным русским революционерам, и когда в конце 1883 г. мы начали нашу пропаганду научного социализма, наши противники думали бросить нам ужасное обвинение, утверждая, что мы питаем симпатии и к идеям, и к деятельности германской социал-демократии.

И это обвинение было на самом деле обосновано: мы действительно питали эту симпатию. Мы говорили нашим согражданам, что германская социал-демократия имеет много заслуг перед пролетариатом, и что знакомство с ее теориями и с ее деятельностью тем более необходимо русским, что они до сих пор даже в Западной Европе изучали только доктрины и практику бакунистов.

Изгнанные из рядов революционной партии, оклеветанные всеми, преследуемые правительством, мы должны были в течение многих лет бороться против различных оттенков бакунинских доктрин. Это было скучное дело. Но оно почти кончено. Мы теперь можем поздравить себя с тем, что мы расчистили почву для научного социализма, и хотя бакунистские предрассудки оставили еще много следов в идеях многих русских социалистов, никто из тех, кто исповедует хоть сколько-нибудь революционные идеи, не осмелится считать преступлением наши симпатии к социал-демократии. Эти симпатии, наоборот, все увеличиваются среди русских революционеров.

По правде говоря, наша борьба против бакунистов вызывала иногда опасения даже среди западных социал-демократов. Они находили ее несвоевременной. Они боялись, что наша пропаганда, вызвав раскол в революционной партии, ослабит энергию ее борьбы против правительства. Но эти опасения, правда, очень законные, к счастью, были неосновательными.

Мы не доктринеры, готовые принести практические успехи революционного движения в жертву теории. Мы умели бы молчать, если бы мы могли думать, что успех революционной борьбы в России хоть сколько-нибудь зависит от сохранения бакунистских предрассудков. Но тяжелый опыт доказал нам обратное. Мы должны были убедиться, что бакунизм был источником слабости нашего движения. И мы боролись с бакунизмом именно для того, чтобы укрепить наши силы.

Заметьте хорошенько, что под именем бакунистов мы подразумеваем не одних анархистов только. Покойный Ткачев считал себя последователем Бланки. Он боролся с анархистами и полемизировал с самим Бакуниным. И все же все его идеи о социальных условиях в России были пропитаны чистейшим бакунизмом.

Как и Бакунин, он видел в отсталом состоянии нашей экономиче-

ской жизни залог нашего быстрого будущего прогресса. Как Бакунин, он в своих теориях противопоставлял западно-европейским пролетариям русского крестьянина, которого он представлял себе проникнутым *коммунистическими идеалами*.

Точно также для партии «Народной Воли», руководимой знаменитым «Исполнительным Комитетом», развитие пролетариата в России было только историческим несчастьем. Эта партия старалась отыскивать доказательства отсталого состояния России, и чем больше она находила этих доказательств, тем больше она была уверена в своем торжестве. Противоположность России и Западной Европы была одной из излюбленных тем этих писателей.

Эта партия состояла из представителей того социального слоя, который у нас называется интеллигенцией, т.-е. студентов, людей всяких либеральных профессий и офицеров различного рода оружия. Она не отталкивала рабочих, но она не придавала большого значения их присоединению. Для нее один офицер имел гораздо больше значения, чем сотня рабочих.

Партия «Народной Воли» оказала огромные услуги России. Благодаря ей борьба с правительством стала вестись с неслыханной до тех пор энергией. Но вербуя своих членов почти исключительно среди «интеллигенции», партия «Народной Воли» не могла быть очень многочисленной. Сил ее было достаточно для блестящих стычек, но не для решительного боя.

Название этой партии у нас тесно связано с идеей того, что у нас называют террористической борьбой, т.-е. покушениями на жизнь официальных представителей царизма, до самого царя включительно.

Этот способ борьбы не был изобретен партией «Народной Воли», но он практиковался этой партией с наибольшей энергией и с наибольшим успехом.

Нас, социал-демократов, считали противниками «терроризма». Но в принципе мы никогда не были против «террористической» борьбы.

Мы лишь постольку были против нее, поскольку она свидетельствовала о слабости революционной партии. «Терроризируя» на момент наше правительство, борьба эта в конечном счете стала опасной только для *личностей*. Терроризм не подрывал *системы*.

Несколько человек погибло. Их места тотчас же были заняты другими, и царизм не только не поколебался, но он еще укрепился, так как его поддерживали высшие классы, которые в одинаковой мере боялись реакции сверху и дерзости террористов

Революционная партия тратила больше сил, чем приобретала. Легко понять, что произошло. После смерти Александра II, в марте 1881 г., наше движение заметно стало убывать.

Несколько новых удачных покушений не улучшили положения и не могли его улучшить. В продолжение трех или четырех лет после смерти Александра II в России существовали некоторые более или менее революционные группы молодых людей, но не было партии, не было ни одного тайного революционного общества, сколько-нибудь опасного для царизма.

Но это не все. Почти в то же самое время можно было констатировать ослабление революционного порыва в том социальном слое, которому до тех пор принадлежала инициатива движения.

Ясно, что если бы революционерам не удалось привлечь к себе новых социальных слоев, их дело погибло бы окончательно. В этом отношении все революционеры согласны; разногласия между ними возникли только тогда, когда надо было решить, к какому классу, к какому социальному слою надо приблизиться.

Одни утверждали, что революционеры должны сойтись с «обществом», т.-е. с высшими классами; другие советовали обратиться к пролетариату промышленных центров.

Первые неизбежно склонялись к либерализму; вторые—к социал-демократии.

Наши либералы далеко не находятся у власти: человек с либеральными взглядами является человеком подозрительным в глазах нашего правительства.

В качестве партии оппозиционной нашему современному режиму либералы, очевидно, являются прогрессивной силой в нашей стране.

К несчастью, они никогда не боролись активно с правительством. Они никогда не осмеливались переступить узкие границы «*мирной*» и «*легальной*» оппозиции.

Революционеры могли бы слиться с либералами, только отказавшись от всякой революционной деятельности.

Надо заметить, кроме того, что слабость наших либералов зависит также до известной степени от их теорий.

Либеральные идеи до сих пор очень слабо захватили нашу промышленную буржуазию.

В большинстве случаев наши либералы, так же как и революционеры старого бакунинского закала, принадлежали к так называемой

«интеллигенции». Для многих людей из этого социального слоя либерализм часто является только одной из фаз их эволюции.

Тот же самый человек, который был «*социалистом*» на университетской скамье, становится «*либералом*» по получении диплома, когда ему удалось устроиться и составить себе положение.

Не удивительно поэтому, что наши либералы не лишены некоторых предрассудков «русского социализма». Как и «социалисты», они охотно разглагольствуют на ту тему, что борьба классов, антагонизм между трудом и капиталом не имеют значения в нашей стране.

Эти теории были бы очень удобны для наших либералов, если бы они не доводили их до абсурда. Если борьба труда против капитала не имеет значения в России, то почему же либералы не обращаются к трудовому народу России? Почему не об'единяют они его под своим знаменем? Но именно здесь и проявляется огромная разница между идеями наших русских либералов и идеями западных либералов.

Западные либералы говорят, что рабочий может много выиграть, живя в мире с капиталом.

Русские либералы ничего не говорят по этому поводу по той причине, что они отрицают самое существование пролетариата в России.

Говоря о народе, наши либералы имеют в виду только *крестьян*.

Но либеральные идеи не имеют влияния на крестьян; либералы это очень хорошо знают, и они не делают попыток привлечь крестьян на свою сторону.

Что же из этого следует? Так как крестьянин индифферентен, а пролетарий не существует, то остается надеяться только на самих либералов. Но эти господа лучше кого бы то ни было знают цену этой обманчивой надежды.

Вы знаете, граждане, что везде, где либеральные партии имели влияние на политическую жизнь своей страны, они обязаны были этим влиянием поддержке народа и в особенности пролетариата. Без этой ценной поддержки они теряют всю свою силу, потому что вдали от народа либеральная партия только штаб без армии, а штабы сами по себе не могут никому внушать страха.

Итак, закрывая глаза на революционную силу пролетариата, отрицая даже существование этого пролетариата, воздерживаясь, как от бесполезной, от всякой попытки сближения с рабочими массами наших больших городов, русский либерализм осуждает себя на полное бессилие.

Царизму нечего, таким образом, бояться подобного противника, и он в самом деле нисколько его не боится.

Наши реакционеры, которые по своим силам превосходят революционную партию, относятся с презрением к либералам. В насмешку они называют наших либералов *псевдо-либералами*. И они будут правы до тех пор, пока либералы будут игнорировать азбуку политической борьбы, состоящую в абсолютной необходимости сблизиться с рабочим населением наших больших городов.

Но они не могут понять этой *азбуки*, не отбросив предварительно всех старых идей о социальной жизни России.

Они знают русскую жизнь только в ее экономической статике,—они должны изучить ее с точки зрения экономического *движения*, узнать то, что *есть* и постоянно *растет* вместо того, чтобы восторгаться тем, что *было* когда-то и что теперь все более превращается в патриотическое воспоминание.

Изученная с этой точки зрения экономическая структура России совершенно отличается от той, которая была так дорога нашим реакционерам, нашим либералам и нашим бакунистам.

При Николае «Незабвенном» можно было еще противоставлять политическую экономию «святой» Руси политической экономии «гнилого» Запада.

Крепостное право, прикреплявшее русского крестьянина к земле, было непреодолимым препятствием для возникновения промышленного пролетариата; пути сообщения были в совершенно примитивном состоянии; промышленность и торговля были очень мало развиты; обмен еще не захватил сельского хозяйства крестьян.

И казалось, что тяжелая рука полицейской опеки делала совершенно невозможным всякое прогрессивное движение.

Но уже в то время проницательные люди понимали, что наш старый экономический строй не мог остаться неизменным.

К концу царствования Николая промышленность и торговля уже настолько развились, что даже министерство внутренних дел должно было констатировать несоответствие крепостного права экономическим интересам России.

После смерти Николая наступила эра реформ. Крымская война «доказала, что Россия, даже с чисто военной точки зрения, нуждается в железных дорогах и крупной промышленности. Правительство принялось, поэтому, заботиться о размножении класса капиталистов. Но этот класс не может существовать без пролетариата, и для образования

пролетариата пришлось произвести так называемое освобождение крестьян. За свою личную свободу крестьяне заплатили дворянству лучшей частью принадлежащей им земли. Того, что осталось, было слишком много, чтобы умереть с голоду, и слишком мало для жизни. Когда таким образом русская крестьянская община была подорвана в корне, новая крупная буржуазия старательно выращивалась в тепличной атмосфере железнодорожных привилегий, покровительственного тарифа и всяких других преимуществ. Всем этим как в городах, так и в деревнях, была произведена полнейшая социальная революция, при которой не могло замереть раз начавшееся умственное движение» *).

Эта социальная революция продолжается до настоящего времени. Число крестьян, бросающих свои земли или не имеющих необходимых средств для обработки ее, растет с ужасной быстротой. Статистика доказала, что число это доходит до 60% общего числа русских крестьян.

Мелкая сельская буржуазия безраздельно господствует над крестьянами, между тем как крупная буржуазия скупает земли дворянства, все более и более разоряющегося.

Исчезновение старого экономического строя дает полный простор развитию капитализма. Но он уже не удовлетворяется внутренним рынком.

Русская буржуазия нападает на иностранных капиталистов, которых она обвиняет в бесчестной конкуренции. Она старается открыть себе сбыт в Центральной Азии, в Персии, в Монголии, в Китае и даже в Абиссинии. Закаспийская железная дорога оказала большие услуги нашим промышленникам. Сибирская железная дорога окажет еще большие услуги. Одним словом, если император Николай был только царем солдат, то Александр II был царем буржуазии, и в этом отношении его сын верно следует примеру отца.

Как характерный признак нашего времени можно привести идеалы партии, называющей себя *русской партией или национальной партией*. В 1890 году член этой партии издал в Париже очень поучительную и очень интересную во многих отношениях книгу. Патриотический защитник царизма и православия старается просветить своих читателей-французов относительно прекрасных качеств истинного русского духа. Прекрасная тема для славянофильского красноречия! Но автор становится красноречивым только тогда, когда он говорит о будущности русской торговли. «По новому географическому положению,—говорит он,—

*) *Engels*, «La politique extérieure du zarisme russe».

Россия призвана служить естественным транзитом для продуктов азиатского материка и западных стран. Россия таким образом призвана стать в более или менее близком будущем необходимым посредником как в западной, так и в восточной торговле. В тот день, когда она доведет до сердца Китая строящуюся ныне железную дорогу, погибнут богатые мореходные и перевозочные компании, суда которых бороздят теперь восточные моря, под каким бы флагом они ни плавали, и в тот день Англия потеряет свой морской скипетр».

«Но чтобы достигнуть этой цели,—продолжает он,—недостаточно, чтобы какая-нибудь дорога из восточных губерний России проникла в Азию, надо еще, чтобы сеть дорог, даже и морских, соединилась с большой артерией. Это именно и подсказывает идею господства России в Черном море. Константинополь, как всем известно, по своему положению может послужить конторой и складочным местом для всей Азии» и т. д. *).

Таковы идеалы наших реакционеров. Вы видите, что даже частичное осуществление их стремлений сделало бы Россию опасной для Западной Европы, и в особенности для европейского пролетариата, не только ее пушками и штыками, но и ее промышленностью.

Наше правительство напрягает все свои силы для осуществления этой патриотической программы.

И благодаря этой умелой тактике наша промышленная и торговая буржуазия не переходит на сторону либеральной оппозиции, сторонники которой рекрутируются главным образом среди буржуазных идеологов «либеральных профессий».

Европейский пролетариат не может больше продолжать смотреть на Россию, как на страну, фигурирующую на международном рынке только сырыми продуктами земледелия. Не далеко уже то время, когда русская промышленность будет сильно конкурировать с западно-европейской промышленностью на рынках Востока. *И поэтому жизненные интересы социал-демократии всего мира тесно связаны с прогрессом русского рабочего движения.*

Появление в России значительного промышленного пролетариата есть социальный факт огромного исторического значения. Уже с начала нашего столетия много говорят об *европеизации России*. Не один славянофильский писатель стяжал себе литературные лавры оплакиванием этой европеизации. Но в течение долгого времени одно только

*) *Dowerine-Tchernoff*, L'esprit national russe sous Alexandre III. Paris 1890.

дворянство не противилось европейской культуре. Все другие классы, и в особенности крестьяне, вели совершенно азиатский образ жизни. В настоящее время европеизация захватывает *экономическую структуру* России, а следовательно, весь *русский народ*. С промышленным пролетариатом в первый раз в нашей истории появляется революционная сила, способная ниспровергнуть царизм и ввести нашу страну в великую семью цивилизованных народов. И мы можем без всякого преувеличения сказать, *что вся дальнейшая эволюция России зависит от умственного развития русского пролетариата*.

Русский крестьянин доброго старого времени не имел ничего общего с культурой и либеральными идеями Европы. Его невежество было самой лучшей основой царского деспотизма. *Русский пролетарий* старается учиться, усвоить себе европейскую культуру. Везде, где императорская инквизиция допускает существование народных библиотек, читатели рабочие являются толпами. И на каждом народном чтении приток слушателей так велик, что их негде поместить.

Очевидно, что все, что может служить делу народного образования, должно пройти через фильтр придирчивой цензуры. *Легальная* пропаганда сколько-нибудь прогрессивных политических идей совершенно невозможна. Чтобы печатать книги и брошюры против современного режима, приходится прибегать к тайным типографиям или же печатать их за границей. Само собой разумеется, что подобные издания можно распространять только тайно.

Это положение диктует революционной партии, ясно и логически, программу, которой она должна следовать.

Что нам необходимо, это—пропаганда социалистических идей среди рабочих и организация рабочих обществ с той же целью пропаганды и агитации.

Русский пролетарий не является новичком в революционном движении. Вы знаете, что именно рабочий взорвал императорский дворец в феврале 1880 г. Самая идея этого акта зародилась в рабочей группе. Вот уже двадцать лет, как революционные кружки не прекращают своего существования, несмотря на все усилия политической полиции.

Пока наши революционеры были проникнуты бакунистскими предрассудками, они не могли иметь большого влияния на пролетариат. Их взоры были обращены в прошедшее. Они и не подозревали революционной роли русского пролетариата.

Они презирают политические свободы, как буржуазный софизм. Если они случайно обращались к рабочим, то лишь для того, чтобы

звать их под знамя *«чисто-экономической»* революции. Приблизительно в начале 1879 г. тайное рабочее общество, *Северно-русский рабочий союз*, выпустило программу, в которой политические свободы были поставлены во главе требований русского пролетариата. Знаменитое революционное общество «Земля и Воля», состоявшее почти исключительно из бакунистов, более или менее «интеллигентных», сочло своим долгом бороться против «буржуазных» тенденций рабочего союза.

В России, как и во всем мире, рабочее движение может процветать только под знаменем *научного социализма*, т.-е. под знаменем *социал-демократии*.

Социал-демократия ни в коем случае не относится индифферентно к политическим свободам. Русская социал-демократия убеждена, что *именно к завоеванию этих свобод должны быть направлены первые усилия рабочей партии в России.*

Партия, которая рекрутировалась главным образом среди «интеллигенции», не могла ниспровергнуть царизм. Она не была даже достаточно сильна, чтобы напасть на него в решительном бою. Террористическая борьба, эта *партизанская* война, диктовалась ей неизбежным образом. Вступление в борьбу промышленного пролетариата дает возможность итти *дальше*. Отныне опасность будет грозить уже не *личности*, сидящей на царском троне, угроза будет направлена против существования самого трона.

Такова наша программа, дорогие граждане. Мы поставили себе обязанность покрыть всю Россию сетью рабочих обществ. До тех пор, пока цель эта не будет достигнута, мы будем воздерживаться от участия в ваших заседаниях. До того момента всякое представительство русской социал-демократии было бы фиктивно.

А мы не желаем фикций.

Мы убеждены, что в скором времени наше воздержание не будет больше иметь оснований. Очень возможно, что на следующем международном конгрессе вы увидите среди вас действительных представителей русских рабочих.

Пока же, мы думаем, что вы все, без различия национальности, пожелаете нам доброго успеха.

Да здравствует социал-демократия!

Да здравствует союз пролетариев всех стран!

За редакцию «Социал-Демократ»:

Г. Плеханов. В. Засулич.

ДОКЛАД, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ РУССКИМИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАБОЧЕМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ В ЛОНДОНЕ В 1896 ГОДУ

От издателей*)

Настоящий доклад был для конгресса напечатан на немецком и английском языках и роздан в большом количестве экземпляров делегатам всех национальностей. Издавая теперь русский подлинник, мы считаем нужным предпослать ему несколько слов о приеме, оказанном международным конгрессом представителям русского рабочего класса, и о значении этого приема.

Заседавший в Лондоне в июле 1896 года международный рабочий социалистический конгресс был первым, на который явились представители организованного русского пролетариата. Рабочие десяти русских городов пожелали через своих представителей заявить, что и они присоединяются к борющейся за свое освобождение мировой армии рабочих. Представители всемирного пролетариата оценили значение этого первого появления русского рабочего на международном социалистическом конгрессе. Россия—единственное большое и сильное государство в Европе, в котором рабочие не только экономически угнетены, но и не пользуются никакими политическими правами для борьбы за лучшее будущее. В России государственный закон и государственная власть требуют от рабочего класса полного безмолвия и безусловной покорности и жестоко преследуют всякую его организацию. В России неограниченно царит воля царя и его чиновников, а творит эта воля то, что ей предписывают интересы дворян и капиталистов.

Западные народы также на собственном теле испытали благодеяния царского самодержавия. Дорогой ценой бесчисленных человеческих жертв смели они это препятствие на пути к конечному торжеству рабочего класса. Представители их хорошо поняли, как тяжела для русских рабочих борьба против самодержавия царя и поли-

*) Доклад был издан «Союзом Русских Социал-демократов».

ции. Но русское самодержавие гнетет не только русский народ. Все те, кто на Западе с ужасом смотрят на возрастающее влияние рабочего класса, видят в русском самодержавии сильнейший оплот против этой новой силы, грозящей положить конец всякому угнетению и всякой эксплоатации. Русское самодержавие—живая угроза европейской свободе. Его падение—заветное желание европейской демократии, борьба с ним—настоятельная задача мирового пролетариата.

Вот почему лондонский конгресс единогласно и восторженно принял следующую резолюцию:

«Конгресс считает нужным указать на чрезвычайно важный и небывалый до сих пор факт присутствия представителей от русских рабочих организаций на международном с'езде. Он приветствует пробуждение русского пролетариата к самостоятельной жизни и от имени борющихся рабочих всех стран желает русским братьям мужества и непоколебимой бодрости в их тяжелой борьбе против политической и экономической тирании. В организации русского пролетариата конгресс видит лучшую гарантию против царской власти, являющейся одной из последних опор европейской реакции».

Это заявление представителей рабочего класса всего мира наглядно показывает, какое огромное значение они придают вступлению русских рабочих в ряды освободительной армии, какие надежды возлагаются на них европейско-американскими братьями. Обязанность передовых слоев нашего пролетариата—направить все свои силы и всю свою энергию на то, чтобы возможно скорее оправдать эти надежды. Восторженное сочувствие, выраженное Лондонским конгрессом освободительным усилиям русских рабочих, пусть послужит им источником ободрения на их трудном пути. Сознание тесной связи с миллионами борющихся братьев на Западе будет придавать им новые силы в борьбе за свободу и равенство.

Доклад

Дорогие товарищи!

В докладе, представленном от имени редакции журнала «Социал-демократ» международному социалистическому конгрессу в Брюселле, сказано (стр. 15):

«Мы считаем своим долгом покрыть Россию сетью рабочих кружков. Пока эта цель не будет достигнута, мы не будем прини-

мать участие в ваших конгрессах: до этого момента всякое представительство русской социал-демократии было бы фикцией».

В настоящее время мы можем с законной гордостью сказать, что эта задача отчасти исполнена. Первые, самые трудные шаги на поприще организации русского рабочего класса уже сделаны, по крайней мере—местами. И вот почему русская социал-демократическая делегация является на международном рабочем конгрессе нынешнего года более многочисленной, чем когда-либо прежде.

Чтобы дать вам хоть некоторое понятие о том, как приходится нам вести свое дело и с какими трудностями мы встречаемся почти на каждом шагу, мы укажем прежде всего на то, что происходило и происходит в столице русской империи, С.-Петербурге.

В течение всего десятилетия 80-х годов рабочее движение тлело в многочисленных, но разрозненных рабочих кружках, где велась социал-демократическая пропаганда. То усиливаясь, то опять затихая, терпя огромные потери и опять, как феникс, возрождаясь из пепла, эта пропаганда велась с переменным успехом, не выходя за пределы кружков, вплоть до самого последнего времени, т.-е. до осени 1895 года. Только в этом году разрозненнные дотоле группы нашли возможным слиться в одну организацию, принявшую название: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», только с этого времени удалось социал-демократам С.-Петербурга выйти на широкую арену массовой агитации. Образование союзов и касс взаимопомощи на случай стачек, с одной стороны, выработка сознательных агитаторов—с другой, наконец, массовая агитация путем воззваний, распространения брошюр, формулирования требований рабочих различных мастерских, фабрик и заводов, с третьей,—таковы в немногих словах ближайшие, практические задачи, поставленные себе «Союзом».

Условия, в которые поставлен названный «Союз» русской действительностью, дают нам возможность говорить с некоторою определенностью лишь об этой последней публичной стороне его деятельности.

Периодическое, массовое появление летучих листков было в Петербурге явлением давно не виданным и основательно позабытым даже русской полицией. Тем большее впечатление производили воззвания «Союза», с ноября месяца появляющиеся массами во всех концах Петербурга. Прокламации, разбросанные в тысячах экземпляров в рабочих кварталах на улицах, приклеенные в виде афиш на столбах, рассеянные в мастерских и на фабриках,—производили удру-

чающее впечатление как на г.г. фабрикантов, так и на местную администрацию, прилагавшую крайние усилия, дабы искоренить крамолу. Хватались представители так называемой «интеллигенции», высылались на родину десятками и сотнями заподозренные рабочие, но ничто не помогало. Листки появлялись немедленно вслед за арестами, как бы дразня своим появлением ретивых слуг царского правительства.

Отличительная черта этих воззваний «Союза» — их конкретный, практический характер. Каждое из этих воззваний имело дело с определенным злоупотреблением со стороны фабриканта, с определенным произволом администрации, каждое из них, опираясь на подробности данного случая, имело целью формулировать требования рабочих, развить в них классовое самосознание, показать противоположность их интересов интересам капиталистов, показать, наконец, что царское правительство являлось и является во всех случаях усердным слугою буржуазии, усердным гасителем всякого сознательного движения русского пролетариата. Почва, которую приходилось культивировать петербургской социал-демократической организации, была полна жизненных соков; само уже появление «Союза» служило знаменательным симптомом пробуждения петербургского пролетариата; неудивительно, что результаты планомерной деятельности «Союза» не замедлили сказаться. Зима 1895–1896 года в Петербурге была богата, как никогда, стачками и волнениями рабочих, полна той жизни, которая характеризует проснувшееся сознание рабочих масс.

В ноябре прошлого года вспыхивает стачка на суконной фабрике Торнтона; рабочие выставляют требования, формулируемые «Союзом» в массе разбросанных прокламаций; запуганный фабрикант и растерявшаяся полиция спешат удовлетворить требования негодующих рабочих. Почти одновременно волнуются и забастовывают папиросницы на табачной фабрике Лаферма. Начавшееся было стихийно. движение принимает, благодаря «Союзу», более рациональные формы; опять выставляются требования, и опять их спешат удовлетворить во избежание дальнейших «недоразумений». Месяц спустя происходит забастовка на фабрике Т-ва механического производства обуви. Возникает стачка на лесопильне Лебедева. Волнуются рабочие Путиловского завода, происходят неприятные для администрации об'яснения на бумагопрядильне Кенига. В январе месяце успешно и быстро заканчивается стачка на бумагопрядильне Воронина (на острове Резвом); наконец, появившиеся листки вызывают волнение среди рабочих «Нового Адмиралтейства».

Одно уж появление листков заставляет итти на уступки администрацию казенного Александровского чугунного завода, а угрозы забастовки вторично сламывают упорство г. Воронина, хозяина уже упомянутой нами мануфактуры.

Таково было положение дел к началу мая 1896 г. Только что отмеченные стачки произведены были рабочими различных отраслей производства и по различным поводам. Нетрудно, однако, уловить несколько общих, типичных черт в требованиях, выставленных стачечниками. В огромном большинстве случаев рабочие протестуют против прямых нарушений со стороны фабричной администрации закона, т.-е. тех или других статей того самого законодательства, которое, вообще говоря, ставит рабочего в прямую зависимость от хозяина.

Рабочие требуют, во-первых, точного исполнения закона: они стараются, во-вторых, удержать за собой прежний уровень заработной платы, сохранить status quo и противодействовать понижательному движению в ценах на рабочие руки.

Иллюстрируем сказанное.

Чего требуют, напр., забастовавшие рабочие фабрики Торнтона? Они требуют, как говорилось в одном из листков, чтобы исполнялся «закон о том, что рабочему должна быть перед началом работы об'явлена величина того заработка, на который он идет», они требуют, чтобы фабричный инспектор следил за тем, «чтобы в расценках не было обмана, чтобы они не были двойными».

Или вот, волнуются рабочие так называемого «Нового Адмиралтейства». Почему? Дело в том, что начальник порта адмирал Верховский издает распоряжение о выдаче рабочим платы раз в месяц, а закон, между тем, с совершенной ясностью гласит: «при найме рабочих на срок неопределенный выдача заработной платы должна производиться не реже двух раз в месяц».

Вскоре после окончания стачки на табачной фабрике Лаферма (в начале декабря 1895 г.) фабричная инспекция должна была признать правильность требований работниц, стоявших на почве закона, и заявить в циркуляре, напечатанном в русских газетах 20-го декабря 1895 года и разосланном табачным фабрикантам, что «жалобы работниц верны», и что «нельзя произвольно браковать товар. Если хозяин признает товар негодным, то он не имеет права из-за нескольких испорченных папирос браковать всю сотню. Такая браковка совершенно произвольна. Только за испорченные папиросы (от не-

брежной или неумелой работы) хозяин может налагать штраф по табели, порчу же материалов взыскивать только по суду» и т. д.

Таковы же по своему характеру главнейшие из требований, выставленных рабочими на Калинкинской мануфактуре, на бумагопрядильне Кенига, на мануфактуре Воронина, на Александровском чугунном заводе и т. д.

Мы говорили уже о другой общей черте в требованиях петербургских рабочих—о стремлении их сохранить существующий или вернуть недавно бывший размер заработной платы.

Таковы крайне умеренные требования петербургских рабочих. А между тем, надо вспомнить, сколь малым приходится довольствоваться теперь русскому пролетарию. Здесь не место давать характеристику его экономического положения, отметим только две-три цифры, почерпнутые нами из петербургской литературы «воззваний». Когда ткачи фабрики Торнтона, измученные нуждою, потеряв всякое терпение, устроили вышеупомянутую стачку, многие из них, благодаря затишью в производстве, зарабатывали не более семи рублей в месяц,—цифра, невероятная для рабочего западно-европейской крупной капиталистической промышленности.

Когда, в начале мая, во время грандиозной стачки петербургских бумагопрядилен, господствовало возбуждение на так называемой Русско-американской резиновой мануфактуре, расходившиеся среди рабочих листки указывали, между прочим, на то. что какой-нибудь вальцовщик при 11 часовом рабочем дне, при работе, которая по прошествии немногих лет вызывает кровохарканье, зарабатывает всего на всего 65 коп. в день. Существование невероятно низкого уровня заработной платы признают, в откровенную минуту, даже представители русской администрации. Во время «усмирения» стачки на фабрике Лаферма, когда папиросницы, жалобы которых циркуляр фабричной инспекции признал «верными», положение же «очень бедственным», когда эти самые папиросницы обливались, по приказанию начальника полиции, из пожарных насосов, этот самый воинственный градоправитель имел наглость, признав всю недостаточность заработка работниц, посоветовать им в виде подспорья заняться проституцией.

Придавленное страшной нуждой, эксплоатируемое самым наглым образом, третируемое полицией, еще неорганизованное большинство петербургских рабочих чутко прислушивалось к голосам своих организованных, сознательных товарищей. То здесь, то там вспыхивали и пожаром разгорались волнения рабочих, стоило лишь появиться

листку социал-демократической организации. Фабрикант, как мы уже не раз видели, спешил в тревоге делать уступки, а царская полиция с лихорадочной поспешностью принималась за «оздоровление атмосферы», за удаление неблагонадежных элементов, льстя себя надеждой, что ей удастся дезорганизовать, разгромить, стереть с лица земли ненавистный «Союз».

С начала декабря прошлого года правительство предпринимает целый поход против невидимых «злоумышленников».

В ночь с 8-го на 9-ое декабря схвачено было несколько десятков «подозрительных» для полиции лиц как из среды так называемой «интеллигенции», так и из среды рабочих. Полиция торжествовала, полагая, что держит в руках «вожаков» движения. И что же? Немедленно после этих арестов появилась прокламация «Союза», разбросанная на массе фабрик и предупредительно посланная господам представителям власти. В ней «Союз» заявлял, что полиция «ошиблась в адресе», возвещал о новых стачках и заканчивал ее следующими словами, смысл и значение которых русское правительство оценило лишь впоследствии: «арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капиталистов». С этих пор начинается своего рода поединок между петербургской полицией и организацией «Союза». Обозленные жандармы хватают направо и налево. Единичные аресты продолжаются в течение всего декабря, в январе происходят массовые обыски, аресты, высылки, и затем не проходит недели, чтобы не вылавливался из рабочей массы тот или другой заподозренный в сношениях с «Союзом» рабочий.

А издание прокламаций, раскрывающих глаза рабочим на капиталистическую эксплоатацию, на своеволие царских слуг идет своим чередом, непрерывно подымая бодрость и веру пролетария в свои силы, внося тревогу и страх в сердца предпринимателей.

Наконец, царское правительство считает нужным, устами своего министра финансов, г. Витте, забить тревогу—министр издает секретный циркуляр, невзначай попадающий на страницы центрального органа немецких соц.-демократов, а затем и в русские газеты; в нем он призывает фабричных инспекторов блюсти за сохранением патриархального строя отношений, яко бы существующего на русских фабриках, предостерегает самих рабочих от козней подстрекателей—этих, по словам циркуляра, злейших врагов рабочего класса.

Опубликованный циркуляр, распространенный «Союзом» в рабочей среде, уничтожил последние следы и без того слабого престижа русского фабричного инспектора, он раскрыл его двусмысленную роль будто бы зашитника интересов рабочего, разоблачил его сущность безгласного слуги абсолютизма, заигрывающего с буржуазией. «Союз» вообще не упускал случая дискредитировать в глазах рабочего царское правительство, показать рабочему, что в борьбе за лучшее будущее он должен расчитывать лишь на свои собственные силы. Первого мая настоящего года «Союз» издал прокламацию, выясняющую рабочим значение всемирного рабочего праздника. Жадно хватается петербургский рабочий за печатное слово и нарасхват читает он листок, говорящий о том, каких успехов достигли рабочие других стран, благодаря упорной борьбе, благодаря стройной организации,

Кроме листков, написанных по определенному поводу, «Союз» распространял еще массами брошюры и всякого рода издания, частью привезенные из-за границы, частью напечатанные в тайных типографиях в самой России. При этом следует, однако, заметить, что спрос на печатное слово значительно превышает предложение, что «Союз» при всем старании не был в силах удовлетворять растущей потребности рабочего в знании при тех невыносимо тягостных условиях, в которые ставили его вечные репрессалии русского правительства.

Усилия петербургских социал-демократов не пропали даром: брошенные семена дали богатую жатву. В среде рабочих создалась атмосфера, насыщенная духом недовольства и протеста. При таких-то условиях возникла и разрослась колоссальная (на русскую мерку) стачка почти всех петербургских бумагопрядилен, стачка, сыгравшая крупнейшую роль в истории не только петербургского, но и всего русского рабочего движения.

Как известно, русские промышленники, не без приятности приютившиеся под сенью русской протекционной системы, все без исключения—«патриоты своего отечества», пользующиеся всякой оказией для выражения своих верноподданнических чувств. «Патриотами» явились они и во время недавних коронационных торжеств. Их «патриотизм», однако, быстро иссяк, когда дело дошло до реальных, хотя и незначительных жертв, когда дело коснулось до их туго набитого кошелька. Почтенные представители русской промышленности—по крайней мере многие из них,—наотрез отказались удовлетворить требования рабочих, настаивавших на получении платы за коронационные дни, которые они «прогуляли» не по собственной вине. Та-

кой отказ получили, между прочим, рабочие так называемой Екатерингофской мануфактуры, расположенной на одной из окраин Петербурга. Рабочие этой мануфактуры обратились за помощью к другим бумагопрядильням и послали к ним своих делегатов. Рабочие целого ряда бумагопрядилен горячо отозвались на этот призыв; было постановлено представителям разных фабрик собраться на сходку и формулировать общие всех бумагопрядилен требования. В конце мая состоялось в Екатерингофском парке собрание делегатов; присутствовало на нем человек сто—явление, совершенно необычайное для Петербурга и поражающее всякого, хоть немного знакомого с полицейским режимом русского государства. На этой сходке под открытым небом были выставлены общие требования всех занятых в бумагопрядильнях рабочих, они были затем формулированы в прокламации, изданной «Союзом» и распространенной в огромном количестве по всему Петербургу. Затем началась стачка.

Приводим текст этой прокламации, подписанной «Союзом» 30-го мая и озаглавленной: «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен».

«Мы хотим,

1. чтобы рабочий день у нас везде продолжался от 7 час. утра до 7 час. вечера, вместо теперешних от 6 ч. утра до 8 час. вечера.

2. Чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался $10^1/_2$ ч. вместо 12;

3. чтобы расценки везде были повышены на одну коп., и где можно, на две коп. против нынешних;

4. чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 ч.:

5. чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени;

6. чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно и во-время, а не оттягивали;

7. чтобы было сполна заплачено за коронационные дни».

В течение нескольких дней стачка охватила 17 бумагопрядилен, вскоре примкнуло еще 4, и таким образом, за ничтожными исключениями, все петербургские бумагопрядильни прекратили работу. В стачку вовлечено было от 30 до 40 тысяч рабочих.

Впечатление от стачки получилось потрясающее. Петербургское буржуазно-чиновничье общество, ошеломленное неожиданным для него явлением, задавало себе вопрос: неужели и у нас на Руси есть рабочий вопрос, неужели и у нас проснулся беспокойный дух пролетария,

не дающий спать «гнилому Западу»? В особенное недоумение приводило петербургского обывателя необычайное спокойствие, дисциплина забастовавшей массы рабочих. Патрули казаков и усиленные патрули полицейских передвигались в рабочих кварталах среди пустынных улиц, на которых не было слышно даже обычного шума и гама. Там, где собиралась толпа и говорились речи, единичные призывы к насилию встречали отпор со стороны сознательных рабочих. Толпа была спокойна даже тогда, когда тот или другой местный полицейский чин обращался к ней с речами, выхвалявшими заслуги фабрикантов, якобы в поте лица своего трудящихся на общую пользу. Изумленный Петербург в первый раз громко заговорил о рабочем движении: стачку обсуждали, ее защищали, на нее нападали, о ней толковали все, она у всех была на устах, даже у тех, кому впервые приходилось обращать внимание на подобного рода вопросы. А представители власти, между тем, не теряли времени: созвано было экстренное собрание фабричного присутствия, на котором обсуждался вопрос, что делать; министр финансов конфиденциально сообщил фабрикантам о готовности правительства поддержать их; градоначальник обращался к рабочим с печатными воззваниями, тон которых заметно понижался, по мере того, как стачка затягивалась, а рабочие продолжали сохранять спокойствие, на зло и удивление полиции. Положение становилось угрожающим. Стачечное настроение заразительно. Ходили слухи, что рабочие Путиловского и некоторых других металлических заводов не сегодня-завтра бросят работу,—а это было равносильно увеличению числа стачечников еще на несколько десятков тысяч. На писчебумажной фабрике Варгунина было неспокойно. На Александровском чугунном заводе рабочие уже забастовали; но начальство поспешило их успокоить, пообещав выполнить их требования. На огромной резиновой мануфактуре ходили листки и вызывали волнение. Нужно было покончить со стачкой во что бы то ни стало. Тем более, что—неслыханное дело!—из-за стачки сам царь откладывал свой торжественный в'езд в Петербург.

И вот, были приняты самые радикальные средства. В иных местах градоначальник обращался лично к рабочим (как это было на фабрике Кенига) с увещаниями, обещая после рассмотреть их требования, удовлетворить, насколько это будет «возможно», только бы теперь, перед в'ездом царя, они перестали «бунтовать». Где не помогали меры «кротости», действовали иначе. Фабричные дворы были оцеплены солдатами, к рабочим, оставшимся дома, врывалась полиция и

спрашивала каждого из них по одиночке,—желают ли они возобновить работу или нет. Нежелающие немедленно арестовывались, сажались в тюрьму, высылались. Излишне прибавлять, что фабрики были наводнены шпионами, как это, впрочем, вообще в обычае у русской полиции. Но главные удары, по мнению властей, должны были быть направлены против «Союза», против той организации, которая заявляла во время стачки о своем существовании бесчисленными прокламациями. Возобновились аресты, хватались опять «интеллигенты», почему-либо возбуждавшие подозрение полиции.

Не имея достаточно материальных средств, чтобы долго держаться, под гнетом страшных репрессий, терроризовавших население, рабочие начали понемногу приниматься за работу, стачка постепенно затихала и, наконец, совсем прекратилась.

Министр финансов издал воззвание: указывая на противозаконность стачек, которые вызываются подстрекательствами «злонамеренных людей», г. Витте говорит в лицо рабочим наглую ложь, что «правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих». Русские рабочие, конечно, хорошо знают, что соглашение и союзы рабочих, что нарушение контракта и стачка по русским уголовным законам преступны, но петербургский пролетариат под руководством «Союза» и задается как раз преступною целью сломить эти возмутительные, противные культуре и человеческому достоинству законы, в которых так ярко выражается одинаковая забота самодержавного правительства о хозяевах и рабочих.

Каков, спросят нас, результат стачки, что дала она, если вообще дала что-нибудь петербургскому рабочему? Некоторые требования рабочих были удовлетворены, другие было обещано рассмотреть впоследствии. Это немного. Но не в этом смысл и великое значение только что закончившейся стачки. Нам важен и дорог ее поистине огромный нравственный результат. Она служила живым свидетельством того, что русский рабочий умеет дружно и стойко стоять за свои интересы, что он способен к дисциплине, к организации, вызывающей слова удивления у злейших врагов его.

Стачка была, и это главное, живым уроком самому рабочему. Постоянные столкновения с полицией чрезвычайно наглядно и чувствительно показали ему его бессилие в нынешнем русском государстве; он понял, что за спиной капитализма стоит другой враг—русское самодержавие; он понял, что ему нужно прежде всего и больше, чем кому бы то ни было, добиваться политической свободы. Фактически

политический вопрос всплыл во время стачки на поверхность русской общественной жизни. О нем-то и говорил «Союз», обращаясь в своем воззвании к представителям русского общества и заявляя им, что все те, кто являются в русском обществе действительными, а не мнимыми врагами самодержавия, должны всеми зависящими от них средствами поддерживать начинающееся массовое движение русского пролетариата.

То, что происходило в Петербурге, совершалось в общих чертах, хотя и в меньших размерах, и в других центрах русской общественной и промышленной жизни.

Так, весною 1895 года прекращают работу из-за неудовольствий с администрацией рабочие железнодорожного депо на Московско-курском вокзале. В двадцатых числах мая того же года волнуются рабочие на ткацкой фабрике Прохорова в Москве; в июне происходит столкновение рабочих с казаками и полицией на фабрике Мазурина и Герасимовых в Кускове под Москвою; в том же июне вспыхивает стачка рабочих в складе товарищества К. и С. Поповых. Наши московские товарищи, подобно петербургским, пользуются всеми явлениями этого рода для выяснения рабочему классу его современного положения и его задач в будущем. Так, по поводу недавней петербургской стачки центральный комитет московского рабочего союза выпустил две прокламации, в которых приглашал московских рабочих оказать дружную поддержку их петербургским братьям.

В мае 1895 г. стачка рабочих на фабрике Карзинкина в Ярославле (на этой фабрике работало 7.579 человек: 4.238 мужчин, 3.028 женщин, 111 мальчиков и 22 девочки), к сожалению, вызвала целое кровопролитие: офицеры Петров и Калугин напали со своими солдатами на одну, до тех пор совершенно мирную, группу стачечников, а когда неожиданно аттакованные рабочие стали защищаться камнями, они приказали сделать залп, после которого на месте столкновения оказалось три убитых (в том числе один ребенок и одна женщина) и 18 раненых *).

Подобное же столкновение рабочих с войсками едва не произошло в большом фабричном селе Тейково близ города Иваново-Вознесенска Влад. губ., весною 1895 г., на фабрике Каретниковых. Рабочие, в числе 5.000 чел., собрались на фабричном дворе и вступили в шумные об'-

*) Убийцы-офицеры получили за свой подвиг „Высочайшую" благодарность: император Николай заявил, что он «весьма доволен стойким и спокойным поведением войск во время фабричных беспорядков».

яснения с англичанином-директором. Перепуганный директор выстрелил в рабочих из револьвера, что и послужило сигналом к его гибели: он был немедленно сбит с ног и буквально растерзан ожесточенной толпою. Местная полиция телеграфировала об этом происшествии в губернский город Владимир, откуда немедленно выступили в Тейково казаки и пехота. К счастью, кровавое столкновение было предотвращено благоразумием г г. Каретниковых: они уступили требованиям рабочих; работы немедленно возобновились, и администрации осталось лишь начать полное грубого произвола следствие об убийстве директора.

Не мало насилий со стороны администрации было и во время стачки на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры в октябре того же года. Эта стачка окончилась, повидимому, торжеством предпринимателей; после двух недель борьбы рабочие вынуждены были взяться за работу. Но дружный отпор, данный ими предпринимателям, все-таки не остался без последствий. Опасаясь новых волнений, фабричный инспектор убедил товарищество несколько повысить заработную плату.

В Нижнем Новгороде местный социал-демократический союз должен был зимою 1895—1896 г. вступить в борьбу с особого рода подрядной системой найма рабочих и расплаты с ними, практиковавшейся на механ. зав. тов. «Добров и Набгольц.» Воззвание, с которым нижегородский соц.-демократический союз обратился к рабочим «Доброва и Набгольца» произвело очень сильное впечатление на рабочих и большой переполох в среде заводской администрации и полиции. Под его влиянием некоторые из самых вопиющих злоупотреблений, имевших место на названном заводе, прекратились, хотя, может быть, и не надолго.

На юге России пробуждение классового сознания рабочего класса идет не менее быстро, чем на севере. Там тоже нет ни одного крупного промышленного центра, в котором последние два-три года не ознаменовались бы стачками и иными проявлениями растущего недовольства пролетариата. Так, уже в 1893 и 1894 г.г. полиция Ростова-на-Дону имела много хлопот с рабочими железнодорожного депо Владикавказской дороги, которые требовали (в марте 1894 года) повышения заработной платы и сокращения рабочего дня и вообще оказались весьма «неблагонадежными» *).

*) В марте 1894 года полиция выслала из Ростова на/Дону административным порядком около 200 рабочих. Другие были посажены в тюрьмы под предлогом «политического преступления». Один из арестованных, рабочий Шамуров, был доведен до сумасшествия.

В Екатеринославе летом 1895 года полиция напала на след социал - демократической пропаганды на рельсопрокатном Южно-Александровском заводе. Уже тогда арестовано было 16 рабочих. Эти аресты возобновились зимою 1895—1896 года, и тогда наши екатеринославские товарищи пострадали очень сильно; арестовано было на разных фабриках и заводах около 100 ч.; кроме того, многие рабочие, заподозренные в социалистическом образе мыслей, были лишены заработка, т.-е. осуждены чуть не на голодную смерть.

Но едва ли не быстрее, чем в других центрах русского юга, идет вперед пробуждение классового самосознания пролетариата Одессы. Минуя множество мелких фактов, мы укажем на то, что в этой столице Новороссии в течение долгого времени рабочие собирались на правильные собрания в одном из местных ресторанов. На этих собраниях была выработана «программа южно-русских рабочих». Полиция узнала об этих собраниях и в один день арестовала двести человек, которые потом обвинялись в составлении тайного общества, имеющего целью вести агитацию среди рабочих законными и незаконными средствами. Но с этими арестами не прекратилось рабочее движение в Одессе. В июле того же года полиция сочла нужным закрыть три ресторана и один трактир, где происходили тайные собрания рабочих, и произвести много арестов в городе. В декабре того же года опять произошли аресты. Все арестованные обвиняются в социалистической пропаганде.

Переходя на запад России, мы с особенным удовольствием указываем нашим иностранным товарищам на успехи социал-демократической пропаганды между евреями, составляющими весьма значительную, а иногда и преобладающую часть населения в городах и местечках этого края. В этой местности фабрично-заводская промышленность развита слабо, там преобладает мелкий ремесленный труд, на почве которого вырастают своеобразные виды эксплоатации и которым занимаются по преимуществу бедные евреи. Эти парии русской земли, не имеющие даже тех жалких прав, которыми обладает христианское население, «обыватели» России, обнаружили в борьбе со своими эксплоататорами столько стойкости и столько чуткости в понимании социально-политических задач современного рабочего движения, что их в некотором отношении можно считать авангардом рабочей армии в России *).

*) Укажем на то, что наш товарищ Плеханов является на лондонском конгрессе представителем, между прочим, тысячи организованных рабочих одного из городов западной России.

До какой степени ясно сознание передовых представителей еврейского социал-демократического движения, покажут несколько строк, выписанных нами из брошюры, изданной по поводу стачки на табачной фабрике одного из западно-русских городов:

«Нет единого еврейского народа, внутри его имеется два народа, два враждебных класса, и борьба этих классов дошла до таких размеров, что ее не может уже погасить ни уважение к синагоге и духовенству, ни грозная власть начальства».

И далее.

«Нам ли сожалеть об этом? Нам ли стараться помешать этому? Ведь мы только в этой борьбе с капиталистами почувствовали себя людьми, только на этой борьбе научились понимать свои интересы, только в этой ненависти к капиталу мы воспитали в себе любовь и братское чувство к своим товарищам по страданиям, ведь только из этого раскола между капиталом и трудом выросло наше сознание, в этой борьбе оно развилось и окрепло. Нам ли жалеть о тех старых временах, когда невежественные, презираемые и ненавидимые снизу, оплевываемые и притесняемые сверху, евреи влачили жизнь дикарей, вечно трясущихся за свое жалкое существование, вечно ожидающих грозы? Нам ли жалеть о потере связи между еврейским бедняком и еврейским магнатом, когда мы вместо нее приобрели связь, соединяющую нас с рабочими русскими, польскими, литвинскими, с рабочими всех стран? Будущее несет нам укрепление этой связи, рост нашей силы и нашего сознания,—чего же нам жалеть о темном прошедшем, без борьбы, без раскола, но за то и без жизни?»

Эти строки не нуждаются в комментариях.

Как на яркий признак пробуждения сознания русского рабочего класса укажем, наконец, на тот интерес, с которым читаются нашими рабочими все попадающие в русские газеты известия о движении западно-европейского пролетариата, на празднование первого мая, которое происходит на тайных собраниях русских рабочих, и на те приветствия, с которыми рабочие Петербурга и Москвы обратились в нынешнем году к французскому пролетариату по поводу празднования памяти Парижской Коммуны. На общей могиле борцов Коммуны на кладбище Père-Lachaise, между другими многочисленными венками были также венки от русских рабочих Москвы и Петербурга и от еврейских рабочих организаций западной России.

Таково, товарищи, положение рабочего движения в нашем отечестве. Мы указываем вам на него, ничего не увеличивая, но и не скры-

вая тех чувств гордости и надежды, которыми наполняются наши сердца при виде его, пока еще скромных, но все таки совершенно несомненных и многознаменательных успехов. Мы твердо верим, что раз начавшееся у нас рабочее движение будет быстро расти и развиваться. На парижском международном рабочем социалистическом конгрессе 1889 года наш товарищ Плеханов сказал, между прочим, что революционное движение в России восторжествует как рабочее движение, или совсем не восторжествует. В то время его слова казались сомнительными многим представителям нашей оппозиционной и даже радикальной «интеллигенции», В настоящее время все более и более становится ясным, что движение в среде наших рабочих есть единственное истинно-революционное движение в современной России. Все, что находится вне его, не может иметь серьезного самостоятельного значения. Борьба против абсолютизма сделается победоносной только тогда, когда идеи политической свободы широкою волною проникнут в массу рабочего народа. Мы убеждены, что это время уже недалеко, что, следовательно, не далек и тот момент, когда падет русское самодержавие, этот последний и некогда самый надежный оплот европейской реакции.

Не желая, однако, ни обольщать самих себя, ни вводить в заблуждение наших западных товарищей, повторяем, что нами сделаны только первые, правда, самые трудные шаги на пути тайной организации революционных сил русского пролетариата.

Между тайными социал-демократическими организациями, действующими в различных местностях России, пока еще нет достаточной связи, а в их действиях—иногда и надлежащего единства. Создание такой связи и такого единства,—основание в России единой и нераздельной социал-демократической организации—должно составить главную цель наших усилий в ближайшем будущем.

4984.